

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

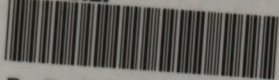
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

0-23

Образование.
1898г. №10

№4326 ж.оп.

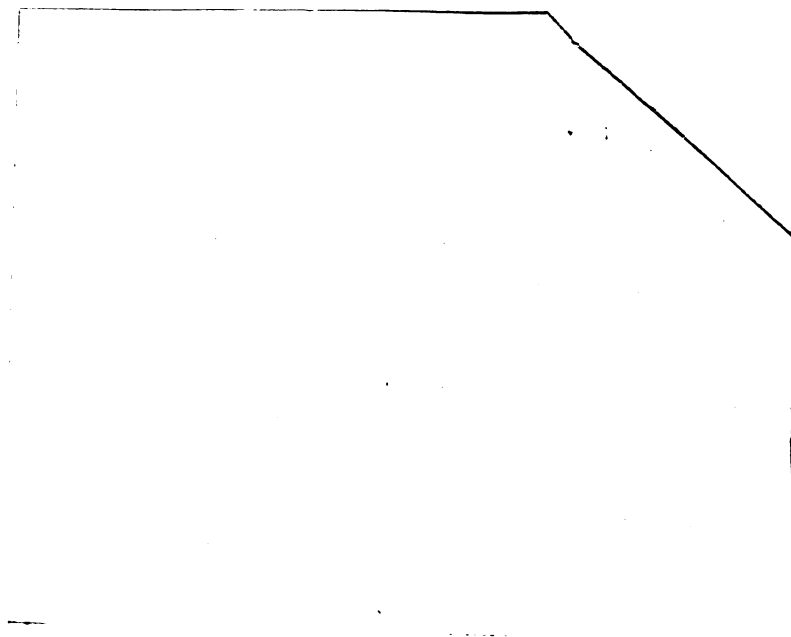
UC-NRLF

B 2 984 344

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

1959

Редакція, контора и книжный складъ журнала «Образованіе»
переведены на Загородный пр. д. 28.

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

ОКТЯБРЬ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъявская 15.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ № 10

	Стран.
1. Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова. (Продолженіе) <i>А. Коллонтай</i>	1— 19
2. Владиміръ Короленко. <i>М. Плотишкова</i>	20— 34
3. Очеркъ соціального развитія Англіи до XVIII вѣка (Продолженіе). <i>А. Дреллима</i>	35— 46
4. Еще о модныхъ увлеченіяхъ въ области народнаго образованія ***	47— 59
5. Кое что о педагогическихъ выставкахъ. <i>В. Воскресенскаго</i>	60— 69
6. Л. Н. Толстой. <i>П. Морозова</i>	70— 80
7. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. <i>А. Горбунова</i>	81— 94
8. Одна изъ бурныхъ натуръ реформаціонной эпохи. <i>В. Ивановскаго</i>	95—110
9. Что долженъ дать школьный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ? <i>Я. Галлякина</i>	111—125
10. Исторія позитивной философіи <i>проф. Г. Геффтима</i> . (Продолженіе) перев. съ нѣмецк. <i>Д. Викторова</i>	126—140
11. На Западѣ. (Изъ Германіи). Нѣмецкіе драматурги <i>Г. Гроссмана</i>	1— 14
12. Изъ иностранныхъ журналовъ. Классическое образованіе съ точки зрѣнія опытной психологіи.—Изъ жизни одного англійскаго педагога	14— 21
13. Письма изъ провинціи. (Изъ Тамбова) Публичные народныя чтенія въ Тамбовѣ и отношеніе къ нимъ населенія. <i>В. Чернова</i>	22— 41
14. Изъ области знаній. О происхожденіи поля у животныхъ <i>проф. В. Шимкевича</i>	42— 50

Новыя изданія редакціи журнала «ОБРАЗОВАНИЕ»:
«БИБЛИОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ».

Эта бібліотека выходитъ въ Германіи подъ редакціей извѣстнаго и русской публикѣ профессора философіи Рих. Фалькенберга, при участіи лучшихъ силъ въ области философіи.

Изданіе имѣетъ цѣлью въ общедоступной формѣ знакомить съ жизнью и ученіемъ главнѣйшихъ представителей философской мысли XVIII и XIX вѣка.

Поступили въ продажу первые три выпуска:

Фридрихъ Нитцше какъ художникъ и мыслитель
проф. А. Рила, пер. съ нѣмецк. З. Венгеровой.

Гербертъ Спенсеръ О. Гауппа, перев. съ нѣм.
подъ редакціей А. Острогорскаго.

Жанъ Жакъ Руссо и его философія, проф. Г.
Геффдингга, пер. съ нѣм. Л. Давыдовой.

Каждый выпускъ въ размѣрѣ 10—12 листовъ, съ портретомъ философа, цѣною въ 50 коп.

**ПОПУЛЯРНЫЕ
БИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ**

В. Шимкевича,

проф. Спб. университета

Съ 65 рис. и 4 портретами

Ц. 1 р. 25 коп.

**ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.**

проф. Г. Лансона.

Переводъ съ французскаго П. Морозова и З. Венгеровой.

Три выпуска: XIX вѣкъ, XVIII в. и XVII в.

Цѣна каждому выпуску 1 руб.

1926 г.

Изданія П. П. Сойкина для юношества и дѣтей.

Христофоръ Колумбъ. Историческій романъ изъ эпохи открытiя Америки. Евгенiя Шрекнина, въ 2-хъ частяхъ (305 стр.) Ц. 2 р.

Въ невѣдомыхъ мiрахъ. Необыкновенныя приключенiя русскаго ученаго. Астрономическiй романъ въ 2-хъ томахъ. Соч. Ле-Форъ и Графини, съ предисловіемъ Камилла Фламмаріона. Перевелъ В. Семеновъ. Изд. 2-е. Каждый томъ заключаетъ до 400 стран. текста и до 150 рис. въ художественно исполненныхъ Н. Н. Каразинымъ обложкахъ.

**I. Путешествіе на луну. — II. Во-
кругъ солнца.** Каждый томъ представляетъ вполне закон-
ченный романъ. Цѣна каждаго тома 2 р.

„Жукъ“. Рассказъ въ двухъ частяхъ А. Я. Бабинова. (Изъ воспо-
минанiй о школьной жизни Сенячки Х.). Большой томъ,
556 стран. съ рисунками художника Изинберга, въ кол. пер. Ц. 2 р. 75 к.
Гл. Управл. Военно-учебн. завед. рекомендовано для библиотекъ кадет-
скихъ корпусовъ.

Сочиненiя Георга Эберса въ пересказахъ для
русск. юношества:

I. Дочь Египетскаго царя. Съ рисунками ино-
странныхъ худож-
никовъ. Ц. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 25 к.

II. Сераписъ. Съ рисунками иностранныхъ художниковъ.
Ц. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р.

III. Греда. Съ рисунками барона М. П. Клодта. Ц. 75 к.,
въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Послѣдній изъ рода Гортензiевъ.

Рассказъ изъ Римской жизни начала императорскаго періода. Перев. съ
нѣмецкаго К. Н. Модзалевскимъ. Рисунки барона М. П. Клодта. Главное
Управленіе В. У. З. рекомендовало для библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.
Ц. въ роскошной папкѣ (283 стр.) 1 р.

**Добрыя дѣла не остаются безъ
награды.** Рассказъ А. Д. Михайловой (сюжетъ заимствованъ),
рисунки барона М. П. Клодта. Цѣна въ роскошномъ
переплетѣ съ золотымъ обрѣз. 1 р. 50 к.

Взбалмошная головка. Рассказъ для дѣтей сред-
няго возраста, соч. Эми-
ли Редэнъ. Переводъ А. Д. Михайловой, съ портретомъ автора. Ц. 80 к.,
въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 40 к.

Съ требованiями обращаться въ книжный складъ журнала
«Образованіе».

чр 50

ОБРАЗОВАНИЕ

0-23

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

14-01-99

ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

ОКТАБРЬ.

1898.

№ 4326 ж. ф.

ЦЕНТРАЛЪ

Пл. Масселя, д. 3.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

ЛИБ 1824

7 - ИЮЛ 1909

Дозволено цензурою. С.Петербургъ, 2 Октября 1898 г.

251
035
v. 7:10

Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова *).

ГЛАВА III.

Уловія нормальнаго развитія отдѣльныхъ сторонъ душевной природы ребенка.

а) Развитіе ума.—Необходимость самостоятельной выработки понятій и взглядовъ. Вредъ внушеній.

Что значитъ дать ребенку правильныя основныя понятія?

Ошибочно разсуждаютъ тѣ воспитатели, которые воображаютъ, будто ребенку можно «внушить» тѣ или иныя понятія**), будто образовать характеръ можно, развивая одинъ умъ ребенка, дѣйствуя только на одну его голову. Воспитатели не должны забывать ни того, какъ тѣсно связана духовная и тѣлесная жизнь человѣка, ни того, что прочно усваиваются, такъ сказать, органически входятъ въ характеръ только тѣ понятія, которыя выработались самостоятельнымъ путемъ изъ окружающихъ впечатлѣній***).

Если же воспитатель думаетъ образовать характеръ ребенка, внушая ему уже готовныя понятія, общіе взгляды, то, какъ бы прекрасны сами по себѣ они ни были, они принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы, и вотъ почему: можетъ случиться, что ребенокъ одной памятью удержитъ внушенія своего воспитателя,—въ такомъ случаѣ, сила памяти и воображенія разовьются въ немъ неравномѣрно съ другими духовными отправлениями (напримѣръ съ мышленіемъ, съ разсужденіемъ), и это будетъ уже отклоненіе

*) См. «Образованіе» № 9.

**) Перзъ «Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели».

***), Десгафть утверждаетъ, что самый нормальный типъ ребенка складывается, если ребенку ничего не втолковывать, не навязывать, не вбивать въ голову, а возможно просто и ясно давать отвѣты на предлагаемыя вопросы, не стыдясъ признаться въ своемъ невѣдѣніи и не прогоняя ребенка безъ разсужденій. («Семейное воспитаніе ребенка»).

№ 10.—Отд. I.

ниемъ отъ нормальнаго развитія ребенка, тогда какъ идеальное воспитаніе имѣетъ въ виду гармоничное развитіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ свойствъ человѣка. При этомъ, собственно самый умъ ребенка ничего не выиграетъ; голое удерживаніе памяти какихъ бы то ни было знаній, безъ самостоятельной ихъ переработки, еще не обогащаетъ ума и не расширяетъ кругозора человѣка: умъ развивается только отъ упражненія, ясность мысли и собственное разсужденіе можетъ явиться у ребенка въ томъ только случаѣ, если онъ самъ, на опытѣ, воспринялъ впечатлѣнія и переработалъ ихъ самъ въ выводы и понятія.

«Мы часто встрѣчаемъ людей», говоритъ Ушинскій, «обладающихъ обширной памятью и въ то же время поражающихъ насъ своимъ тупоуміемъ, но всмотритесь внимательно, что собственно сохраняется въ памяти этихъ людей? Сырой, вовсе не переработанный матеріалъ, непереваренные, безсвязные факты, которые сознаніе можетъ разсматривать только по одиночкѣ, перебирая одинъ за другимъ, и никакъ не можетъ осмотрѣть разомъ сколько нибудь значительнаго ихъ количества». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 190). Лесгафтъ по тому же поводу говоритъ, что, если ребенокъ удержитъ все, что ему внушаютъ, одной памятью, то способность эта такъ изощрится въ немъ, что и въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ запоминать всѣ свѣдѣнія только ею одной, не перерабатывая ихъ разсудкомъ.

«Ребенокъ не привыкъ и не умѣетъ разсуждать, у него напія остаются сырымъ матеріаломъ, который не переваренъ разсужденіемъ. Безъ анализа, безъ разсужденій, безъ провѣрки своими дѣйствіями, ребенокъ лично не знакомится съ качествомъ воспринимаемаго; онъ потому самъ не въ состояніи вывести общаго обзора, у него общихъ понятій нѣтъ, онъ знаетъ, но не понимаетъ». («Семейное воспитаніе ребенка», стр. 57).

Слѣдовательно, если ребенокъ будетъ запоминать готовые понятія, общіе взгляды, хотя бы прекраснаго направленія,—изощрится только его память, но умъ не разовьется. Это — одна изъ причинъ, почему сплошь и рядомъ внушенія готовыхъ понятій приносятъ не пользу, а вредъ. Но есть еще и другая. Воспитатель задается цѣлью, развивъ умъ ребенка, повліять черезъ посредство ума на направленіе и образованіе характера.

Какъ же онъ берется за проведеніе этой задачи? Задавшись цѣлью развить своего воспитанника и такимъ образомъ повліять на складъ его характера, воспитатель слѣдуетъ обогатить умъ ребенка запасомъ полезныхъ свѣдѣній и знаній, старается привить ему правильные понятія и взгляды. Но даже, если умъ ребенка разовьется при такихъ условіяхъ, самыя понятія органически не усвоятся имъ. Какъ бы прекрасны ни были внушенія воспитателя, ребенокъ не сумѣетъ примѣнить ихъ къ жизни, хотя бы они съ полной ясностью и логической стройностью сохранились въ его умѣ. При такомъ одностороннемъ головномъ развитіи ребенокъ будетъ жить не полной жизнью: ума, сердца и воли, а

одной умственной, головной, и понятно, что цѣльный характеръ изъ него не можетъ выработаться, ибо, какъ для развитія сильнаго, стройнаго ума нужно многое самому узнать и передумать, такъ для образованія цѣльнаго характера нужно многое самому пережить и перечувствовать.

Вотъ отчето Добролюбовъ и стоитъ за возможно большую самостоятельность и свободу въ развитіи ребенка. Пусть ребенокъ самъ почерпаетъ изъ жизни матеріалъ впечатлѣній, на основаніи которыхъ онъ можетъ вывести свои основныя понятія и выработать свои взгляды. Вы желаете, на примѣръ, чтобы у вашего ребенка сложилось правильное понятіе о томъ, что такое человекъ; пусть же въ такомъ случаѣ ребенокъ видитъ вокругъ себя справедливое, гуманное, истинно человѣческое отношеніе одного человека къ другому; изъ этихъ-то впечатлѣній и выработается у вашего ребенка основное понятіе объ истинно человѣческихъ отношеніяхъ. Нельзя не вспомнить здѣсь часто встрѣчающуюся ошибку, которую дѣлаютъ родители, воображая, что ихъ негуманное, подчасъ несправедливое отношеніе къ прислугѣ не извращаетъ понятій дѣтей и не отражается дурнымъ образомъ на формированіи ихъ характеровъ. Въ нашихъ отношеніяхъ къ прислугѣ сохранилось еще много привычекъ временъ крѣпостничества, мы до сихъ поръ не умѣемъ щадить чужой личности; потому-то, многіе родители и позволяютъ себѣ кричать на прислугу при дѣтяхъ, относиться къ ней пренебрежительно и съ недовѣріемъ, дѣлать ей рѣзкіе, часто незаслуженные, выговоры за малѣйшее упущеніе или неисправность. Не разъ случается видѣть, какъ господа срываютъ свое дурное настроеніе на прислугѣ, какъ мать вымещаетъ свою досаду за дурной поступокъ ребенка на его нянь. Родители въ такихъ случаяхъ забываютъ, что дѣти, являясь невольными свидѣтелями подобныхъ отношеній, подобныхъ несправедливостей и неравенства въ условіяхъ и положеніяхъ, совершенно естественно составляютъ себѣ первоначальное ошибочное представленіе о томъ, что одни люди, въ силу социальныхъ или иныхъ условій, не имѣютъ права требовать къ себѣ отношенія, не унижающаго ихъ человѣческаго достоинства, и какъ бы обречены вносить на себѣ барскія выходы.

Напротивъ, у ребенка, выросшаго въ семьѣ, гдѣ гуманное, истинно человѣческое отношеніе распространяется не только на людей своего круга, но и на прислугу, само собой сложится правильное понятіе о человекѣ и о гуманныхъ отношеніяхъ къ людямъ. Тутъ излишни всякія внушенія, такъ какъ жизненныя впечатлѣнія гораздо глубже засѣдаютъ въ душу и легче усваиваются ребенкомъ, чѣмъ самыя внушительныя и логическія наставленія. Однако, воспитатели часто забываютъ это правило и воображаютъ, что ихъ слово всесильно. Захочетъ, на примѣръ, воспитатель привить ребенку понятіе о стойкости при страданіяхъ, о мужествѣ, о храбрости, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ будетъ говорить ребенку съ одобреніемъ о подвигахъ самоотверженія и смѣлости, будетъ

указывать на всякое проявленіе мужества у другихъ, будетъ давать ребенку соотвѣтствующія книги, будетъ приводить унизительные примѣры позорнаго малодушія, надѣясь, что своими внушеніями онъ повліяетъ на развитіе этихъ сторонъ въ характерѣ ребенка. Но если при этомъ вмѣсто того, чтобы предоста-вить ребенку свободу и самостоятельность, чтобы въ самыхъ столкновеніяхъ съ жизнью, неудачахъ, огорченіяхъ дать ему возможность почерпнуть подходящія впечатлѣнія и развить соот-вѣтственнымъ образомъ свои силы, воспитатель станетъ оберегать своего воспитанника отъ малѣйшей боли, будетъ устранять отъ него всякое непріятное ощущеніе и остерегать отъ мало-мальски опаснаго поступка, то ребенокъ, видя, какъ за него всѣ боятся, тревожатся, замѣтивъ, какъ тщательно его оберегаютъ отъ боли и непріятности, самъ начнетъ пугаться всего того, что можетъ доставить ему непріятное ощущеніе. Сколько бы въ та-комъ случаѣ ни толковалъ воспитатель о позорѣ трусости, сколько бы ни старался пробудить восхищенія къ подвигамъ храбрости, понятія эти навсегда останутся чуждыми ребенку, они не сольются съ нимъ органически, хотя бы отвлеченное пред-ставленіе о нихъ и запечатлѣлось въ его умѣ.

Надо помнить, что однихъ теоретическихъ понятій, усвоен-ныхъ умомъ, недостаточно для того, чтобы принять желательное направленіе характеру; складъ характера вырабатывается только практической жизнью, полученными впечатлѣніями *). Развѣ можно привить ребенку понятіе объ альтруизмѣ, о любви къ ближ-нему, если на практикѣ, на дѣлѣ, ему никогда не приходится поступаться своими желаніями, своими удобствами ради другихъ? Теоретически это понятіе можетъ быть и очень хорошо извѣстно ребенку, но оно не будетъ проявляться ни въ его поступкахъ, ни въ его отношеніяхъ къ другимъ.

Вотъ откуда берутся всѣмъ извѣстные типы «лишнихъ лю-дей», обладающихъ запасомъ здравыхъ понятій и высокихъ истинъ, но въ то же время безхарактерныхъ фразеровъ, какъ бы раздвоенныхъ натуръ. Примѣромъ такого ошибочнаго воспитанія могутъ служить, по мнѣнію Добролюбова, «талантливыя натуры» изъ «Губернскихъ очерковъ» Щедрина; въ нихъ было больше задатковъ, восприимчивости, пылкости, чѣмъ у большинства лю-дей, они быстро усваивали новые взгляды, готовые понятія, часто противорѣчившія личнымъ жизненнымъ впечатлѣніямъ, успѣвшимъ уже укорениться въ ихъ душѣ. Эти новые взгляды удерживались одной головой и, такъ какъ они не были вырабо-

*) Чтобы въ ребенкѣ явилось чувство великодушія, нужно, чтобы матеріалъ, воспринятый его душой, возбуждалъ въ немъ подобное чувство; чтобы въ ребенкѣ явилось мужество и неустрашимость, нужно, чтобы практика его дѣтской жизни дала ему возможность создать въ себѣ не-устрашимость и мужество; чтобы въ ребенкѣ явилась энергія, нужно, чтобы онъ имѣлъ возможность развить свою настойчивость». («Письма о воспитаніи», стр. 809. Шелгуновъ).

таны практическимъ опытомъ, самой жизнью, то и остались навсегда чисто отвлеченными представленіями, которыхъ талантливыя натуры не могли и не умѣли провести на дѣлѣ, нерѣдко противорѣча имъ своими собственными поступками.

Для большей ясности представленія о томъ, какія именно понятія можно считать органическими, вошедшими въ составъ нашего характера, и какія привитыми, усвоенными одной головой, стоитъ сопоставить характеръ Берсенева и характеръ Инсарова изъ повѣсти Тургенева «Накапунѣ», что и сдѣлалъ Добролюбовъ въ своей статьѣ: «Когда же придетъ настоящій день?»

«Берсенева», говоритъ Добролюбовъ, «весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный въ началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію... Если его повести по какому нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ не только другихъ, но даже себя самого, инициативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее приобрести ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни» (т. III, стр. 270).

«Онъ (Берсенева) находитъ, что надо жертвовать своимъ счастьемъ для родины, науки и пр., и этимъ самымъ осуждаетъ себя быть вѣчнымъ рабомъ и мученикомъ идеи. Онъ отдѣляетъ свое счастье отъ счастья родины; онъ, бѣднякъ, не умѣетъ возвышаться до того, чтобы понять благо родины, нераздѣльно со своимъ собственнымъ счастьемъ и чтобы не понимать счастья для себя иначе, какъ при благоденствіи своей родины. Напротивъ, онъ какъ будто боится, что его личное счастье будетъ мѣшать благу родины, торжеству справедливости, успѣхамъ науки и т. п. (томъ II, стр. 269). Онъ дѣлаетъ то, что велитъ ему долгъ, стремится къ тому, что признаетъ справедливымъ по принципу, но дѣйствія его вялы, холодны, неувѣренны, потому что онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ» (томъ II, стр. 270).

Словомъ, это — человекъ, усвоившій понятія о благѣ родины, о пользѣ науки, о долгѣ, одною головой, однимъ разсудочнымъ процессомъ; жизненные же его впечатлѣнія съ дѣтства не давали ему матеріала для органическаго усвоенія подобныхъ понятій. Сопоставимъ съ нимъ Инсарова: «Инсаровъ—болгаринъ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью—подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ-Берсенева, не можетъ даже въ голову придти простому болгарину. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ поработенную родину, если бы только могъ найти удовлетвореніе себѣ въ чемъ нибудь другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины... Такимъ образомъ, онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло совершенно спокойно безъ натя-

жекъ, безъ фанфаронадъ, такъ же просто, какъ ѣсть и пѣть (томъ II, стр. 271).

«Онъ хочетъ идти», говорить дальше Добролюбовъ: «онъ не можетъ нейти, не потому, чтобы боялся нарушить какойнибудь долгъ, а потому что онъ умеръ бы, если бы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между Берсеневымъ и Инсаровымъ. Берсеневъ тоже способенъ на жертвы и подвиги, но онъ похожъ при этомъ на великодушную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ... Съ затаенной болью и тяжелой покорностью судьбѣ ждетъ она дня свадьбы и рада была бы, еслибы чтонибудь ей помѣшало. Инсаровъ же, напротивъ, ждетъ дня своихъ подвиговъ, наступленія своей самоотверженной дѣятельности, ждетъ страстно, нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой» (томъ II, стр. 272).

«Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи; она у него во всемъ организмѣ и, что бы ни вошло въ него, все претворяется силой этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ» (томъ III, стр. 272).

Всѣ жизненные впечатлѣнія Инсарова складывались такъ, что внушали ему отвращеніе къ порабощателямъ родной страны, желаніе освободиться отъ нихъ. Ему не пришлось дойти до этого сознанія путемъ долгихъ логическихъ разсужденій; онъ не повторялъ съ чужого голоса, во имя отвлеченнаго принципа, что слѣдуетъ бороться за свободу родины, но эта идея являлась естественнымъ выводомъ изъ всего того матеріала впечатлѣній, который съ дѣтства пришлось ему самостоятельно воспринять и переработать. «Никто изъ насъ», говоритъ Добролюбовъ, «не беретъ готовыми человѣчныхъ понятій, во имя которыхъ нужно потомъ вести жизненную борьбу. Оттого, ни въ комъ и нѣтъ той ясности, той цѣльности воззрѣній и дѣйствій, которыя такъ естественны, хотя бы, напр., въ Инсаровѣ. У него впечатлѣнія жизни, дѣйствующія на сердце и пробуждающія его энергію, постепенно подкрѣпляются требованіемъ разсудка, всѣмъ теоретическимъ образованіемъ, которое онъ получаетъ. У насъ совершенно наоборотъ» (томъ III, стр. 284). «Жизнь, среда не дѣлаетъ насъ ни умными, ни честными, ни дѣлательными. И умъ, и честность, и силу къ дѣятельности мы должны пріобрѣтать изъ иностранныхъ книжекъ, которыя притомъ нужно еще согласить и соразмѣрить со Сводомъ Закона» (томъ III, стр. 289).

Всего сказаннаго мы думаемъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что нельзя внушить готовыхъ понятій и образовать характера, дѣйствуя на одинъ умъ ребенка. Дѣти, которыхъ воспитывали, заботясь только объ обогащеніи ума знаніями и понятіями, забывая, что жизненный матеріалъ впечатлѣній важнѣйшій факторъ воспитанія, узнаютъ изъ внушеній воспитателя и изъ книжекъ все то, что должны были усвоить «живьемъ», на дѣлѣ; при этомъ, очень часто жизненные впечатлѣнія противорѣчатъ.

тому, что старается влить въ голову ребенка воспитатель; въ такомъ случаѣ, такіе люди навсегда остаются нерѣшительными, раздвоенными натурами, органически стремящимися къ одной цѣли, путемъ же разсужденій намѣчающими себѣ цѣли, какъ разъ противоположныя.

Воспитатель всегда долженъ помнитъ, что окружающая обстановка, среда, поступки, рѣчи людей, — вотъ тотъ матеріаль, изъ котораго создаются первоначальныя понятія ребенка, и что только самостоятельно сложившіяся понятія органически имъ усваиваются и даютъ то или иное направленіе его характеру. Факторомъ воспитанія являются не слова воспитателя, а впечатлѣнія, почерпаемыя изъ жизни самимъ воспитанникомъ.

в) Развитие чувствъ въ ребенкѣ.—Соразмѣрность образованія правильныхъ понятій съ развитіемъ чувствъ.

Рядомъ съ развитіемъ основныхъ понятій ребенка, такъ сказать, склада его ума, его духовнаго міра, идетъ не менѣе существенное образованіе его чувствъ, т. е. склада его нравственнаго, душевнаго міра. Воспитать нравственнаго человѣка—задача весьма высокая, но часто далеко неправильно понимаемая.

Добролюбовъ указываетъ на то, что многіе воспитатели думаютъ, будто воспитать нравственнаго человѣка можно, дѣйствуя на одно его сердце, на его чувства, не заботясь о правильномъ образованіи понятій, и замѣчаетъ, что взглядъ этотъ такъ же ошибоченъ, одностороненъ, какъ и убѣжденіе, будто характеръ можно развить въ томъ или иномъ направленіи, дѣйствуя на одинъ умъ ребенка. Чувства, какъ и сознаніе, и воля, образуются изъ полученныхъ ощущеній, перерабатываются въ головномъ мозгу и уже потомъ, посредствомъ особыхъ нервныхъ центровъ, передаются сердцу.

Всякое ощущеніе, вызванное внѣшнимъ впечатлѣніемъ, возбуждаетъ то или иное чувство, пріятное или непріятное, успокоительное или раздражающее, радостное или печальное и т. п.

«На чувства», говоритъ Добролюбовъ, «надобно опять дѣйствовать посредствомъ мысли. Одни чувства развиваются въ насъ сильнѣе, чѣмъ другія, одни люди чувствуютъ иначе, чѣмъ другіе, все это такъ. Но причина такого различія вовсе не заключается въ различіи сердца, этого полаго мускула, выгоняющаго кровь кверху. Причина находится, по большей части, въ различіи первоначальныхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ нашимъ мозгомъ» (томъ II, стр. 43).

Отсюда ясно, что чувства, подобно понятіямъ, зависятъ: 1) отъ развитія и здоровья мозга, и 2) отъ внѣшнихъ окружающихъ впечатлѣній. «Если человѣкъ съ первыхъ дней дѣтства привыкъ, на примѣръ, слышать постоянно мелодичные звуки, то, естественно, у него разовьется чувство музыкальное; если въ дѣтствѣ не при-

выкъ человекъ переносить неприятныхъ ощущеній, то, понятно, что малѣйшая неприятность выводитъ его изъ себя; если въ ребенкѣ успѣшно старались задержать свободную дѣятельность мысли, то неизбѣжно родится въ немъ чувство отвращенія къ умственной дѣятельности и т. д.» (томъ II, стр. 43). Если во впечатлѣніяхъ окружающей жизни ребенокъ будетъ почерпать матеріалъ, вызывающій эти чувства, то въ немъ разовьется жалость, сострадательность. Такъ сложился, по мнѣнію Добролюбова, отзывчивый, сердечный характеръ Елены («Наканунъ», повѣсть Тургенева): всѣ жизненные впечатлѣнія дѣтства, начиная съ болѣзненности матери и кончая дружбой съ нищей дѣвочкой Катей, несомнѣнно этому способствовали.

Дурныя чувства дѣтей, говоритъ Добролюбовъ, подобно ошибочнымъ представленіямъ, возникаютъ либо отъ вреднаго направленія самыхъ впечатлѣній, либо отъ неполнаго, неправильнаго ихъ воспріятія. Такъ, если человекъ привыкъ получать постоянно похвалы, онъ недоволенъ, когда его хвалятъ меньше обыкновеннаго. При правильномъ же воспріятіи впечатлѣній, чувства ребенка будутъ развиваться соотвѣтственно съ получаемымъ матеріаломъ; вотъ отчего и важно давать дѣтямъ такія впечатлѣнія, которыя направляли бы ихъ чувства въ лучшую сторону.

Однако, говоритъ Добролюбовъ, если воспитатель задается цѣлью развить чувства ребенка, дѣйствуя на него впечатлѣніями, бьющими на нервы, и не позаботится одновременно съ этимъ обогатить умъ ребенка точными и вѣрными представленіями, то такое воспитаніе принесетъ больше зла, чѣмъ добра. Только тѣ чувства прочны, которыя основаны на ясно выработанныхъ представленіяхъ и убѣжденіяхъ. Доброта, чувствительность, сострадательность и т. п., при отсутствіи здравыхъ и вѣрныхъ понятій, почти совершенно бесполезны, такъ какъ, не имѣя яснаго представленія о конечной цѣли поступка, человекъ впадаетъ въ крайности, ошибочно поддаваясь впечатлѣніямъ болѣе яркимъ, завистить всецѣло отъ минутнаго настроенія.

«Можно положительно сказать», замѣчаетъ Добролюбовъ, «что старанія моихъ воспитателей дѣйствовать на сердце дитяти, не внушая ему здравыхъ понятій, совершенно напрасны. Результатомъ подобнаго «дѣйствованія на сердце» бываетъ обыкновенно добродушіе по привычкѣ, при совершенной шаткости и безсиліи убѣжденій. Можно рѣшительно утверждать, что только та доброта и благородство чувствованій надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе, нѣтъ никакого ручательства за нравственность человека съ «добрымъ» сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ: вспомнимъ, что услужливый медвѣдь опаснѣе врага» (томъ II, стр. 43).

Вотъ оттого-то Добролюбовъ и отрицаетъ возможность развить нравственнаго человека, не укоренивъ въ немъ правильныхъ взглядовъ, понятій.

Впрочемъ, у Добролюбова развитіе и образованіе чувствъ разобрано недостаточно полно. Онъ ставилъ развитіе тѣхъ или иныхъ чувствъ въ зависимость только отъ впечатлѣній, забывая, что одно и то же впечатлѣніе, одно и то же явленіе при нѣсколькихъ иныхъ условіяхъ и при различной степени интенсивности, можетъ возбудить чувства, совершенно отличныя.

Приведемъ примѣръ.

Вы больны, ребенокъ хочетъ къ вамъ приласкаться, но вы боитесь заразить его и отстраняете, объясняя, что ваша болѣзнь прилипчива; этимъ вы желаете дать ребенку правильное представленіе о прилипчивости болѣзней и о необходимыхъ въ такихъ случаяхъ предосторожностяхъ. Подобный фактъ можетъ повториться; ребенокъ замѣчаетъ, что окружающіе принимаютъ различныя мѣры предосторожности; онъ видитъ ваши страданія, видитъ, какъ васъ заставляютъ глотать невкусныя лѣкарства, и вовсе не желая подвергаться подобнымъ непріятностямъ, начинаетъ сторониться сначала васъ, если вы больны, а затѣмъ и всякаго другого больного человѣка, отлично помня, какъ подобная осторожность поощрялась въ домашнемъ кругу. Въ его памяти живы картины болѣзней близкихъ ему лицъ, отъ которыхъ его такъ тщательно оберегали и оберегали въ дѣтствѣ; понятно, что малѣйшее недомоганіе его пугаетъ, такъ какъ принимается имъ за признакъ заразы. Такой человѣкъ невольно привыкаетъ быть осторожнѣе, бережнѣе относиться къ своей особѣ и уже вѣроятно не станетъ рисковать своимъ здоровьемъ для облегченія страданій другихъ, малодушно покидая всякаго больного, соприкосновеніе съ которымъ могло бы подвергнуть опасности его здоровье. Яркія впечатлѣнія дѣтства, развивая врожденный инстинктъ самосохраненія, могутъ до такой степени усилиться, что парализуютъ всѣ остальные чувства и сдѣлаютъ изъ человѣка труса и эгоиста. Вы желали жизненными впечатлѣніями привить вашему ребенку правильное понятіе о необходимыхъ предосторожностяхъ, о прилипчивости болѣзней, а вмѣсто того заложили въ немъ сѣмена трусости, мнительности и эгоизма. Впечатлѣнія сами по себѣ были правильны, но степень ихъ была чрезчуръ сильна, и рядомъ съ образованіемъ правильныхъ понятій развились нежелательныя, вредныя чувства.

Не лишнимъ здѣсь будетъ вспомнить положеніе Ушинскаго, что чувства, возникая отчасти изъ органическихъ причинъ, отчасти же изъ полученныхъ чувственныхъ впечатлѣній, развиваются въ ту или другую сторону въ зависимости отъ того, въ чемъ человѣкъ найдетъ большее для себя удовлетвореніе. Если ребенокъ, напр., истратитъ первый свой грошъ на удовольствіе незначительное, скоро забывающееся, онъ станетъ съ сожалѣніемъ вспоминать то время, когда деньги были еще не истрачены и въ головѣ роились заманчивые планы: куда и на что можно бы ихъ истратить? При повтореніи же подобнаго случая въ ребенкѣ легко можетъ развиться скупость. Наоборотъ, если ребенокъ

истратилъ свои первыя деньги на удовольствія сильныя, оставившія по себѣ впечатлѣнія пріятныя, онъ получитъ большее удовлетвореніе, уже истративъ деньги, чѣмъ до этого момента, и въ такомъ случаѣ въ ребенкѣ можетъ явиться склонность къ нерасчетливости, щедрости и даже расточительности. Вотъ почему воспитатель долженъ не только доставлять правильный матеріалъ впечатлѣній, но еще слѣдитъ за тѣмъ, какъ эти впечатлѣнія отзываются въ душѣ ребенка.

«Воспитаніе», сказано у Ушинскаго, «почти исключительно заботящееся объ образованіи, дѣлаетъ въ такомъ случаѣ большой промахъ, ибо человекъ больше человекъ въ томъ, какъ онъ чувствуетъ, чѣмъ какъ онъ думаетъ». («Человекъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 436).

Однако, само собой разумѣется, образованіе правильныхъ понятій сильно способствуетъ правильному развитію ребенка; у ребенка, обладающаго правильными взглядами и понятіями, и чувства развиваются въ лучшую сторону. Если же чувства ребенка уже приняли ошибочное, вредное направленіе, то вѣрныя представленія, въ соединеніи съ сильной волей, могутъ иногда измѣнить даже дурное направленіе чувствъ. Напримѣръ, если у ребенка вкоренилось понятіе о томъ, что надо приходить на помощь и облегчать страданія другимъ, онъ можетъ побороть въ себѣ малодушный страхъ заразы и придти на помощь къ больному человекѣ.

Какъ обогащеніе ума точными понятіями происходитъ только при помощи жизненныхъ впечатлѣній, полученныхъ на опытѣ, такъ точно образованіе нравственнаго характера возможно только въ томъ случаѣ, если человекъ, наряду съ чувствами, усвоилъ правильные взгляды и понятія; они-то и направляютъ его чувства въ лучшую сторону.

с) Развитіе воли. Вредъ безпрекословнаго повиновенія. Значеніе авторитета въ воспитаніи.

Умственные и нравственные силы ребенка складываются, какъ мы только что видѣли, подъ незамѣтнымъ, но могущественнымъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Однако, этими двумя сторонами духовнаго склада человека не исчерпывается еще его внутренняя жизнь; чтобы человекъ сумѣлъ проявить въ внѣшней жизни свой умственный и нравственный кругозоръ и приложить его къ жизни, требуется еще третья, весьма важная, сторона его душевнаго склада—именно воля, и развить ее—задача воспитанія столь же существенная, какъ и предыдущія.

Но что такое воля? Воля, по опредѣленію Ушинскаго, есть власть души надъ тѣломъ; это—способность прирожденная, но формируется и укрѣпляется она впечатлѣніями жизни. По мнѣнію же Добролюбова, воля не есть отдѣльная способность; она раз-

вивается позже сознанія, когда ребенокъ приобрѣлъ запасъ впечатлѣній, достаточный для того, чтобы дѣлать изъ него свои выводы и сужденія, однимъ словомъ, когда у ребенка начинаютъ уже образовываться опредѣленные желанія; желаніе же, приведенное въ дѣйствіе, и есть первое проявленіе воли; слѣдовательно, воля, точно такъ же, какъ умъ и чувства, зависитъ отъ впечатлѣній, производимыхъ на нашъ мозгъ внѣшнимъ міромъ.

«Желанія», говоритъ Добролюбовъ: «появляются сначала въ мозгу: доказательствомъ служитъ уже одно то, что желанія эти имѣютъ всегда какой-нибудь предметъ, какую-нибудь цѣль. Значитъ, для желанія нужно, чтобы предметъ произвелъ сначала впечатлѣніе на нашъ мозгъ, потому что нельзя же желать того, о чемъ не имѣешь никакого представленія» (томъ II, стр. 45).

Слѣдовательно, направленіе нашей воли дается нашими желаніями, желанія же складываются изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя насъ окружаютъ. Если впечатлѣнія такого свойства, что благоприятствуютъ направленію нашихъ желаній въ лучшую сторону, то и воля наша приметъ лучшее направленіе, и наоборотъ. Когда ребенокъ видитъ, что люди, его окружающіе, избѣгаютъ дѣлать другимъ зло и причинять страданія, у него самого не зародится желаніе дѣлать вредъ кому-нибудь. Здѣсь, въ вопросѣ о развитіи воли, мы снова встрѣчаемся съ зависимостью и этой стороны духовной природы человѣка отъ основныхъ понятій, выработанныхъ имъ самимъ изъ впечатлѣній окружающей жизни. Если у ребенка образовались правильныя понятія и представленія, дѣйствія его будутъ правильнѣе и лучше; у ребенка съ выработаннымъ, на основаніи жизненныхъ впечатлѣній, понятіемъ о справедливости и равноправности не проявится наклонности къ деспотизму и произволу. Однако, само собою разумѣется, что, благодаря какому-нибудь нежелательнымъ впечатлѣніямъ, отъ которыхъ нѣтъ возможности совершенно избавиться ребенка, можетъ возбудиться въ душѣ ребенка дурное желаніе; въ такомъ случаѣ, правильныя представленія и помогутъ ему побороть желаніе и направить волю на дѣйствія, болѣе согласныя съ этими основными понятіями.

«Свобода выбора», говоритъ Добролюбовъ, «въ сущности, означаетъ именно возможность, существующую въ нашемъ умѣ, сличить нѣсколько предметовъ и опредѣлить, какой изъ нихъ лучше. Здѣсь очень кстати припомнить извѣстный афоризмъ, что всякій преступникъ есть прежде всего плохой счетчикъ. Дѣйствительно, большая часть преступленій и безнравственныхъ поступковъ совершается по невѣжеству, по недостатку здравыхъ понятій о вещахъ, по неумѣнью сообразить настоящее положеніе дѣла и послѣдствія поступка» (томъ II, стр. 45).

Итакъ, желаніе есть основа воли; стремленіе же младенца удовлетворить своимъ желаніямъ, это и есть первое проявленіе воли; однако, жизненный опытъ очень скоро убѣждаетъ ребенка, что часто желанія получаютъ отпоръ со стороны внѣшняго міра,

что не всё имъ можно удовлетворять безъ ущерба для себя же; наприм., ребенокъ, обжегшійся разъ на огнѣ, уже, вѣроятно, не потянется къ нему снова. Ребенокъ научается разсуждать, взвѣшивать свои желанія раньше, чѣмъ привести ихъ въ исполненіе. Чѣмъ больше накопилось въ его душѣ такихъ опытовъ, связанныхъ съ ясными представленіями, тѣмъ правильнѣе будетъ онъ взвѣшивать и сортировать свои желанія. Напримѣръ, если ребенокъ, пожелавшій завладѣть чужой вещью, вспомнитъ, что за этотъ поступокъ его бранили, наказывали, желаніе его можетъ парализоваться представленіемъ непріятныхъ послѣдствій; въ такомъ случаѣ, воля его проявится или не проявится въ зависимости отъ интенсивности желанія, съ одной стороны, и отъ живости воспоминанія о непріятныхъ послѣдствіяхъ, съ другой. Ослабить желаніе можетъ также понятіе о чужой собственности. Напротивъ, у ребенка, котораго никогда не порицали за воровство, а даже поощряли къ тому, представленіе о чужой собственности будетъ совершенно отсутствовать, и воля его обязательно проявится въ дурную сторону. Воля не можетъ быть нравственной при отсутствіи правильныхъ взглядовъ и понятій, такъ какъ направленіе дается ей (точно такъ же, какъ уму и чувствамъ) тѣмъ матеріаломъ впечатлѣній, который воспринимается и перерабатывается человѣкомъ съ самой колыбели. Дайте ребенку правильныя впечатлѣнія, тогда и понятія, и желанія его будутъ нравственны, и волю его вы направите въ лучшую сторону.

Разбирая далѣе проявленія волевой дѣятельности человѣка, замѣчаемъ, «что въ образованіи сильнаго и цѣльнаго характера играетъ огромную роль не только направленіе воли, но и ея развитіе, укрѣпленіе. Этотъ важный вопросъ Добролюбовъ разобратъ въ своей извѣстной статьѣ «О значеніи авторитета въ воспитаніи». Душевные силы ребенка такъ же, какъ и тѣлесныя, органическія, крѣпнуть и развиваются только путемъ «правильнаго» и «постояннаго» упражненія.

«Дѣятельныя стремленія души», говоритъ Добролюбовъ, «зрѣютъ и крѣпнутъ только при дѣятельности просторной и вольной. Надо испробовать нѣсколько разъ свои силы, испытать неудачи и столкновенія, узнать, чего стоятъ разныя усилія и какъ преодолѣваются препятствія, для того, чтобы пріобрѣсти отвагу и рѣшимость, необходимыя для дѣятельной борьбы, чтобы узнать мѣру своихъ силъ и умѣть найти для нихъ соответствующую работу» (томъ III, стр. 263 *).

Признавая волю важнѣйшимъ факторомъ въ образованіи характера, Добролюбовъ находитъ, что ребенку необходимо предоставить свободу, просторъ, чтобы путемъ опыта и упражненія онъ могъ бы ее укрѣпить и развить. Ни въ какомъ случаѣ не

*) Нельзя вести на поведѣе волю ребенка, а надо ей дать просторъ самой расти и усиливаться». Ушинскій «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 462.

слѣдуетъ насиловать природы ребенка; а надлежитъ только наблюдать за тѣмъ, чтобы на пути дитяти не встрѣчалось слишкомъ много впечатлѣній нежелательнаго свойства, которыя могутъ дать дурное направленіе его желаніямъ, а, слѣдовательно, и волю.

Однако, правило это рѣдко исполняется педагогами.

Добролюбовъ указываетъ на то, что большинство воспитателей, руководствуясь подчасъ узкими педагогическими теоріями, приносятъ ребенка въ жертву этимъ теоріямъ, извращаютъ нормальный ходъ его развитія, требуя отъ ребенка не разумнаго повиновенія, а слѣпонаго подчиненія ихъ авторитету.

Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ писалъ Добролюбовъ, еще раздаются голоса, защищающіе эту систему воспитанія. Такъ, напримѣръ, нѣмецкій педагогъ Кельнеръ считаетъ, что ребенокъ долженъ подчиняться не разумнымъ доводамъ, а авторитетной волѣ наставника. (Кельнеръ—«Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи», стр. 26).

Вотъ, отчего не мѣшаетъ напомнить разумныя возраженія нашего критика - педагога, направленныя противъ этой системы, приносившей и приносящей и понинѣ столько вреда. По этому поводу, Добролюбовъ весьма основательно говоритъ, что наставникъ, требующій слѣпонаго, безусловнаго повиновенія отъ своего воспитанника, долженъ самъ являться существомъ непогрѣшимымъ, образцомъ всѣхъ совершенствъ, иначе онъ никогда не удовлетворитъ цѣли, намѣченной воспитаніемъ, т. е. не воспитаетъ образцоваго человѣка. Возможно ли найти подобнаго воспитателя? Понятно, нѣтъ. «Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія», говоритъ Добролюбовъ: «то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій по отношенію къ ребенку? И не лучше ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ приучить ребенка къ разумному разсужденію, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, приобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно» (томъ I, стр. 197).

Но даже, еслибы и было возможно найти идеальнаго воспитателя, самая система подчиненія авторитету, слѣпо, безъ разсужденій, только тормозила и искажала бы правильное, нормальное развитіе человѣка.

Доказательствъ тому не мало. Съ одной стороны, мы знаемъ уже, что воля, какъ и остальные душевныя свойства, крѣпнеть отъ упражненія; при системѣ же безусловнаго повиновенія она бездѣйствуетъ, слѣдовательно, не развивается и не укрѣпляется. Человѣкъ же съ неразвитой и неокрѣпшей волей, является далеко не желательнымъ членомъ общества; онъ не подготовленъ къ жизни, не привыкъ превращать свои желанія въ дѣйствія, не умѣетъ бороться съ обстоятельствами и, по привычкѣ, выработанной въ немъ воспитаніемъ, готовъ преклоняться передъ всякими признанными толпой авторитетами, а мало ли ихъ въ окружающей жизни? «Старніе», т. е. люди болѣе сильныя, чѣмъ самъ человѣкъ, въ какой бы формѣ ни выражалась эта сила,

всегда будутъ властвовать надъ подобными безвольными существами и подчинять ихъ себѣ. Такой человѣкъ, не приученный къ самостоятельной оцѣнкѣ и разсужденію, привыкшій безсознательно повиноваться, будетъ и впредь руководствоваться не разумнымъ выборомъ, а простой случайностью, въ зависимости отъ того, въ чьи руки попадетъ, чья власть, чья сила будетъ непосредственно вліять на него; при такихъ же условіяхъ даже и безвольный человѣкъ можетъ надѣлать не мало бѣдъ.

Другимъ доводомъ противъ системы безусловнаго повиновенія Добролюбовъ приводитъ то, что, какъ бы хорошъ ни былъ воспитатель, онъ всегда явится выразителемъ впечатлѣній и взглядовъ старшаго поколѣнія, носителемъ идей, уже отживающихъ; при всемъ желаніи не отстать отъ молодежи, многія новыя начала будутъ ему чужды, непонятны, и потому онъ инстинктивно постарается удержать своего воспитанника въ понятіяхъ своего времени. А это уже, конечно, идетъ въ разрѣзъ съ идеальнымъ воспитаніемъ. Хотя старое поколѣніе и приноситъ свою долю пользы, передавая молодежи твердо выработанные жизненнымъ опытомъ взгляды и понятія, но молодое-то поколѣніе, по мнѣнію Добролюбова, не должно благоговѣно останавливаться передъ этимъ плодомъ вѣковой мудрости предковъ; оно должно идти дальше, должно стремиться впередъ, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, если, во имя своихъ убѣжденій, ему временами приходится колебать устарѣлыя основы общества. А будетъ ли это подъ силу человѣку, привыкшему всю свою жизнь склоняться передъ авторитетомъ, перенявшему безъ разсужденій слѣпо, на вѣру, взгляды своего наставника? Нѣтъ, у такого человѣка никогда не хватитъ духу, да и не явится желанія пойти противъ господствующихъ убѣжденій; онъ не станетъ искать новыхъ путей, не станетъ бороться за новыя истины, а безъ такой борьбы получился бы застой, человѣчество никогда бы не шло впередъ, и никакое совершенствованіе не было бы возможнымъ.

Случается иногда, что болѣе сильныя натуры, благодаря удачно сложившимся обстоятельствамъ, возстаютъ впослѣдствіи противъ всего того, что имъ съ дѣтства навязывали въ образецъ (въ видѣ примѣра, Добролюбовъ приводитъ Вольтера); но такія личности становятся опасными для общества, такъ какъ огульно, не разбирая, гдѣ истина и гдѣ ложь, громятъ все, чему ихъ заставляли поклоняться и во что вѣрить господствующее большинство.

Наконецъ, ребенку, привыкшему слѣпо подчиняться, подчасъ приходится поступать противъ собственныхъ убѣжденій, образовавшихся самостоятельнымъ путемъ, такъ сказать, поступать противъ своей совѣсти. Свой внутренній душевный міръ ребенку приходится подчинять силѣ внѣшней и болѣе могущественной. При такихъ условіяхъ, чувствъ правды, справедливости никогда не разовьется въ ребенкѣ, напротивъ, оно искажится, отыскивая себѣ оправданіе въ томъ, что «такъ приказано».

«Отдается приказаніе», говоритъ Добролюбовъ, «ребенокъ ис-

подняеть его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего, достойнаго награды,—ребенокъ потому и исполнилъ приказаніе тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ. За что же его хвалятъ? Очевидно—за послушаніе. Дается другое приказаніе; воспитанику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ, и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы онъ слушался и не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значить, бранили его? Ясно, за что—за непослушаніе. Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало по малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію и мѣсто его занимаетъ слѣпое слѣдованіе авторитету» (томъ I, стр. 200).

Случается, что ребенокъ самъ въ послѣдствіи убѣждается въ правильности приказаній, отдаваемыхъ воспитателемъ, но такое явленіе не представляетъ собою ничего утѣшительнаго. Нѣсколько разъ убѣдившись въ своей неправотѣ, ребенокъ перестаетъ себя довѣрять, утрачиваетъ энергію, отвагу, начинаетъ сомнѣваться въ своихъ сужденіяхъ и не смѣетъ имъ слѣдовать, хотя бы они казались ему ясными какъ Божій день. Отсюда является вялость, нерѣшительность, апатія,—свойства, совершенно нежелательныя при развитіи цѣльнаго характера.

Еще того хуже, когда житейскія обстоятельства подтверждаютъ приказанія воспитателя; тогда высшая правда, подсказываемая собственнымъ сознаніемъ ребенка, отбрасывается, какъ бредни, какъ нѣчто лишнее, ненужное, несогласное съ жизнью. Въ поясненіе своей мысли Добролюбовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ; вотъ одинъ изъ нихъ:

«Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія со старымъ слугою; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушается, и въ одно время такъ зашаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику неприятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: а все оттого, что не слушался. погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь по прежнему быть съ нимъ за панибрата... И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи» (томъ I, стр. 201).

Подобное искаженіе высшей правды услужливыми обстоятельствами можетъ только убить въ ребенкѣ всякое нравственное чувство и спутать окончательно его понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и справедливости. Ребенокъ, привыкшій подчинять свою волю житейскимъ условностямъ, и въ будущемъ будетъ подчинять свои убѣжденія и желанія, а, слѣдовательно, и волю жизненнымъ обстоятельствамъ, болѣе выгоднымъ. Нѣтъ, истинно

разумный, идеальный воспитатель никогда не потребуетъ отъ ребенка безусловнаго, слѣпago повиновенія; напротивъ, онъ постарается дать возможно большую свободу ребенку, предоставитъ ему жить и дѣйствовать возможно самостоятельное, чтобы ребенокъ могъ личнымъ опытомъ развить и укрѣпить свою волю.

«Въ педагогикѣ есть положеніе», говоритъ Добролюбовъ, «что для дѣтей, неспособныхъ еще къ отвлеченнымъ понятіямъ, воспитатель составляетъ олицетвореніе нравственнаго закона, и потому необходимо довѣріе ребенка къ воспитателю. Но обязанность воспитателя, продолжаетъ потомъ педагогика, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать себя ненужнымъ для ребенка, приучивши его понимать нравственный законъ въ его истинной сущности, независимо отъ авторитета воспитателя». (томъ III, стр. 94).

Примѣромъ того, какъ искажается характеръ ребенка, лишеннаго возможности развиваться самостоятельно, служитъ уже упомянутый выше Обломовъ, въ его дѣтскіе годы. По натурѣ это былъ ребенокъ далеко не вялый, не апатичный, напротивъ, въ немъ замѣтны были и любознательность, и пытливость, но ему съ ранняго дѣтства не давали ни шагу ступить самостоятельно, всякое естественное стремленіе къ свободѣ встрѣчало отпоръ, неодобреніе со стороны старшихъ. Каждый шагъ его контролировался, каждая потребность его была предусмотрена и удовлетворена прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ оформить свое желаніе, каждое дѣйствіе его подвергалось оцѣнкѣ, восхвалялось или порицалось. Такое вмѣшательство въ жизнь ребенка, такое лишеніе свободы, такое подавленіе его личности и воли привели къ тому, что всякая инициатива, воля, энергія заглохли въ немъ, не имѣя случая окрѣпнуть и развиться. Оттого, и видно въ Обломовѣ, въ позднѣйшіе годы, такое рабство передъ обстоятельствами, такой страхъ передъ малѣйшимъ затрудненіемъ, препятствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «барство», т. е. привычка, чтобы за него и думали, и дѣлали другіе, чтобы ему ни въ какой области не приходилось ни напрягать своихъ силъ, ни насиловать своей воли.

Образованіе подобнаго типа разбираетъ Лесгафтъ въ своей книгѣ «Семейное воспитаніе ребенка», называя этотъ типъ «мягко забитымъ» или «заласканнымъ». По мнѣнію Лесгафта, складывается онъ «при предупрежденіи всякой самостоятельной дѣятельности, при уничтоженіи всякой инициативы, всякаго почина со стороны ребенка, при заботливомъ устраненіи условий для развитія умственной дѣятельности. Появляется такой типъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всякая дѣятельность ребенка предупреждается, когда все для него готово, и онъ никогда не возбуждается къ разсужденію, къ самостоятельному распоряженію своимъ временемъ и своими дѣйствіями». («Семейное воспитаніе ребенка», стр. 74).

Среди дворянъ такого рода воспитаніе, какое мы встрѣчаемъ у Обломова и о которомъ говоритъ Лесгафтъ, было далеко не

рѣдкостью; обусловливалось оно не одной предвзятой воспитательной системой, но, въ большинствѣ случаевъ, вызывалось общимъ ненормальнымъ положеніемъ вещей, многія неблагоприятныя стороны котораго до сихъ поръ не успѣли еще искорениться и съ которыми и нынѣ приходится считаться, если мы желаемъ дать правильное воспитаніе нашимъ дѣтямъ.

Въ своей критической статьѣ по поводу повѣстей Марка Вовчка, Добролюбовъ указываетъ на тотъ фактъ, что при образованіи хара-ктеровъ дворянъ и крестьянъ, находившихся въ одинаково ненормальныхъ условіяхъ, развращающій принципъ крѣпостной зависимости не оказывалъ на крестьянъ такого безотраднaго вліянія въ смыслѣ искаженія ихъ понятій и воли, какъ онъ имѣлъ на дворянъ.

Хотя положеніе крѣпостного крестьянина несравненно тягостнѣе, но гнетъ здѣсь является чисто внѣшнимъ, нѣтъ здѣсь искусственнаго искаженія понятій, нѣтъ вмѣшательства въ каждое самостоятельное проявленіе воли ребенка, нѣтъ обереганія отъ жизни и безцѣльнаго баловства; жизнь, хотя и требуетъ подчиненія строгимъ, опредѣленнымъ законамъ, но оставляетъ достаточно простора для развитія воли. Крестьянское дитя является самостоятельнымъ участникомъ окружающей жизни, оно предоставлено самому себѣ несравненно больше дворянскаго ребенка, такъ какъ никому нѣтъ времени вмѣшиваться въ его духовный міръ. Часто случается, что воля ребенка, подъ давленіемъ внѣшней, грубой силы, принимаетъ дурное направленіе, ребенокъ научается лгать, обманывать, озлобляется противъ своихъ притѣснителей, но одновременно съ этимъ онъ научается стоять за себя, и воля его крѣпнѣетъ, развивается. Оттого, среди крестьянъ, выросшихъ подъ гнетомъ крѣпостной зависимости, и встрѣчалось все же такъ много цѣльныхъ натуръ съ сильной волей, тогда какъ среди дворянъ такіа природы—рѣдкость, не смотря на лучшія условія ихъ соціальной жизни и на то, что понятія у нихъ правильнѣе и душевные запросы обширнѣе и чище.

Подтвердимъ это положеніе еще словами Ушинскаго: «Самые безхарактерные люди выходятъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ родители и воспитатели, не понимая свойствъ души человѣка, безпрестанно вмѣшиваются въ жизнь ребенка и не даютъ ему свободно ни чувствовать, ни желать». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»).

Ушинскій замѣчаетъ даже, что прежняя суровая, безпопадная школа, съ ея подчасъ жестокими и бессмысленными правилами, въ сущности, болѣе содѣйствовала выработкѣ характера, чѣмъ современная педагогика, основанная на вмѣшательствахъ въ жизнь ребенка и на подавленіи его личности; прежняя система всетаки предоставляла извѣстную свободу, самостоятельность, хотя бы въ предѣлахъ узкихъ рамокъ, безцѣльное баловство и обереганіе отъ жизни не поощрялись, никто не копался въ душѣ ребенка, никто не направлялъ каждаго его шага; правда, многія дѣти погибали,

М 4396 жф.

но за то, кому удавалось уцѣлѣть, тотъ выходилъ съ закаленной волей и хорошо организованнымъ характеромъ. Само собой, не рекомендуя возвращаться къ прежней жестокой школьной системѣ воспитанія, Ушинскій только совѣтуетъ, чтобы современная педагогика не впадала въ другую крайность и оставляла разумный просторъ для самостоятельной жизни сердца и воли, въ которой только и могутъ быть накоплены матеріалы будущаго характера». Необходимо съ одной стороны, чтобы ребенокъ являлся отвѣтственнымъ за свои поступки, промахи и ошибки, не отговариваясь тѣмъ, что за него не подумали другіе, что его не предупредили старшіе, какъ это часто случается при современной системѣ воспитанія, но, съ другой стороны, надо, чтобы въ то же время онъ привыкъ подчиняться опредѣленнымъ, даже строгимъ, хотя обязательно законнымъ, требованіямъ, чего, однако, тоже не существуетъ въ воспитаніи, основанномъ на вмѣшательствѣ въ каждое дѣйствіе ребенка и на обереганіи его отъ уроковъ жизни.

«Лучшимъ условіемъ для успѣшной и быстрой организаціи характера», говоритъ Ушинскій: «является такая среда, которая не была бы слишкомъ узкой для дитяти, но за предѣлами которой стояла бы крѣпкая, неподатливая жизнь, безцеремонно отталкивающая дитя, когда оно хочетъ переступить отмежеванный ему предѣлъ. Тогда характеръ дитяти, окрѣпнувъ и организовавшись внутри отведенной ему сферы, будетъ не безъ труда расширять ея предѣлы. Такая жизнь представитъ множество опытовъ удачъ и неудачъ, успѣха и неуспѣха, зависящихъ отъ самого дитяти, а это лучшія средства, чтобы сосредоточить чувственныя массы представлений въ одинъ сильный характеръ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе крестьянскихъ дѣтей идетъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ воспитаніе дѣтей богатаго класса». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 428).

Другой примѣръ пагубнаго вліянія воспитанія, построеннаго на вмѣшательствѣ въ жизнь ребенка и полномъ подавленіи его воли, ярко выступаетъ въ разборѣ Добролюбова сочиненій Островскаго, въ статьѣ, озаглавленной: «Темное царство». Здѣсь обрисована власть невѣжества, произвола, самодурства, тяжелый гнетъ старшихъ на молодое поколѣніе. Развѣ могутъ развиваться нравственныя понятія при такихъ условіяхъ, когда ни одно приказаніе, обращенное къ ребенку, не основано на опредѣленныхъ требованіяхъ? Развѣ можетъ закалиться воля ребенка, если ее съ малыхъ лѣтъ давятъ безспорнымъ авторитетомъ родителей, если душатъ всякое самостоятельное ея проявленіе? Но вѣдь, сколько бы ни старались стѣснить въ человѣкѣ его волю, она всегда стремится проявить себя хотя бы въ искаженной формѣ.

Согласимся съ Ушинскимъ, что чувство свободы прирождено человѣку, и что нѣтъ ничего тяжелѣе насильственнаго подавленія этого органическаго стремленія души. Вотъ отчего замѣчается, по мнѣнію Добролюбова, что дѣти, если ихъ не насилуютъ, не стѣсняютъ ихъ свободы безчисленными приказаніями и наставленіями,

довольны, веселы, незлобивы и даже послушны; напротивъ, при постоянныхъ запрещеніяхъ, указаніяхъ и приказаніяхъ, дѣти озлобляются, становятся упрямыми, своевольными, подавленная воля ихъ стремится проявиться въ чемъ угодно, лишь бы поступокъ этотъ былъ самостоятельнымъ, непринужденнымъ. Отсюда происходятъ дурные поступки дѣтей. Пагубное искаженіе проявленій воли встрѣчаемъ мы въ «Темномъ царствѣ» не только у дѣтей, но и у взрослыхъ.

Придавленные, исковерканныя, рабски угодливыя природы стремятся проявить свою независимость бессмысленной тратой силъ, нелѣпыми поступками. Вотъ отчего поступки самодуровъ поражаютъ насъ своей несообразностью и незаконностью. Вѣдь сами-то самодуры выросли въ такихъ же ненормальныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся теперь лица, отъ нихъ зависящія, надъ которыми они проявляютъ свой произволъ; воля ихъ не имѣла случая развиться и закалиться, они не научились преодолевать препятствія и самодурствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаютъ отпора, болѣе всего желая доказать другимъ и убѣдить самихъ себя, что они свободны поступать такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Чувство свободы было слишкомъ долго придавлено въ нихъ, потому-то и стремятся они проявить свою волю въ чемъ угодно, не заботясь о томъ, что она проявляется въ безобразной, уродливой формѣ.

А. Коллонтай.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Владиміръ Короленко.

Въ литературу, то упорно сосредоточенную на психологическомъ анализѣ личныхъ душевныхъ состояній, то съ какимъ то испугомъ отмѣчавшую все новыя и новыя проявленія общественнаго разложения, въ эту мучительную, нервную, растерянную, недоумѣлую литературу первой половины восьмидесятыхъ годовъ, Короленко принесъ живое чувство природы, широту пытливой мысли и мужественную крѣпость убѣжденной натуры.

Въ его небольшомъ разсказѣ «Сонъ Макара» было больше природы, чѣмъ въ цѣломъ десяткѣ повѣстей и разсказовъ тѣхъ беллетристовъ, произведеніями которыхъ должна была довольствоваться послѣдніе годы читающая публика. Явился авторъ, который находитъ природу не въ однихъ ухищренностяхъ натурализма; для него былъ открытъ весь широкій міръ, и у него въ свою очередь были открыты глаза для того, чтобы видѣть все богатство его красокъ и обиліе жизни, и слухъ, способный схватить все разнообразіе и оттѣнки окружающихъ звуковъ. При этомъ, описанія природы, которыя вводилъ Вл. Короленко въ свои произведенія, являлись не случайными экскурсіями въ область пейзажа, не эпизодическими отступленіями въ изложеніи главной темы разсказа. Отличительною чертою художественнаго творчества Вл. Короленко служитъ цѣлостное пониманіе душевнаго міра и міра природы. Вы постоянно чувствуете ту органическую связь, которая соединяетъ настроеніе чувствующей личности и міръ, ее окружающій, ихъ взаимодѣйствіе, въ которомъ, однако, главная опредѣляющая роль чаще всего принадлежитъ личному настроенію. Прослѣдите, какъ въ разсказѣ «Ночью» быстро мѣняется въ глазахъ дѣтей картина окружающей обстановки, сообразно измѣненіямъ, совершающимся въ ихъ понятіяхъ, по мѣрѣ того, какъ занимающая ихъ умъ тайна жизни и смерти получаетъ то или иное освѣщеніе. Или взгляните, какая тѣнь щемящей грусти наброшена на эту холодную природу Сибири настроеніемъ одинокаго тоскующаго на чужой сторонѣ человѣка, когда онъ съ крыши заброшенной юрты смотритъ въ холодную даль сѣвернаго пейзажа.

«Туманъ совершенно разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнѣе и нѣсколько мягче.

На сѣверѣ изъ-за гребня холмовъ, покрытыхъ черною массою лѣсовъ, слабо мерцающая, подымалась какія то бѣлесоватые облака, быстро пробѣгавшія по небу. Казалось, кто то тихо вздыхалъ среди глубокой холодной, ночи, и клубы пара, вылетавшіе изъ гигантской груди, безшумно проносились по небу и затѣмъ тихо угасали въ глубокой синевѣ. Это играло слабое сѣверное сіяніе.

Поддавшись какому-то грустному обаянію, я стоялъ на крышѣ, задумчиво слѣдя за слабыми переливами сполоха. Ночь развернулась во всей своей холодной и унылой красѣ. На небѣ мигали звѣзды внизу синѣга уходили вдаль ровною пеленою, чернѣла гребнемъ та йга синѣли дальнія горы» (I, 397).

Мы могли бы привести съ произведеній Вл. Короленко не мало описаній природы, не уступающихъ приведенному отрывку ни по силѣ проникающаго ихъ поэтического чувства, ни по красотѣ изображенія. Такія описанія, какъ картина ранняго утра за городомъ, дышущая несравненной свѣжестью въ глазахъ полного жизни и нетронутыхъ силъ ребенка, одного изъ героевъ «дурного общества», (I, 35), или описаніе бѣга корабля и впечатлѣнія морской глубины въ разсказѣ «Безъ языка», звучное, какъ отрывокъ музыкальной поэмы, подернутое отгѣнкомъ глубокой грусти, пантеистическаго настроенія, — подобныя мѣста навсегда останутся лучшими украшеніями нашей художественной литературы.

Среди произведеній Вл. Короленко есть нѣкоторыя, въ которыхъ ощущеніе природы играетъ роль постоянного основного фона, съ которымъ нераздѣльно слиты образы и дѣйствіе разсказа. На это указываютъ самыя заглавія: «Лѣсъ шумитъ», «Рѣка играетъ». Первое изъ этихъ произведеній — музыкальная поэма, въ которой шумъ дремучаго бора, встревоженнаго приближеніемъ надвигающейся грозы, будить отголоскомъ въ памяти стараго дѣда мрачную боль, разрывающуюся нѣкогда въ томъ же лѣсу подъ такой же угрожающій шумъ столѣтнихъ встревоженныхъ сосенъ. Этотъ шумъ составляетъ немолчный аккомпаниментъ всего разсказа; по мѣрѣ того, какъ онъ крѣпнеть, вы чувствуете, какъ разгораются могучія страсти этихъ сильныхъ людей, которые терпѣли произволъ и поруганіе личности, но терпѣли до поры, до времени. И мрачная страстность раскрывающейся передъ вами трагедіи умѣряется только искусно выраженнымъ впечатлѣніемъ того, что все это было давно, «было и быльемъ поросло», впечатлѣніемъ переживаемаго воспоминанія и старческой грусти по тѣмъ временамъ, когда и пань, и бабы, и пѣсни, — все было иное, не то, что теперь, а настоящее лучшее.

Въ такой же полной гармоніи съ окружающей природой находятся люди, ихъ рѣчи и поступки въ очеркѣ «Рѣка играетъ». Простодушный и лѣтливый «мужиченко» Тюлинъ съ его бессознательнымъ юморомъ является какъ бы частью всей этой наивной ветлужской природы. Бурно «вызграла» послѣ дождей обычно тихая, лѣтливо плещущая въ свои зеленые берега Ветлуга, и также внезапно въ минуту опасности въ душѣ апатичнаго, распущеннаго Тюлина встаетъ нежданннй приливъ твердости и энергіи, чтобы по минованіи надоб-

ности столь же быстро войти въ берега его стихійнаго и лѣниваго существованія.

Не менѣе ярко выступаетъ это умѣніе Вл. Короленко приводить въ соотвѣтствіе жизнь природы и душевное состояніе человѣка въ его фантазіи «Тѣни». Въ то время, какъ аѳинскіе граждане, осудивъ Сократа на смерть, томилась робкою надеждою, что онъ самъ сниметъ съ ихъ души сознаніе неправаго дѣла и боролись въ сомнѣніяхъ и недоумѣніи — «въ этотъ темный вечеръ море металось и глухо шумѣло подѣ туманомъ, а измѣнчивый вѣтеръ шевелилъ паруса кораблей съ тихимъ и грустнымъ недоумѣніемъ»... Но вотъ упрямецъ выпилъ чашу смерти. «Вѣтеръ крѣпчалъ сильнѣе, закутыяя городъ пеленою морскихъ тумановъ и начиная съ яростью трепать паруса, запоздавшіе въ гавань. И Эриніи заводили свои мрачныя пѣсни въ сердцахъ гражданъ, возбуждая въ нихъ грозу, отъ которой впоследствии погибли обвинители Сократа». И далѣе, уже въ царствѣ тѣней вся природа принимаетъ живое участіе въ могучемъ спорѣ Олимпа съ безстрашнымъ мудрецомъ, оспаривающимъ божество громовержца Зевеса, чтобы въ послѣдній моментъ раскрыться передъ смѣлымъ искателемъ истины въ торжественномъ шествіи сіяющаго дня.

Но для того, чтобы выдерживать это постоянное соотношеніе между міромъ природы и человѣческими чувствами, представленіями и страстями, для того, чтобы такъ смѣло вводитъ личный субъективный элементъ въ природу, не страшась нарушить правдивость ея изображенія, нужно не только жить полною жизнью чувствъ, нужно глубоко знать природу. Такое знаніе дается богатымъ опытомъ, рѣдкимъ даромъ наблюдательности, доходящимъ до высшей изощренности чувствъ. У Вл. Короленко мы находимъ и то, и другое. Ему близки и знакомы и ясныя лунныя ночи Малороссіи, и природа ледяныхъ пустынь Сибири, и глухія дебри Полѣсья, и мирный пейзажъ родного захолустья. Онъ человѣкъ бывалый, подвижной. Его творчество по преимуществу живетъ реальными впечатлѣніями, которыя онъ столько же ловитъ по пути своей жизни, сколько самъ идетъ имъ на встрѣчу. Проглядите его произведенія, въ большинствѣ изъ нихъ вы застааете его въ пути. И это не случайная особенность его литературной композиціи, это дѣйствительная черта, характеризующая автора. То вы встрѣчаете его на одномъ изъ рѣдкихъ «станковъ» пустыннаго ленскаго тракта, отогрѣвающимся для того, чтобы снова пуститься въ дальній путь, ныряя въ возгъ по ухабамъ безконечной дороги, то видите его твердою рукою направляющимъ свой утлый ботикъ по извилистому теченію угрюмаго Керженца, то пробирающимся съ котомкою за плечами мирною проселочною дорогою или отдыхающимъ въ группѣ простого народа у костра, разведеннаго на опушкѣ лѣса. Это художникъ, образы котораго сложились не въ душевной атмосферѣ писательскаго кабинета, а подѣ открытымъ небомъ, въ тѣсномъ общеніи съ жизнью природы, не городской чахлой природы, а природы, полной силъ и гордаго величія, жизнью народа, простого народа, а не исключительныхъ нервныхъ предста-

вителей городской культуры. Вотъ почему, читая его произведения, вы испытываете чувство истиннаго отдыха. Отъ нихъ вѣетъ свѣжимъ воздухомъ и просторомъ полей, прохладю и шумомъ лѣса, плескомъ рѣки, запахомъ придорожнаго костра.

Но предельность описаній Вл. Короленко нельзя объяснить только однимъ богатствомъ и широтою наблюденія. Онъ заходитъ такъ далеко въ глубь природы, такъ проникается ея оттѣнками и голосами, какъ это способенъ дѣлать не просто наблюдательный и вдумчивый колористъ-художникъ. Подобное проникновеніе въ жизнь природы открываетъ въ немъ человѣка, душу котораго ея великая тайна способна охватить захватывающимъ чувствомъ восторга, какъ то находимъ мы въ заключительныхъ страницахъ фантазіи «Тѣни», или глубокой мировой печали, проникающей въ разсказъ «Безъ языка» описаніе океана, его таинственной глубины, вѣчнаго движенія и непонятной жизни. Только страстностью отношенія Короленко къ природѣ можно объяснить то обильное и тонкое знаніе специальныхъ подробностей, какое обнаруживаетъ онъ въ своихъ произведенияхъ и которое сразу выдѣляетъ его описанія изъ ряда общихъ мѣстъ и шаблонныхъ отступленій. Въ этомъ умѣнїи схватывать частныя индивидуальныя черты предмета скрывается секретъ яркой жизненности и оригинальности его изображеній. Какъ истинный художникъ, Вл. Короленко не терается въ обилии столь доступныхъ ему подробностей, не даетъ имъ овладѣть своимъ творчествомъ; онъ бережливъ, онъ пользуется этими подробностями, деталями ровно на столько, чтобы создать должное представленіе, проникнутое именно тѣмъ настроеніемъ, которое имъ пережито и которое онъ хочетъ внушить читателю. Способности такъ глубоко и всесторонне охватывать явления природы должны отвѣчать особая чуткость и впечатлительность художника. Уже давно отмѣченъ тотъ психологическій фактъ, что художественная воспримчивость къ явлениямъ внѣшняго міра выражается большею частью въ преобладаніи одного изъ двухъ родовъ ощущеній, звуковыхъ или зрительныхъ. Въ первомъ случаѣ автору болѣе доступенъ міръ звуковъ, во второмъ — міръ красокъ. Эта преобладающая форма чувствительности налагаетъ свою печать на всѣ образы и представленія творчества, создавая или художниковъ-живописцевъ, или художниковъ, въ основѣ творчества которыхъ лежатъ по преимуществу музыкальныя ощущенія. Что Вл. Короленко принадлежитъ ко второму типу художниковъ, было отмѣчено критикой (К. Арсеневъ), почему мы считаемъ излишнимъ долго останавливаться на этомъ обстоятельстве. Достаточно указать на такія произведения его, какъ «Слѣпой музыкантъ», «Ночь подъ Свѣтлымъ праздникомъ», «Лѣсъ шумитъ», чтобы убѣдиться, насколько творчество Вл. Короленко богато звуковыми обозначеніями. Въ первомъ изъ указанныхъ произведеній онъ ставитъ себѣ задачу перевести по возможности на языкъ звуковъ весь сложный міръ зрительныхъ впечатлѣній и идей, и, даже признавая попытку его не вполне удачной, нельзя отказать автору въ поразительномъ искусствѣ и тонкости разработки поставленной темы. Въ голосахъ природы слухъ Коро-

ленно способенъ отмѣчать едва уловимыя оттѣнки, и слова, отнесенныя къ Гете:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна“—

не безъ нѣкотораго права могутъ быть отнесены и къ нему. Развѣ не пониманіе «говора древесныхъ листовъ», говорить словами дѣда въ полѣвской легендѣ «Лѣсъ шумить»: «Хорошо знаю, какъ дерево говоритъ. Вотъ осина, проклятое дерево, все что-то лопочеть, и вѣтру нѣтъ, а она трясется. Сосна на бору въ ясный день играетъ, звенить, а чуть подымется вѣтеръ, она загудитъ и застонетъ. Это еще ничего... А вотъ слушай теперь... Я хоть глазами плохо вижу, а ухомъ слышу: дубъ зашумѣлъ, дуба уже трогаешь на полянѣ. Это къ бурѣ»... И морская волна въ своемъ безпокойномъ и вѣчномъ движеніи говорила его простодушному лозицианину Матвѣю о Богѣ о землѣ и небѣ, о жизни и смерти... А плескъ и порохъ прибывающей Ветлуги развѣ не звучитъ въ его разсказѣ «Рѣка играетъ» такъ живо и понятно, что, даже только перечитывая его, вы уже испытываете подмывающій приливъ рѣзвыхъ молодыхъ ощущеній. А всѣ безчисленные оттѣнки въ звонѣ дорожнаго колокольчика, гдѣ схвачены они во всемъ ихъ разнообразіи и прелести всѣми пережитаго, всѣмъ памятнаго настроенія, какъ и въ его чудномъ описаніи томительно долгой ѣзды въ тарантасѣ по пыльному тракту, въ томительно жаркій, сухой, «облачный», лѣтній день? Вотъ, напримѣръ, штрихъ, несравненный по тонкости и въ то же время простотѣ выраженія.

Разговорчивый ямщикъ замолчалъ. «Опять наступила тишина и дорожное томленіе. Барышня смотрѣла вдаль, господинъ потряхивался и ритмически покачивался на сидѣннѣ, а глаза его, все еще открытые, стали такъ тусклы, какъ будто на нихъ наслѣла пыль. Колокольчикъ бился и даже какъ будто подвизгивалъ какому-то неисходному горю. *Потомъ онъ весьма надолго, прислушался и сразу исчезъ изъ слуха и сознанія*». Кому не знакомъ этотъ звуковой эффектъ? Но для того, чтобы вскрыть его, — это всѣмъ знакомое простое явленіе, надо быть художникомъ, истиннымъ, оригинальнымъ художникомъ.

Эту любовь къ природѣ и прежде всего къ міру звуковъ Вл. Короленко вынесъ отсюда же, откуда и свой добродушный, порою не безъ нѣкоторой доли лукавства, юморъ,—съ юга Россіи, изъ богатой пѣснями Малороссіи и Юго-западнаго края, гдѣ, судя по его дѣтскимъ воспоминаніямъ и біографическимъ отступленіямъ, прошли первые годы его жизни. Подъ впечатлѣніемъ суровой, но полной своеобразной красоты и мощи природы Сибири, ея ледяныхъ пустынь, скованныхъ морозомъ гигантскихъ рѣкъ, покрытыхъ лѣсами молчаливыхъ горъ и темной тайги это чувство природы не застыло, но

нашло новую пищу для своего развитія. Творчество Короленко обогатилось новыми образами, чуждыми мягкихъ, ласкающихъ тоновъ родной стороны, но полными силы и фантастическаго величія. Эти образы не помѣшали ему, однако, оцѣнить въ послѣдствіи и тихую прелесть простой русской природы, — природы средней Россіи, и та же «странная любовь», о которой говоритъ нашъ безвременно погившій поэтъ, влечетъ и его къ этимъ заброшеннымъ селеніямъ со скромной церковью надъ кручей, къ извилистымъ рѣчкамъ, прячущимся въ зеленыхъ берегахъ, проселочнымъ дорогамъ, вьющимся среди шепчущихъ съ обѣихъ сторонъ хлѣбовъ, къ могучей и плавной красавицѣ Волгѣ съ ея дѣятельною рѣчною жизнью, людными городами и богатыми селами.

Къ этой простой, порою наивной природѣ его влечетъ такъ же, какъ и къ простымъ непосредственнымъ людямъ, живущимъ съ нею бокъ-о-бокъ, жизнью труда и темныхъ, но глубокихъ вѣрованій. Съ пытливой внимательностью относится Короленко къ разнообразнымъ проходящимъ передъ нимъ типамъ простого народа; мѣткими чертами обрисовываетъ онъ передъ нами и сильные, энергичные типы искателей правды и фанатиковъ своихъ вѣрованій, типы откровенныхъ и скрытныхъ хищниковъ, неутомимыхъ бродягъ и бессознательныхъ преступниковъ. Но съ особеннымъ вниманіемъ, почти любовью, останавливается онъ на одномъ типѣ русскаго простолюдина, — простодушнаго, безхитростаго, съ чертою какого-то бессознательнаго юмора въ натурѣ, въ которой дурное уживается порою рядомъ съ хорошимъ на общей почвѣ искренности и несознанія. Наиболее яркимъ выразителемъ этого типа является перевозчикъ Тюлинъ въ эскизѣ «Рѣка играетъ» — безпечный, добродушный, наивный, почти всегда похмѣльный «мужиченко» Тюлинъ. Но и въ немъ авторъ отмѣчаетъ природное знаніе своего дѣла, своего рода талантъ и способность найтись, подтянуться въ минуту опасности, въ обычное время подавленные опущенностью, лѣнью и вѣчнымъ похмѣльемъ. Съ иными вариациями этотъ типъ повторяется и въ другихъ дѣйствующихъ лицахъ очерковъ Короленко: строптивомъ, увлекающемся, но всегда готовомъ на искренній и хороший поступокъ мастеровомъ Андрѣй Ивановичѣ («За иконою»), невзрачномъ на видъ, Силуянѣ, — неутомимомъ рассказчикѣ съ истинно поэтическимъ темпераментомъ («Въ облачный день»). А за этими образами идутъ другіе, еще болѣе простодушные, дѣтски наивные и непосредственные люди: могучій гигантъ Матвѣй изъ Лозищъ съ неясными думами въ головѣ и сердцемъ чистымъ, какъ у ребенка («Безъ языка»), «медвѣжатникъ», Аксень Ефимовъ, никакъ не могущій примирить въ своемъ наивномъ міровоззрѣніи лѣсную правду съ новыми порядками, вводимыми полякомъ-лѣсничимъ («Въ пустынныхъ мѣстахъ»), ямщикъ Хведько, робко заглядывающій изъ передней въ господскіе покои, но увѣренно разъясняющій во всѣ дѣтскія недоумѣнія насчетъ тайны появленія въ мірѣ новой жизни («Ночь»), и многіе другіе. Очевидно, что эта-то непосредственность, безыскусственность и почти дѣтская простота души наряду съ глубокою серьезностью и искренностью хотя бы и

наивныхъ убѣжденій,—все это именно и привлекаетъ въ нихъ чистую натуру художника. Нервному, изломанному самоанализомъ, извѣрившемуся поколѣнью городского общества авторъ противопоставилъ этихъ людей деревни съ ихъ глубокими вѣрованіями и искренними стремленіями, здоровымъ сердцемъ и крѣпкими нервами. Позднѣе мы увидимъ, что и въ этой средѣ, въ болѣе выдающихся людяхъ ея онъ отмѣтилъ разладъ понятій, выработку новыхъ идеаловъ и паденіе старыхъ, но эта глубокая внутренняя работа мысли и совѣсти подъ наплывомъ новыхъ идей въ тѣхъ или иныхъ формахъ идетъ вездѣ, и ея глубокая искренность и въ то же время безпомощность трогаютъ его здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иныхъ случаяхъ, кромѣ развѣ области дѣтской души.

Да! тотъ, кто любить простой народъ и природу, не можетъ не любить дѣтей. И Вл. Короленко посвятилъ имъ одни изъ лучшихъ своихъ произведеній. Онъ далеко отъ того, чтобы внушать намъ слащавое умиленіе передъ дѣтскими простодупіемъ и наивною или трогать насъ злоключеніями, падающими на головы этихъ нѣжныхъ, безпомощныхъ созданій. Въ своихъ дѣтскихъ типахъ онъ раскрываетъ передъ нами въ глубоко-жизненныхъ образахъ будущихъ взрослыхъ людей въ тотъ благодарный моментъ, когда на почвѣ естественной разницы натуръ и темпераментовъ только что складываются основы будущихъ воззрѣній, пробуждаются первые запросы пытливаго ума, первыя сомнѣнія и порывы едва просыпающагося сердца. Вы видите, какъ въ дѣтскихъ бесѣдахъ уже сталкиваются основныя направленія человѣческой мысли: идеализма и скептическаго реализма, какъ отзывчивое сердце маленькаго «пана-судьи», воочию увидѣвшаго всю нищету и страданія «дурнаго общества», подсказываетъ его пытливому уму первыя понятія о социальныхъ противорѣчійхъ и несправедливости. И вы начинаете понимать болѣе чѣмъ когда-либо, что рядомъ съ вами живетъ особый міръ безкорыстныхъ стремленій, симпатій и антипатій, міръ маленькихъ людей, непрестанно перерабатывающихъ въ своихъ вдумчивыхъ головахъ все окружающее, всѣ наши слова и поступки, полагая ихъ въ основу своей будущей жизни, своего міровоззрѣнія. Это тотъ міръ, мимо котораго мы проходимъ такъ часто со снисходительнымъ пренебреженіемъ, грубо переступая черезъ его интересы и требованія, скрытые отъ нашихъ глазъ, ослѣпленныхъ пошлостью и мелочами будничной жизни, пока не наступаетъ день, когда рядомъ съ собою мы съ удивленіемъ видимъ новое поколѣніе, выросшее бокомъ-о-бокъ съ нами и являющееся слишкомъ часто нашимъ судьей и осужденіемъ.

Но оставляя въ сторонѣ всѣ эти соображенія, дѣтскіе образы въ произведеніяхъ Короленко такъ жизненны, такъ привлекательны своей чистотой и искренностью, такъ интересны тонкими штрихами уже намѣчающейся разницы характеровъ, что съ истиннымъ сожалѣніемъ отрываетъ отъ нихъ глаза. Согрѣтые любовнымъ отношеніемъ автора, съ какой то материнской нѣжностью притрогивающагося къ ихъ едва распускающемуся сознанию и свѣжимъ чувствамъ, они встаютъ передъ нами каждый со своей индивидуальностью и окружающей

жизненной обстановкой; задумчивый, печальный, рано испытавший душою горечь нищеты и общественнаго презрѣнія оборванецъ Валекъ, и сынъ пана-судьи, заброшенный ребенокъ «съ руками и ногами, налитыми ртутью, добрый и отзывчивый мальчикъ, молча таящій въ своемъ сердцѣ чувство оскорбленной сыновней любви, и его маленькая рѣзвая сестрица Соня «круглая какъ пышка и упругая, какъ мячикъ», фантазеръ Вася, по прозвищу голованъ, и скептикъ Маркъ, иначе говоря, Мордикъ, въ которыхъ не трудно разглядѣть дѣйствующихъ лицъ очерка «Парадоксъ», какъ будто имѣющаго автобиографическій характеръ: двухъ братьевъ: старшаго впечатлительнаго съ богатыхъ рано развившимся воображеніемъ, облакающимъ окружающую дѣйствительность въ самыя фантастическія формы, а младшаго, хотя своимъ дѣтскимъ воображеніемъ и поддающагося обаянію иллюзій, но съ болѣе трезвымъ чувствомъ дѣйствительности и рано проявившимися чертами дѣятельной природы. Но самой трогательной фигурой среди этихъ милыхъ образовъ встаетъ передъ нами дитя подземелья, Маруся, нервное хрупкое больное созданье съ грустными синими глазками и бѣлокурыми волосами, обрамляющими блѣдное личико, жертва «сѣраго камня», медленно, но безопадно высасывающаго ея жизненныя силы, послѣдній румянецъ, блескъ глазъ и живость движеній. Нельзя не согласиться со словами покойнаго Ю. Николаева, что «образъ этой дѣвочки одинъ изъ трогательнѣйшихъ образовъ, созданныхъ русской художественной литературою; описание послѣднихъ дней жизни этого медленно угасающаго ребенка своей простотой и искренностью можетъ исторгнуть слезы даже у самаго закаленнаго человѣка» (Очерки современной беллетристики. Вл. Короленко, 25 стр.).

Вл. Короленко—правдивый и вдумчивый наблюдатель окружающей жизни. Онъ не только беретъ отъ нея все, что даетъ ему ея самопроизвольное и случайное теченіе, систематически и сознательно обогащаетъ онъ свою память и воображеніе ея характерными чертами, впечатлѣніями и фактами. Этотъ матеріалъ доставляетъ реальную основу его дальнѣйшему творчеству, въ результатъ котораго мы имѣемъ, по собственному его выраженію, «художественныя обобщенія въ реальныхъ условіяхъ».

Разсматривая весь рядъ его произведеній, нельзя не удивиться, по первому впечатлѣнію, разнообразію въ характерѣ этихъ «художественныхъ обобщеній». Здѣсь и картины жизни Сибири, и типы ея вольныхъ и невольныхъ обитателей, и полѣсская легенда, исторія душевнаго развитія «Слѣпотаго музыканта», очерки кустарнаго села Павлова и впечатлѣнія раскольниковыхъ мѣстъ, приключенія русскихъ крестьянъ-эмигрантовъ въ Америкѣ, малорусская сказка о еврейскомъ «Судномъ днѣ» и фантазія «Гѣни». Повидимому, про автора, творчество котораго такъ капризно перепархиваетъ съ одного сюжета на другой, изъ одной среды въ другую, можно сказать, что онъ раз-

брасывается, что самая мысль его—не установившаяся и не уравновѣшенная мысль. А между тѣмъ подобное мнѣніе въ приложеніи къ Вл. Короленко всего менѣе примѣнимо. Стоитъ только избрать центральнымъ пунктомъ для сужденія личность самого автора во всей полнотѣ ея нравственныхъ и общественныхъ интересовъ, и тогда мы легко увидимъ, что всѣ частности видимаго разнообразія и вышней пестроты въ произведеніяхъ Вл. Короленко поглощаются единствомъ міровоззрѣнія, лежащаго въ основѣ его дѣятельности. Это разнообразіе заключается не въ существѣ вопросовъ, затрогиваемыхъ художественнымъ синтезомъ автора, а исключительно въ разнохарактерности тѣхъ реальныхъ условий, въ которыя облекаетъ онъ свою мысль. Вскрывая эту оболочку, полную жизни, красокъ и блеску, вы вездѣ встрѣтите одно глубокое идейное содержаніе, отвѣчающее постояннымъ внутреннимъ запросамъ душевной жизни автора. Эти запросы касаются установленія высшихъ основъ міропониманія съ одной стороны, и нормальныхъ, согласныхъ съ идеаломъ справедливости, основъ общественной жизни—съ другой.

И въ томъ, и другомъ отношеніи Вл. Короленко является истиннымъ сыномъ своей эпохи и человѣкомъ своего поколѣнія. Въ глазахъ нѣкоторыхъ критиковъ непосредственная поэзія его изображеній и широта гуманнаго чувства затемнили это обстоятельство и заставляли видѣть противорѣчія тамъ, гдѣ отнюдь ихъ не было. Во Вл. Короленко хотѣли видѣть художника, стоящаго внѣ главныхъ направлений нашей общественной жизни, и своими экскурсіями въ область публицистики и общественной дѣятельности совершающаго грѣхъ по отношенію къ своей чисто-художественной, *объективно-художественной* натурѣ. Но это была глубокая ошибка. В. Короленко вполне субъективный авторъ и какъ человѣкъ въ своей публичной дѣятельности онъ всегда руководился тѣми же самыми глубокими и страстными убѣжденіями, которыя нашли себѣ отраженіе въ его литературномъ творчествѣ.

Первоначальное развитіе нравственной и литературной личности Вл. Короленко прошло подъ влияніемъ стремленій 70-хъ и 80-хъ годовъ. Если первая эпоха была отмѣчена преобладающей характеристикой чертой—жгучею жаждой болѣе справедливыхъ формъ общественной жизни, то вторая выразилась особеннымъ порывомъ къ переработкѣ общаго философскаго міровоззрѣнія, религіозно-нравственныхъ идеаловъ, идеаловъ личности и ея поведенія. Оба эти стремленія съ одинаковой силой отразились на творчествѣ Вл. Короленко явились его постоянными вдохновляющими мотивами.

Уже въ первомъ рассказѣ, обратившемъ на Вл. Короленко вниманіе всей читающей Россіи, они нашли яркое и опредѣленное выраженіе. Бѣдный, забытый Макаръ изъ глухой якутской слободки, всю жизнь терпѣвшій холодъ и голодъ, страшно работавшій, когда не былъ пьянъ, и готовый напиться въ каждый праздникъ, со своеобразными понятіями о честности и самой странной смѣсью языческихъ и христіанскихъ религіозныхъ представленій въ головѣ, предстаетъ на судъ великому Тойону. И, исчисливъ всѣ его обманы,

пьянство, мелкое воровство, скверныя слова и лѣтность, и всѣ его прочія прегрѣшенія, старый Тойонъ готовится вынести ему суровое рѣшеніе. Но въ глубинѣ души бѣднаго Макара встаетъ глубокая неискоренимая вѣра въ торжество конечной справедливости. Да, онъ бывалъ лѣнтяемъ, пьяницей и обманщикомъ, онъ не похожъ на праведниковъ, «глаза которыхъ ясны, и лица свѣтлы, и ризы безъ пятенъ».... «Его глаза мутны, и лицо темно, и одежда изорвана, и сердце поросло бурьяномъ, и терніемъ, и горькою полынью». Но, вѣдь, «и онъ родился, какъ другіе, — съ ясными открытыми глазами, въ которыхъ отражались и земля и небо, и съ чистымъ сердцемъ, готовымъ раскрыться на все прекрасное въ мірѣ? И если теперь онъ желаетъ скрыть подъ землею свою мрачную и позорную фигуру, то въ этомъ вина не его»... И онъ раскрываетъ предъ Тойономъ всю свою жизнь, полную труда, лишеній, нужды, помыканья со стороны сильныхъ, прошедшую въ темнотѣ безъ радостей и просвѣта, жизнь, въ теченіе которой «они со старухой стояли одинокіе, какъ стоятъ въ степи двѣ сиротливыя елки, которыхъ бьютъ отовсюду жестокія метели, и въ концѣ которой имъ грозитъ одна злая безпріютная дряхлость».

Страстной горячѣй рѣчью, проникнутой глубокой любовью къ несчастному, темному человѣку, отражаетъ авторъ отъ Макара слова осужденія. Онъ говоритъ за того Макара, «который никогда въ жизни не произносилъ болѣе десяти словъ къ ряду», говоритъ во имя высшей справедливости и говоритъ не въ первый и не въ послѣдній разъ.

Проглядите послѣдующія произведенія Вл. Короленко и вы убѣдитесь, что нѣтъ ничего ближе его сердцу, какъ человѣкъ, надъ которымъ совершена или готовится совершиться несправедливость. За Макаромъ встаютъ члены «дурного общества» — группа людей, выбитыхъ тѣми или другими жизненными обстоятельствами изъ колеи нормальной жизни, презираемые и гонимые отовсюду, принужденные томиться въ мрачномъ и сыромъ подземельи уніатской часовни и добывать себѣ средства существованія не всегда дозволенными средствами. И черезъ темныя краски, налагаемыя на этихъ людей ихъ паденіемъ и грошевыми пороками, авторъ указываетъ намъ черты тяжелаго трагизма, глубокаго горя и бѣдствій, — онъ рисуетъ передъ нами бѣдныхъ, уже ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей этого «дурного общества», погибающихъ подъ гнетомъ лишеній и общественного презрѣнія. — Далѣе передъ нами фигура Яшки «въ подслѣдственномъ отдѣленіи», испытывающаго всевозможныя мытарства по всѣмъ арестантскимъ этапамъ и тюрьмамъ Сибири, а между тѣмъ его единственная вина заключается въ фанатическомъ обличеніи того строя окружающей жизни, гдѣ онъ видитъ поправнѣе своеобразно понимаемаго имъ «правъ-закона». Вотъ жидъ Янкель, попадающій искупительной жертвой въ лапы «чертяки». Правда, онъ шинкаръ и процентчикъ, но мельникъ Филиппъ Гладкій только и ждетъ, когда ему можно будетъ заступитъ мѣсто жида и открыть не одинъ шинокъ, а два, брать проценты вдвое и втрое, да еще задираетъ голову вверхъ и творитъ надъ слабыми людьми поруганіе. Вотъ передъ нами всѣ

эти сильные и слабые люди, испытывающие надъ собою несправедливость общественныхъ отношеній и руку произвола: угрюмый лѣсникъ Ромашъ и жалкій смотритель Агдаванскаго почтоваго «станка», мудрецъ Сократъ и ящикъ - убивецъ и убійца этого послѣдняго и многіе, многіе другіе.

Но оставимъ эти образы, наполовину созданные фантазіей художника, и перейдемъ въ область живой дѣйствительности, которой всѣ мы были свидѣтелями, — и что же мы видимъ. Въ 1892 г. мы находимъ Вл. Короленко въ глухомъ углу Лукояновскаго уѣзда среди бѣдствующаго, голодающаго населенія, обвиняемаго съ разныхъ сторонъ въ притворствѣ и туеядствѣ. Каждый вечеръ въ курной избѣ или гостиницѣ уѣзднаго города, или въ помѣщицѣй экономіи, усталый и порою глубоко потрясенный всѣмъ, что довелось ему видѣть и чувствовать за день, онъ заноситъ въ свою записную книжку факты, картины, мысли и впечатлѣнія. И въ правдивой передачѣ этихъ фактовъ и картинъ образъ лѣнтяя, обманщика, пьяницы и попрошайки, созданный застарѣлымъ предубѣжденіемъ и мелкими уѣздными страстями, смѣняется видомъ больныхъ дѣтей, полуумирающихъ убогихъ старухъ и стариковъ, обезсиленныхъ лишеніями взрослыхъ мужчинъ и женщинъ. Эти замѣтки, печатавшіяся сначала по частямъ на столбцахъ газетъ и журналовъ и изданныя въ послѣдствіи отдѣльною книгою («Въ голодный годъ»), оказали въ свое время услугу не одной только Нижегородской губерніи, которой касались, но и всей провинціальной Россіи, общественныя неурядица которой раскрывались въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ». И на этотъ разъ Вл. Короленко уже не впервые приходилъ на зовъ нищеты, умоляющей о помощи. Зимой 1889 г. его можно было видѣть въ кустарномъ селѣ Павловѣ, бѣднѣйшее населеніе котораго, постигнутое жестокимъ кризисомъ въ сбытѣ своихъ произведеній, изнемогало въ когтяхъ острой нужды. По кривымъ крайнимъ переулкамъ села изъ лачуги въ лачугу переходить онъ со своимъ проводникомъ кустаремъ Аверьяномъ, воочію убѣждаясь въ результатахъ беспощадной работы хроническаго голоданія. И онъ поставилъ предъ лицомъ всѣхъ сомнѣвающихся и осуждающихъ мучительныя картины этой «трудоу нищеты, граничащей съ голодною смертью», этихъ исхудалыхъ дѣтей, съ глубоко сознательнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтится раннее страданіе, больныхъ жекницъ, стариковъ съ впалою грудью, съ отупѣвшим испуганнымъ взглядомъ, ютящихся среди какихъ то развалинъ, плачущихъ въ темнотѣ за неимѣніемъ средствъ освѣтить свои жилища. Плодомъ этихъ впечатлѣній были «Павловскіе очерки». (Русская Мысль 1890).

Но вотъ замолкли отголоски голоднаго года. Осенью 1895 г. мы видимъ уже Вл. Короленко въ тѣсной залѣ суда въ Елабугѣ. Онъ терпѣливо записываетъ спутанныя и безсвязныя показанія темныхъ вотяковъ села Мултана, обвиняемыхъ въ страшномъ преступленіи — убійствѣ съ цѣлю принесенія языческимъ богамъ человѣческой жертвы. Присяжные выносятъ обвинительный приговоръ, на который люди,

вторично осужденные въ убійствѣ и культѣ жаждающихъ крови боговъ, могутъ отвѣтить только словами: «Христосъ страдалъ и намъ страдать надо». — Страстное, глубокое убѣжденіе въ совершившейся несправедливости унесено Вл. Короленко изъ залы суда, и это убѣжденіе онъ стремится передать въ печати всему русскому обществу, суду и его дѣателямъ, всѣмъ, кому это нужно знать. Въ глазахъ его не только невинно осужденъ семь человекъ—чего одною было бы достаточно, чтобы поднять всю его натуру, глубоко отзывчивую на всякую несправедливость, не только совершенъ цѣлый рядъ формальныхъ нарушеній закона, но, что важнѣе всего, «произнесенъ приговоръ надъ цѣлою народностью, состоящей изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ людей, живущихъ въ вятскомъ краѣ, бокъ о бокъ съ русскимъ народомъ тою же трудовою земледѣльческою жизнью». Опять изъ подъ пера его выходитъ рядъ полныхъ искренняго убѣжденія статей (Русс. Вѣд. 1895 г. № 288. Къ отчету о мултанскомъ жертвоприношеніи, «Русское Богатство» 1895 г., 11. «Мултанское жертвоприношеніе» и наконецъ отдѣльно изданный отчетъ о судебномъ разбирательствѣ дѣла). Вниманіе суда привлечено, дѣло разсматривается въ третій разъ. На этотъ разъ Короленко выступаетъ въ качествѣ одного изъ защитниковъ по дѣлу. Онъ слишкомъ вошелъ въ него, сжился съ интересами этихъ безвинно страдающихъ людей, чтобы стоять въ сторонѣ пассивнымъ слушателемъ, зрителемъ. И его горячая, полная глубокой вѣры въ правоту защищаемого дѣла рѣчь, можетъ быть, довершила страстно ожидаемый всей образованной Россіей оправдательный приговоръ присяжныхъ.

И что же въ этомъ новаго? Развѣ въ своей литературно-художественной дѣятельности В. Короленко не встаетъ передъ нами, какъ тотъ же адвокатъ защитникъ справедливаго дѣла во всеоружіи своего таланта, представляющаго рѣдкое соединеніе силы и добраго юмора и неотразимаго вліянія убѣжденной натуры? Развѣ онъ не защищалъ Макара передъ Тойномъ, жида предъ «чертякою», дурное общество предъ хорошимъ, Яшку «убивца» и его убійцу «Ивана 38 лѣтъ», какъ защищалъ онъ лукояновскихъ крестьянъ предъ администраціей и судомъ общественнаго мнѣнія, мултанскихъ вотяковъ отъ ужаснаго подозрѣнія, нависшаго надъ ними въ глазахъ всей Россіи? Какъ Яшка, герой его разсказа «Въ послѣдственномъ отдѣленіи», Короленко наноситъ непрерывные и сильные удары въ самую глубину открытой передъ нимъ общественной совѣсти. Онъ стоитъ за «душу живу», за живую человѣческую личность, пригнетаемую и попираемую въ нашемъ обществѣ, за господство закона, ограждающаго естественныя права этой личности и свободное ея развитіе. Потому что, какъ говоритъ онъ въ «Павловскихъ очеркахъ», «Все же есть вѣчные законы, и только то истинно, что согласно съ ними» (XI, 149).

Эти вѣчные законы нравственнаго міра должны имѣть вѣчное основаніе. Такое основаніе въ теченіе многихъ вѣковъ давала человечеству религія. Измѣнялись во времени формы религіозной мысли, дробились между главными міровыми расами вѣрованія и обряды служенія божественнымъ силамъ, одни символы, выразившіе рели-

гюзную идею, смѣнялись другими. Упорные лихорадочные поиски путей къ обновленному и цѣлостному міропониманію, установленіе твердыхъ идеаловъ жизни—вотъ что характеризовало въ нашѣмъ обществѣ эпоху восьмидесятыхъ годовъ, къ чувствамъ и потребностямъ которой Вл. Короленко примкнулъ цѣлымъ рядомъ произведеній, сгрушированныхъ главнымъ образомъ во второй книгѣ его очерковъ и разсказовъ. Сюда относятся очерки: «На затменіи», «За Иконой», «Ночью», «Тѣни», а также не вошедшіе въ сборники психологическіе этюды «Слѣпой музыкантъ», «Съ двухъ сторонъ», «Сказаніе о Флорѣ Римлянинѣ и Агриппѣ Царѣ», очеркъ «Въ пустынныхъ мѣстахъ» и другія мелкія произведенія.

Встрѣчая разладъ и господство сомнѣній, борьбу самыхъ противоположныхъ теченій мысли въ умахъ окружающаго образованнаго общества, Вл. Короленко невольно былъ приведенъ туда, гдѣ таятся еще источники самой живой и глубокой вѣры, гдѣ умѣютъ не только наивно вѣрить и простодушно молиться, но и отдавать за эту вѣру самое драгоцѣнное въ жизни, т. е. въ среду простого народа. Внимательно присматривался онъ къ его жизни, основамъ его міропониманія, духовнымъ запросамъ, внутренней работѣ мысли, отживающимъ вѣрованіямъ. Онъ вездѣ, гдѣ встревожена народная мысль, религиозное чувство народа. Два года подрядъ онъ ходилъ на озеро «Свѣтлояръ» (Макарьевского уѣзда Нижегородской губ.), гдѣ у невидимаго града Китежа, подъ развѣсистыми деревьями у импровизированныхъ алтарей кипятъ страстные религиозные споры многочисленныхъ раскольниковыхъ толковъ между собою и съ православными». «Два года подрядъ, говоритъ онъ о себѣ, вечерняя заря угасала, когда я стоялъ на холмѣ близъ часовни, въ тѣсно сжатой толпѣ, въ срединѣ которой кипѣли пренія. Утренняя заря заставала всѣхъ,—и меня въ томъ числѣ,—на томъ мѣстѣ...» Въ простой рыбацкѣй лодкѣ онъ спустился внизъ по теченію заросшей глухими лѣсами пустынной и мрачной рѣки Керженца, этого Гангеса, этой священной рѣки древняго раскола, надѣясь тамъ среди населенія, проникнутаго духомъ «древняго благочестія» найти остатки того горячаго убѣжденія, которое нѣкогда одушевляло массы и создавало несокрушимыхъ вождей. Съ толпой богомольцевъ пѣшкомъ онъ прошелъ не близкій путь, слѣдуя за иконой Оранской Божіей Матери, схватывая мимоходомъ разнообразныя черты народныхъ вѣрованій. Стоя въ толпѣ, наблюдалъ онъ солнечное затменіе, съ такимъ же вниманіемъ слѣдя за картинами измѣняющейся природы, какъ и за всѣми переменами въ настроеніи и чувствахъ народа. Эти скитанія, это сближеніе съ народомъ доставили ему богатый запасъ наблюденій. Онъ отмѣчалъ ихъ съ точностью правдиваго изслѣдователя, какъ художникъ, воспроизводя ихъ въ рядѣ живыхъ и яркихъ образовъ. Даже въ своихъ путешествіяхъ за границу онъ съ особеннымъ интересомъ приглядывается къ такимъ своеобразнымъ явленіямъ, какъ шумливая, театральная проповѣдь «Арміи спасенія», «борющейся съ дьяволомъ» среди условій жизни, имѣющихъ такъ мало общаго съ нашими (Рус. Вѣд. 1895 г. № 145) или къ трогательной, печальной.

фигурѣ старика-еврея, упорно старающагося сохранить свою старую вѣру, вѣру отцовъ и дѣдовъ со всѣми дорогими его сердцу обрядами на далекой чужбинѣ—въ Америкѣ, той Америкѣ, которая на почвѣ своихъ свободныхъ порядковъ, какъ въ громадной лабораторіи перерабатываетъ не только вѣру человѣка, но и всего его, во всей полнотѣ его религіозныхъ, общественныхъ и нравственныхъ понятій.

И развѣ не тотъ же все глубокой интересъ къ религіозно-нравственнымъ основамъ народной жизни и влиянію на нее отживающихъ и современныхъ вѣрованій приковалъ его вниманіе къ процессу мултанскихъ вотяковъ? Въ той страстности, съ которою отнесся онъ къ этому дѣлу не малую долю значенія играло стремленіе воздать должное влиянію христіанской культуры на восточную народность, культуры чувствъ, нравовъ и понятій, которая, по его убѣжденію, не могла допустить, чтобы «въ Европейской Россіи среди чисто земледѣльческаго восточнаго населенія, живущаго бокомъ о бокомъ съ русскимъ, одною и тою же жизнью, въ одинаковыхъ избахъ, на одинаковыхъ началахъ владѣющаго землею и исповѣдующаго ту же христіанскую религію, существуетъ до настоящаго времени живой вполнѣ сохранившійся дѣйствующій культъ каннибальскихъ жертвоприношеній». И онъ ѣдетъ на самое мѣсто предполагаемаго преступленія, собираетъ тамъ свѣдѣнія о современномъ состояніи отживающихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, изучаетъ всѣ частности литературы по данному вопросу, пока не доводитъ своего убѣжденія до возможной ясности и убѣдительности.

Таковы чувства, стремленія и интересы, преобладающіе въ дѣятельности Вл. Короленко, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Вокругъ этихъ первоначальныхъ чувствованій группируется серія подчиненныхъ, опредѣляя собою всѣ детали и оттѣнки творческой работы. Какое же выраженіе находятъ эти преобладающія въ душѣ автора стремленія и чувства, какіе приемы употребляетъ онъ, чтобы сообщить движенія своей души окружающей средѣ? Самый характеръ этихъ стремленій: активныхъ и жизненныхъ, высокая важность ихъ значенія—все это въ связи съ убѣжденностію дѣятельной натуры Вл. Короленко, приводитъ къ тому что онъ никогда не стѣсняетъ себя какими либо рамками этого выраженія. Его мысль находитъ себѣ исходъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: поэтическая сказка, законченный рассказъ или психологическій этюдъ смѣняются извлеченіемъ изъ путевой книжки, обстоятельнымъ изложеніемъ впечатлѣнія туриста, почти стенографическимъ отчетомъ важнаго процесса, наконецъ просто корреспонденціей. Вл. Короленко слишкомъ живой и дѣятельный человѣкъ, чтобы, несмотря на свой первоклассный талантъ, замкнуться въ рамкахъ писателя-художника. Вѣрность тона и чуткость ко всякому диссонансу между формою и сюжетомъ не позволяютъ ему облекать свои произведенія въ однообразную форму какого либо одного литературнаго рода выраженія. Вл. Короленко не способенъ былъ бы насильственно втискивать изображеніе общинно бытовой жизни русскаго крестьянина въ размѣры эпическаго гекзаметра, какъ это дѣлалъ, напр., Н. Златовратскій въ «Устояхъ».

Вотъ почему на ряду съ такими законченными и стройными произведеніями, полными поэтическихъ образовъ и художественнаго одушевленія, какъ напр. «Лѣсъ шумить», «Соколинецъ», «Слѣпой музыкантъ», мы встрѣчаемъ очерки, написанные перомъ спокойнаго изслѣдователя и наблюдателя народной жизни, мало того рядъ статей чисто публицистическаго характера. Но и въ этихъ послѣднихъ истинный художникъ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу изяществомъ рѣчи, точностью въ передачѣ мысли и впечатлѣній, печатью обычнаго добродушнаго юмора. И тѣмъ, которые выражаютъ сожалѣніе объ этихъ отступленіяхъ Вл. Короленко въ область публицистики и общественной дѣятельности, не мѣшаетъ подумать, въ такой ли мѣрѣ это является потерей въ смыслѣ широко понимаемаго общественнаго интереса. Теряя въ художникѣ, не приобретаемъ ли мы такъ много въ человѣкѣ, дѣятельность и перо котораго даютъ свѣтъ общественному самосознанію, что здѣсь не должно быть мѣста сожалѣнію. Пора отрѣшиться намъ отъ того неумѣреннаго преклоненія передъ чисто литературной силой, которая характеризировала младенчество нашей общественной жизни, и понять, что гордостью страны можетъ быть не только великій художникъ, но и глубоко убѣжденный, независимый и безупречный дѣятель во имя справедливости и высшихъ идеаловъ жизни.

М. А. Плотниковъ.

Очеркъ соціального развитія Англіи до XVІІІ вѣка.

II *).

Если до 18 в. Англія была страной земледѣльческой, то это еще не значитъ, что въ ней не было никакой обрабатывающей промышленности, не было торговли, не было городовъ. Нѣтъ, все это было съ незапамятныхъ временъ, но было исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Существованіе нѣкоторыхъ городовъ, какъ напр. Лондона, Йорка и другихъ, сводится еще къ римской эпохѣ. Два, три города, пожалуй, съ тѣхъ временъ и несутъ свою свободу.

Само собой, разумѣется, это еще не можетъ служить объясненіемъ происхожденія городовъ вообще, такъ какъ всѣ они, за немногими исключеніями, происхожденія не римскаго, а англо-саксонскаго и, преимущественно, норманнскаго. Ко времени норманнскаго завоеванія, т. е. около 1066 г., въ Англіи было уже около 80 городовъ съ 150 тысячами жителей, что составляло почти 10% всего населенія.

Не нужно только представлять себѣ тогдашніе города такими, каковы они теперъ. Въ то время они мало чѣмъ отличались отъ деревни. Существенными отличительными признаками города были: большая населенность, укрѣпленность его валомъ или рвомъ и незначительное преобладаніе ремесла надъ земледѣліемъ въ занятіяхъ жителей.

Какъ же возникли города?

Возникли они не сразу, не по шучьему велѣнью, а постепенно—вслѣдствіе усиливающагося раздѣленія труда, вслѣдствіе экономическаго прогресса. Когда-то у феодаловъ въ ихъ имѣніяхъ крѣпостные не только пахали земли, но еще изготовляли все, что только нужно было для хозяйства: они шили платье, сапоги, дѣлали мебель, повозки, изготовляли сельско-хозяйственныя орудія производства и т. д. Уже на барскомъ дворѣ мы застаемъ незначительное раздѣленіе труда: тамъ были особые столяры, кузнецы, портные, плотники и проч...

Эти крѣпостные ремесленники удовлетворяли прежде всего нужды

*) См. «Образованіе» № 7—8.

помѣщика, а потомъ, съ разрѣшенія послѣдняго, работали на сторону. Сперва на сторону они работали только по заказу и изъ даннаго имъ матеріала. Впослѣдствіи же, когда развилась большая потребность, когда съ увеличеніемъ спроса явилась увѣренность сбыта, они уже безъ заказа стали работать для рынка и свои произведенія, какъ товаръ, выносили на продажу.

Гдѣ же найти покупателей, куда нести свой товаръ?

Конечно, туда, гдѣ больше всего трется всякаго народа, гдѣ наибольшая скученность населенія. И вотъ перекрестки большихъ городовъ, резиденціи королей, князей, епископовъ обратились въ рынки, куда ремесленники и понесли свои товары. Эти бойкія мѣста, куда стало стекаться много народу, обносились стѣной или валомъ, и—получался эмбрионъ города.

Городъ былъ сперва въ такой же зависимости отъ сеньора, на землѣ котораго онъ находился, какъ и любая сельская община. Но городъ бралъ сеньерьъ подъ свое особое покровительство, охранялъ его безопасность, и за это бралъ рыночную пошлину съ каждаго товара. Очевидно, эта пошлина давала владѣльцамъ городовъ большіе доходы, такъ какъ они часто вздорили между собой изъ-за права открывать рынки.

Между тѣмъ, въ деревнѣ прогрессировало раздѣленіе труда. Уже въ 13 в., когда начинался переходъ отъ натурального къ денежному хозяйству, было значительное число лицъ, занимавшихся исключительно ремеслами. Интересы этой новой общественной группы, были тѣсно связаны съ интересами города: тутъ она находила сбытъ своимъ товарамъ. Поэтому, въ города стали перебираться и дворовые ремесленники и крестьяне, силой обстоятельствъ оторванные отъ земледѣлія. Города росли, оживали и богатѣли. Обогащенію ихъ содѣйствовала и внѣшняя торговля, которую англичане еще въ X и XI вв. вели съ датчанами, ирландцами и др.

Сперва населеніе города представляло однородную массу, занимающуюся частью земледѣліемъ, частью ремеслами, находящуюся въ одинаковой зависимости отъ владѣльца города. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ городской жизни, населеніе стало дифференцироваться. Первой общественной группой, отслоившейся отъ общей массы городского населенія, были купеческія гильдіи.

Онѣ стали возникать скорѣе послѣ норманнскаго завоеванія. Причины ихъ возникновенія Эшли объясняетъ такъ: Купеческая гильдія или ганза была товариществомъ, которое первоначально добивалось пріобрѣтенія и сохраненія права на торговлю. Благодаря такой привилегіи за членомъ гильдіи каждаго города было признано, въ противоположность къ остальнымъ жителямъ, обладаніе монополіей на торговлю.

Возникновеніе подобныхъ гильдій станеть вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что и въ XI в. въ городахъ уже было небольшое торговое сословіе и что въ то небезопасное время, когда бароны не стѣснялись грабить купеческіе транспорты среди бѣлаго дня, купцамъ необходимо было соединяться въ товарищества и сообща.

отправлять свои товары на иностранные рынки. Тѣмъ болѣе естественнымъ было возникновеніе этихъ торговыхъ товариществъ, что внѣшняя торговля тогда не носила современнаго характера. Она не велась между цѣлыми націями, а только между отдѣльными городами различныхъ государствъ. Она не была, говоритъ Эшли, «интернаціональной», а лишь «интеркоммунальной». Значитъ, вполне естественно, что купцы одного города, объединенные общими интересами въ торговлѣ, стали соединяться въ гильдіи.

Первая купеческая гильдія относится къ 1093 г., а въ половинѣ 12 в. онѣ были уже во всѣхъ значительныхъ городахъ Англіи. Сперва онѣ имѣли двойкій характеръ: профессиональный и благотворительный. Членами были не только купцы, но и крупные землевладѣльцы, и, вообще, всѣ, кому нужно было продавать или покупать *en gros*. Съ теченіемъ времени гильдіи пріобрѣли себѣ права на монополію, разбогатѣли и стали огромной экономической силой въ городской жизни. Какъ во всякой организованной профессиональной группѣ, такъ и въ нихъ существовали свои особые правила, особый кодексъ законовъ, за нарушение которыхъ отдѣльные члены подвергаются наказанію. Такимъ образомъ, въ купеч. гильдіяхъ развилась *собственная* юрисдикція и *собственная* администрація, что придало имъ еще больше силы и вѣсу въ городской жизни.

Когда при Генрихѣ I города стали получать вольныя грамоты, въ нихъ прежде всего утверждались привилегіи, какъ экономической, такъ и административно-правовыя, купеческихъ гильдій. Значитъ, хозяевами городовъ были тогда купеческія гильдіи и, само собой, землевладѣльческая знать, такъ какъ города стояли на ея земляхъ. Это первое отслоеніе городского населенія составляло центръ тяжести городовъ: въ его рукахъ была экономическая, а, благодаря этому, и политическая сила. Купеческія гильдіи отождествились съ городскимъ управленіемъ.

Но, увы, такое привилегированное положеніе первой городской знати продолжалось недолго. Сейчасъ мы увидимъ, какъ изъ нѣдръ городской массы выдѣлился новый слой, который сперва былъ еле замѣтенъ, но постепенно пріобрѣталъ все большую и экономическую силу и большее вліяніе на городскую жизнь, пока, наконецъ, не вступилъ въ борьбу съ городской аристократіей и не достигнулъ такихъ же правъ, какъ и послѣдняя.

Этотъ новый городской классъ составляли ремесленные цехи.

Исторія происхожденія цеховъ еще въ довольно густомъ туманѣ. И неудивительно: зародыши ихъ относятся къ очень раннему времени. Большинство историковъ замѣчаетъ въ эмбриональной стадіи развитія цеховъ сильный религіозный характеръ и потому склонно въ религіозныхъ мотивахъ видѣть и причину появленія цеховъ. Но едва ли это вѣрно. Если мотивомъ образования первыхъ обществъ были религіозно-нравственные интересы, то какъ объяснить тогда группировку этихъ обществъ по характеру ихъ промышленной и торговой дѣятельности. Для того, чтобы поставить свѣчу передъ иконой, чтобы отслужить панихиду, чтобы заказывать обѣды на

вѣчное поминовение, чтобы платить священнику за его церковную службу, чтобы въ память усопшихъ раздавать милостыню, — для всѣхъ этихъ цѣлей не нужна была организація, состоящая изъ лицъ одной профессіи. Для этой цѣли, какъ и дѣлаютъ въ настоящее время, соединяются въ одно общество лица различныхъ профессій и различныхъ общественныхъ положеній.

Цехи же, еще на первыхъ стадіяхъ своего развитія, группировались по характеру ихъ промышленной дѣятельности. Что же можетъ соединять людей одного ремесла въ общую организацію, какъ не ихъ общіе интересы, касающіеся самого ремесла? Мнѣ кажется, что исходя изъ общихъ разсужденій, можно признать и первоначальныя ремесленныя товарищества чисто экономическими организаціями. Правда, религіознаго элемента въ нихъ очень много, но онъ былъ формой, оболочкой, церемоніей, подобной тѣмъ, которыя отбываются и въ настоящее время во всѣхъ официальныхъ обществахъ и организаціяхъ. Разница между прошлымъ и настоящимъ только та, что въ то время, когда господствовало религіозное настроеніе, элементъ этотъ игралъ большую роль.

Въ 13 в. мы уже видимъ цехи почти во всѣхъ городахъ Англій. Въ Лондонѣ къ концу царствованія Эдуарда III (1337 г.) ихъ было 48, а къ концу 14-го вѣка уже 60. Подобный же ростъ замѣчается и въ другихъ городахъ.

Такое быстрое распространеніе цеховъ объясняется дифференціаціей деревни.

Въ деревнѣ въ 14 в. барщина смѣнилась оброкомъ, началось товарное хозяйство, и образовался значительный классъ крестьянъ, которымъ уже не хватало земли для прокормленія себя и семьи. Волей-неволей этимъ послѣднимъ пришлось заниматься побочными и кустарными промыслами. А съ дальнѣйшей дифференціаціей образовался классъ людей, занимающихся преимущественно ремеслами и выносящихъ продукты своего труда на рынокъ. Это была первая стадія раздѣленія труда, выдвинувшая новую категорію труда — ремесленный трудъ и, слѣдовательно, новую категорію произведеній — ремесленниковъ, работающихъ для продажи, а не для собственнаго потребленія. Притокъ этихъ новыхъ дифференцированныхъ производителей и далъ толчекъ быстрому росту цеховъ или гильдій. Появленіе этихъ гильдій знаменуетъ вторую стадію развитія въ исторіи ремесла: переходъ отъ семейнаго производства къ промышленному.

Благодаря сильному притоку въ города малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, ремесленниковъ, бѣжавшихъ крѣпостныхъ, населеніе городское быстро увеличивалось. Вначалѣ новые пришельцы находили въ городѣ радушный пріемъ, такъ какъ нужны были рабочія силы. Имъ давались даже различныя льготы. Напримѣръ, крѣпостной, которому удавалось въ продолженіе 1 года прожить въ городѣ, становился свободнымъ, и сеньерь уже не могъ его вытребовать обратно. Такъ какъ цехи тоже принимали охотно въ свою среду новопришельцевъ, то ихъ значеніе и сила стали быстро усиливаться. Спустя нѣкоторое время, они уже начали получать королевскія грамоты,

дававшія имъ собственные суды и собственную администрацію. Короли, конечно, не изъ гуманности и не по какимъ либо принципиальнымъ соображеніямъ давали цехамъ самоуправленіе, а единственно потому, что цехи въ городахъ приобрѣли уже большую экономическую силу и сдѣлались обильнымъ источникомъ королевскихъ доходовъ. Кромѣ того, цеховая организація въ рукахъ правительства была единственнымъ орудіемъ, съ помощью котораго оно могло регулировать цѣны товаровъ, охранять интересы покупателей, слѣдить за доброкачественностью товаровъ и, главное, обезпечить себѣ правильное поступленіе промышленныхъ налоговъ. Тогда еще не было такой развѣтвленной, всесильной и вездѣсущей бюрократіи, какъ теперь; а безъ нея центральной власти невозможно было услѣдить, чтобы никто не остался свободнымъ отъ государственныхъ податныхъ тяготъ, чтобы никто не ускользнулъ отъ своихъ всеподданническихъ повинностей—обогащать королевскую казну. Волей неволей пришлось прибѣгнуть къ мѣстному самоуправленію, вообще, и въ частности—къ утвержденію и расширенію юридическихъ и административныхъ правъ цеховъ.

Въ 14 в. цехи достигли апогея своей силы. Послѣ продолжительной борьбы съ городской аристократіей, имъ удалось, наконецъ, свергнуть господство знати—перваго городского сословія. Купеческія гильдіи лишены были права монополій и исключительнаго права участія въ городскомъ самоуправленіи. Роль ихъ, какъ привилегированныхъ корпорацій, сыграна. Съ потерей же привилегій прекратилось и *raison d'être* ихъ существованія.

Итакъ старая олигархія сброшена съ пьедестала, и на ея мѣсто вступаетъ новая сила—цехи. Теперь городское самоуправленіе отождествляется съ представителями не купеческихъ, а ремесленныхъ гильдій.

Эта власть цехамъ, какъ и прежде купеческимъ гильдіямъ, была не дарована благодушными королями, а отвоевана силой. Какъ прежняя городская аристократія добилась свободы, благодаря конфликту между королемъ и феодалами, такъ теперь того же достигли цехи, благодаря столкновенію интересовъ короля съ городской аристократіей. И въ томъ, и другомъ случаѣ король стоялъ на сторонѣ новой силы, такъ какъ въ ней находилъ опору въ борьбѣ сперва съ оппозиционнымъ дворянствомъ, а потомъ съ городской аристократіей.

Монополіи купеческихъ гильдій при Генрихѣ III, когда завязались сношенія съ Италіей и Франціей, стали уже не расширять торговлю, какъ прежде при слабо развитыхъ торговыхъ сношеніяхъ, а тормозить ее. Онѣ стали препятствіемъ къ расширенію торговли и этимъ вредили всѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ, слѣдовательно, и королю. Поэтому-то и завязалась борьба между купеческими гильдіями, представителями городской власти, съ одной стороны, и феодалами съ королемъ во главѣ, съ другой. На сторону короля стали и цехи, такъ какъ они были враждебно настроены противъ городской аристократіи за ея привилегіи. Результатомъ этой борьбы и было уничтоженіе монополій купеческихъ гильдій и выступленіе на авансцену городской жизни другого общественнаго класса—цеховъ.

Послѣ этой успѣшной борьбы цехи получили королевскія грамоты, давшія имъ право самоуправленія и право монополій. Съ этихъ поръ они, вмѣстѣ съ прежней аристократіей, стояли во главѣ городского управленія.

Итакъ, въ городѣ мы видимъ уже два класса, выдѣлившіеся изъ массы населенія: прежнюю аристократію и цеховиковъ.

Теперь посмотримъ, какъ эти самые цехи выдѣлили изъ себя новый классъ, классъ наемныхъ рабочихъ, которъ и составилъ 3-й слой городского населенія. Случилось это такъ.

До половины 14 в. въ городскія общины принимались всѣ пришельцы съ удовольствіемъ. Но съ этого времени, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго притока населенія въ города, вслѣдствіе усиливающейся конкуренціи между мастерами одного цеха и отдѣльныхъ цеховъ между собой, начинаютъ уже затруднять пріемъ въ цехи и городскія общины. Вслѣдствіе этого же усиленія конкуренціи, начинается и внутреннее разложеніе цеховъ на два враждебныхъ класса: хозяевъ—мастеровъ и наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ и учениковъ.

Цехъ всякаго ремесла состоялъ изъ мастеровъ, работающихъ у себя на дому въ кругу собственной семьи. Сперва они только сами, съ членами своихъ семействъ, работали. Но когда спросъ на товары увеличился, когда, подъ вліяніемъ разложенія деревни и роста городовъ, расширился рынокъ, явилась потребность расширить и производство. Вотъ мастера и стали нанимать себѣ еще помощниковъ или «подмастерьевъ». Впослѣдствіи къ подмастерьямъ еще присоединились «ученики». Первое время положеніе подмастерьевъ было вполнѣ удовлетворительное. Они были скорѣе членами семьи мастера, чѣмъ его рабочими: жили въ домѣ мастера, обѣдали вмѣстѣ съ его семьей, работали столько же, сколько и самъ хозяинъ, ночная работа была запрещена, и даже существовалъ максимальный рабочий день—8-часовой.

Что касается заработной платы, то можно сказать, что она тоже была довольно высока, особенно, если сравнить съ позднѣйшимъ временемъ. Напримѣръ, въ 15 в. ремесленникъ ежедневно получалъ 6 d. (24 к.), или 2 р. 88 к. при теперешней стоимости денегъ. Въ Лондонѣ рабочіе получали еще на 25% больше. Настолько же выше стояла заработная плата въ наиболѣе сложныхъ и трудныхъ отрасляхъ труда. Средняя же цѣна продуктовъ въ 15 в. была еще ниже, чѣмъ въ 14 в.

Не даромъ 15-й вѣкъ считается *золотымъ* вѣкомъ для англійскаго рабочаго. Вотъ собственныя слова Роджерса: Я уже нѣсколько разъ указывалъ на то, что 15 ст. и первая четверть 16 ст. представляютъ золотой вѣкъ для англійскаго рабочаго, если сравнить получаемую имъ плату съ цѣнами на жизненные припасы.

Да и мастеру еще не было надобности очень сильно эксплуатировать своихъ помощниковъ, такъ какъ работалъ онъ еще въ значительной степени на заказъ и изъ даннаго ему матеріала. Подмастерье съ теченіемъ времени самъ становился мастеромъ: для этого еще не нужно было имѣть большого капитала.

Итакъ до 15-го в. въ груди цеховъ, хотя и жили двѣ души, но жили еще мирно. Антагонизмъ ихъ еще не созрѣлъ.

Только съ ростомъ экономической жизни страны, съ расширеніемъ рынка для сбыта товаровъ и съ расширеніемъ производства мастеровъ, когда они стали работать на широкій, имъ неизвѣстный рынокъ,—положеніе помощниковъ мастера стало ухудшаться. Мастеръ уже сталъ выжимать изъ нихъ возможно больше труда, т. е. удлинять рабочій день, сокращать заработную плату и т. д... Барышъ, новый стимулъ производства у мастера, разрушилъ первоначальную идиллію взаимныхъ отношеній между мастерамъ и подмастерьями.

А начавшіяся въ это время огораживанія въ деревняхъ погнали крестьянъ въ города; населеніе городовъ быстро росло, а съ ростомъ населенія росла и конкуренція; мастера стремились къ ограниченію числа членовъ въ цехахъ; въ производствѣ уже началъ играть значительную роль капиталъ, такъ что подмастерью пришлось распрощаться съ мыслью когда нибудь самому сдѣлаться мастеромъ. Продукты, между тѣмъ, благодаря открытію мексиканскихъ рудниковъ и порчѣ монеты (въ 1543 г.) поднялись въ цѣнѣ въ 2 и 3 раза, напримѣръ: мясо—въ 3 раза, хлѣбъ въ 2 $\frac{1}{2}$ раза, молочные продукты—въ 2 $\frac{1}{2}$ раза и т. д. Заработная же плата повысилась всего лишь въ 1 $\frac{1}{2}$ раза. Все это, конечно, страшно ухудшило экономическое положеніе рабочихъ и возбуждало въ нихъ сильную вражду къ хозяевамъ. Гармонія внутри цеха разстраивается. Подмастерья прорывають свои патріархальныя отношенія съ мастерами, устраивають среди цеховъ собственныя организаціи, такъ называемыя «братства», для борьбы съ хозяевами. Цехи раскалываются на два враждебные лагеря: хозяевъ-мастеровъ и рабочихъ-подмастерьевъ. Противъ организованной силы первыхъ вторые стараются тоже выступить организованными.

Начатки организаціи подмастерьевъ тоже относятся къ очень древнему времени, почему точно установить исторію ихъ первоначальнаго періода развитія еще не удалось. Здѣсь та же исторія, что и при объясненіи происхожденія цеховъ: большинство историковъ готово и появленіе «братства» приписывать религіознымъ мотивамъ. Но здѣсь такая догадка положительно излишня. Религіозный характеръ старинныхъ организацій подмастерьевъ объясняется очень легко.

Подмастерьямъ нельзя было открыто организоваться для борьбы съ мастерами, такъ какъ ихъ преслѣдовали за это и мастера, и городское управленіе, и правительство. Они и прибѣгли къ очень удобному способу отвести глаза властямъ и хозяевамъ—стали соединяться въ *религіозныя братства*. Но подъ флагомъ религіозныхъ задачъ они преслѣдовали свои экономическіе интересы. Даже Эшли, объясняющій происхожденіе братствъ религіозными мотивами, говорить въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Путемъ образованія такихъ (религіозныхъ) братствъ—это пожалуй смутно сознавали подмастерья—имъ представились случаи къ совмѣстному обсужденію, къ проявленію господствующаго между ними единенія и такимъ образомъ возможность вліять на мастеровъ своего цеха. Съ другой стороны подѣ

прикрытіемъ религіозныхъ цѣлей они могли избѣжать преслѣдованія властей». Кажется, яснѣ нельзя сказать, что религіозныя цѣли были лишь средствомъ скрыть сущность организацій отъ городскихъ властей. Эти братства рабочихъ, очевидно, имѣли значительное вліяніе и сильно беспокоили администрацію, такъ какъ послѣдняя начинаетъ ихъ страшно преслѣдовать: запрещаетъ подмастерьямъ собираться вмѣстѣ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, жить въ однѣхъ квартирахъ и даже выходить изъ дому позже опредѣленнаго времени; закрываетъ кабаки, гдѣ собираются рабочіе. Новые союзы подмастерьевъ были, значить, почти то же, что современныя ремесленныя организаціи рабочихъ. И тѣ и другія состояли изъ наемныхъ рабочихъ, задача тѣхъ и другихъ одна—борьба съ хозяевами-предпринимателями, Брентано считаетъ даже эти средневѣковыя братства родоначальниками современныхъ англійскихъ «трэдъ-юніоновъ».

Итакъ къ 16-му в. населеніе городовъ расчленилось уже на три группы: городскую аристократію, средній промышленный и торговый классъ и пролетаріатъ, наемныхъ рабочихъ.

Вернемся опять къ нашимъ цехамъ. Мы оставили ихъ какъ разъ въ то время, когда они достигли полнаго расцвѣта и наибольшаго могущества. Весной ихъ жизни былъ 14-й вѣкъ. Въ это время они были полными хозяевами городовъ. Цеховая организація распространилась даже на низшія отрасли труда, какъ напримѣръ, носильщиковъ и водовозовъ. Но и могущество цеховъ было скоропреходяще, впрочемъ, какъ и все на свѣтѣ. И, что любопытно все, причина, погубившая цехи, та же, что и вызвала ихъ къ жизни, именно — ростъ производительныхъ силъ страны въ связи съ ростомъ рынка.

Господа социально-экономическіе метафизики, навѣрно, придутъ въ недоумѣніе и сочтутъ это за противорѣчіе. На самомъ дѣлѣ, это только кажущееся противорѣчіе. Въ этомъ «противорѣчій» заключается основной законъ соціального развитія: (слѣдующая ступень развитія производительныхъ силъ разрушаетъ то, что она создала на предыдущей) производительныя силы на высшей ступени своего развитія разрушаютъ тѣ общественныя формы производства, которыя онѣ создали на предыдущихъ ступеняхъ, и создаютъ новыя. Для того, кто не проникся этой мыслью, вся исторія легко можетъ показаться сплошнымъ противорѣчіемъ, нелѣпнѣйшей фантазмагоріей.

Итакъ, мы сказали, что ростъ промышленности разрушилъ цеховую организацію производства. Въ самомъ дѣлѣ для доказательства бросимъ бѣглый взглядъ на исторію цеховъ въ 15 и 16 вв.

Еще въ періодъ расцвѣта цеховъ, ростъ ихъ не во всѣхъ отрасляхъ промышленности былъ одинаковъ: одни скорѣе пошли въ гору, скорѣе разбогатѣли и потому раньше приобрѣли большой вѣсъ въ городскомъ самоуправленіи, другіе же развивались медленнѣе и потому отстали и въ своихъ политическихъ правахъ. Такъ, бургомистръ Лондона избирался только изъ среды 12 важнѣйшихъ цеховъ. Начался антагонизмъ между отдѣльными цехами. Вслѣдствіе обостряющейся конкуренціи одни становились еще богаче и сильнѣе, другіе

же, наоборотъ, теряли и то, что прежде имѣли. Въ данномъ случаѣ, какъ и всюду, «большія неравенства въ имуществѣхъ рождаютъ и большія неравенства въ силѣ». Образовалась своя цеховая аристократія, которая употребила все свое политическое вліяніе, на то, чтобы оградить себя отъ вторженія въ ихъ среду новыхъ элементовъ, чтобы затормозить усиливающуюся конкуренцію.

Причины обостряющейся конкуренціи въ городѣ уже указаны нами раньше, это — разложеніе сельскаго населенія на имущихъ и неимущихъ и бѣгство послѣднихъ въ города.

Волны обездоленныхъ крестьянъ, хлынувшія въ города, заставили цехи отказаться отъ своего прежняго гостепрѣимства и даже прибѣгнуть къ мѣрамъ противодѣйствія этому наплыву голодныхъ ртовъ и праздныхъ рукъ. Представители городовъ и крупныя землевладѣльцы единодушно проводятъ вопіющіе законы, чтобы только задержать крестьянъ въ деревнѣ и закрыть имъ доступъ въ города. Все законодательство 15 и 16 в. является точнымъ отраженіемъ тогдашнихъ экономическихъ условій. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ классовыхъ интересовъ тѣхъ слоевъ общества, которые создавали законы. Впрочемъ, судите сами; вотъ существенные пункты тогдашняго законодательства:

Прежде всего цеховые мастера добиваются закона, чтобы никто не имѣлъ права быть мастеромъ, не пробывъ извѣстное время ученикомъ. Срокъ ученичества все удлиняется. Даже для поступленія въ цехъ въ качествѣ ученика дѣлаются ограниченія: принимаются въ ученики члены только такихъ крестьянскихъ семей, которые получаютъ не меньше 20 sh годоваго дохода, впоследствии этотъ имущественный цензъ поднимается до 40 sh. Ограничивается число учениковъ и подмастерьевъ, работающихъ у одного мастера. Уменьшается число мастеровъ въ отдѣльныхъ цехахъ и одновременно запрещаются заниматься ремеслами внѣ цеховъ не только въ городѣ, но и въ деревнѣ.

Притязанія цеховъ монополизировать себѣ ремесла, какъ видите, становятся уже не только реакціонными, но просто дикими. Уже изъ этого видно, что для цеховъ золотое время прошло, что настали тяжелыя времена, что, подъ давленіемъ какихъ-то силъ, они рушатся и для спасенія хватаются за соломенку—за свою политическую власть: издають всевозможные законы для огражденія себя отъ надвигающейся опасности, но, увы, все напрасно. И политическая власть, и обязательная сила законовъ оказались безсильными передъ ходомъ экономической эволюціи.

Дѣло въ томъ, что съ расширеніемъ рынковъ въ 15 и 16 в. расширилась и оживилась промышленность. Благодаря этому обстоятельству и благодаря росту дифференціаціи труда въ деревнѣ (между этими явленіями тѣсная связь), стали заниматься ремеслами и внѣ цеховъ, начала развиваться такъ называемая «Домашняя промышленность» (Hausindustrie). Цехи стали просто тонуть въ морѣ народившихся новыхъ ремесленниковъ и новой кустарной промышленности, и всѣ законы о запрещеніи внѣцеховыхъ промысловъ были не въ силахъ остановить этотъ процессъ.

Въ деревнѣ производство начинаетъ обращаться изъ ремесленнаго въ мелко-предпринимательское. Прежніе ремесленники, работающіе только сами, или съ своей семьей, преимущественно, для удовлетворенія собственныхъ же потребностей, обратились въ мелкихъ предпринимателей. Эти новыя деревенскіе «хозяйчики» уже стали держать наемныхъ рабочихъ, а то, по большей части, раздавали матеріалъ рабочимъ на домъ.

Итакъ, прежняя однородная масса самостоятельныхъ ремесленниковъ дифференцировалась: часть ихъ обратилась въ простыхъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ или у себя на дому изъ даннаго ему «хозяйчикомъ» матеріала или въ мастерской самого хозяйчика; другая часть—въ мелкихъ предпринимателей, или раздающихъ матеріалъ для обработки на домъ, или устраиваютъ у себя мастерскія съ наемными рабочими. Иногда у такихъ хозяевъ встрѣчалось по нѣскольку прялокъ, ткацкихъ станковъ и значительному количеству занятыхъ рабочихъ. Такой ростъ промышленности въ деревняхъ сильно беспокоилъ цеховиковъ, и послѣдніе старались затормозить его запретительными законами.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые параграфы подобнаго закона, изданнаго въ 1555 году: § 2) Ни одинъ ткачъ не долженъ имѣть или пользоваться болѣе чѣмъ двумя станками; § 6) ткачи не должны имѣть болѣе двухъ подмастерьевъ. И подобныхъ законовъ, направленныхъ противъ расширенія производства, съ цѣлью огражденія цеховъ отъ раззорительной конкуренціи, издавалось въ 16 и 17 в. масса. Но всѣ законы оказались бессильными, сельское чудовище въ видѣ «домашней промышленности» (*Hausindustrie*), столь опасное для цеховъ, смѣло переступило черезъ всѣ королевскія постановленія, распоряженія и въ концѣ концовъ раздавило замкнувшееся цеховое кольцо. Монополіи цеховъ уже потеряли смыслъ, такъ какъ вокругъ нихъ, вопреки противодействию правительства, выросла могучая внѣцеховая промышленность. Подъ вліяніемъ такого роста производства, одни цехи обезсилѣли, не выдержали борьбы и распались, другіе страшно разрослись и становились на такую широкую предпринимательскую ногу, что для нихъ самихъ цеховая организація была уже слишкомъ узка—она задерживала дальнѣйшій ростъ производства.

Сами мастера уже перестали работать вмѣстѣ съ рабочими; они обращаются въ руководителей производства. «Мастера лишились своей хозяйственной независимости и *выступали теперь болѣе въ роли купцовъ и продавцовъ*. Благодаря этому съ теченіемъ времени изъ ихъ среды выдвинулся особый *торговый* классъ и классъ *предпринимателей*. И тѣ, и другіе росли, какъ грибы; и неудивительно, если принять во вниманіе тогдашнее оживленіе въ промышленности. До чего быстро росла торговля Англій, можно судить хотя бы по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Въ 1354 г. вывезено шерстяной матеріи 5000 кусковъ, въ годъ восшествія на престолъ Генриха VIII—8000 и въ концѣ его царствованія—12000 кусковъ. Сукно составляло 95% всего вывоза, а налогъ на шерстяное производство равнялся 74% всѣхъ государственныхъ налоговъ.

Для государства торговля шерстью и сукномъ была главнымъ источникомъ его доходовъ. Слѣдовательно, ему не было никакого смысла ставить препятствія распространяющемуся овцеводству и переходу пашенныхъ земель въ выгоны и пастбища. Если оно изрѣдка дѣлало кое-какія ограниченія и заставляло помѣщиковъ опредѣленную часть имѣнія оставлять подъ пашней, то это было вызываемо опасностью народныхъ волненій, которыя, вслѣдствіе постоянныхъ огораживаній и обезземленія крестьянскихъ массъ, принимали угрожающій характеръ для государства.

Въ 16 в. судьба и благополучіе громадной части англійскаго населенія зависѣла отъ производства шерсти, сукна и торговли ими. Если происходила заминка въ этой отрасли производства, то безработицѣ подвергались громадныя массы населенія. Такъ, въ 1527 г., когда были прерваны сношенія съ имперскими землями и такимъ образомъ закрылся одинъ изъ внѣшнихъ рынковъ, произошелъ въ Англійи настоящій экономическій кризисъ со всѣми его послѣдствіями. Шерсть и сукно залеживались въ складахъ, покупателей не было, некуда сбывать товаръ; во многихъ мѣстахъ начались волненія среди рабочихъ. Правительство вынуждено было вмѣшаться и дать лондонскимъ купцамъ ссуду, чтобы они только скупали у производителей товаръ.

Правительственные агенты разъѣзжали по всей Англійи и всячески побуждали «хозяйчиковъ» не оставлять рабочихъ безъ работы, давать имъ хоть какой нибудь заработокъ. Вообще, переполоху было много во всѣхъ сферахъ общества; причина же—закрытіе внѣшняго рынка. Отсюда можете заключить, какую большую роль для Англійи и тогда играли внѣшній рынокъ и торговля, а слѣдовательно—какіе огромные успѣхи сдѣлало товарное производство. Теперь же начинается и знаменитая англійская колоніальная политика, политика грабежа и насилия. Съ пріобрѣтеніемъ колоній, рынокъ сталъ еще шире, торговля еще оживленнѣе. Капиталы растутъ неимоверно быстро. Такъ какъ они наживались, главнымъ образомъ, благодаря торговлѣ, то и называются «торговыми». А этотъ «торговый» капиталъ, вложенный въ производство далъ еще сильнѣйшій толчекъ росту промышленности, техники и раздѣленія труда.

Въ способахъ производства произошла значительная перемѣна. Раздѣленіе труда сильно прогрессировало. Когда то крестьянинъ самъ ткалъ и самъ дѣлалъ всѣ подготовительныя работы. Теперь уже мы видимъ, что одни чистятъ, а другіе чешутъ, третьи прядутъ, четвертые ткуть и т. д. Между отдѣльными вѣтвями одного производства устанавливается тѣсная связь. Поэтому, предприниматели съ капиталомъ соединяютъ всѣ эти развѣтвленія подъ одну крышу, въ одну мастерскую, гдѣ подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ работаетъ уже значительное число рабочихъ. Это и есть мануфактура, развившаяся въ 16 в. изъ ремесленного способа производства.

Мануфактура развилась еще и другимъ способомъ: въ мастерской одного мастера, занимающагося какимъ-либо сложнымъ производ-

ствомъ, происходило постепенно раздѣленіе труда, пока одно производство не расщеплялось внутри мастерской на нѣсколько мелкихъ, подчиненныхъ другъ къ другу, производствъ.

Мануфактура—первая форма коопераціи товарнаго производства, давшая огромный толчекъ-производительности труда. Раздѣленіе труда стало быстро прогрессировать, техника производства дѣлала огромнѣйшіе успѣхи. Быстрый ростъ производительныхъ силъ требовалъ и новыхъ формъ производства, такъ какъ старыя формы (цехи) стали препятствовать дальнѣйшему росту тѣхъ же силъ, которыя породили ихъ.

Цехи съ ихъ монополіями стали слишкомъ тѣсными рамками производства, сдѣлались тормазомъ промышленности индивидуальной предприимчивости и, въ силу своей реакціонности должны были пасть въ неравной борьбѣ съ переросшими ихъ производительными силами.

Мы видимъ, какъ во второй половинѣ 16—17 в. цехи отдѣльныхъ производствъ растворяются и соединяются въ одинъ болѣе общій цехъ, охватывающій иногда до дюжины производствъ. Случалось даже такъ, что всѣ ремесленники одного города сбѣднялись въ одинъ общій цехъ.

Города уже начали между собой входить въ торговые договоры. Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Англіи между отдѣльными городами, была дѣлая сѣтъ подобныхъ договоровъ, вызванныхъ общими торговыми и промышленными интересами. Эти междугородніе союзы были выгодны городамъ, но они же были причиной и гибели ихъ самостоятельности, ихъ исключительности. Прежде городъ былъ самодовлѣющей величиной; теперь же онъ теряетъ свою обособленность и начинаетъ играть лишь подчиненную роль въ національной торговлѣ и промышленности. Онъ становится уже простымъ винтикомъ въ государственномъ механизмѣ; прежде же былъ полнымъ самостоятельнымъ механизмомъ.

Итакъ, городскія единицы растворились и составили одну національную единицу. Прежній гражданинъ города сталъ теперь гражданиномъ государства, націи, чтобы черезъ нѣсколько вѣковъ обратиться уже въ гражданина міра.

А. Дрелингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Еще о модныхъ увлеченіяхъ въ области народнаго образованія.

Въ № 7—8 нашего журнала г. Василевичъ въ статьѣ своей «Наши модныя увлеченія въ области народнаго образованія» затронулъ довольно любопытную тему. Но для болѣе полной характеристики весьма рѣзко проявляющейся въ наше время тенденціи профессионализаціи начальной школы, тенденціи крайне опасной, такъ какъ она можетъ нанести значительный вредъ и безъ того слабую у насъ образованію, мы считаемъ необходимымъ остановиться еще на одномъ модномъ увлеченіи. Мы говоримъ о замѣчающемся въ послѣдніе годы настойчивомъ стремленіи ввести въ народныя школы преподаваніе сельскаго хозяйства. Оно вызвано желаніемъ поднять падающее у насъ сельское хозяйство, внести свѣжую струю въ закоснѣлую обстановку крестьянскаго хозяйства, ведущагося самымъ невѣжественнымъ образомъ. Надѣются путемъ наглядныхъ примѣровъ, которые должны представить школьныя хозяйства, распространить въ крестьянскомъ населеніи полезныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія. Эта сама по себѣ прекрасная цѣль во первыхъ едва ли можетъ быть достигнута, а во вторыхъ, что самое главное, если и можетъ быть достигнута, то съ явнымъ ущербомъ для дѣла общаго образованія, которому хотя бы въ слабой степени призваны служить начальныя школы. Эта мысль, неоднократно высказывавшаяся въ печати, между прочимъ издавна проводимая журналомъ «Образованіе», заслуживаетъ быть снова повторенной въ виду происшедшей въ концѣ минувшаго года при Св. Синодѣ комиссіи по вопросу о введеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ. Комиссія эта всѣ свои мнѣнія и сужденія выразила въ слѣдующихъ 12 заключеніяхъ.

1) Преподаваніе сельскаго хозяйства въ низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія и Министерства Народнаго Просвѣщенія должно быть направлено къ распространенію въ мѣстномъ населеніи полезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній, преимущественно путемъ наглядныхъ примѣровъ и соответственныхъ упражненій учениковъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время, не задаваясь цѣлью приготовленія техникувъ сельскохозяйственнаго дѣла, для чего должны служить

профессиональные учебные заведения, подведомственные Министерству Земледелия.

2) Преподавание сельского хозяйства вводится в курс учения в нижеслѣдующихъ учебныхъ заведенияхъ, въ коихъ имѣются для сего участки земли и другія благоприятныя условія: а) въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ церковно-учительскихъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія; б) во второклассныхъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, в) въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, въ городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., и уѣздныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, г) въ одноклассныхъ народныхъ училищахъ, въ школахъ церковно-приходскихъ и въ другихъ начальныхъ школахъ.

3) Въ учительскихъ семинаріяхъ и церковно-учительскихъ школахъ преподаваніе основъ сельского хозяйства съ отдѣльными его отраслями, важнѣйшими по мѣстнымъ условіямъ, желательно вести какъ теоретически на урокахъ, такъ и практически—путемъ соответственныхъ занятій въ учебныхъ хозяйствахъ, при помощи добавочныхъ учителей сельского хозяйства и естествовѣдѣнія.

Примѣчаніе. Кромѣ суммы, потребной на содержаніе особаго учителя, необходимо отпускать каждому изъ упомянутыхъ заведеній дополнительно 400 р. въ годъ на приобретеніе учебныхъ пособій по сельскому хозяйству и на хозяйственные издержки.

4) На указанныхъ въ п. 3 основаніяхъ можетъ быть введено преподаваніе сельского хозяйства и во второклассныхъ школахъ Духовнаго Вѣдомства, въ которыхъ имѣются достаточныя для сего участки земли и др. мѣстныя удобства.

5) Въ прочихъ второклассныхъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, въ двухклассныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, а также въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія сельскохозяйственные занятія могутъ состоять въ наглядныхъ бесѣдахъ по сельскому хозяйству и въ систематическихъ работахъ учащихся на учебномъ полѣ или въ огородѣ, въ саду, на пасѣбѣ и т. п. подъ руководствомъ подготовленнаго къ сему учителя, за добавочное вознагражденіе.

Примѣчаніе. Означенное добавочное вознагражденіе учителю можетъ быть опредѣлено въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ; кромѣ того необходимо отпускать ежегодно для каждой школы на учебныя пособия, сельскохозяйственные потребности 100 руб.

6) Въ одноклассныхъ народныхъ школахъ означенныхъ вѣдомствъ сельскохозяйственное обученіе можетъ быть только наглядное и практическое, съ помощью устройства учителями при школахъ садовъ, огородовъ, пасѣбъ и т. п. хозяйства, въ которыхъ учащиеся могутъ исполнять посильныя для нихъ работы подъ руководствомъ учителя въ удобное, по мѣстнымъ условіямъ, время года. Такое обученіе должно сопровождаться соответственными объясненіями

учителя, равно какъ и чтеніемъ доступныхъ статей по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

7) Преподаваніе сельскаго хозяйства въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учительскихъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія ведется по учебнымъ планамъ и программамъ, утвержденнымъ, по принадлежности, подлежащими вѣдомствами по соглашенію съ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

8) Общія нормальныя инструкціи для устройства обученія сельскому хозяйству въ двухклассныхъ и начальныхъ училищахъ того и другого вѣдомства утверждаются по принадлежности означенными вѣдомствами, по соглашенію съ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

9) Для подготовленія преподавателей сельскаго хозяйства для второклассныхъ школъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія и двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Православнаго Исповѣданія полезно: 1) открывать педагогическіе классы или курсы для окончившихъ курсъ въ среднихъ и низшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и 2) устраивать, подъ вѣдѣніемъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, особые сельскохозяйственные курсы, продолжительностью отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, для народныхъ учителей, командируемыхъ подлежащими вѣдомствами.

10) Для ознакомленія учителей одноклассныхъ и другихъ народныхъ школъ съ веденіемъ отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства на школьныхъ участкахъ необходимо продолжать устройство краткихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ, подъ руководствомъ и при содѣйствіи Министерства Земледѣлія.

11) Помимо устройства курсовъ педагогическихъ и сельскохозяйственныхъ, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ участвуетъ въ организаціи дѣла преподаванія сельскаго хозяйства въ означенныхъ заведеніяхъ: а) постояннымъ наблюденіемъ чрезъ подчиненныхъ ему лицъ за ходомъ преподаванія сельскаго хозяйства въ учительскихъ семинаріяхъ, въ учительскихъ и второклассныхъ школахъ, и сообщеніемъ о результатахъ осмотра подлежащимъ вѣдомствамъ, для чего Министерство Земледѣлія назначаетъ мѣстныхъ чиновъ Министерства въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ уѣздныхъ отдѣленій; б) командированіемъ на мѣста, по мѣрѣ возможности и необходимости, особыхъ инструкторовъ сельскаго хозяйства для подачи техническихъ указаній учителямъ означенныхъ выше учебныхъ заведеній; в) снабженіемъ народныхъ учителей, по мѣрѣ возможности, сѣменами, растеніями, ульями и нѣкоторыми орудіями и инструментами, специальными сочиненіями и т. п. и г) выдачею, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, денежныхъ или почетныхъ наградъ тѣмъ изъ народныхъ учителей, которые успѣшнымъ веденіемъ сельскаго хозяйства при начальныхъ школахъ приносятъ существенную пользу мѣстному населенію,

§ 12) Суммы, необходимы на приведеніе въ дѣйствіе вышеизложенныхъ мѣръ, въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ, должны быть испрашиваемы къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства подлежащими вѣдомствами по ихъ расходнымъ смѣтамъ.

Не останавливаясь на каждомъ изъ этихъ заключеній въ отдѣльности, приведемъ нѣсколько краткихъ соображеній по существу затронутаго комиссіей вопроса. Заслуживаютъ прежде всего вниманія двѣ оговорки комиссіи: а) Общеобразовательныя учебныя заведенія, въ силу своего общеобразовательнаго характера, ни въ какомъ случаѣ не могутъ брать на себя задачи готовить технику сельскохозяйственнаго дѣла, такъ какъ это отразилось бы не вполне благоприятно на ихъ успѣшности въ достиженіи прямой и непосредственной цѣли. б) Преподаваніе сельскаго хозяйства должно быть введено въ курсы ученія лишь въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ имѣются для сего участки земли и другія благоприятныя условія.

За указанными двумя оговорками, исходная мысль комиссіи та, что въ Россіи, странѣ по преимуществу земледѣльческой, населеніе которой совсѣмъ почти не знакомо съ рациональными способами веденія сельскаго хозяйства, благодаря чему терпитъ ущербъ въ земледѣліи, преподаваніе сельскаго хозяйства въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ является весьма желательнымъ, какъ одно изъ средствъ къ возможно скорѣйшему распространенію въ населеніи основныхъ сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній. Такой цѣли не удовлетворяютъ низшія школы сельскаго хозяйства, какія существуютъ теперь въ вѣдомствѣ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, этого рода заведенія имѣютъ свою спеціальную цѣль: подготовленіе техникувъ по сельскому хозяйству, старшихъ рабочихъ, старость, приказчиковъ для частно владѣльческихъ хозяйствъ. Вотъ почему задачу болѣе широкаго распространенія въ массѣ населенія необходимыхъ познаній по сельскому хозяйству должны взять на себя общеобразовательныя заведенія вѣдомства Св. Синода и Министерства Народнаго Просвѣщенія.

На основаніи представленныхъ сейчасъ соображеній, комиссіей выработанъ планъ организаціи преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ трехъ разрядовъ и различныхъ наименованій, отъ учительскихъ семинарій и церковноучительскихъ школъ до школъ грамоты включительно. Планъ выработанъ, правда, не въ подробностяхъ, а лишь въ общихъ основаніяхъ; подробности отнесены къ содержанію будущихъ программъ, учебныхъ плановъ, инструкцій общихъ и нормальныхъ, къ указаніямъ развѣдочныхъ конструкторовъ изъ штата специалистовъ, имѣющихся въ запасѣ при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Но все же,—въ тѣхъ общихъ основаніяхъ, какія помѣщены въ заключеніяхъ Комиссіи, планъ представляется въ достаточной опредѣленности.

Организація предположена различная въ виду неодинаковости подготовки и развитія учащихся въ разныхъ общеобразовательныхъ

школахъ, а также вслѣдствіе различныхъ цѣлей, поставляемыхъ упомянутыми школами.

Организація различна: а) для заведеній, имѣющихъ цѣлью приготовленіе учителей для народныхъ школъ, каковы учительскія семинаріи Министерства Народнаго Просвѣщенія и церковно-учительскія школы Духовнаго вѣдомства; б) для двухклассныхъ училищъ одного и другого вѣдомства; в) для одноклассныхъ училищъ тѣхъ же вѣдомствъ и въ частности для школъ грамоты духовнаго вѣдомства.

Очевидно, центръ тяжести вопроса лежитъ въ той организаціи, какая намѣчена для школъ третьяго разряда, школъ по преимуществу народныхъ, больше того,—прямо крестьянскихъ. Школы перваго разряда не многочисленны и спеціальны по ихъ назначенію,—онѣ тоже готовятъ техниковъ, педагоговъ народной школы. Что касается двухклассныхъ училищъ, ихъ воспитанники, если они дѣти крестьянъ, пробывшіе въ школахъ пять лѣтъ, обыкновенно, по выходѣ изъ школы, потеряны для крестьянской среды. Въ деревнѣ они остаются развѣ въ должности писарей, рѣже въ должности народныхъ учителей, всего чаще избираютъ такіа занятія, для которыхъ безразличны пріобрѣтенныя ими въ школахъ сельскохозяйственныя познанія и умѣнья, особенно если таковыя пріобрѣтались въ городскомъ училищѣ. При томъ же, сравнительно съ общимъ количествомъ народныхъ школъ число двухклассныхъ училищъ невелико. По Министерству Народнаго Просвѣщенія число этихъ училищъ на всю Россію составляетъ всего около 1500; по вѣдомству Св. Синода всего 207 (къ 1893 г.). Очевидно, вліяніе этихъ школъ на распространеніе въ народѣ раціональныхъ познаній и умѣній по сельскому хозяйству не можетъ быть особенно замѣтнымъ.

Не таково значеніе училищъ одноклассныхъ и школъ грамоты. По одному вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія число этихъ школъ около 26000; по Духовному Вѣдомству около 13000 (къ 1893 г.). Къ этому общему количеству нужно прибавить еще школы грамоты, число коихъ (къ 1893 г.) доходило 18652 (по десяти епархіямъ свѣдѣнія не получены). Такимъ образомъ изъ общаго приблизительнаго числа народныхъ школъ въ 60000, одноклассныя училища и школы грамоты составляютъ около 96%. Окончившіе въ этихъ заведеніяхъ ученики изъ своей среды не уходятъ, они оставались въ ней и во время пребыванія въ школахъ, откуда выходятъ въ десять—двѣнадцать лѣтъ.

Очевидно, школы этого разряда должны быть поставлены на первомъ планѣ, какъ скоро заходитъ рѣчь о распространеніи въ населеніи, при помощи, посредствомъ или путемъ школы, полезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній, наиболѣе примѣнимыхъ къ современнымъ условіямъ крестьянскаго хозяйства.

По предположеніямъ Комиссіи преподаваніе сельскаго хозяйства вводится также въ курсъ ученія въ одноклассныхъ училищахъ, въ церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты, но оно вводится въ этотъ курсъ съ нѣкоторыми довольно существенными

оговорками: а) Сельскохозяйственные занятія въ одноклассныхъ школахъ и школахъ грамоты можетъ вести обыкновенный народный учитель, если онъ получилъ сельскохозяйственную подготовку въ низшей сельскохозяйственной школѣ, или же если прослушалъ краткосрочные курсы по тѣмъ или инымъ интенсивнымъ отраслямъ сельского хозяйства (садоводство, огородничество и др.). б) Въ учебныя программы одноклассной школы нельзя включать теоретическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. в) Сельскохозяйственное обучение въ этихъ школахъ можетъ быть только наглядное и практическое, съ помощью устройства учителями при школахъ садовъ, огородовъ, пасѣвъ и т. п. хозяйствъ, въ которыхъ учащиеся могутъ исполнять посильныя для нихъ работы подъ руководствомъ учителя въ удобное, по мѣстнымъ условіямъ, время года. Такое обучение должно сопровождаться соответственными объясненіями учителя, равно какъ и чтеніемъ доступныхъ статей по разнымъ отраслямъ сельского хозяйства.

Уже первая оговорка вызываетъ на замѣчаніе по крайней мѣрѣ по отношенію къ однокласснымъ школамъ грамоты Духовнаго вѣдомства; тѣ и другія уже въ настоящее время составляютъ большинство общаго количества всѣхъ народныхъ школъ (изъ 60000 болѣе 31000). Изъ матеріаловъ по вопросу о надѣленіи народныхъ школъ землею личный составъ преподавателей упомянутыхъ школъ Духовнаго вѣдомства представляется въ такомъ видѣ:

а) Въ одноклассныхъ училищахъ (церковноприходскихъ школахъ) обученіе ведутъ учителя и учительницы, назначаемые преимущественно изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ женскихъ училищахъ Духовнаго вѣдомства.

б) Въ школахъ грамоты обучаютъ священники, дьякона и другіе члены причта, а также свѣтскіе учителя или учительницы, назначаемые изъ лицъ Православнаго исповѣданія, благочестивой жизни и знакомыхъ съ предметами начального обученія.

Болѣе, конечно, разнообразенъ личный составъ учителей въ тѣхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя состоятъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, хотя и здѣсь не мало учителей и учительницъ, тоже назначенныхъ изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ другой стороны, если между учителями одноклассныхъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, быть можетъ, и встрѣчаются лица, окончившія низшую сельскохозяйственную школу, т. е. тѣ техники по сельскому хозяйству, которые готовились собственно не для учительства, то число такихъ лицъ весьма незначительно: имъ выгоды и сподручье прямо идти въ ту профессію, для которой они готовились.

Какъ бы то ни было, въ общемъ контингентъ учителей въ школахъ Духовнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія состоитъ изъ такихъ лицъ, которыя ни какой сельскохозяйственной подготовки не имѣютъ и едва-ли могутъ быть подвергнуты обязательному прослушанію краткосрочныхъ курсовъ по тѣмъ или инымъ интенсивнымъ отраслямъ сельского хозяйства, предполагая конечно,

что прослушаніе этихъ курсовъ не обратится въ простую формальность, исполняемую для сохраненія мѣста учителя или учительницы народной школы или для полученія небольшого пособія.

Вторая оговорка тоже не можетъ быть оставлена безъ замѣчанія. Если сельскохозяйственное обученіе не слѣдуетъ включать въ программы одноклассныхъ школъ и школъ грамоты, если, слѣдовательно, никакого экзамена по этому обученію не полагается и не можетъ быть, тогда и самое обученіе оказывается внѣ курса ученія, т. е. проще, — это совсѣмъ не преподаваніе, а нѣчто другое: занятія въ огородѣ, въ саду, въ пасѣкѣ учителя, въ видѣ исполненія учениками посильныхъ для нихъ работъ. Но такого рода обученіе гораздо правильнѣе и цѣлесообразнѣе поставлено въ инструкціи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 4 іюня 1875 года. По этой инструкціи (87) подобное обученіе допускается, но лишь при двухъ условіяхъ: а) если родители, родственники или опекуны учащихся того пожелаютъ и б) если мѣстное общество не признаетъ возможнымъ для занятія съ учащимися по садоводству, огородничеству и пчеловодству пригласить на свои средства особыхъ, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ и благонадежныхъ лицъ.

Еще важнѣе третья оговорка, она тоже вызываетъ замѣчаніе, и при этомъ не одно.

То преподаваніе, какое предположено въ заключеніяхъ комиссіи, не поддается никакой организаціи, не допускаетъ не только программъ или учебныхъ плановъ, но даже и какихъ бы то ни было инструкцій общихъ или нормальныхъ, да врядъ ли уловимо для руководства разъѣздныхъ инструкторовъ. Кромѣ школьнаго участка, при наличности другихъ благопріятныхъ условій и мѣстныхъ удобствъ, для успѣшности преподаванія необходимо еще одно обстоятельство: наличность, въ лицѣ учителя, любителя садоводства, огородничества и пчеловодства и т. п.; при чемъ нужно еще предположить, что такой учитель станетъ заниматься съ учениками по цѣлымъ днямъ, до и послѣ классовъ, и при томъ не посягать на даровой трудъ учениковъ и даже не подавать повода къ подозрѣніямъ въ подобномъ посягательствѣ; не то онъ испортитъ не только учебное дѣло, но и свое личное положеніе въ деревнѣ.

Подобные учителя вездѣ, а въ Россіи и подавно, большая рѣдкость. И дѣйствительно, уже до закона 12 мая 1897 г. о надѣленіи школъ казенною землею и о безденежномъ отпускѣ казеннаго лѣса, изъ училищъ М-ва Народнаго Просвѣщенія интенсивныя отрасли сельскаго хозяйства были заведены при 7514 школахъ: были сады, огороды, пасѣки, шелководство, плантаціи тутовыхъ деревьевъ, виноградники, хмѣльники и даже 1 питомникъ плодовыхъ деревьевъ. Много ли однако было такихъ учителей, которые выдѣлились своею любовью къ интенсивнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства? Всего четыре, — пять, — выдѣлились настолько, что на нихъ обратили вниманіе на мѣстѣ и доводили до свѣдѣнія высшаго начальства, какъ о счастливыхъ случайностяхъ.

Еще любопытнѣе факты, сообщенные попечителемъ Рижскаго

учебнаго округа; его свидѣтельство любопытно именно въ виду особенной постановки народной школы въ этомъ округѣ. Какъ извѣстно, въ Рижскомъ округѣ издавна и послѣдовательно проведена система надѣленія школъ землею. Въ одной Рижской дирекціи земельные надѣлы имѣются при 1113 школахъ, въ томъ числѣ при 742 школахъ устроены сады и огороды, при 149—пасѣвки. Надѣлы восполняютъ, а иногда вполнѣ замѣняютъ, денежное вознагражденіе учителя; отъ его усмотрѣнія зависитъ извлекать доходъ изъ участка посредствомъ личной эксплуатаціи, или черезъ отдачу участка въ аренду. Въ Ревельской дирекціи сады имѣются при 258 школахъ, огороды при 268 и пасѣвки при 19 школахъ. И тѣмъ не менѣе, на запросъ М-ва Народнаго Просвѣщенія, начальство Рижскаго округа рѣшительно отвергло даже самый принципъ введенія въ народныя школы обученія интенсивнымъ и всякимъ инымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Между народными учителями Рижскаго округа иногда встрѣчаются любители садоводства и пчеловодства, они извлекаютъ значительный доходъ и потому вызываютъ подражаніе; но такихъ любителей попечитель могъ назвать не болѣе троихъ. Построить на такихъ исключительныхъ случаяхъ организацію и пѣлую систему сельскохозяйственнаго обученія въ народной школѣ попечитель не призналъ возможнымъ. По его мнѣнію отъ подобнаго обученія нельзя ожидать никакихъ результатовъ: «прекрасное веденіе какого бы то ни было дѣла при исключительныхъ условіяхъ или при посредствѣ дорогого пособія теряетъ силу примѣра и становится совершенно не поучительнымъ»,—поучительно заключаетъ свой отзывъ начальство Рижскаго учебнаго округа; въ этомъ округѣ привлеченіе учениковъ къ посильнымъ работамъ на школьныхъ участкахъ безусловно воспрещено.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что распространять въ крестьянскомъ населеніи полезныя свѣдѣнія, усовершенствованные способы, тонкіе навыки и всякаго рода умѣнья по сельскому хозяйству можно собственно не при помощи, путемъ, или посредствомъ народной школы, а между прочимъ и чрезъ учителя—любителя, готоваго къ тому же жертвовать своимъ трудомъ, временемъ, способнаго поступиться даже своими матеріальными средствами.

Такимъ путемъ и при такой помощи можно, конечно, распространять многое,—не только сельскохозяйственныя, но и всякія другія познанія и умѣнья, и даже всякаго рода искусства и художества. Но подобному распространенію можетъ содѣйствовать и всякій другой любитель, примѣняющій свою страсть въ деревнѣ, на виду у крестьянъ, и притомъ съ успѣхомъ, т. е. съ выгодною для себя; распространенію пчеловодства нерѣдко содѣйствовали деревенскіе священники и другіе члены церковнаго клира. Второе замѣчаніе. По предположеніямъ комиссіи обученіе сельскохозяйственнымъ познаніямъ и умѣнья,—въ видѣ примѣровъ учителя, объясненій, чтенія соотвѣтственныхъ статей, а также въ видѣ соотвѣтственныхъ упражненій чрезъ посильныя работы учениковъ на школь-

номъ участкѣ,—должно производиться въ свободное отъ учебныхъ занятій время и въ удобное, по мѣстнымъ условіямъ, время года.

Изъ четырехъ временъ года, для подобнаго обученія, очевидно, удобны весна, лѣто и осень: въ зимнее время примѣры и объясненія учителя, упражненія учениковъ въ видѣ посильныхъ работъ, чтеніе статей въ бесѣдкѣ сада, рѣшительно невозможны; комнатное же цвѣтоводство не входитъ въ кругъ предположеній комиссіи, хотя оно тоже отрасль интенсивная.

Преподаваніе слѣдовательно оказывается возможнымъ въ такое время года, которое, безспорно, удобно для примѣровъ учителя по садоводству, но крайне неудобно для учениковъ, ихъ родителей, да не вполнѣ подходяще для многихъ, если не для большинства, учителей. Для учениковъ и для ихъ родителей время неудобно потому, что даже въ сѣверной полосѣ Россіи съ апрѣля по октябрь идетъ время огородныхъ и полевыхъ работъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принимаютъ не только взрослые, но и дѣти школьнаго возраста,—вся рабочая сила семьи; въ частности на дѣтяхъ въ это время, особенно на мальчикахъ, лежатъ заботы объ одной изъ отраслей сельскаго хозяйства,—о скотоводствѣ. При системѣ подножнаго корма эта забота для школьнаго дѣла имѣетъ существенное значеніе; съ такимъ обстоятельствомъ нужно считаться при наведеніи справокъ изъ за границы, гдѣ весь годъ скотъ держится и размножается въ стойлахъ. Иначе стоитъ дѣло въ Россіи, и мѣстные условія важны здѣсь развѣ настолько, что въ различныхъ мѣстностяхъ посѣщеніе школы начинается убывать не съ конца, а со середины или съ начала апрѣля; точно также возвращеніе въ школы начинается уже въ то время, когда овощи съ огородовъ и плоды въ садахъ собраны, пасѣвки сложены, а посильныя работы учениковъ уже излишни.

Этотъ перерывъ школьныхъ занятій,—по мѣстнымъ условіямъ онъ продолжается 5—6 мѣсяцевъ,—учителя (и учительницы) народныхъ школъ употребляютъ различно. Одни уѣзжаютъ погостить у родныхъ или у знакомыхъ, другіе отбываютъ на уроки или на другіе заработки, особенно если земскіе финансисты имѣютъ привычку не выдавать жалованья до наполненія земской кассы осенью. Учителя домовитые сидятъ дома и хозяйничаютъ наравнѣ съ крестьянами, безъ всякой заботы о распространеніи своими примѣрами рациональныхъ сельскохозяйственныхъ способовъ и умѣній между крестьянами, у которыхъ не рѣдко сами учатся и заимствуются.

Указанное сейчасъ препровожденіе учителями каникулярнаго времени—не случайность; оно лишь одна изъ особенностей личнаго состава учительской профессіи въ народныхъ школахъ. Этотъ составъ непостоянный и не прочный, не говоря уже о тѣхъ перемѣщеніяхъ, которыя, какъ во всемъ извѣстно, часто происходятъ въ заботахъ начальства о пользѣ службы. Для священниковъ и другихъ членовъ клира учительство занятіе побочное, имѣетъ значеніе посторонняго воспособленія ресурсовъ. Для большинства же остальныхъ, въ виду плачевныхъ условій этой профессіи, положеніе сель-

скаго учителя временное. Прежде всего оно временно для тѣхъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые идутъ въ учителя въ ожиданіи прихода и невѣсты; другіе мирятся со своимъ положеніемъ до перваго счастливаго случая—перемѣнить учительство на службу при желѣзной дорогѣ, въ экономіи, въ канцеляріи земскаго начальника или, въ послѣднее время, въ винной монополіи. Болѣе вѣрны школь и своей профессіи учительницы, особенно тѣ, которыя отказались отъ мысли посвятить себя личной семейной жизни. Въ предположеніяхъ комиссіи объ учительницахъ умалчивается вѣроятно потому, что цѣлководство и птицеводство не включены въ число интенсивныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

12 мая 1897 г. Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о надѣленіи сельскихъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты казенною землею и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казеннаго лѣса. Поводъ закона—недостаточность матеріальныхъ средствъ, какими располагаютъ различныя школы, и въ особенности скудность содержанія учителей. Восполнить то и другое—такова цѣль этой «жертвы правительства на дѣло народнаго образованія».

Въ оправданіе этого закона при его разработкѣ въ различныхъ инстанціяхъ до поступленія дѣла въ Государственный Совѣтъ, высказывались и различныя упованія, иногда даже нѣсколько отдаленнаго касательства. Отведенный школь участокъ, въ размѣрѣ не болѣе трехъ десятиныхъ, прикрѣпить учителя къ школь и къ деревнѣ, разовьетъ въ немъ любовь къ интенсивнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, — крупные участки направили бы эту любовь къ полеводству, и потому создастъ въ деревняхъ образцовыя хозяйства садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства и т. п. Учителя перестанутъ разлѣзаться на каникулы или кочевать изъ одной школы въ другую, заведутся семьями, осядутъ на мѣстахъ, поправятъ свое здоровье, а въ видахъ извлеченія наибольшаго дохода изъ трехъ десятиныхъ отдадутся упражненіямъ въ интенсивныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, возложивши посильныя работы на учениковъ съ примѣрами отъ себя, съ нужными объясненіями и доступными прочтеніями. Преподаваніе сельскаго хозяйства,—по крайней мѣрѣ въ его интенсивныхъ отрасляхъ, притомъ, наглядное, практическое, — будетъ обезпечено само собою, а вмѣстѣ съ нимъ будетъ обезпечено распространеніе въ населеніи сельскохозяйственныхъ познаній и умѣній. На сельскохозяйственное же обученіе въ народныхъ школахъ возлагались довольно разнообразныя надежды. Такъ, одо изъ мѣстныхъ начальствъ Кавказскаго учебнаго округа высказало увѣренность, что такое обученіе—одно изъ вѣрныхъ средствъ противъ разбоевъ на Кавказѣ; другое начальство рекомендовало мѣру какъ одинъ изъ способовъ разрѣшенія дворянскаго вопроса.

Нельзя, конечно, отрицать, что надѣлъ школь землею въ извѣстной мѣрѣ окажетъ въ будущемъ свое дѣйствіе, что тогда и въ

остальной Россіи между сельскими учителями чаще будутъ встрѣчаться, но лишь въ качествѣ исключительныхъ случаевъ, такіе же любители садоводства, огородничества и пчеловодства, какіе теперь встрѣчаются между учителями Рижскаго учебнаго округа. Но помимо такихъ исключительныхъ случаевъ, и на будущее время эксплуатация трехъ десятинъ школьныхъ участковъ будетъ производиться такъ же, какъ она производится теперь въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ остальной Россіи, т. е. или черезъ отдачу десятины въ аренду съ поступленіемъ арендной платы въ пользу учителя; или же, — если учитель семейный и домовитый, — черезъ обращеніе десятины на такую культуру, для которой не требуется другихъ навыковъ и умѣній, кромѣ тѣхъ, какія извѣстны мѣстному населенію и въ частности, уже до поступленія въ школу, усвоены крестьянскими дѣтьми, извѣстны имъ пожалуй, лучше, чѣмъ самому учителю и его женѣ. Это, если можно такъ выразиться, культура личнаго прокормленія, — она доставитъ учителю потребный запасъ овощей для личнаго обихода, кое что останется и для выручки отъ продажи.

Нѣтъ, слѣдовательно, основанія ожидать, что, по надѣленіи землѳю всѣхъ школъ, не замедлитъ произойти значительная переимѣна по сравненію съ тѣмъ, что было до сихъ поръ, продолжается и теперь. Теперь же, большая часть учителей тѣхъ школъ, при которыхъ имѣются участки земли, ведутъ дѣло на свой рискъ и страхъ, при чемъ смотрятъ на свой трудъ, какъ на средство улучшить свое благосостояніе извлекаемымъ изъ хозяйства доходомъ. Таково громадное большинство школьныхъ хозяйствъ, съ той впрочемъ разницею, что въ силу инструкціи 1875 г. въ этихъ хозяйствахъ не участвуютъ посильными работами ученики.

Но каково бы ни было дѣйствіе закона 12 мая 1897 г., оно еще не началось и скажется не скоро: тѣ 500,000 десятины казенной земли, какія предположено раздать въ надѣлъ школамъ, не только не розданы, но едва ли даже размѣчены на планахъ двѣсныхъ дачъ казны. Когда же раздача этихъ десятины совершится, ихъ прямая цѣль останется все та же: доставить дополнительные средства къ обезпеченію школъ и, въ особенности, къ улучшенію матеріальнаго положенія учителей, а не служить цѣлямъ нагляднаго обученія въ качествѣ «демонстративно-учебныхъ участковъ».

Свои предположенія коммисія мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что въ настоящее время вся организація этого дѣла отличается болѣе или менѣе случайнымъ характеромъ, въ зависимости отъ способностей и выбора отдѣльныхъ преподавателей: предположенія коммисіи имѣютъ поэтому въ виду устроить организацію не случайную, а въ значеніи общей государственной мѣры, съ ежегодными ассигнованіями изъ государственнаго казначейства въ милліоны, вѣрнѣе въ десятокъ милліоновъ рублей, если не болѣе. Между тѣмъ, то преподаваніе, какое предлагается для одноклассныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и для школъ грамотности, только и можетъ имѣть случайный характеръ, т. е. характеръ единичныхъ, изъ ряда выдающихся случаевъ. Для возникновенія подобныхъ

случаевъ необходимы исключительныя условія: прежде всего, личность учителя-любителя, а затѣмъ — поощреніе со стороны кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей (школа Каншина), щедрая дотация (Юганишкельская школа, фондущъ 333.800 р. и 100 десятинъ земли), но особенно поощреніе мѣстныхъ обществъ сельскаго хозяйства (Завальская школа Каширскаго уѣзда). Такіе исключительныя случаи могутъ быть доводимы до свѣдѣнія правительства и даже до свѣдѣнія Верховной власти; по заслугамъ могутъ быть оказываемы поощренія денежнаго или иного свойства, на каковой предметъ имѣются особыя кредиты въ смѣтѣ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ виду всего сказаннаго до сихъ поръ, невозможно согласиться съ заключеніями комиссіи, ни въ ихъ основной мысли, ни въ ихъ примѣненіи. Но мнѣніе комиссіи должно быть отвергнуто еще и по другимъ соображеніямъ, болѣе принципіальнаго и общаго свойства.

Истинная задача народной школы, — той, въ которой крестьянскія дѣти остаются два-три года, до возраста 10—12 лѣтъ, — заключается въ обученіи грамоты, въ смыслѣ умѣній: читать, писать и считать. Чѣмъ выше та степень, въ какой сообщаются каждое изъ этихъ умѣній и всѣ они вмѣстѣ, тѣмъ полнѣе разрѣшена задача народной школы; она разрѣшена вполне, какъ скоро ученики выносятъ изъ школы не только грамоту, но и потребность сохранить усвоенныя въ школѣ умѣнья на будущее время: умѣнья пригодятся во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Сама по себѣ грамота не имѣетъ большого значенія, какъ скоро она забывается по выходѣ изъ школы за отсутствіемъ потребности въ ней, за отсутствіемъ любознательности.

Въ такомъ видѣ и объемѣ задача народной школы не разрѣшена въ Россіи и по настоящее время: процентъ учащихся и процентъ грамотныхъ въ Россіи ниже, чѣмъ гдѣ либо, кромѣ развѣ Турціи.

Между разными причинами такой малоуспѣшности народной школы, нельзя не указать на двѣ; обѣ онѣ уже упомянуты выше. Первая причина — отсутствіе достаточнаго класса технически подготовленныхъ, а главное — вѣрныхъ и крѣпкихъ своей профессіи и школѣ сельскихъ учителей; разводять садовъ и такіе учителя конечно не стануть, все равно какъ не разводять садовъ хозяева участковъ, назначенныхъ въ публичную продажу. Сады, виноградники разводять для своихъ дѣтей, но не для завтрашнихъ приемниковъ по службѣ. Вторая причина — краткость учебнаго года съ длинными перерывами школьныхъ занятій, — перерывы неизбежны при нашей системѣ крестьянскаго хозяйства. Собственно учебный годъ правильныхъ занятій продолжается не болѣе шести мѣсяцевъ, и затѣмъ наступаетъ перерывъ не меньше пяти мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, изъ трехъ лѣтъ пребыванія въ школѣ на ученіе остается собственно 18 мѣсяцевъ; но изъ этихъ мѣсяцевъ нужно еще вычесть тѣ недѣли, которыя послѣ каждого перерыва употребляются

на повтореніе пройденнаго до перерыва; иначе обученіе впередъ пойдетъ медленно, т. е. будетъ задержано на время болѣе скучное и продолжительное, чѣмъ какое нужно для повторенія. Выходить, слѣдовательно, что изъ 18 мѣсяцевъ на повтореніе и, если можно такъ выразиться, вообще на умственную разминку, нужно вычестъ еще мѣсяца три; для непрерывно поступательнаго ученія остается около 15 мѣсяцевъ. Въ эти 15 мѣсяцевъ должно быть закончено обученіе и притомъ закончено ученикомъ въ такой обстановкѣ, которая не представляетъ ни особенныхъ удобствъ для мыслительной дѣятельности, ни частныхъ случаевъ и поводовъ для умственнаго возбужденія. А между тѣмъ, предполагается, что въ эти 15 мѣсяцевъ ученикъ сельской школы прибрѣтаетъ свѣдѣнія въ такомъ объемѣ, въ какомъ ихъ, за то же время, не прибрѣтаетъ большинство дѣтей зажиточныхъ классовъ населенія.

Казалось бы поэтому, что если гдѣ, то именно въ Россіи народная школа должна быть вполнѣ и безраздѣльно сосредоточена на своей подлинной задачѣ, безъ отвлеченія на разные эксперименты гадательнаго свойства; должна имѣть свою цѣль въ самой себѣ, а не служить, «помощью», «путемъ», «средствомъ» къ распространенію чего то другого, что можетъ быть отсрочено на неопредѣленное время, если не отложено и совсѣмъ въ сторону. Каждое учрежденіе должно исполнять свою прямую задачу; оно неизбѣжно отклоняется въ сторону, быстро портится, какъ скоро извращено, превращено на постороннія цѣли, составляющія задачу другихъ учреждений. Трудно, наконецъ, сказать, насколько выиграетъ наша не установившаяся школа, если въ ея дѣла вмѣшается такое специальное вѣдомство, какъ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Поэтому, пусть наша народная школа развивается и преуспѣваетъ въ тѣхъ рамкахъ, которыя поставлены ей, какъ начальной общеобразовательной школѣ, пусть ее минуютъ различныя кабинетныя увлеченія, желающія навязать ей совершенно несвойственныя цѣли, и пожелаемъ только, чтобы все уносящее съ собой время возможно скорѣе унесло и тѣ препятствія, которыя къ сожалѣнію до сихъ поръ такъ часто мѣшаютъ народной школѣ свободно развиваться на пользу русскаго народа.

* * *

Кое-что о педагогических выставкахъ.

Представьте, что на выставкѣ рысистыхъ лошадей коннозаводчики и спортсмены нашли все, что нужно для лошадей,—и образцовыя конюшни, и сѣдла, и скребницы, и даже поддевку стараго конюха; могли, наконецъ, полюбоваться портретами знаменитыхъ побѣдителей,—и не нашли только одного,—именно самыхъ лошадей, для которыхъ строились образцовыя конюшни и изобрѣтались подковы, экспонированныя на выставкѣ. Спрашивается, будутъ ли довольны коннозаводчики и любители такой выставкой? Отвѣтъ, мнѣ кажется, ясенъ. На конской выставкѣ должны быть прежде всего кони, какъ на выставкѣ рогатаго скота—рогатый скотъ, а на выставкѣ земледѣльческихъ орудій—эти послѣднія.

Что должно быть на педагогической выставкѣ?—вотъ вопросъ, на который негрѣше отвѣтить и еще разъ послѣ Нижегородской выставки, чрезвычайно богатой какъ педагогическими экспонатами, такъ, если не болѣе, и педагогическими уроками, воспользоваться которыми было бы нелишне при устройствѣ предстоящей въ Парижѣ выставки.

Главный и спеціальный продуктъ педагогическаго производства есть, разумѣется, ученикъ, его религіозное, нравственное, научное и физическое развитіе, его способность къ труду и самообразованію, все то, что сдѣлала изъ сырого и грубаго матеріала, «мастерская гуманности»,—все же остальное—лишь орудія производства, лишь запасный и оборотный капиталы, безъ которыхъ, правда, производство немислимо, но которые сами-по-себѣ, отдѣленные отъ продукта производства, говорятъ о качествахъ послѣдняго не много.

Единственнымъ спеціально педагогическимъ экспонатомъ могъ бы быть только ученикъ, и, теоретически говоря, нѣтъ ничего невозможнаго въ экспонированіи ученика; скажемъ болѣе: подобныя выставки, впрочемъ, не для большой публики и въ малыхъ размѣрахъ, даже и дѣлаются въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ на періодическихъ сѣздахъ учителей и учениковъ.

Какъ ни безспорна польза отъ такихъ сѣздовъ - выставокъ, мы не стали бы защищать проекта всероссійской выставки живыхъ педагогическихъ экспонатовъ, хотя и думаемъ, что разумно поставленное состязаніе между школами, уѣздами, губерніями, учебными округами и т. п. единицами могло бы имѣть благотворное вліяніе на педагогическое производство. Есть конечно опасность, что въ погонѣ за призомъ пострадаетъ, и можетъ быть невидимо

для глаза, самый экспонатъ, чрезвычайно чувствительный ко всякаго рода экспериментамъ; но вѣдь есть и разумъ, который можетъ поставить опыты въ предѣлы, не допускающіе поврежденія живого существа, выставляемаго на конкурсъ.

Устранивъ съ выставки естественные продукты педагогическаго производства, мы поставили на шаткую и условную почву вопросы— для кого, что и какъ выставить и, пожалуй, сдѣлали невозможнымъ ихъ удовлетворительное разрѣшеніе.

Для кого устраивалась педагогическая выставка? Для большой публики или для педагоговъ, какъ техниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ педагогическому производству, или для той и другихъ?

Большая публика, разумѣется, не можетъ интересоваться техникой педагогическаго дѣла, процедура котораго обнимаетъ тысячи прозаическихъ мелочей, представляющихъ важность только для людей, специально знакомыхъ съ дѣломъ. Вотъ десятокъ классныхъ столовъ. Что можетъ сказать о нихъ публика? Хороши они или дурны, удобны или нѣтъ? Для публики это—мелочь, не представляющая ничего любопытнаго.

Большой публикѣ нужно нѣчто иное. Большой публикѣ хотѣлось бы наглядно, походя, не утруждая себя, составить понятіе о состояніи школьнаго образованія въ Россіи, о томъ, что въ области школьнаго дѣла уже сдѣлано и что еще остается сдѣлать, какія спеціальныя потребности въ образованіи удовлетворены въ большей, какія—въ меньшей мѣрѣ, на какія есть запросъ, но не видится попытокъ къ его удовлетворенію. Въ большой публикѣ есть несомнѣнный интересъ къ такого рода свѣдѣніямъ. Были ли удовлетворены эти интересы большой публики на Нижегородской выставкѣ?

При организаціи педагогическаго отдѣла на Нижегородской выставкѣ, какъ можно судить по прекрасному отчету г. Е. Ковалевскаго *), имѣлось въ виду «дать понятіе о состояніи въ Россіи *начальнаго образованія*», но и эта задача, обнимающая, какъ видно, далеко не все, а только низшее образованіе, не могла быть разрѣшена съ необходимой и желательной полнотой. Причина этого— безотрадно-жалкое состояніе нашей школьной статистики. Не преувеличивая можно сказать, что въ школьномъ дѣлѣ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе общаго вопроса, на который наша статистика дала бы удовлетворительный отвѣтъ. Сколько у насъ всего учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ и типовъ? сколько въ нихъ учащихся и учащихся? какъ великъ бюджетъ народнаго образованія? и т. д. Отнесите тѣже вопросы къ какому-либо одному изъ разрядовъ или типовъ учебныхъ заведеній и точно также отвѣта не получите. Лица, составившія книгу «Производительныя силы Россіи», располагали, безъ сомнѣнія, такими матеріалами, которые едва ли могутъ попасть въ руки частнаго лица, и однако въ статьѣ

*) Народное образованіе на Всероссийской выставкѣ въ Н.-Новг. etc. Спб. 1897 г.

«Высшее и среднее образованіе» мы встрѣчаемъ свѣдѣнія изъ 52 (63) высшихъ учебныхъ заведеній только объ университетахъ; въ отдѣлѣ среднихъ—только объ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и отчасти вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и нѣкоторыя данныя лишь о средней стоимости духовн. учебн. заведеній.

Не столько ради выставокъ, сколько въ интересахъ правильной и ясной постановки школы, взятой въ ея цѣломъ, необходимо создать школьную статистику и предоставить ей слово тамъ, гдѣ вопросъ касается десятковъ и сотенъ милліоновъ и гдѣ непосредственное наблюденіе чаще всего имѣетъ лишь отрицательное значеніе.

На всякой другой выставкѣ экспонатъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія для его оцѣнки: достоинство ножа, котла или ситца оцѣниваются совершенно независимо отъ нравственныхъ и др. качествъ производителя. Не то—при оцѣнкѣ педагогическаго экспоната: здѣсь важенъ не продуктъ, а его *производитель, условія и методы* производства; важны не издѣлія ручного труда, мертвенное однообразіе которыхъ способно нагнать уныніе на самаго беззаботнаго человѣка, а тѣ мальчуганы, которые выдѣлывали всѣ эти принципиально-безполезныя пустяки. Явился ли для нихъ ручной трудъ пріятнымъ развлеченіемъ въ свободное время? не лучше ли было бы посвятить досуги, если уже они оказались, вмѣсто ручного труда, на знакомство съ географіей и исторіей ихъ отечества, о которомъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія? упражнялись ли дѣти хоть немножко въ черченіи и рисованіи, безъ которыхъ ручной трудъ едва ли можетъ имѣть какое-либо образовательное значеніе? Нашъ мастеръ—рабъ образца: онъ все и отлично сдѣлаетъ по образцу, все плохо сдѣлаетъ по модели и ничего не сдѣлаетъ по чертежу или рисунку: онъ ихъ не понимаетъ. Не подготавливаетъ ли ручной трудъ благодарную почву для этого рабства въ то время, когда творческія способности дѣтей только что пробуждаются, и когда всякое педантическое и одностороннее упражненіе ихъ можетъ оказать на нихъ разрушительное дѣйствіе? Еслибъ мы и признали за слѣдствіемъ нѣкоторое педагогическое значеніе, можно ли, спрашивается, приписать послѣднее и сапожному, и шорному, и мн. др. ремесламъ, издѣлія которыхъ были экспонированы въ учебномъ отдѣлѣ? Для педагога отвѣты на эти вопросы не безразличны; большая же публика часто не можетъ и догадаться, что передъ нею не экспонатъ, а только символъ настоящаго экспоната. Большая публика говоритъ: а вѣдь, согласитесь, не дурно для десятилѣтнихъ мальчугановъ! молодцы!—и этимъ ограничивается оцѣнка экспонируемой школы во всѣхъ ея отношеніяхъ. Весьма сомнительно, что большая публика вынесетъ съ педагогической выставки правильный взглядъ на состояніе школьнаго дѣла, и вполнѣ несомнѣнно, что о многомъ она составитъ одностороннее, ошибочное и даже превратное представленіе, принявъ декорациі дѣла за самое дѣло.

Что дала выставка педагогамъ, учителямъ и вообще лицамъ,

имѣющимъ непосредственное отношеніе къ школь? Судя по крайней бѣдности литературныхъ отзыовъ и по непосредственнымъ впечатлѣніямъ—ничего или почти ничего.

Нашелъ ли учитель общеобразовательной школы что-либо такое, что натолкнуло бы его на новую мысль, освѣтило его неосмысленную практику, разрѣшило его сомнѣнія и недоумѣнія? Подчеркнула ли выставка попытку освободиться отъ школьной рутины, собрала ли она новыя слова педагогическаго дѣла и пустила ли ихъ въ оборотъ? Повидимому, нѣтъ! Изъ 86 №№, выставленныхъ въ отдѣлѣ начальн. образованія, въ 50—учитель нашелъ такія же издѣлія ручнаго труда, какія могли быть выставлены и имъ самимъ; нашелъ коллекціи общепринятыхъ учебниковъ и учебныхъ пособій, отъ которыхъ у него уже давно зеленѣетъ въ глазахъ; нашелъ издѣлія по сѣдельному, шорному и др. мастерствамъ, которыя въ общеобразовательной школѣ имѣютъ одно лишь отрицательное значеніе; нашелъ множество фотографій, этихъ желтыхъ мухъ всякихъ выставокъ; нашелъ сотни отчетовъ, чтеніе которыхъ, если бы оно даже и было мыслимо на выставкѣ, не привело бы его ни къ какимъ болѣе или менѣе общимъ выводамъ и соображеніямъ; нашелъ образцово - представленныя школы одного изъ уѣздовъ, экспонировавшія 20,000 тетрадей, обстоятельное знакомство съ которымъ потребовало бы по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ жизни,—но все, что онъ нашелъ, все это можетъ быть и типическое, неприкрашенное, среднее,—но именно поэтому воѣмъ знакомое, при-мѣкавшееся, давно утратившее способность пробуждать мысль, взывать къ соревнованію, увлекать къ исканію совершенства... Найдеть онъ, пожалуй, кое-что и новое, въ родѣ школьнаго музея, «заказаннаго, по словамъ Очерка научно-учебн. отд., Коммиссіей съ тою цѣлю, чтобы публика могла ознакомиться съ составомъ и характеромъ подобныхъ учебныхъ коллекцій, которыя должны бы быть при всякой благоустроенной школѣ», и остановится въ неразрѣшимомъ недоумѣніи: почему въ самомъ дѣлѣ эта коллекція, составленная ad hoc и отличающаяся всѣми признаками случайности, не приуроченная ни къ какой программѣ, ни къ какому учебнику или пособию и ничѣмъ не мотивированная, почему названа музеемъ и уже рекомендуется для всякой благоустроенной школы, тогда какъ самая идея школьнаго музея, его составъ и мѣсто въ учебномъ планѣ едва лишь затронуты въ нашей литературѣ и совершенно еще не разработаны? Музей не сочиняется,—онъ органически возникаетъ при школѣ по мѣрѣ того, какъ она переходитъ отъ непрерывныхъ диктовокъ и грамматическихъ разборовъ—кромѣ ариметики, почти единственныхъ занятій въ нашей начальной школѣ—къ изученію природы, родины, отечества и т. д., онъ нуженъ школѣ настолько, насколько она шагнула въ область этихъ послѣднихъ изученій. Въ каждой школѣ долженъ быть и со-временемъ, разумѣется, будетъ свой особенный музей, можетъ быть не похожій на всѣ другіе и во всякомъ случаѣ не похожій на образцовый выставочный музей.

Для учителя на нашей педагогической выставкѣ было очень мало новаго и поучительнаго: немудрено, что онъ обозрѣвалъ ее скучающими глазами. Правда, даже сверхъ ожиданія организаторовъ отдѣла, учитель интересовался письменными работами учениковъ, особенно по русскому языку. Направленіе любознательности, правду сказать, весьма одностороннее, хотя и вполне объяснимое тѣмъ схоластическимъ направленіемъ, которое давно уже приняла наша начальная школа: добрую треть учебнаго времени школа тратитъ, на ороеграфію и связанныя съ нею грамматическія упражненія, гонится за безукоризненнымъ правописаніемъ, страдаетъ подъ тяжкимъ гнетомъ ея же самой изобрѣтенныхъ нелѣпныхъ, скучныхъ и бессодержательныхъ ороеграфическихъ работъ и всетаки, не смотря на страшныя жертвы, достигаетъ весьма посредственныхъ результатовъ прежде всего въ той же ороеграфіи; естественно, что учителя дѣйствуютъ по пословицѣ: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить; наболѣло у нихъ правописаніе, они и накинудись на тетради, отчасти—въ смутной надеждѣ найти въ нихъ нѣкое откровеніе для руководства въ своей практикѣ, отчасти—изъ себялюбивыхъ побужденій: и у насъ, молъ, не хуже, чѣмъ у другихъ.

Бѣдность поучительнаго на прошлой педагогической выставкѣ происекала не отъ недостатка организаторскихъ талантовъ у ея устроителей: она—естественное слѣдствіе самой идеи *педагогической* выставки—дать понятіе о томъ, что въ сущности не можетъ быть выставлено (*состояніе* просвѣщенія, *развитіе* учащихся и т. п.), что въ нѣкоторой степени познается изъ цифровыхъ данныхъ, изъ обстоятельныхъ отчетовъ, о чемъ наглядное и выставочное можетъ дать лишь одностороннее и слѣдовательно неправильное представленіе. Слѣдуетъ прибавить, что несостоятельность основной идеи еще осложнилась крайне неполезнымъ для успѣха выставки намѣреніемъ выставить *не наилучшее*, а нѣчто среднее, т. е. именно то, что всякому хоть нѣсколько знакомому со школой давно и хорошо извѣстно. Выставка напротивъ должна бы показать наилучшее, наименѣе шаблонное, новое, не всѣмъ и каждому извѣстное.

Фотографіи, сотни отчетовъ, обозрѣніе которыхъ требуетъ цѣлыхъ мѣсяцевъ труда, руководья и издѣлія ручнаго труда—все это не даетъ ни малѣйшаго понятія объ общеобразовательной школѣ. Правда, на выставкѣ были многія тысячи ученическихъ тетрадей, но тетради были *не выставлены* въ какой-либо доступной для обозрѣнія системѣ, а набиты въ шкапы или ящики, т. е. представляли *складъ* *), а не выставку, что далеко не одно и то же.

Техническія школы находились въ болѣе естественныхъ условіяхъ: онѣ экспонировали то, въ чемъ заключается ихъ сущность, и что могло служить болѣе или менѣе твердымъ основаніемъ для ихъ оцѣнки. На выставкѣ должны быть и статистическія данныя,

*) Этого нельзя сказать про тетради, выставленныя школами Нижегородскаго уѣзда. Ред.

но не въ томъ видѣ, какъ въ большинствѣ случаевъ они были представлены.

Выставка есть своего рода художественная задача, которую лучше другихъ поняла и разрѣшила Москва въ своемъ павильонѣ. Отчеты въ павильонѣ тоже, разумѣется, были, но для выставочнаго посѣтителя интересъ былъ не въ нихъ, а въ прекрасныхъ моделяхъ и діаграммахъ, которыя наглядно иллюстрировали различныя стороны городского благоустройства и главнымъ образомъ — школу. Число школъ, учащихся, учителей и учительницъ, ихъ содержаніе, возрастъ, продолжительность службы, и пр. и пр. все это было наглядно изображено и рѣзко запечатлѣвалось въ памяти, — а именно послѣднее и должно быть прямою и ближайшею цѣлью выставки.

Въ отдѣлѣ народнаго образованія наглядность была крайне слаба; трудно было уловить глазомъ что либо общее въ цѣломъ и характерное въ частностяхъ: не было перспективы: существенное скрывалось въ отчетахъ или брошюрахъ, неважное выступало на первый планъ; много было сырого матеріала, въ которомъ лишь случайно можно было встрѣтить что либо интересное.

Все это впрочемъ видѣли и сами организаторы отдѣла и нескрывали его недостатковъ: стараясь объять необъятное и на три-четыре мѣсяца дѣло съ плохо обработаннымъ, а иногда и сырымъ, матеріаломъ, они сдѣлали все, чего отъ нихъ справедливо можно было требовать.

Изъ Нижегородской выставки можно извлечь не мало полезныхъ, хотя главнымъ образомъ отрицательныхъ, уроковъ для руководства при организаціи будущей, Парижской. Приготовленія къ выставкѣ идутъ обычнымъ канцелярскимъ путемъ и, что весьма возможно, придутъ къ обычному въ такихъ случаяхъ концу: накануне выставки могутъ оказаться такіе пробѣлы во всѣхъ частяхъ, заподнить которые можетъ лишь только исключительно счастливая фантазія организаторовъ. Парижская выставка будетъ далеко не безразлична для чести русскаго имени, поэтому намъ слѣдуетъ приготовиться къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и стараніемъ. Выставка въ мысленномъ ея видѣ должна быть готова во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ ранѣе, чѣмъ будетъ приступлено къ ея матеріальной организаціи. Было бы поэтому весьма желательно видѣть въ печати — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, проектъ, или общій планъ, выставки, въ которомъ было бы указано для чего, что и какъ предполагается выставить. Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ вызоветъ многочисленныя и разнообразныя мнѣнія и соображенія какъ о планѣ въ его цѣломъ, такъ и о различныхъ его подробностяхъ. Для организаторовъ выставки все это послужитъ въ высшей степени цѣннымъ матеріаломъ для выработки плана въ его окончательномъ видѣ.

Нижегородская выставка, повторяемъ, даетъ для будущей самыя цѣнные уроки.

Въ школьномъ отдѣлѣ у насъ все ползло врозь, все желало блеснуть, ослѣщая осѣдѣй. Необходимо отказаться отъ вредной мысли представлять наше народное просвѣщеніе въ раздробленномъ

видѣ, отдѣльно [каждымъ вѣдомствомъ. Состязаніе между вѣдомствами должно быть нашимъ домашнимъ дѣломъ: на всемірной выставкѣ наша школа должна быть экспонирована во всемъ ея цѣломъ—отъ высшихъ училищъ до низшихъ, общеобразовательныхъ и всѣхъ видовъ спеціальныхъ, правительственныхъ, земскія, духовнаго вѣдомства, городскія, общественныя и частныя. Только въ цѣломъ взятое — наше школьное дѣло представить внушительную картину и произвести вѣрное дѣйствительности впечатлѣніе.

Необходимо при этомъ отказаться отъ невыставочной мысли показать себя въ будничномъ, сѣренькомъ, видѣ, такими, каковы мы сами: полезитѣ и для иностранцевъ и для насъ самихъ показать то, что мы сами цѣнимъ и считаемъ наилучшимъ, и что, какъ наилучшее, стараемся водворить у себя. И въ городахъ, и въ селахъ у насъ найдутся такія, наприм., школьныя зданія, которыя не потерялись бы не только во Франціи, но даже въ Германіи или Швеціи.

Не нужно забывать, что намъ трудно состязаться со школой передовыхъ странъ 3. Европы. Считая нашъ бюджетъ школьнаго просвѣщенія даже въ 65 милліоновъ, при 130 мил. населенія, удѣляя слѣдовательно всего по 50 коп. съ души на школу, мы не можемъ угоняться за Франціей или Англіей, школьный бюджетъ которыхъ въ пять—шесть разъ больше нашего; да и многое изъ того, что мы могли бы показать, въ различныхъ своихъ частяхъ, есть лишь слабое подражаніе западной школѣ (не говоримъ уже о средней школѣ, и въ начальной — методы преподаванія (арием., географіи), объяснительное чтеніе, всевозможныя пособія (шведскіе счеты, модели, картины), гимнастика, ручной трудъ—все это чужое, плохо приноровленное, часто кое-какъ переведенное, иногда прямо съ иностраннымъ клеймомъ. Если устранить все чужое и подражательное, во многихъ нашихъ школахъ останутся только закопѣлыя стѣны да сквозныя щели.

Наша начальная многообдѣленная школа, слышущая у нѣмцевъ подъ именемъ нищенской, во многихъ странахъ на Западѣ отжила уже свой вѣкъ, и нѣтъ надобности экспонировать ее съ особеннымъ усердіемъ, тѣмъ болѣе, что она, съ ея погоней за правописаніемъ, съ непрерывными диктовками и грамматическимъ разборомъ, безусловно плоха и безъ всякаго сравненія съ европейской школой. Не смотря однако на бѣдность и несовершенство нашей школы, у насъ есть нѣчто, чѣмъ мы справедливо можемъ гордиться, и что въ глазахъ будущихъ историковъ нашей культуры явится самымъ свѣтлымъ и славнымъ событіемъ послѣдняго тридцатилѣтія. Мы говоримъ о *ростѣ* школы. Тридцать лѣтъ назадъ грамотный въ деревнѣ былъ рѣдкимъ исключеніемъ; теперь и нерѣдко въ тѣхъ же прежде темныхъ мѣстахъ вопросъ о всеобщемъ обученіи близокъ къ разрѣшенію. Правда, есть еще губерніи, въ родѣ Ковенской, гдѣ одинъ учащійся приходится болѣе чѣмъ на 100 жителей, но эти мрачныя углы не уничтожаютъ отраднаго впечатлѣнія отъ общей картины энергическаго прогресса въ области народнаго просвѣщенія.

Было бы въ высшей степени желательно представить на всемирной выставкѣ наше школьное дѣло именно со стороны исторической, со стороны его роста, значительность котораго не можетъ не признать даже пристрастный наблюдатель. Можно смѣло сказать, что въ немногихъ странахъ въ такой короткій промежутокъ времени открыто школъ такъ много, какъ у насъ: въ какія нибудь 30 лѣтъ основано не менѣе 30 высшихъ учебныхъ заведеній, 300 среднихъ, 30.000. низшихъ. Мы не подсчитывали цифръ и не ручаемся за ихъ точность, хотя и думаемъ, что дѣйствительныя числа скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе приведенныхъ.

Съ различныхъ сторонъ долженъ быть показанъ ростъ школы, и прежде всего—со стороны законодательной. Полезно было бы составить сборникъ органическихъ школьныхъ законовъ, т. е. уставовъ и положеній объ учрежденіи училищъ (двухклассныхъ, начальныхъ, церковно-приходскихъ, техническихъ, сельско-хозяйственныхъ, коммерческихъ, желѣзнодорожныхъ, мореходныхъ и пр. и пр.). Уставы и положенія могли бы быть представлены въ извлеченияхъ.

Въ послѣднее тридцатилѣтіе возникла у насъ школьная литература—педагогическіе журналы, литература учебниковъ, пособій, методикъ и т. п., литература для дѣтей различнаго возраста,—слѣдовало бы дать нѣкоторое представленіе и объ этихъ богатствахъ. Объ учительскихъ и ученическихъ бібліотекахъ, равно какъ о народныхъ читальняхъ должно быть дано болѣе или менѣе ясное представленіе.

Само собою разумѣется, что тѣ общія свѣдѣнія (о числѣ *всѣхъ* училищъ, *всѣхъ* учащихся и пр.), о необходимости которыхъ для большой публики говорено было выше, должны быть собраны и представлены на одной или нѣсколькихъ удобообозримыхъ таблицахъ.

Было замѣчено, что намъ не слѣдовало бы являться на показъ съ нищенской школой: законченнымъ типомъ низшаго училища слѣдуетъ признать *двухклассное сельское*, первый классъ котораго, исполняющій программу начального училища, приближается къ французской *école primaire élémentaire*, второй классъ къ *école primaire supérieure*, для полноты параллели можно бы экспонировать школу любого изъ дѣтскихъ садовъ, которая есть не что иное, какъ французская *école maternelle*.

Типъ такой начальной школы долженъ быть болѣе понятенъ иностранцу и въ то же время никоимъ образомъ не можетъ считаться подражаніемъ, ибо явился у насъ съ 1869 г. (Высочайше утвержд. 29 мая 1869 г. мнѣніе Госуд. Сов. о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію народн. образов.), тогда какъ законъ о французскихъ *écoles primaires supérieures* изданъ почти 20 л. спустя (18 янв. 1887 г.). Одноклассная же начальная школа есть не болѣе, какъ школа грамоты, отъ которой она по установленному закономъ *объему* курса ничѣмъ не отличается *). Расширеніе курса начальной школы

*) *Начальная школа*: «Предметами курса начальныхъ народныхъ училищъ служатъ: а) Законъ Божій (краткій катихизисъ и Священная исто-
5*

вызвано такими сложными жизненными условиями, выясненіе которых выходит за предѣлы какой бы то ни было выставки.

Кроме данныхъ, касающихся учащихся (образовательный цензъ, возрастъ, содержаніе и пр.), учащихся, числа учебныхъ дней, распределения учебныхъ занятій, программъ и пр., при школь (мы предполагаемъ двухклассное сельск. училище), какъ ей необходимое дополненіе, должны быть учительская и ученическая бібліотеки, коллекціи и различныя др. пособія.

Гимназіи на Нижегородской выставкѣ экспонировали только фотографіи—предметъ, имѣющій весьма отдаленное отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу. Во всякомъ случаѣ было бы весьма желательно возможно меньше злоупотреблять подобнаго рода экспонатами.

Наряду съ реальными училищами всего лучше могли бы быть представлены кадетскіе корпуса. Корпуса суть реальныя училища по ихъ духу и организаціи, а не потому только, что въ нихъ не преподаются классическіе языки.

Техническія, земледѣльческія и др. спеціальныя училища найдутъ, что выставить. Если на выставкѣ нельзя дать мѣста каждому типу спеціальныхъ училищъ, было бы желательно остановиться лишь на такихъ спеціальностяхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ народному благосостоянію. У насъ любятъ выставать искусственныя цвѣты, штампованныя иностранными машинками, платья по французскимъ моделямъ, сомнительнаго изящества вышиванье и т. п. пустяки: школы, изготовляющія земледѣльческія орудія, школы шриваренія, опорочидчества и т. п. были бы можетъ быть болѣе интересны. Экспонать, хотя бы это было крутъ сыра или сопликъ, должно быть выставлено такъ, чтобы за нимъ былъ виденъ живой человекъ, ученикъ—мастеръ, и не только одно техническое искусство: ученика, но и степень его знаний и умственнаго развитія, насколько послѣднія могутъ быть демонстрированы.

Общества и частныя лица, содѣйствующія просвѣщенію, должны безъ сомнѣнія тоже экспонировать на выставкѣ: игры, игрушки, различныя учебныя пособія; если въ нихъ найдется что-либо оригинальное, должны занимать видное мѣсто. На выставкѣ народного просвѣщенія не слѣдовало бы можетъ быть забывать и народнаго театра.

Народный театръ, разумѣется, одинъ изъ существующихъ, могъ бы послужить моделью для павильона народного просвѣщенія. Судьба павильоновъ на воѣхъ выставкахъ выражать собою, рядомъ съ несомнѣннымъ архитектурнымъ творчествомъ, и всеъ запасъ нако-

р)я); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первая четыре дѣйствія ариметики и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно».

Школа грамоты: «Предметы курса школъ грамоты составляютъ: Законъ Божій (краткая Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета и краткій ватиканскъ), церковное пѣніе съ голоса, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисленіе» (§ 14).

пывшагося годами безвкусіа и не приуроченной ни къ чему дѣльному фантазіи.

Павильонъ долженъ дать понятіе не только о стилѣ, но и о вкусѣ русскаго архитектора, о творческомъ полетѣ его фантазіи, независимо отъ орнамента, которымъ у насъ привыкли заткнуть всѣ архитектурныя прорѣхи.

Французы по преимуществу выставочный народъ: ихъ вкусъ, изобрѣтательность, изящество, съ которымъ они умѣютъ выставить самыя неуклюжіе и прозаическіе предметы,—все это нужно имѣть въ виду при эксплуатаціи предметовъ, въ большинствѣ случаевъ мало изящныхъ, не блестящихъ, не новыхъ.

На Нижегородской выставкѣ декоративная сторона отдѣла была слаба: глазъ утомился отъ множества лишнихъ и ненужныхъ вещей. Такъ, въ павильонѣ, всѣ экспонаты котораго могли бы выразиться десяткомъ крупно-отпечатанныхъ цифръ, предъ вами отъ полу до потолка по всѣмъ стѣнамъ развѣшаны рукодѣлія до-нельзя однообразныя, одинаково пестрыя, одинаково искусно сдѣланныя. Надо выставлять такъ, чтобы зритель любовался, а не шурился и не морщился, глядя на выставленную неразбериху.

Особенно же слѣдуетъ посовѣтовать воздержаніе отъ кумача. Кумачъ—это первое, за что у насъ хватается выставочный декораторъ.

Архитекторъ «воздвигнетъ» зданіе по модели товарнаго вагона и украситъ его рѣзными пѣтухами и полотенцами; затѣмъ декораторъ пуститъ аршинъ 300 кумачу и украситъ фестонами, букетами и кувшинами. Выходитъ какъ-будто не дурно и какъ будто въ русскомъ стилѣ,—въ сущности же—аляповато, безвкусно и очень дурно.

До Парижской выставки времени еще много: можно все предусмотрѣть, обсудить и обдумать и неявиться въ гости съ такими недочетами и дефектами, которые и дома далеко не всѣмъ доставили удовольствіе.

В. Воскресенскій.

Л. Н. Толстой.

«Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивить насъ всѣхъ, это—талантъ первостепенный!»

Такъ писалъ Тургеневъ одному изъ своихъ друзей 29 октября 1854 года, когда будущій творецъ «Войны и Мира», въ ту пору еще совсѣмъ молодой офицеръ, только что дебютировалъ въ литературѣ своимъ «Дѣтствомъ» и «Отрочествомъ». Художническое чутье не обмануло старшаго собрата: прошло всего какихъ нибудь 10—12 лѣтъ,—и «первостепенный талантъ», такъ ярко заявившій себя съ перваго шага, развернулся во всю свою необъятную ширь. За «Дѣтствомъ», «Отрочествомъ», «Юностью» послѣдовалъ рядъ небольшихъ рассказовъ изъ мирной, затѣмъ—изъ военной жизни, близкой автору: отрывки севастопольской эпопеи, картины боевой «страды» на Кавказѣ... все это были произведенія, еще не имѣвшія себѣ ничего подобнаго въ нашей литературѣ по свѣжести, правдивости, выразительности; но они были не больше, какъ «пробами пера», подготовительными этюдами для единственнаго во всемирной литературѣ повѣствованія—«Война и Миръ», которое сразу поставило имя «великаго писателя земли русской» на недосыгаемую высоту. Продолженіемъ «Войны и Мира», какъ извѣстно, должны были служить «Декабристы»; но авторъ оставилъ первоначальный замыселъ и сразу перешагнулъ изъ исторіи въ современность въ «Аннѣ Карениной». Заключительныя главы этого романа уже заключаютъ въ себѣ программу всѣхъ позднѣйшихъ произведеній Толстого, — до самаго послѣдняго времени.

Такова, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, литературная дѣятельность Толстого, продолжающаяся уже болѣе сорока пяти лѣтъ. Въ задачу настоящаго очерка не входитъ подробный анализъ произведеній писателя, всѣмъ извѣстныхъ и памятныхъ; послѣ всего, что писано о Толстомъ и въ Россіи, и за границей, это представлялось бы бесполезнымъ, такъ какъ, конечно, нѣтъ ни одного сколько-нибудь образованнаго человѣка, который бы не читалъ и не перечитывалъ много разъ каждую страницу сочиненій Толстого и не былъ бы знакомъ съ тѣми мнѣніями, какія высказывались о немъ критикой. Мы хотѣли бы попытаться передать только общее впечатлѣніе, вызываемое изученіемъ писателя, намѣтить его существенныя, характерныя осо-

бенности, подѣлиться тѣми мыслями, какія остаются въ умѣ и на сердцѣ послѣ каждаго прикосновенія къ страницамъ гениальнаго художника и оригинальнаго мыслителя.

Прежде всего—сочиненія Толстого, во всей своей совокупности, отъ самыхъ раннихъ до послѣднихъ, представляются какъ одно громадное цѣлое (громадное не объемомъ, а содержаниемъ), поражающее своею огромностью, массивностью и чрезвычайнымъ разнообразіемъ, точно средневѣковой соборъ, снизу до верху покрытый безчисленнымъ количествомъ скульптурныхъ фигуръ, орнаментовъ и надписей. И какъ въ такомъ соборѣ, внимательно присматриваясь къ его стѣнамъ и колоннамъ, всякій разъ открываешь новыя, неожиданныя или незамѣченныя ранѣ фигуры, новыя идеи, новые мотивы творческой фантазіи строителей, такъ и въ сочиненіяхъ Толстого, всякій разъ, когда къ нимъ обращаешься, находишь, чуть не на каждомъ шагу, что нибудь новое. Въ этомъ отношеніи, кажется, только одинъ писатель можетъ быть достойнымъ соперникомъ нашего великаго романиста, именно—Шекспиръ. Какъ у Шекспира, такъ и у Толстого передъ нами медленно развертывается безконечно разнообразная картина жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, великихъ и ничтожныхъ, трагическихъ и смѣшныхъ, трогательныхъ и отталкивающихъ,—проходитъ множество лицъ и событій, идей и настроеній, причемъ нрѣдко одно какое-нибудь мелкое, мимоходомъ оброненное замѣчаніе вызываетъ въ умѣ читателя цѣлый рядъ образовъ и мыслей. Припомните все поразительно огромное и разнообразное содержаніе «Войны и Мира»,—этой исторической картины, обнимающей собою два самыя бурныя десятилѣтія европейской исторіи нашего вѣка,—вы увидите, что въ этомъ произведеніи, которое какъ-то совѣстно назвать банальнымъ именемъ «романа», какъ въ зеркалѣ, отразилась вся Россія, отъ деревенской хижины до царскаго дворца,—Россія политическая, военная, великосвѣтская, помѣщичья, солдатская, мужицкая. Здѣсь мы видимъ и поле сраженія, и придворный балъ, и клубъ, и тихій семейный уголокъ стариннаго дома, и народную толпу,—но прежде всего и больше всего видимъ жизнь, настоящую, живую, реальную жизнь, воспроизведенную во всѣхъ подробностяхъ могучимъ воображеніемъ писателя. Это—жизнь не столько природы, сколько человѣка: въ противоположность Тургеневу, великому мастеру пейзажа, Толстой очень скупъ на описанія; онъ разсматриваетъ природу не какъ нѣчто существующее само по себѣ, независимо отъ человѣка, а только какъ рамку, въ которой живутъ и движутся люди, и которая измѣняется въ зависимости отъ смѣны людскихъ чувствъ и настроеній. Пейзажи Толстого ограничиваются лишь самыми необходимыми, крупными мазками, которые получаютъ смыслъ только въ присутствіи извѣстнымъ образомъ настроенныхъ людей. Другими словами, для Толстого на первомъ планѣ всегда стоитъ *человѣкъ*, и въ изображеніи человѣка онъ не знаетъ себѣ равнаго въ нашей литературѣ. Съ удивительной наблюдательностью онъ подмѣчаетъ малѣйшія черты, сколько-нибудь характерныя для изображаемой личности, и воспроизводитъ ихъ съ точностью очевидца; всѣ его фи-

гуры, крупныя и мелкія, живутъ и дышатъ передъ вами,—вы становитесь свидѣтелемъ ихъ рѣчей и поступковъ, участникомъ ихъ бесѣдъ, вы сживаетесь съ ихъ радостями и печалями, надеждами и тревогами, проникаете въ глубь ихъ внутренней, душевной жизни, начинаете относиться къ нимъ совсѣмъ какъ къ живымъ людямъ, съ тѣмъ или инымъ чувствомъ. И этотъ эффектъ достигается безъ всякаго лиризма, безъ всякихъ искусственныхъ ораторскихъ приѣмовъ, къ которымъ нерѣдко прибѣгаетъ, напримѣръ, Тургеневъ и почти всегда—Достоевскій,—достигается единственно силою реального воссозданія жизни внѣшней и внутренней въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ (или, скорѣе,—безпорядкѣ), въ какомъ она на самомъ дѣлѣ должна была проходить. Толстой въ своемъ разсказѣ какъ будто не желаетъ признавать никакой послѣдовательности; нисколько не заботясь объ удобствахъ читателя, онъ то и дѣло вдается въ отступленія, въ длинноты, останавливается на эпизодахъ, повидимому, совершенно излишнихъ, съ истинно гениальною смѣлостью не брезгаетъ никакими положеніями, никакими словами, — и изъ этихъ отдѣльныхъ кусочковъ и мелкихъ черточекъ медленно творитъ свои глубоко правдивыя, незабываемыя картины. При этомъ онъ почти не прибѣгаетъ къ подробному анализу дѣйствующихъ лицъ, предоставляя читателю самому дѣлать выводы изъ ихъ [поступковъ. Левинъ, Вронскій, Анна Каренина, князь Андрей, Пьеръ Безуховъ, Наташа, Николай Ростовъ являюся передъ нами людьми дѣйствующими, говорящими, мыслящими, и каждый изъ нихъ съ такой полнотою высказываетъ свое внутреннее я въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ и характерныхъ фактовъ и въ продолженіе такого значительнаго промежутка времени, что мы становимся какъ бы очевидцами всей ихъ жизни. Толстой обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ воплощаться въ любое изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, жить ихъ существомъ, мыслить ихъ мыслями, чувствовать ихъ чувствами; въ этомъ отношеніи для него не представляетъ затрудненій не только разница возраста и общественнаго положенія, но даже разница пола: трудно указать другого писателя, который бы сумѣлъ такъ вѣрно представить характеръ молодой дѣвушки, какъ сдѣлалъ это Толстой въ изображеніи Сони и Наташи въ «Войнѣ и Мирѣ». Въ особенности поразительна эта Наташа, съ ея ребяческими, подчасъ мальчишескими выходками, съ ея вѣчнымъ щебетаньемъ веселенькой птички, съ ея тревогами и заботами по поводу «перваго бала», съ ея нѣжнымъ участіемъ въ жизни старшихъ родныхъ, любовью къ князю Андрею, внезапными приступами тоски, нездоровья и душевнаго смятенія. Не менѣе поразительно развертывается передъ нами, во всѣхъ своихъ изгибахъ, и душевная жизнь Анны Карениной, этой гордой великосвѣтской красавицы, падающей жертвою случайнаго, стихійнаго порыва страсти. Романъ, въ которомъ такъ ярко, такъ рельефно обрисовывается эта героиня, представляетъ образецъ той-же писательской манеры, которою характеризуется «Война и Миръ», — той же медленной лѣпки дѣйствующихъ лицъ изъ множества кусочковъ дѣйствій, рѣчей, положеній, которыми мало-по-малу опредѣляется со всѣхъ

сторонъ цѣльная фигура. Именно такой способъ изображенія и дѣлаетъ эти фигуры не просто реальными, но непрестанно, непрерывно живущими, развивающимися, мѣняющимися свое вѣднѣе обличье и свой внутреннїй складъ; онѣ растутъ на нашихъ глазахъ, какъ деревья, одѣваются листвою, цвѣтутъ, приносятъ плоды и снова теряютъ свой зеленый покровъ... Выше мы замѣтили, что названіе «романа» какъ-то не вяжется съ такимъ произведеніемъ, какъ «Война и Миръ»; мало подходит оно и къ «Аннѣ Карениной». Въ самомъ дѣлѣ, романомъ принято называть обработку вполнѣ опредѣленнаго и законченнаго драматическаго и психологическаго сюжета, анализъ— въ рамкѣ опредѣленной «фабулы» какой-нибудь страсти или вообще душевнаго состоянія (преимущественно—любви и родственныхъ съ нею чувствъ). Но гдѣ «сюжетъ», въ чемъ «фабула» двухъ романовъ Толстого? Какъ связно и коротко изложить ихъ содержаніе? Это не «выдумка», рассказанная съ соблюденіемъ условїй единства дѣйствїя и постепеннаго нарощенія эффектовъ, это—сама жизнь, цѣлая жизнь множества людей различныхъ возрастовъ и положенїй, занимающая значительный промежутокъ времени; это—цѣлая сложная ткань мелкихъ эпизодовъ, причудливо переплетающихся между собою на пестрой житейской канвѣ и рисующихъ медленное, послѣдовательное развитіе каждой отдѣльной личности. Исторїя Анны Карениной, Вронскаго, Левина, князя Андрея Болконскаго, Наташи, Николая Ростова, Пьера Безухова и многихъ другихъ можетъ служить примѣромъ и подтвержденіемъ сказаннаго. Всѣ эти люди движутся, каждый по своей орбитѣ, вокругъ одного общаго, таинственнаго центра и съ каждой новой минутой своего жизненнаго пути являются новыми, непохожими на прежнихъ самихъ себя,—точно такъ-же, какъ и въ настоящей жизни каждый сегодняшнїй человѣкъ—больше или меньше—уже не тотъ, что былъ вчера. Иногда это превращеніе, или, если угодно, эволюція, совершается медленно, чуть замѣтно; иногда, подъ вліяніемъ окружающихъ человѣка и такъ или иначе захватывающихъ его событїй, она представляется рѣзкимъ скачкомъ; Толстой удивительно умѣетъ подмѣчать и указывать эти измѣненїя, постоянно имѣя въ виду присущую человѣческой душѣ способность болѣе или менѣе приспособляться къ условїямъ окружающей жизни.

Обыкновенно ставятъ въ особенную заслугу писателю то, что онъ изображаетъ «типы». Но «типъ» всегда есть нѣчто условное, болѣе или менѣе отвлеченное, а стало быть—болѣе или менѣе не живое. У Толстого нѣтъ «типовъ», потому что его произведенїя населены живыми людьми. Нѣтъ сомнѣнїя, что, напр., Пьеръ Безуховъ многими своими чертами подходитъ къ «типу» русскаго интеллигентнаго человѣка начала нынѣшняго столѣтїя: въ немъ есть кое-что изъ Онѣгина, кое-что изъ Чацкаго; какъ и вся тогдашняя Россїя, онъ тяжеловѣсенъ, добръ, едва-едва справляется съ своими животными инстинктами и въ то же время полонъ смутнаго безпокойства, неясныхъ порывовъ, неопредѣленныхъ стремленїй... Но въ то же время это—живой человѣкъ, со множествомъ чертъ и особенностей, характерныхъ для него лично, но вовсе не типичныхъ: онъ

заствичивъ, близорукъ, неуклюжъ, влюбленъ, онъ относится къ женѣ, дѣтямъ, слугамъ совсѣмъ не по шаблону «типа», а по настроенію живого лица. Точно такъ же и Платонъ Каратаевъ, въ которомъ иные критики хотѣли видѣть чуть ли не символъ русскаго народа, на самомъ дѣлѣ настолько проникнуть живую личную жизнь, что его никакъ не уложишь въ отвлеченную формулу. «Это не мечта», какъ говорилъ Собакевичъ о плотникѣ Прокѣ. Припомните выразительныя фізіономіи всѣхъ, крупныхъ и мелкихъ, людей, которыхъ такое множество проходитъ передъ нами у Толстого, и скажите: гдѣ же между ними «типы» молодой дѣвушки, офицера, интенданта, игрока, чиновника, помѣщика? Развѣ, напр., Наташа Ростова или Китти Щербацкая, капитанъ Тимохинъ, полковникъ Бергъ, Долоховъ, Каренинъ, Левинъ подойдутъ подъ эти же шаблонныя схемы? Конечно, нѣтъ: каждое изъ этихъ лицъ—не олицетвореніе отвлеченной «идеи» или категоріи, а человѣкъ самъ по себѣ, въ своемъ родѣ единственный и не повторяющійся,—«индивидъ», а не типъ. Глубокое разумѣніе жизни прошлой и современной дало писателю возможность вызвать эти десятки, сотни образовъ и вдохнуть въ нихъ живую душу, которая проявляется у каждаго изъ нихъ на свой особый, только ему одному свойственный ладъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ абстракціей, а съ непосредственнымъ наблюденіемъ. Тургеневъ съ ироніей отзывался о критикахъ, которые утверждали, что онъ въ своихъ произведеніяхъ «отправляется отъ идеи» или «проводитъ идею», хотя эти критики далеко не всегда были такъ рѣшительно неправы, какъ хотѣлъ указать романистъ, потому что во многихъ его произведеніяхъ, дѣйствительно, нельзя не видѣть «идейнаго» замысла. О Толстомъ, кажется, никто ничего подобнаго не говорилъ: ни въ мелкихъ своихъ очеркахъ и рассказахъ, ни въ двухъ большихъ романахъ онъ, повидимому, ни отъ какой «идеи» не отправляется, а просто беретъ жизнь такую, какою она представляется его творческому воображенію. Онъ не судитъ своихъ лицъ, никого изъ нихъ не вѣнчаетъ и не развѣнчиваетъ...

Такое—чисто эпическое—отношеніе писателя къ своей задачѣ опредѣляетъ и форму его произведеній. Вся ихъ внѣшняя техника, вся композиція обуславливается необходимостью охватить и передать въ рассказъ какъ можно больше фактовъ жизни внѣшней и внутренней, какъ можно больше крупныхъ и мелкихъ событій, въ которыхъ такъ или иначе отразился бы характеръ изображаемыхъ имъ людей. Отсюда—извѣстная отрывочность, непослѣдовательность, иногда даже отсутствіе внѣшней связи между отдѣльными эпизодами: вѣдь и въ настоящей жизни событія никогда не идутъ другъ за другомъ по строго выработанной программѣ. Вообще, Толстой мало заботится о technikѣ; его языкъ часто тяжелъ и порой удивительно небреженъ; это не гладкая, изящно отдѣланная, блестящая фраза Тургенева, въ которой нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слова,—не страстная, порывистая, торопливая и сбивчивая рѣчь Достоевскаго; это простой, безхитростный языкъ рассказчика, который пишетъ такъ, какъ говоритъ, и иногда, запутавшись въ тяжеловѣсномъ періодѣ

между нѣсколькими «что» и «которыми», не даетъ себѣ труда хоть нѣсколько исправить неудачно вылившіяся изъ подъ пера строки. Нерѣдко онъ вдается въ мелочныя подробности, утомительныя и какъ будто даже излишнія; за то въ другихъ мѣстахъ его рѣчь достигаетъ изумительной красоты, силы и выразительности, и каждое слово ложится въ память неизгладимымъ отпечаткомъ. Эта неровность стили какъ будто выдаетъ душевное состояніе самого писателя, который, бросившись вмѣстѣ съ созданными имъ лицами въ водоворотъ жизни, по временамъ чувствуетъ то крайнее утомленіе, то могучій приливъ новыхъ свѣжихъ силъ...

Рисуя такую широкую, всеобъемлющую картину жизни во всемъ ея разнообразіи, Толстой ни на минуту не теряетъ изъ виду основного вопроса: въ чемъ же смыслъ этой жизни? зачѣмъ она? въ чемъ настоящее назначеніе человѣка и какъ слѣдуетъ ему жить? Этотъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго писатель видитъ краеугольный камень нравственнаго бытія, въ большей или меньшей степени ставится и разрѣшается всеми дѣйствующими лицами его произведеній, начиная съ мальчиковъ, изображенныхъ въ «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и «Юности», продолжая героями севастопольскихъ разсказовъ и мелкихъ очерковъ вродѣ «Люцерна», «Записокъ маркера», «Казаковъ», и оканчивая «Войной и Миромъ» и «Анной Карениной». И чѣмъ дальше идетъ Толстой въ своей дѣятельности, тѣмъ больше и больше выдвигается на первый планъ этотъ существенный вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческаго существованія; художникъ все больше и больше уступаетъ мѣсто философу, проповѣднику-моралисту, который, въ концѣ концовъ, приходитъ даже къ отрицанію художества, къ осужденію самого себя, какъ живописателя жизни. Но напрасно думаютъ, будто между Толстымъ послѣдняго 15-лѣтія и прежнимъ Толстымъ произошелъ какой-то разрывъ: идеи, нашедшія себѣ наиболѣе полное выраженіе въ послѣднихъ произведеніяхъ писателя, проходятъ руководящимъ началомъ черезъ всю его литературную дѣятельность; только въ раннюю пору онъ далеко еще не имѣли той рельефности, той рѣзкой опредѣленности, какую получили впоследствии, подъ вліяніемъ долгихъ думъ и многолѣтняго житейскаго опыта. Но и въ эту раннюю пору дѣятельности Толстого мы видимъ то же вдумчивое отношеніе къ жизни, то же стремленіе разгадать ея внутренній смыслъ, то же глубокое сочувствіе къ человѣческому страданію, душевному и физическому, уравнивающему всехъ людей, великихъ и малыхъ. Какъ въ позднѣйшихъ, такъ и въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Толстой съ особенною любовью останавливается на картинахъ мирной, здоровой семейной жизни, взаимной привязанности между людьми, товарищества, дружбы, братской взаимной помощи. Почти всѣ его лица проникнуты тою добротою, жалостливостью, снисходительностью къ человѣческимъ слабостямъ, способностью «все понять и все простить», которая такъ много облегчаетъ сожителство людей въ обществѣ; въ каждомъ изъ нихъ живо чувствуется и по своему выражается то серьезное нравственное отношеніе къ жизни, какового такъ настойчиво требуетъ Толстой въ послѣднихъ, проповѣдническихъ своихъ книгахъ

и статьяхъ. Достаточно напомнить ту сцену въ «Аннѣ Карениной», гдѣ героиня романа, въ ожиданіи смерти послѣ родовъ, соединяетъ руки своего мужа и любовника, или сцену въ «Войнѣ и Мирѣ», гдѣ Каратаевъ, также въ ожиданіи смерти, въ душномъ и темномъ сараѣ рассказываетъ своимъ товарищамъ-плѣнникамъ исторію про кушца, напрасно осужденнаго за убійство и простившаго, на котораго, дѣйствительному убійцѣ совершенный имъ грѣхъ...

Всѣ дѣйствующія лица Толстого, поскольку они живутъ сознательною жизнью, чувствуютъ постоянную необходимость оправдать свое существованіе, указавъ самимъ себѣ его цѣль и смыслъ, — разрѣшить, такъ или иначе, основную задачу бытія. Чѣмъ ближе подходятъ годы зрѣлости и старости, чѣмъ навязчивѣе становится мысль о неизбежной смерти, тѣмъ настойчивѣе эта задача требуетъ разрѣшенія, тѣмъ серьезнѣе начинаетъ смотрѣть человекъ на свои обязанности въ отношеніи себя самого и своихъ ближнихъ, тѣмъ сильнѣе становится его безпокойство въ поискахъ высшей правды. Главныя дѣйствующія лица «Войны и Мира», люди, большею частью, военные, придворные, богатые и праздные, съ болью въ сердцѣ подходятъ къ этому неизбежному вопросу и тревожно ищутъ отвѣта, который могъ бы оправдать ихъ надежды и вѣрованія. Князь Андрей Болконскій, человекъ сухо-корректный, холодный, положительный, подъ вліяніемъ этой неотвязной думы о смыслѣ существованія теряетъ свою обычную практическую разсудительность, впадаетъ въ сомнѣнія, въ противорѣчія съ самимъ собой; смерть жены и невозможность загладить свою суровость въ отношеніи къ этому легкомысленному, но въ сущности доброму, созданію наполняютъ его сердце горечью, и онъ жадно прислушивается къ необычнымъ для него рѣчамъ Пьера, въ которыхъ слышится убѣжденная вѣра въ личнаго Бога и будущую жизнь. Эти рѣчи обновляютъ его жизненную силу, придаютъ ему бодрость и надежду; онъ снова бросается въ водоворотъ общественной дѣятельности, ищетъ на поляхъ битвъ забвенія и исцѣленія отъ своихъ личныхъ неудачъ житейскихъ—и, смертельно раненый, погружается въ нѣмое созерцаніе таинственнаго, загадочнаго мрака смерти, медленно и неудержимо къ нему подступающей и заслоняющей отъ него все живое, все, что онъ любилъ и ненавидѣлъ, къ чему стремился и чего боялся на землѣ... Съ гораздо большею силою и подробностью изображаетъ Толстой душевныя тревоженія другого своего героя — Пьера Безухова. Почувствовавъ отвращеніе отъ грубыхъ удовольствій, которыми онъ старался заглушить въ себѣ внутренняго «червяка», гложащаго сердце, онъ тревожно бросается изъ стороны въ сторону въ поискахъ ключа къ загадкѣ жизни, того магическаго слова, которое раскрыло бы передъ нимъ ея смыслъ и цѣль, и въ минуту полнаго отчаянія встрѣчаетъ на своемъ пути страннаго проповѣдника, который заводитъ съ нимъ рѣчь о Богѣ и будущей жизни въ духѣ масоновъ; эта рѣчь увлекаетъ его въ масонство, но ненадолго: пытливымъ умъ скоро убѣждается въ неудовлетворительности масонской философіи и морали, и онъ опять оказывается на распутьѣ, не зная,

что дѣлать и куда направить усилія своей воли, гдѣ найти для себя сколько-нибудь прочный нравственный устой. Совершающіяся вокругъ него великія историческія событія ставятъ его лицомъ къ лицу съ тою «роевою» народною силою, которая, по убѣжденію Толстого, является единственно зиждущимъ началомъ исторіи,—съ простодушнымъ патриотизмомъ и непоколебимою вѣрою массы. Подхваченный этой волной народнаго одушевленія, онъ бросаетъ свой барскій домъ, вмѣшивается въ толпу, пытаюсь жить одною съ ней жизнью, задумываетъ совершить подвигъ,—убить Наполеона,—подъ влияніемъ случайнаго разговора отказывается отъ этого замысла, попадаетъ въ толпу захваченныхъ французами «поджигателей» Москвы и здѣсь съ изумленіемъ и восторгомъ прислушивается къ простымъ, полнымъ безхитростной задушевности, рѣчамъ взятаго отъ сохи солдата Каратаева, который представляется ему «непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ всего русскаго и добраго, духа простоты и правды». И вотъ, подъ влияніемъ этихъ безхитростныхъ рѣчей, Пьеръ «узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка... Онъ узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполне свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданія и граница свободы, и что эта граница очень близка...»

Подобными же чертами изображается тяжелое раздумье и «просвѣтлѣніе» Левина. Въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ произведеній Толстого—въ разсказахъ «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», въ драмѣ «Власть Тьмы», въ сказкѣ «Объ Иванѣ-дуракѣ», въ «Исповѣди» и т. д., и т. д. писатель постоянно, неизмѣнно возвращается къ той же основной своей идеѣ, освѣщая ее съ разныхъ сторонъ и противопоставляя простое, безхитростное міросозерцаніе массы, съ ея твердою вѣрою и естественною моралью, извращеннымъ понятіямъ и мелочнымъ, тщеславнымъ тревоженіямъ и заботамъ «культурнаго» человѣчества. Съ первыхъ страницъ «Дѣтства», появившихся въ печати 46 лѣтъ тому назадъ, и до послѣдняго, въ нынѣшнемъ году напечатаннаго, разсужденія объ искусствѣ, безпрестанно и все болѣе и болѣе «нарастающаго», повторяется этотъ руководящій мотивъ литературной дѣятельности нашего великаго писателя. Этимъ руководящимъ мотивомъ обуславливается и выборъ изображаемыхъ имъ характеровъ и положеній: Толстой почти совершенно исключаетъ изъ круга своихъ наблюденій изображеніе сильныхъ страстей культурнаго человѣчества,—честолюбія, жажды богатства, власти, славы, точно такъ же, какъ и изображеніе пороковъ, отъ которыхъ всего больше страдаетъ культурное общество; въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только самыми легкими штрихами, оставляя совершенно незатронутыми многія важныя стороны жизни, очевидно, не вызывающія его симпатій какъ художника и мыслителя...

Въ постепенномъ развитіи и проясненіи этого основного мотива въ сочиненіяхъ Толстого видно, какъ собственная оригинальная личность писателя понемногу все больше и больше пробивается сквозь рисуемыя имъ картины чужой жизни, какъ она все яснѣе и яснѣе просвѣчиваетъ въ рѣчахъ и поступкахъ его дѣйствующихъ лицъ, созданий его воображенія, и наконецъ, когда ей становится уже тѣсно въ этой романтической оболочкѣ, смѣло сбрасываетъ ее съ себя и является безъ всякаго прикрытія, во всей своеобразной своей полнотѣ. Проповѣдникъ-моралистъ беретъ верхъ надъ художникомъ, идеалистъ — надъ реалистомъ; окружающая писателя жизнь перестаетъ быть для него предметомъ спокойнаго наблюденія и эпического воспроизведенія и становится только матеріаломъ для сужденія о томъ, какъ слѣдуетъ и какъ не слѣдуетъ жить,—соответственно требованіямъ опредѣленнаго моральнаго идеала. Исходнымъ пунктомъ этого идеала служить то же сопоставленіе жизни культурнаго круга съ простодушнымъ міросозерцаніемъ народной массы, которое приводитъ Левина къ мысли о необходимости приблизить свою личную жизнь къ жизни народа, «опроститься», т. е. опуститься до низменнаго матеріальнаго уровня народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ подняться на высоту ея нетронутыхъ, цѣльныхъ и спасительныхъ нравственныхъ устоевъ. Для всякаго мыслящаго человѣка представленіе о смерти своей собственной и своихъ близкихъ служить пробнымъ камнемъ тѣхъ нравственныхъ понятій, какія онъ кладетъ въ основу своей жизни. Большинство людей, сознательно или нѣтъ, удаляютъ отъ себя эту мысль, боятся слишкомъ прямо поставить ее передъ собою; другіе довольствуются тѣмъ утѣшеніемъ, какое даетъ религія, не углубляясь въ слишкомъ тягостныя размышленія о будущемъ; третьи стараются поддерживать въ себѣ и другихъ вѣру въ непреложный прогрессъ человѣчества, создаваемый медленными, незамѣтными усиліями миллионныхъ отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая должна считать свое назначеніе выполненнымъ, если ей удалось хоть на ничтожную долю содѣйствовать этому общему ходу прогресса. Но для людей, подобныхъ Толстому,—для людей, которые видятъ въ окружающей ихъ дѣйствительности рѣзкое несоответствіе съ своими идеальными взглядами и требованіями, и въ то же время сознаютъ, что эта нелѣпая жизнь крайне непродолжительна и что для всякаго человѣка, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ существованія, неизбежно наступитъ роковой моментъ перехода въ небытіе,—мысль о смерти, какъ вѣнчикъ цѣлаго ряда ошибокъ и страданій, должна казаться ужасно тягостною. Толстой не въ состояніи былъ удовольствоваться метафизическими разсужденіями или утѣшительными иллюзіями; какъ глубокой реальности по натурѣ, онъ не могъ успокоиться, при видѣ окружающихъ золь, картиною идеальнаго блаженства внѣ времени и пространства и считалъ себя въ правѣ требовать отъ людей, чтобы они стремились къ водворенію Царствія Божія здѣсь, на землѣ. «Царствіе Божіе въ васъ самихъ». Если каждый человѣкъ, уподобляясь въ своей смиренной простотѣ «нищему духомъ» народу, твердо рѣшится жить.

«по-Божьему», въ постоянномъ производительномъ трудѣ, строгомъ воздержаніи и христіанской любви къ ближнему, если мы отбросимъ отъ себя всю ту «условную ложь» культуры,—мнимой науки, мнимаго просвѣщенія, мнимаго искусства,—и поставимъ себѣ идеаломъ братское единеніе первобытныхъ исповѣдниковъ христіанства, во имя вѣры въ Бога и любви къ людямъ, то каждому изъ насъ въ отдѣльности, а слѣдовательно—и всѣмъ вмѣстѣ станетъ доступенъ высшій христіанскій идеалъ,—на земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Зло исчезнетъ само собою: оно будетъ побѣждено силою любви, и вмѣстѣ съ нимъ исчезнутъ всѣ тѣ живые устои, на которыхъ зиждется современная жизнь такъ называемаго образованнаго общества...

Эти идеи, являющіяся послѣднимъ словомъ и заключительнымъ логическимъ выводомъ всей литературной дѣятельности Толстого и во многихъ отношеніяхъ сближающія его съ другимъ нашимъ проповѣдникомъ возрожденія павшаго міра любовью,—Достоевскимъ,—развиваются въ новѣйшихъ произведеніяхъ нашего писателя со всею ревностью и нетерпимостью прозелита новой вѣры. Толстой не находитъ достаточно сильныхъ словъ для обличенія той «мерзости», изъ которой, по его мнѣнію, слагается современная наша жизнь, и съ безпощаднымъ отрицаніемъ относится ко всему, что мы привыкли считать не только необходимымъ условіемъ, но и украшеніемъ разумнаго существованія...

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ анализъ моральнаго ученія Толстого: какъ основныя его положенія, такъ и подробности, конечно, всѣмъ достаточно извѣстны и памятны. Выше мы сказали, что каждый человѣкъ сознательно или бессознательно стремится къ разрѣшенію нравственной задачи своего бытія. Какимъ бы путемъ ни пришелъ онъ къ этому рѣшенію, но если оно сдѣлало его нравственно выше и чище, если онъ почувствовалъ въ себѣ тотъ внутренній голосъ, который въ просторѣчьи называется совѣстью, и твердо рѣшилъ слѣдовать его внушеніямъ, то цѣль его достигнута. «Всѣ дороги ведутъ въ Римъ», и дорога, указываемая Толстымъ, можетъ быть, даже прямѣе прочихъ, хотя идти по ней возможно только въ теоріи. Въ выборѣ и объясненіи этой дороги сказались основная характерная черта личности писателя, который во все продолженіе своей дѣятельности былъ больше всего и прежде всего художникомъ, т. е. человѣкомъ непосредственнаго наблюденія и непосредственнаго чувства, а не холодной логической мыслительности. Его страстная проповѣдь является именно побѣдой чувства надъ размышленіемъ; его нравственная философія зиждется на личныхъ его симпатіяхъ и антипатіяхъ, исходитъ изъ сильнаго душевнаго порыва, а не изъ отвлеченныхъ, логически развиваемыхъ положеній. Жизнь,—настоящая, реальная жизнь, которую онъ съ такою гениальною силою умѣетъ схватить и запечатлѣть въ своихъ созданіяхъ во всей ея правдѣ, стоитъ передъ нимъ съ своими вѣчными загадками и неразрѣшимыми противорѣчіями,—и онъ отзывается на

ея запросы прежде всего сердцемъ, подчиняя логику своего ума требованіямъ возмущеннаго чувства...

Та же реальная жизнь, вѣчно живая, вѣчно движущаяся, проникая собою произведенія нашего писателя, отсвѣчивая въ каждой его строкѣ,—даже и тамъ, гдѣ онъ, повидимому, повергаетъ ее остракизму во имя отвлеченной идеи,—придаетъ этимъ произведеніямъ то свойство вѣчности и безсмертія, какимъ она сама обладаетъ,—и они живутъ этою настоящею жизнью, и будутъ жить, пока не замретъ въ людяхъ прирожденное имъ стремленіе созерцать живую жизнь, разумѣть ее умомъ, согрѣвать ее сердечною теплотою любви и всепрощенія...

П. Морозовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ОПЫТОВЪ University Extension въ Россіи *).

За послѣдніа двадцать, тридцать лѣтъ во всѣхъ культурныхъ странахъ земного шара начало развиваться общественное движеніе, цѣлью котораго является распространеніе высшаго образованія среди народныхъ массъ. Средствами для достиженія этой цѣли служатъ учрежденіе специальныхъ образовательныхъ институтовъ въ родѣ народныхъ дворцовъ, университетовъ или же особаго рода организація публичныхъ лекцій и домашняго чтенія. Это общественное движеніе, пользуясь всеобщимъ сочувствіемъ и дѣятельной поддержкой какъ со стороны общества, такъ и органовъ государства, получило необыкновенно широкое развитіе и вылилось въ самыя разнообразныя формы. Аналогичныя образовательныя стремленія замѣчаются за послѣднее время и въ русскомъ обществѣ. Но въ силу особыхъ условій нашей общественной жизни стремленія эти не могли получить сколько нибудь значительнаго развитія и осуществиться во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя наблюдаются въ культурныхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ тѣ немногочисленныя и скромныя начинанія, которыя получили осуществленіе.

Однимъ изъ подобныхъ начинаній является дѣятельность московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Просвѣтительная дѣятельность этой комиссіи, къ сожалѣнію, еще многимъ совершенно неизвѣстна составляетъ предметъ настоящей статьи.

Поставивъ себѣ цѣлью распространеніе высшаго образованія среди лицъ, не имѣвшихъ возможности получить его въ университетѣ, комиссія не могла пока воспользоваться всѣми тѣми сред-

*) Настоящая статья составлена на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ автору московской комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Статистическія данныя разработаны авторомъ по тому плану и системѣ, по какому были разработаны въ отчетѣ комиссіи за 1896 г.

ствами, къ которымъ прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли англійскіе и американскіе университеты. Поэтому въ виду всякаго рода затрудненій и прѣпятствій, связанныхъ съ устройствомъ публичныхъ курсовъ, коммиссія направила всѣ свои силы на выработку программъ домашняго чтенія, снабженіе лицъ, занимающихся по нимъ, необходимыми пособиями и на руководство этими занятіями, короче—на организацію домашняго чтенія. Логическимъ послѣдствіемъ такого шага явилась выработка особаго типа программъ, неизвѣстнаго ни въ Западной Европѣ, ни въ Америкѣ. Въ отличіе отъ англійскихъ и американскихъ силлабусовъ, являющихся краткими программами чтенія по извѣстному вопросу, служащихъ притомъ дополненіемъ къ извѣстному курсу лекцій, программы коммиссіи служатъ для самостоятельнаго и систематическаго изученія той или другой отрасли челоѵеческихъ знаній. Соотвѣтственно съ такой цѣлью программа чтенія по каждой изъ этихъ отраслей рассчитана на четыре года занятій, разбита на годичные курсы, снабжена многочисленными и подробными указаніями относительно порядка чтенія и пользованія литературными пособиями, а также цѣлымъ рядомъ провѣрочныхъ вопросовъ. Пока коммиссія успѣла издать программы на три года чтенія, причемъ первый выпускъ программъ потребовалъ четыре изданія и разошелся въ количествѣ около 30,000 экземпляровъ. Второй выпускъ разошелся въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и скоро выйдетъ вторымъ изданіемъ. Въ истекшемъ 1897 году коммиссія издала программу на третій годъ чтенія и выпустила четвертое изданіе, программы на первый годъ чтенія. Причемъ, желая сдѣлать свои программы наиболѣе доступными, коммиссія разработала эти выпуски возможно подробнѣе, сократила курсъ въ однихъ отдѣлахъ а въ другихъ—(въ историческомъ, напр.) на ряду съ программами прежняго типа ввела параллельныя, болѣе упрощенныя. Отсутствие необходимыхъ пособій помѣшало къ сожалѣнію привести это упрощеніе по всѣмъ отдѣламъ и предметамъ.

Кромѣ выработки спеціальныхъ программъ, коммиссіей было посвящено не мало времени и на подготовку общеобразовательной программы. Избранная для этой цѣли особая подкоммиссія закончила въ истекшемъ году свои занятія, выработавъ подробный планъ названной программы. Планъ этотъ былъ отлитографированъ, разосланъ предварительно всѣмъ членамъ коммиссіи и подвергнутъ затѣмъ обсужденію въ цѣломъ рядѣ засѣданій. Въ настоящемъ году обсужденіе, можно надѣяться, будетъ закончено, и общеобразовательная программа выйдетъ въ свѣтъ.

Въ тѣсной связи съ выработкой программъ стоитъ другой видъ дѣятельности коммиссіи—руководство занятіями ея подписчиковъ и снабженіе ихъ соотвѣтствующими пособиями. Но прежде чѣмъ приступить къ рассмотрѣнію этой дѣятельности, посмотримъ, что представляютъизъ себя подписчики коммиссіи. Въвиду того, что свѣдѣнія о лицахъ, записавшихся на руководство коммиссіи въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ ея практической дѣятельности, были въ свое

время опубликованы *), мы ограничимся, главнымъ образомъ, свѣдѣніями относительно подписчиковъ 1897 года, сопоставляя эти новыя данныя съ соотвѣтствующими данными прежнихъ годовъ.

На руководство комиссіи записалось въ истекшемъ году 309 человекъ—болѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ году, на 58 чел. или на 23,1%. Среди записавшихся преобладаютъ по прежнему мужчины, составляющіе 71,9%, всѣхъ подписчиковъ въ то время, какъ женщины составляютъ всего 28,1%. Сравнительно съ предшествовавшими годами процентъ женщинъ нѣсколько повысился: въ 1895 г. онъ равнялся 26,1, въ 1896 г.—27,9%.

Слѣдующія данныя показываютъ, какой процентъ подписчиковъ записался на тотъ или другой отдѣлъ, причѣмъ читатели, записавшіеся на нѣсколько отдѣловъ, объединены по прежнему въ общую всѣмъ имъ рубрику «энциклопедическаго» отдѣла.

Названіе отдѣловъ.	Процентъ записавшихся.		
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.
Общ. Юридическій	26,5	34,2	27,3
Философскій	19,1	21,5	20
Энциклопедическій	12	9,6	15,9
Литературный	12	9,2	9,6
Историческій	11,7	12,7	12
Математическій	7,4	3,2	1,8
Физико-Химическій	5,8	4,4	9,1
Біологическій	5,5	5,2	4,3

Вглядываясь въ эту маленькую табличку, нельзя не замѣтить, что наиболѣе многочисленными являются по прежнему отдѣлы общественно-юридическій и философскій, за ними слѣдуютъ энциклопедическій, литературный и историческій отдѣлы, процентъ подписчиковъ которыхъ почти одинаковъ; самыми малочисленными отдѣлами являются отдѣлы, посвященные естествознанію: математическій, физико-химическій и біологическій. Сравнительно съ предшествовавшими годами процентъ подписчиковъ обществ.-юридическаго и философскаго отдѣла въ 1897 г. понизился, въ литературномъ же и математическомъ отдѣлахъ замѣчается обратное явленіе. Особенно возросъ процентъ подписчиковъ въ послѣднемъ изъ названныхъ отдѣловъ. Занимая прежде по проценту своихъ подписчиковъ послѣднее мѣсто, въ 1897 году математическій отдѣлъ занялъ среди малочисленныхъ отдѣловъ первое мѣсто.

Слѣдующія данныя показываютъ, какой процентъ всѣхъ записавшихся мужчинъ и женщинъ записался на тотъ или другой отдѣлъ.

*) См., «Статистическіе матеріалы о дѣятельности комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1895 и 1896 гг.», приложенные въ отчету комиссіи за 1896 г. Москва 1897 г.

	мужчинъ.	женщинъ.
Общ. Юридическій	32,8	10,3
Философскій	17,1	24,1
Энциклопедическій	11,3	13,8
Математическій	10,4	—
Историческій	8,1	20,7
Физико-Химическій	8,1	—
Литературный	7,7	23
Биологическій	4,5	8,1

Такимъ образомъ среди читателей комиссиі преобладаетъ стремленіе изучать главнымъ образомъ общественно-юридическія и философскія науки; читательницы же интересуются болѣе всего философіей, литературой и исторіей, совершенно игнорируя математическія и физико-химическія науки.

Выше было упомянуто, что мужчины составляютъ около 72% всѣхъ подписчиковъ комиссиі. Но по отдѣламъ процентъ этотъ видоизмѣняется довольно сильно, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Названіе отдѣловъ.	Процентъ мужчинъ.		
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.
Математическій	100	100	87,5
Физико-Химическій	100	90,9	92,5
Общ.-Юридическій	89	83,7	81,7
Энциклопедическій	67,6	58,3	70
Философскій	64,4	72,2	87,3
Биологическій	58,8	61,5	52,6
Историческій	50	53,1	62,3
Литературный	45,9	65,2	54 8

Всматриваясь въ приведенную табличку, нельзя не замѣтить постепеннаго увеличенія мужчинъ въ математическомъ, физико-химическомъ и общественно-юридическомъ отдѣлахъ; съ другой стороны въ философскомъ, историческомъ и литературномъ отдѣлахъ замѣчается обратное явленіе: процентъ мужчинъ необыкновенно быстро падаетъ, а процентъ женщинъ соответственно съ этимъ возрастаетъ.

Причемъ въ то время, какъ въ предшествовавшіе годы процентъ женщинъ во всѣхъ отдѣлахъ былъ ниже соотвѣтствующаго процента мужчинъ, въ 1897 г. въ историческомъ отдѣлѣ оба эти процента сравнялись; въ литературномъ же мужчины уступили первенствующее мѣсто женщинамъ.

Что касается характера и степени умственныхъ запросовъ, побуждающихъ читателей записываться на руководство комиссиі, то въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія слѣдующія цифры. Болѣе пяти шестыхъ (86%) всѣхъ подписчиковъ записалось на первый курсъ; 12,7% на второй и 1,4% на третій курсъ.

На второй и третій курсы записываются обыкновенно лица, желающія изучить одинъ изъ предметовъ, помѣщенныхъ въ программахъ 2-го и 3-го года, а также лица, прошедшія курсъ перваго года самостоятельно и пожелавшія при дальнѣйшихъ занятіяхъ пользоваться руководствомъ комиссіи.

Болѣе трехъ четвертей—76% всѣхъ подписчиковъ записалось на изученіе цѣльнаго, систематическаго курса; 12% на изученіе отдѣльныхъ предметовъ и столько же на изученіе нѣсколькихъ курсовъ. Процентъ женщинъ, записавшихся на отдѣльные предметы или на нѣсколько отдѣловъ, нѣсколько выше (по 13,8%) соответствующаго процента мужчинъ (по 11,3%). Сравнительно съ предшествовавшими годами процентъ лицъ, записавшихся на изученіе отдѣльныхъ предметовъ, нѣсколько увеличился, а процентъ лицъ, записавшихся на нѣсколько отдѣловъ, уменьшился; причемъ совершенно исчезли подписчики, изучающіе предметы пяти и шести отдѣловъ.

Распределеніе подписчиковъ по возрасту характеризуется слѣдующей табличкой, показывающей, какой процентъ ихъ приходится на ту или другую возрастную группу.

Возрастныя группы.	Процентъ записавшихся:		
	муж.	женщ.	всѣхъ подписч.
Отъ 15 до 19 л.	12	34,6	18,3
» 20 — 24 »	42,1	49,4	44,1
» 25 — 29 »	25,4	11,1	21,4
» 30 — 34 »	12,9	1,2	9,7
» 35 — 39 »	6,2	1,2	4,8
» 40 — 44 »	0,5	1,2	0,7
» 50 — 54 »	0,9	1,2	1

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ подписчиковъ 1897 г. падаетъ на первыя двѣ возрастныя группы; болѣе пятой части—на группу лицъ въ возрастѣ отъ 25 до 29 лѣтъ; и, наконецъ, менѣе одной пятой всѣхъ подписчиковъ (16,2%) на всѣ остальныя возрастныя группы. Какъ и въ предшествовавшіе годы юный возрастъ представленъ среди женщинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ среди мужчинъ. Въ то время, какъ процентъ послѣднихъ старше 25 лѣтъ равняется 39,9, соответствующій процентъ женщинъ равняется лишь 15,9. За то на самую молодую группу лицъ отъ 15 до 19 лѣтъ мужчинъ приходится всего 12%, а женщинъ почти втрое больше—34,6%. Въ общемъ возрастной составъ подписчиковъ 1897 г. болѣе юнъ, чѣмъ возрастной составъ подписчиковъ 1896 и 1895 годовъ. Въ особенности слѣдуетъ это сказать про мужчинъ, возрастная группа которыхъ отъ 15 до 24 лѣтъ превосходить ту же группу подписчиковъ 1895 и 1896 годовъ почти на 20%.—Наиболѣе юный составъ подписчиковъ наблюдается въ биологическомъ (100% лицъ въ возрастѣ отъ 15 до 29 лѣтъ), историческомъ (94,4%) и философскомъ (90,9%)

За этими отдѣлами слѣдуетъ литературный (88,5%) и энциклопедическій (84,3%). Наибольше почтенными по возрастному составу своихъ подписчиковъ являются отдѣлы: общ. юридическій (74,3%), математическій (72,7%) и физ.-химическій (68,7%)

Переходя къ распредѣленію подписчиковъ по полученному ими образованію, ознакомимся сначала съ уровнемъ образованія подписчиковъ-мужчинъ, причемъ для сравненія приведемъ соотвѣтствующія данныя за два предшествовавшихъ года.

Степень полученнаго образованія.	Процентъ мужчинъ.			
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.	
Ниже средняго	{ Начальное	28,3	28,9	26,3
	{ Домашнее и незаконченное среднее	28,3	24,8	26,6
Законченное среднее	26,9	31,8	33,5	
Высшее	{ Незаконченное	8,5	11	6,3
	{ Законченное	8,9	3,5	7,3

Вглядываясь въ приведенныя цифры нельзя не констатировать, что образовательный уровень читателей комиссіи нѣсколько понизился за два послѣднихъ года. Правда, процентъ читателей съ образованіемъ выше средняго обнаруживаетъ тенденцію къ повышенію. Но наряду съ этимъ увеличивается и процентъ лицъ, получившихъ образованіе ниже средняго или среднее. Слѣдующія данныя показываютъ, какъ видоизмѣняются приведенныя данныя по отдѣламъ.

НАЗВАНІЯ ОТДѢЛОВЪ.

НАЗВАНІЯ ОТДѢЛОВЪ.	Процентъ лицъ съ образованіемъ ниже средняго.	Процентъ лицъ съ законченными средними образованіемъ.	Процентъ лицъ съ образованіемъ выше средняго.
Физ.-химическій	83,3	11,1	5,5
Литературный	70,6	17,6	11,8
Математическій	68,2	22,7	9,1
Біологическій	66,6	33,3	—
Историческій	66,6	11,1	22,2
Энциклопедическій	59,1	31,8	9,1
Философскій	42,8	42,8	14,3
Общ.-юридическій	42,2	28,2	29,6

Такимъ образомъ, наименѣе низкій уровень образованія замѣчается среди подписчиковъ физ.-химическаго и литературнаго отдѣловъ, наиболье высокій среди подписчиковъ философскаго и общ.-юридическаго. Въ послѣднемъ отдѣлѣ нельзя не обратить вниманія на значительный процентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Обращаясь къ читательницамъ комиссіи (см. прилагаемую табличку), нельзя не замѣтить, что образовательный уровень ихъ значительно выше соответствующаго уровня мужчинъ.

Степень полученнаго образованія.	Процентъ женщинъ.			
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.	
Ниже средняго	{ Начальное	—	3,1	0,9
	{ Домашнее и незаконченное среднее	36,8	29,2	20,6
Законченное среднее	62,1	66,2	66,4	
Высшее	{ Незаконченное	1,1	1,5	2,8
	{ Законченное	—	—	9,3

Въ то время, какъ среди мужчинъ болѣе четвертой части получило лишь начальное образованіе, среди женщинъ такихъ лицъ не имѣется вовсе. Сравнительно съ предшествовавшими годами образовательный уровень женщинъ понизился. Это пониженіе особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи данныхъ за 1897 и 1895 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди подписчицъ 1897 г. почти совершенно не имѣется лицъ съ высшимъ образованіемъ и съ другой стороны сравнительно много лицъ съ домашнимъ и незаконченнымъ среднимъ образованіемъ. Въ 1895 же году процентъ послѣднихъ былъ гораздо ниже и кромѣ того 12,1% всѣхъ подписчицъ получило высшее образованіе.

По отдѣламъ приведенныя данныя видоизмѣняются слѣдующимъ образомъ:

НАЗВАНІЕ ОТДѢЛОВЪ.	Процентъ лицъ, получившихъ образованіе.		
	Ниже средняго.	Законченное среднее.	Выше средняго.
Биологическій	85,7	14,3	—
Историческій	55,5	44,4	—
Общ. юридическій	33,3	66,6	—
Литературный	30	70	—
Философскій	23,8	71,4	4,8
Энциклопедическій	16,6	83,3	—

Стоитъ сравнить эту табличку съ соответствующими данными предшествующихъ годовъ, чтобы увидѣть, насколько уровень образованія среди подписчицъ 1897 г. ниже соответствующаго уровня подписчицъ 1896 и 1895 годовъ. Процентъ лицъ съ образованіемъ ниже средняго повысился во всѣхъ отдѣлахъ, лица же съ высшимъ образованіемъ имѣются лишь въ философскомъ отдѣлѣ. Наиболѣе понизился уровень образованія среди подписчицъ биологическаго, историческаго и обществ. юридическаго отдѣловъ. Наи-

болѣе повысился уровень образования среди читателейъ энциклопедическаго отдѣла. Сопоставляя данныя относительно образования мужчинъ и женщинъ и принимая численность читателей того и другого пола въ каждомъ отдѣлѣ, можно придти къ послѣдующему выводу. Наиболѣе низкій уровень образования замѣчается среди подписчиковъ физ.-химическаго, математическаго и биологическаго отдѣловъ, наиболѣе высокій въ общ. юридическомъ, философскомъ и энциклопедическомъ.

О распредѣленіи подписчиковъ по профессіямъ и занятіямъ даютъ понятіе слѣдующія данныя, показывающія, какой процентъ читателей и читателейъ приходится на ту или другую профессію.

	Процентъ мужчинъ			Процентъ женщ.		
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.
Государств. служба	19,2	11,3	15,3	3,2	2,3	1,2
Учащіеся	16,3	10,2	3,6	1,5	2,3	3,5
Педагогическая профессія	13	21,5	24,6	44,4	50	49,4
Военные	9,1	10,2	7,3	—	—	—
Канторщики всякаго рода.	8,2	6	7,3	1,6	—	—
Лица, занятія въ обработывающей промышленности.	7,7	5,4	7,3	—	—	—
Лица занятія въ торговлѣ.	6,2	8,4	8,3	—	—	1,2
» » » перевозкѣ.	5,8	5,4	7,3	—	—	—
Служащіе при общественныхъ учрежденіяхъ . .	2,9	6	6,3	—	2,3	—
Служащіе въ кредитныхъ учрежденіяхъ.	2,9	1,2	2,6	—	2,3	1,2
Медицинская профессія	2,9	5,4	2,3	1,6	9	4,7
Лица, занятія въ сельскомъ хозяйствѣ.	2,4	4,8	1,6	3,2	6,8	3,5
Лица безъ опредѣленныхъ занятій.	1,9	1,8	3,6	41,2	25	35,3
Духовная профессія	1	2,4	2,6	—	—	—
Частные повѣренные	0,5	—	0,3	—	—	—
Артисты	—	—	—	3,2	—	—

Вглядываясь въ приведенную табличку, нельзя не замѣтить, что среди мужчинъ наиболѣе сильно представлены лица, состоящіе

на государственной гражданской службѣ, учащіеся и педагоги. Но въ то время какъ процентъ послѣднихъ обнаруживаетъ сильную тенденцію къ пониженію, процентъ учащихся, а отчасти и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, сильно растетъ. Остальныя профессіи слишкомъ слабо представлены и измѣненіи въ ихъ численности слишкомъ незначительны и случайны, чтобы стоило на нихъ останавливаться. Среди читательницъ значительно преобладаютъ лица безъ опредѣленныхъ занятій и лица, посвятившія себя педагогической дѣятельности, составляющія въ совокупности ежегодно около 80% всѣхъ подписчицъ. Нельзя не замѣтить также, что процентъ лицъ безъ опредѣленныхъ занятій въ истекшемъ году нѣсколько повысился; процентъ же лицъ, занимающихся педагогической профессіей, нѣсколько понизился. Кромѣ того въ 1897 г. среди читательницъ коммисіи впервые появились представительницы артистическаго міра.

Что касается до распредѣленія читателей той или другой профессіи по отдѣламъ, то лица, состоящія на государственной гражданской службѣ, наиболѣе сильно представлены въ общественно-юридическомъ и философскомъ отдѣлѣ.

Учащіеся наиболѣе сильно представлены въ историческомъ, литературномъ и общественно-юридическомъ отдѣлѣ. Представители педагогической профессіи наиболѣе сильно представлены въ философскомъ, энциклопедическомъ и математическомъ отдѣлахъ. Въ предшествовавшіе годы лица этой профессіи были сильно представлены также въ историческомъ и литературномъ отдѣлахъ.

Военные наиболѣе сильно представлены въ энциклопедическомъ, математическомъ и литературномъ отдѣлахъ; лица, занятія въ обрабатывающей промышленности въ физ.-химическомъ, математическомъ и историческомъ отдѣлахъ и, наконецъ, лица, занятія въ торговлѣ, въ общественно юридическомъ отдѣлѣ.

Единственная вполнѣ опредѣленная и сильно представленная женщинами профессія—это педагогическая. Въ философскомъ отдѣлѣ представительницы ея составляютъ 60% всѣхъ читательницъ, сообщившихъ свѣдѣнія о своемъ занятіи; въ общ.-юридическомъ лица этой профессіи составляютъ 57,1%, въ историческомъ и энциклопедическомъ по 50%, въ литературномъ 21,4% и въ біологическомъ 20%.

Сравнивая эти данныя съ соответствующими данными предшествовавшихъ годовъ нельзя не обратить вниманія на необыкновенно низкій процентъ лицъ рассматриваемой профессіи въ литературномъ отдѣлѣ всего 21,4%, тогда какъ въ 1895 г. этотъ процентъ равнялся 43,7.

О распредѣленіи читателей по мѣстожительству даютъ понятіе слѣдующія данныя, показывающія какой процентъ ихъ приходится на тотъ или другой географическій районъ.

НАЗВАНІЕ РАЙОНОВЪ.	Процентъ всѣхъ чита- телей.
Въ 34 земскихъ губерніяхъ живеть	74,8
» Кавказскомъ краѣ	» 4,9
» Сѣв. Западномъ краѣ ¹⁾	» 4,5
» Привислянскомъ »	» 4,2
» Сибири	» 3,6
» Юго-Восточныхъ губерніяхъ ²⁾	» 2,9
» Прибалтійскомъ краѣ	» 1,6
» Туркестанскомъ »	» 1,6
» Юго Западномъ ³⁾ »	» 1,3
» Финляндіи	» 0,3
За границей	» 0,3

Сравнительно съ предшествовавшими годами никакихъ сколько нибудь существенныхъ перемѣнъ въ распредѣленіи читателей по приведеннымъ географическимъ районамъ не произошло.

Не произошло существенныхъ перемѣнъ и въ распредѣленіи читателей по разнымъ умственнымъ центрамъ и провинціальнымъ закоулкамъ и захолустьямъ. Слѣдующая маленькая табличка наглядно это показываетъ.

	Въ процентахъ:		всѣхъ чита- телей.
	мужч.	женщ.	
За границей живеть	0,5	—	0,3
Въ Москвѣ	18,5	18,4	18,5
» С.-Петербургѣ	3,2	2,3	2,9
» другихъ университетскихъ го- родахъ	2,6	4,6	3,2
» губернскихъ городахъ	16,7	18,4	17,2
» уѣздныхъ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ	38,7	29,9	36,2
» сельскихъ поселеніяхъ	19,8	26,4	21,7

Сравнительно съ предшествовавшими годами въ 1897 г. записалось на руководство комиссіи нѣсколько болѣе читателей, живущихъ въ университетскихъ городахъ. Но и въ истекшемъ году эти читатели составляютъ лишь около четвертой части всѣхъ подписчиковъ, остальные же три четверти живутъ въ глуши провинціи, гдѣ условія для самообразования мало благоприятны.

Познакомившись съ новыми читателями комиссіи посмотримъ, какія перемѣны произошли за истекшій годъ въ составѣ старыхъ читателей.

¹⁾ Губерніи: Гродненская, Витебская, Могилевская, Виленская, Минская и Ковенская. ²⁾ Донская область, Оренбургская губ. и Уральская обл., Архангельская г., Астраханская г., Тургайская область. ³⁾ Киевская, Волынская, Подольская.

Изъ этихъ перемѣнъ наиболѣе крупной является выходъ многихъ лицъ изъ числа подписчиковъ. Такъ, изъ подписчиковъ 1895 года вышло за 1897 г. 20,4%; всего же вышло этихъ подписчиковъ за три года съ (1895 по 1898 г.)—болѣе $\frac{1}{3}$ (80,1%). Изъ читателей же математическаго отдѣла къ 1898 г. не оставалось ни одного; изъ подписчиковъ биологическаго отдѣла продолжала заниматься лишь десятая часть (10,5%). Наибольшее число подписчиковъ сохранилъ энциклопедическій (25,2%) и литературный (26,2%) отдѣлы.

Много вышло и подписчиковъ 1896 г. хотя и замѣтно менѣе, чѣмъ подписчиковъ 1895 г. за соответствующій періодъ времени—42,9% вмѣсто 53,7%. Причемъ женщины оказались болѣе постоянными читателями комиссіи, чѣмъ мужчины. Въ то время какъ среди послѣднихъ процентъ выбывшихъ доходитъ до 47,2, соответствующій процентъ женщинъ равняется 30,7.—Наибольшій процентъ выбывшихъ замѣчается по прежнему въ физико-химическомъ, биологическомъ и философскомъ отдѣлахъ (по 50%), наименьшій въ общественно-юридическомъ (40,7), и литературномъ (33,3). Необыкновенно низкій процентъ выбывшихъ (12,5) въ математическомъ отдѣлѣ носитъ довольно случайный характеръ вслѣдствіе незначительнаго числа подписчиковъ (всего восемь человекъ) этого отдѣла.

Изъ подписчиковъ 1897 г. также вышло нѣсколько человекъ (6) вскорѣ послѣ поступленія.

Въ общемъ итогъ къ 1-му января 1898 г. состояло читателями комиссіи 379 мужчинъ и 150 женщинъ всего 529 человекъ.

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число читателей увеличилось на 17,8%, мужчинъ на 14,8% и женщинъ на 26%.

Какія же причины побуждаютъ читателей прекращать сношенія съ комиссіей? Одной изъ главныхъ причинъ является значительность расходовъ, вызываемыхъ пересылкой книгъ по почтѣ. При медленномъ ходѣ занятій становится даже выгоднѣе покупать книги, чѣмъ получать ихъ изъ комиссіи въ абонементъ. Вотъ почему провинціальныя читатели при малѣйшей возможности доставать книги изъ мѣстной бібліотеки или покупать ихъ изъ мѣстнаго магазина съ нѣкоторой уступкой, прекращаютъ сношенія съ комиссіей. Тѣ же читатели, которые живутъ въ захолустьи, гдѣ нѣтъ бібліотеки и не въ состояніи покупать книгъ, прекращаютъ не только сношенія съ комиссіей, нои вообще систематическія занятія самообразованіемъ.

Другой причиной, побуждавшей читателей прекращать сношенія съ комиссіей, было недовольство ходомъ своихъ занятій, обусловленное въ большинствѣ случаевъ сложностью программъ и недостаткомъ свободнаго времени. Такъ одинъ читатель пишетъ: «Увѣдомляю Васъ, что чтеніе приканчиваю, потому что ваши программы слишкомъ велики для получившаго начальное образованіе». Другой читатель (учитель) пишетъ: «Честь имѣю увѣдомить комиссію, что вслѣдствіе массы работы по школѣ въ зим-

нее время, а главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны пересылки книгъ по почтѣ, я не нахожу возможнымъ болѣе абонироваться въ комиссіи».—А вотъ что пишетъ другой читатель: «я и мои товарищи при полномъ нашемъ желаніи заниматься подъ руководствомъ комиссіи не имѣемъ на то свободнаго времени; профессія наша—торговля отнимаетъ у насъ цѣлыя дни, свободны же лишь вечера и то не каждый; программы же комиссіи по своей серьезности требуютъ большого досуга, потому съ сожалѣніемъ просимъ насъ не считать болѣе подписчиками».

Особенно обстоятельно мотивируетъ свой выходъ одинъ учитель сельскаго училища. «Продолжать домашнее чтеніе, пишетъ онъ,—пользуясь книгами комиссіи, не могу, прежде всего потому, что занятія не позволяютъ, а во вторыхъ, матеріальное состояніе. Служа учителемъ, нельзя вести другое занятіе, систематически правильное, такъ какъ хочется еще знакомство съ міровѣдѣніемъ на что тратится свободное время, да еще и на чтеніе періодическихъ изданій, а еще отдыхъ, приготовленіе уроковъ на завтрашній день. Притомъ же послѣ школьнаго дѣла нельзя вести другое дѣло болѣе умственно томительное. Учитель располагаетъ лѣтними каникулами, да къ тому времени высылка прекращается *), да еще лѣтомъ трудно работать.—Второе, это дорого обходится: взять одну (книгу) читать, много пойдетъ на почтовые расходы; написать нѣсколько, лежать даромъ, за что платится».

Какъ трудно занятаму человѣку заниматься систематически самообразованіемъ, показываетъ письмо самаго перваго подписчика, присланное имъ послѣ двухлѣтняго молчанія. Вотъ что онъ пишетъ: «Первымъ долгомъ прошу у комиссіи извиненія въ томъ, что своимъ продолжительнымъ молчаніемъ я ставилъ комиссію въ нѣкоторое затрудненіе въ отношеніи ко мнѣ. Со второй половины минувшаго года я состою псаломщикомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ 2-хъ классаго церк. приходск. училища въ маленькомъ мѣстечкѣ N—ской губ. Здѣсь же я до сихъ поръ располагаю еще меньшимъ досугомъ, чѣмъ когда либо ранѣе. Если иногда и приходила мысль позаняться серьезнымъ систематическимъ чтеніемъ, то уголокъ, ежедневно наполнявшійся ученическими тетрадами, всегда совѣтовалъ воздержаться отъ подобныхъ праздныхъ мыслей и желаній, увѣряя, что кромѣ необходимаго серьезнаго систематическаго чтенія тетрадокъ, испещренныхъ каракулями начинающихъ лепетать по русски дѣтей—инородцевъ, никакого болѣе серьезнаго чтенія для учителя ихъ и не существуетъ. Волей нволей приходилось съ этимъ соглашаться... Мнѣ никакъ не хотѣлось бы совершенно бросить прерванное или, вѣрнѣе, не начатое мною чтеніе по философской программѣ. Есть

*) По правиламъ комиссіи лѣтомъ прекращается лишь руководство занятіями подписчиковъ, высылка же книгъ производится круглый годъ. Подписчикъ въ давномъ случаѣ невѣрно поваялъ соответствующій параграфъ правилъ.

также надежда, что разныя, чисто внѣшнія обстоятельства впредь меня не будутъ болѣе беспокоить. Поэтому прошу комиссію увѣдомить меня, могу ли быть вновь принятымъ въ будущемъ въ число читателей подписчиковъ? Мнѣ придется, конечно, начать чтеніе съ перваго курса. Два года для меня въ этомъ отношеніи совершенно пропали».

Крайне характерно письмо одного выбывшаго подписчика, объясняющее между прочимъ, почему такъ мало читателей пользуется при своихъ занятіяхъ руководствомъ комиссіи. «На письмо отъ 13 го сего декабря, — пишетъ этотъ подписчикъ, — имѣю честь увѣдомить, что я предметъ логики прочелъ по Минто и Троицкому. Къ сожалѣнію долженъ сознаться, что чтеніе это было ведено совершенно не по тому плану, какъ было предположено: записываясь въ число читателей комиссіи съ двумя учителями здѣшняго училища, я рассчитывалъ на совмѣстныя чтенія, сопряженныя, конечно, съ разъясненіями сообща и съ разсужденіями о прочитанномъ; но масса спеціальныхъ занятій у моихъ коллегъ и отсутствіе ихъ во время лѣтнихъ каникулъ совершенно не представили возможности выполнить задуманный планъ; чтеніе же въ отдѣльности доставило мнѣ только нѣкоторое общее понятіе о логикѣ. — Такихъ затрудненій, которыя ставили бы меня въ тупикъ, при чтеніи я не встрѣчалъ; просить же письменно руководство со стороны комиссіи, я считалъ неудобнымъ *въ виду невозможности достигнуть цѣли путемъ переписки и значительныхъ почтовыхъ расходовъ*».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ причинъ прекращеніе сношеній съ комиссіей вызывалось также серьезной болѣзью, смертью, подготовкой въ то или другое учебное заведеніе, отбываніемъ воинской повинности и разными личными и семейными обстоятельствами, случавшимися съ подписчиками. Такъ одинъ наиболѣе усердно и успѣшно занимавшійся читатель общественно-юридическаго отдѣла, успѣвшій еще въ 1896 году приступить къ изученію предметовъ 2-го курса, мотивируетъ свой выходъ изъ состава читателей комиссіи тѣмъ, что былъ вынужденъ «по неслужебнымъ причинамъ» оставить службу въ волостныхъ писаряхъ. «Помнится, я писалъ, — читаемъ мы въ письмѣ этого читателя, — что хочу знать общественно-юридическія науки, чтобы быть честнымъ труженикомъ-писаремъ. Это честное отношеніе къ дѣлу я видѣлъ въ возможности подать совѣтъ крестьянину, помочь ему разобраться въ его бѣдѣ и тѣмъ быть ему полезнымъ. А теперь, теперь не то. Не придетъ ко мнѣ въ управу, гдѣ я служу, какъ въ правленіе, крестьянинъ, не спросить, что дѣлать, не скажетъ своего дѣла. Теперь нѣтъ той необходимости въ знаніи юридическихъ наукъ, которое каждую минуту требовалось волостному писарю. Теперь другое дѣло, другое и знаніе надо (напр. бухгалтеріи). Все это заставляетъ меня на неопредѣленное время прервать свои занятія подъ руководствомъ комиссіи.

Этимъ я не хочу сказать, что не хочу работать для своего

самообразования, или потерялъ охоту къ этого рода знанію; нѣтъ я, просто, сознаю необходимость заняться изученіемъ новаго для меня дѣла и пополнить недостатокъ въ среднемъ образованіи. Возможность пользоваться лекціями-корреспонденціями и библиотечками поможетъ мнѣ въ томъ.

Недостатокъ въ среднемъ образованіи я думаю пополнить чтеніемъ книгъ, по возможности, изъ разныхъ отдѣловъ знанія. Для этого я составляю теперь при помощи программъ комиссіи и книжекъ Карѣева, свою энциклопедическую программу чтенія, основная мысль которой—человѣкъ, его положеніе въ природѣ и обществѣ, жизнь и исторія. Насколько я успѣю въ этомъ, покажетъ будущее, а теперь буду работать...

Заканчивая это письмо, я чувствую потребность выразить комиссіи свою глубокую благодарность за то, что вы пробудили во мнѣ стремленіе къ знанію, расширили мой умственный кругозоръ, за то, что работа по программамъ комиссіи—единственно свѣтлыя минуты за все время моей службы въ волостныхъ пи саряхъ».

Къ сожалѣнію подобнаго рода личные обстоятельства побуждали къ выходу изъ состава читателей комиссіи наиболее успѣшно занимающихся подписчиковъ. Достаточно замѣтить, что около 10% выбывшихъ подписчиковъ 1895 г. составляли «второкурсники»; работы нѣкоторыхъ изъ нихъ были прямо таки безукоризненны. Особенно неудачнымъ въ этомъ отношеніи былъ истекшій годъ для общественно-юридическаго отдѣла. Серьезная болѣзнь, семейныя обстоятельства и невольная перемѣна службы лишили этотъ отдѣлъ нѣсколькихъ наиболее усердно и успѣшно занимавшихся читателей второкурсниковъ.

Вообще на выбывающихъ читателей не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на лицъ, для которыхъ сношенія съ комиссіей оказались совершенно бесполезны и безслѣдны. Иногда одна какая либо книжка, прочтенная по рекомендаціи комиссіи, производила въ читателѣ цѣлый переворотъ и оставляла въ немъ неизгладимый слѣдъ. Въ особенности слѣдуетъ сказать это относительно исторіи культуры Липперта, которая, не смотря на сухость изложенія, производитъ обыкновенно на читателей, не получившихъ правильнаго систематическаго образованія, необыкновенно сильное и развивающее вліяніе. Вотъ почему многіе читатели, вынуждаемые недостаткомъ времени и матеріальныхъ средствъ, сложностью программъ и другими причинами прекратить свои занятія, считают своимъ долгомъ выразить комиссіи свою благодарность и сдѣлать въ ея пользу то или другое пожертвованіе. Въ истекшемъ году выбывшими подписчиками было пожертвовано въ пользу комиссіи даже болѣе, чѣмъ частными лицами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Горбуновъ.

Одна изъ бурныхъ натуръ реформаціонной эпохи.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ.

I.

Въ 1896 году вышла въ русскомъ переводѣ книга извѣстнаго Давида Штрауса объ Ульрихѣ фонѣ Гуттенѣ *). Посвященная такой интересной личности, написанная съ обычнымъ мастерствомъ Штрауса, книга эта даетъ читателю живую картину эпохи,— правда, далеко не во всемъ ея цѣломъ. Помимо біографіи Гуттена здѣсь даны лишь «черты изъ жизни» той «чистой публики», тѣхъ верховъ общества, въ которыхъ вращался Гуттенъ. Процессы, совершающіеся въ народѣ, въ обществѣ, какъ цѣломъ, здѣсь даже не намѣчены; здѣсь дана только страничка изъ литературной и лишь отчасти политической исторіи. Правда, авторъ пишетъ всего только біографію; но изображаемую имъ личность онъ ставитъ въ общую рамку эпохи, и вотъ эта-то общая характеристика эпохи, какъ мы увидимъ дальше, и обличаетъ въ авторѣ несомнѣннаго представителя старой школы въ исторіографіи, сына того, на современный взглядъ, наивнаго времени, когда думали, что «исторія творится идеями», «что въ исторіи воплощается духъ въ его постепенномъ развитіи» и т. п. Этотъ взглядъ былъ въ одно и то же время и счастьемъ, и мукою для историковъ. Съ одной стороны, взглядъ этотъ крайне упрощалъ приемы исторіографіи: надо было найти нить, идею, а затѣмъ къ этой идеѣ *подбирать* факты, иллюстраціи, пояснять свою философскую концепцію конкретнымъ матеріаломъ. Не надо было охватывать всѣ стороны жизни минувшихъ временъ; не надо было выбирать изъ необъятнаго количества фактовъ *объективно типичное*; достаточно было отнѣснить *субъективно симпатичное*,—а это сдѣлать и легче, и скорѣе. Но съ другой стороны, этотъ «идеалистическій» взглядъ на исторію постоянно все вновь и вновь долженъ былъ повергать въ отчаяніе историка съ благо-

*) Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. 1896 г. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

родной душой, съ чуткимъ и отзывчивымъ на реальныя бѣдствія и страданія сердцемъ. Дѣйствительно, что представляютъ и должны представлять собою всѣ эти безконечныя, въ общемъ однообразныя «дней минувшихъ анекдоты»—при «идеалистическомъ» взглядѣ на нихъ?.. Немногія свѣтлыя точки, критическія эпохи, кульминаціонныя пункты, прерываемыя огромными пустыми, глухими и мрачными впадинами «вѣковъ застоя, упадка, испорченности нравовъ и т. п.». И историкъ, для котораго идеалистическая теорія была не просто красивой и благородной позою, который не умѣлъ при каждомъ выходѣ на публику съ легкимъ сердцемъ накидывать рабочую туजूрку «облѣтый плащъ съ широкими складками»,—такой историкъ, если онъ былъ натурой созерцательной и пассивной, начиналъ «скорбѣть» о человечествѣ, а если былъ человѣкомъ активнымъ и боевымъ, то... впрочемъ, тутъ могло быть много исходовъ.

Штраусъ въ своей книгѣ о Гуттенѣ пишетъ исторію именно по этому старому рецепту. Дѣлать нечего, приходится его брать такимъ, каковъ онъ есть, вставляя даваемую имъ картину въ рамку общей исторіи того вѣка, той эпохи. Такая задача совершенно выходитъ за предѣлы моей скромной компетенціи, но, по счастью, читатель легко можетъ удовлетворить свое законное въ этомъ отношеніи любопытство: въ статьяхъ проф. Р. Ю. Вишера, подъ общимъ заглавіемъ «Общество, государство, культура Запада въ XVI вѣкѣ» (въ журналѣ «Міръ Божій», начиная съ февраля 1897 года) онъ найдетъ вполне научную общую характеристику какъ разъ этой эпохи. Свѣдѣнія по исторіи хозяйства и формъ организаціи народнаго труда въ Германіи читателямъ «Образованія» извѣстны изъ «Очерковъ изъ исторіи нѣмецкой культуры» Кампфмейера. Блестящую картину народнаго образованія въ средніе вѣка и отчасти въ 15—16 столѣтіяхъ даетъ превосходная книга Н. В. Сперанскаго «Очерки по исторіи народнои школы въ Западной Европѣ», которую слѣдуетъ настоятельно рекомендовать вниманію всякаго читателя; тамъ отлично охарактеризована та среда, въ которой воспитывались, та «учеба», черезъ которую прошли всѣ дѣятели гуманизма и первой эпохи реформаціи, въ которой воспитывались Эразмы, Рейхлины, Лютеры, Гуттены и всѣ *alii minorum gentium* той эпохи. Я возьму на себя только изложеніе судьбы самого Гуттена, какъ ее изображаетъ Штраусъ и какъ она отражается въ сочиненіяхъ Гуттена, изданныхъ Боккингомъ.

II.

Однако, прежде остановимся еще на книгѣ Штрауса и на отношеніи автора къ своей задачѣ.

Штраусъ не даромъ выбралъ предметомъ своего труда біографію Гуттена; онъ оживилъ своего героя съ публицистическими цѣлями, какъ онъ это прямо и говоритъ въ предисловіяхъ къ своей книгѣ (мы разумѣемъ предисловія къ 1-му изданію 1858 г. и то, которое помѣчено маемъ 1871 г.; мы цитируемъ его по 4-му изданію сочи-

ненія 1878 года *)). Упомянувъ о томъ, что въ прежнее время Гуттена въ Германіи мало понимали, что Буркхардтъ, написавшій въ 1717—1723 гг. 3 тома о Гуттенѣ, видѣлъ только реформаціонный пылъ своего героя, его хорошій латинскій стиль и прекрасныя сентенціи, Штраусъ продолжаетъ (въ предисловіи къ 1-му изданію): «оживленіе нѣмецкаго патриотизма вслѣдствіе войны за освобожденіе» сдѣлало возможнымъ появленіе новаго взгляда на Гуттена,— патриотическій подъемъ духа открытъ и въ Гуттенѣ струю пламенной любви къ отечеству. Штраусъ предвидитъ, что его книгой многіе будутъ недовольны, и прежде всего, воѣ тѣ силы, съ которыми Гуттенъ такъ воевалъ при жизни; а затѣмъ, если Гуттенъ своимъ современникамъ указывалъ на турокъ, засѣвшихъ въ Римѣ, то теперь онъ нашелъ бы такой же Римъ во множествѣ протестантскихъ консисторій. «Его стрѣлы несокрушимы; и гдѣ бы ни началась въ нѣмецкихъ земляхъ борьба противъ обскуратизма и насилія надъ мыслью, противъ поповъ и деспотовъ, вездѣ тамъ будетъ у мѣста оружіе Гуттена». Такими словами заканчивается это предисловіе, написанное въ 1857 г.: католическая и протестантская ортодоксія и іерархія — вотъ главные враги Штрауса; свобода мысли — вотъ его идеалъ.

Проходитъ 14 лѣтъ, и въ предисловіи, написанномъ въ 1871 г., тонъ Штрауса гораздо выше: мы видимъ уже не только свободо-мыслящаго въ церковно-іерархическихъ вопросахъ человѣка, а еще и порядочнаго націоналиста, у котораго закружилась голова отъ «объединенія отечества» и лира котораго издаетъ часто довольно фальшивые звуки шовинистскаго тамбра. «Воспоминанія о дорогихъ покойникахъ являются у людей и въ свѣтлые, и въ тяжелые дни». То же справедливо и для цѣлыхъ народовъ. «Великіе люди націй— это борцы, которые ратуютъ за свѣтъ противъ мрака, за образованіе противъ варварства, за свободу противъ деспотизма, за отечество противъ притѣсненій чужеземцевъ; они одинаково почтенны, одинаково дороги, потомкамъ—все равно, увѣнчаны ли они побѣдой или же погибли въ тщетной борьбѣ... Изъ нихъ состоитъ аристократія народа, и если какой нибудь народъ можетъ похвалиться такой знатью, такъ это—нѣмецкій... Одного изъ такихъ людей я и вызвалъ нѣкогда изъ могилы—въ трудное, тяжелое время». Тогда Германія «лежала въ глубокой слабости; крупныя и мелкія угнетатели ея снова стали господами; надменные сосѣди насмѣхались надъ нею; налетѣли и тѣ черныя птицы, съ карканьемъ летавшія около нея, какъ будто она была уже трупомъ... Тогда я воскликнулъ: неужели у насъ нѣтъ ни одного Гуттена? И такъ какъ среди живыхъ не оказалось ни одного, то я предпринялъ трудъ воспроизвести личность умершаго и поставить его передъ очами нѣмецкаго народа. И это не осталось безъ результатовъ; въ гнѣвномъ порывѣ рыцаря противъ враждебнаго свѣту и свободѣ Рима, въ его выра-

*) Въ русскомъ изданіи не переведено почему-то ни одно изъ этихъ предисловій.

зительныхъ увѣщаніяхъ къ нѣмцамъ — дружно и согласно противиться надменности чужеземцевъ — нашли слово пригодное и для нашего времени». Однако, «за дурными днями послѣдовали и хорошіе»: Римъ палъ какъ разъ тогда, когда думалъ всего болѣе возвыситься (здѣсь Штраусъ разумѣетъ, очевидно, событія 1870 года: паденіе свѣтской власти папы и замѣшательство, вызванное въ части католическаго міра провозглашеніемъ догмата папской непогрѣшимости); «надменный сосѣдъ, нашъ вѣковой притѣснитель, своимъ безуміемъ создалъ единство Германіи, которая и стоитъ теперь во главѣ всѣхъ націй, окруженная удивленіемъ и завистью другихъ народовъ... И теперь мы должны еще разъ вспомнить о нашемъ Гуттенѣ, когда достигнуто то, за что онъ боролся всю жизнь, теперь, когда онъ съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ въ современную ему эпоху, могъ бы сказать: какъ весело жить!»... «Въ наше время, продолжаетъ Штраусъ, Гуттенъ сказалъ бы: вотъ теперь мы празднуемъ; но завтра — на работу съ удвоенными силами! Если мы сильны, то свободны ли мы также?.. Со свѣтской властью папы покончено, — но съ духовной? вѣдь, его черные воины сидятъ въ германскомъ рейхстагѣ... Гуттенъ думалъ твердо основать силу и величіе Германіи, о которыхъ онъ мечталъ, на гуманно-свободномъ, никакими церковнымъ постановленіями не ограниченномъ образованіи, — и какъ въ только что оконченной войнѣ онъ былъ бы въ первыхъ рядахъ въ борьбѣ съ вѣшними врагами, такъ теперь въ мирѣ онъ опять впереди всѣхъ сталъ бы бороться противъ внутреннихъ враговъ свободы и просвѣщенія» (предисловіе 1871 г., стр. VII сл.).

Такимъ образомъ, «объединеніе отечества» и отищеніе «вѣковому врагу», тому дерзкому «пѣтуху», который осмѣлился надменно относиться къ нѣмецкому «орлу», ненависть къ католицизму вообще, къ Риму и папству, и къ нѣмецкимъ католикамъ (т. е. своимъ же согражданамъ) въ частности, — націонализмъ и антиклерикализмъ — таковы завѣты Штрауса, какъ онъ ихъ проповѣдуетъ въ книгѣ о Гуттенѣ, такова его программа. Немного для писателя второй половины XIX вѣка! И неудивительно, что эти завѣтные помысленія Штрауса исполнились еще при его жизни: франко-прусская война 1870—71 гг., провозглашеніе германской имперіи и «культуркампфъ» — этимъ исчерпана программа Штрауса, которую онъ выставляетъ въ своей книгѣ о Гуттенѣ.

Чтобы окончательно выяснитъ «идеалы» Штрауса, какъ они представлены въ этомъ его сочиненіи, мы приведемъ часть заключительнаго параграфа его книги (цитируемъ по переводу подъ ред. Э. Л. Радлова): «Гуттенъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ предпріятіяхъ; но не потому, что они были сами по себѣ не праведны или ложны *), а только потому, что онъ хотѣлъ вдругъ и разомъ провести то, что могло быть проведено только одно за другимъ съ длинными промежутками. Лютеръ и весь нѣмецкій протестантизмъ ограничились одною религіозною областью, отказались отъ политики и изъ пріобрѣтеній гуманизма приняли только то, что было необхо-

*) Unrecht oder verkehrt.

димо для ихъ цѣли. Протестантизмъ въ своей борьбѣ съ католической реакціей окончательно разрушилъ единство и могущество нѣмецкой имперіи и заковалъ нравственность и умственное развитіе нѣмецкаго народа въ узкія цѣпи, одѣлъ ихъ въ грубую одежду. Но за то онъ достигъ своей цѣли въ своей области, провелъ освобожденіе церкви отъ Рима, воспиталъ нѣмецкій народъ, насколько это было для него возможно, для самостоятельной религіозной жизни. А когда пришло время, оковы были разбиты, изъ конфессіонально-протестантскаго (протестантскаго?) просвѣщенія возникло, вмѣстѣ съ нашей классической нѣмецкой литературой, свободное, гуманное просвѣщеніе. А затѣмъ, когда опять пришло время, когда нѣмецкій народъ весь проникся этимъ гуманизмомъ, изъ него возникли политическое единство и могущество, новое нѣмецкое государство. Теперь мы видимъ, что Гуттенъ былъ все же правъ, не желая одного безъ другого; дѣйствительно, эти отдѣльныя части—ихъ, въ сущности, только двѣ: гуманитарное образованіе, коренившееся въ протестантизмъ, и политическія единство и могущество получившей такое образованіе націи—на самомъ дѣлѣ составляютъ одно цѣлое, и ошибка Гуттена была та же, что и всѣхъ пророческихъ натуръ: онъ созерцаютъ единое, какъ блестящій идеалъ, и сразу стремятся къ тому *), чего человѣчество можетъ достигнуть только шагъ за шагомъ, по частямъ, вѣковой борьбой». Этотъ отрывокъ самымъ очевиднымъ образомъ констатируетъ какъ недостаточность исторической философіи автора, такъ и узость его идеаловъ. Чтобы «изъ гуманизма возникли политическое единство и могущество» Германіи, чтобы идеалъ состоялъ только изъ двухъ указанныхъ Штраусомъ частей... надъ первымъ утвержденіемъ посмѣется современный историкъ, а то, что Штраусъ считаетъ здѣсь «идеаломъ», покажется очень устарѣвшей и узкой программой всякому мыслящему человѣку нашего времени.

Мы уже говорили выше, что историку съ такимъ міросозерцаніемъ судьбы человѣчества должны казаться смѣшно короткихъ блестящихъ мгновеній, «гребней историческихъ волнъ», мрачными и темными періодами, съ которыми историку пожалуй что и дѣлать нечего, которые имѣютъ одинъ устрашающій смыслъ предостереженія на будущее время и которые надо заклеить своимъ негодованіемъ—для того, чтобы подѣйствовать на читателя въ направленіи, соответствующемъ идеаламъ самого автора. Штраусъ въ своемъ искреннемъ патріотическомъ одушевленіи прибѣгаетъ и къ этому приему. Такъ, въ 1-мъ изданіи своей книги (часть I, стр. 300) онъ излагаетъ рѣчь Гуттена къ князьямъ, собравшимся въ 1518 г. на сеймъ въ Аугсбургъ, о необходимости войны противъ турокъ. Гуттенъ здѣсь доказываетъ, что для этой войны необходимо единеніе и подчиненіе всѣхъ нѣмцевъ одному императору; и пока «у нѣмцевъ нѣтъ ни того, ни другого, не будетъ ни одного, даже

*) Въ подлинникѣ: zugleich und in Einem als glänzendes Ideal zu schauen und zu begehren.

самаго слабого народа, который бы насъ боялся или, по крайней мѣрѣ, не осмѣливался бы при случаѣ нападать на насъ». Штраусъ въ выносѣ прибавляетъ: «прошло уже 300 лѣтъ, а это все еще такъ!»— волна исторіи находится въ моментѣ паденія, идетъ періодъ застоя и мрака. Въ 4-мъ изданіи этого примѣчанія вовсе нѣтъ, зато въ текстѣ прибавлено: «справедливость словъ Гуттена (относительно необходимости объединенія и подчиненія всѣхъ нѣмцевъ императору) мы (т. е. нѣмцы) доказали рядомъ опытовъ, которые мы производили съ тѣхъ поръ въ теченіе 3 1/2 вѣковъ, опытовъ — одинъ другого постыднѣе и прискорбнѣе. Правъ былъ Гуттенъ и въ другомъ своемъ убѣжденіи, а именно, что если нѣмцы когда нибудь сознають, чего имъ нужно, они будутъ первымъ народомъ въ мірѣ»... Авторъ попалъ на гребень исторической волны, струна шовинизма громко зазвучала: «нѣмцы никого въ мірѣ не боятся, кромѣ Бога»; эпоха упадка кончилась, начался «цвѣтущій періодъ». —Таковы взгляды Штрауса въ періодъ со второй половины 50-хъ годовъ до начала 70-хъ, такова его общественная философія... Повторяемъ, мы не пишемъ общей характеристикѣ Штрауса; мы только подбираемъ тѣ его заявленія, которыя находимъ въ его сочиненіи о Гуттенѣ.

Рядомъ со Штраусомъ, надъ возстановленіемъ памяти о Гуттенѣ работалъ другой труженикъ—издатель его сочиненій Эдуардъ Бёккинъ. И надо отдать справедливость Бёккингу: сочиненія Гуттена изданы имъ образцово—такъ, какъ умѣютъ издавать труды своихъ выдающихся сыновъ только высоко образованныя націи. Въ это изданіе положена масса труда и знанія; состоитъ оно всего изъ 7 очень внушительныхъ томовъ: 5 томовъ собственно сочиненій Гуттена (изданы 1859—61 гг.) и 2 тома «приложеній» (1864—70 г.). Въ 5 первыхъ томахъ собрано не только все, что написано самимъ Гуттеномъ, но и все, что было написано другими лицами къ нему или къ третьимъ лицамъ о немъ *). Штраусъ пользовался матеріалами этого изданія уже при самомъ составленіи своей книги, въ первомъ изданіи которой было приведено въ примѣчаніяхъ много цитатъ изъ сочиненій Гуттена. Въ слѣдующихъ изданіяхъ Штраусъ замѣнилъ ихъ простыми ссылками на изданіе Бёккинга. Изъ двухъ томовъ приложеній 1-й содержитъ знаменитыя и несравненныя «Письма темныхъ людей», изъ которыхъ, повидимому, лишь нѣсколько написаны Гуттеномъ; а 2-й состоитъ изъ разнаго рода указателей. Дѣйствительно, Бёккинъ можетъ съ чистой совѣстью сказать, что онъ сдѣлалъ для памяти Гуттена все, что могъ.

*) Чтобы дать понятіе о тщательности этого изданія, укажемъ что каждая изъ этихъ 3 частей изданнаго матеріала напечатана особымъ прифтомъ, при каждомъ сочиненіи, письмѣ, документѣ выставлено наверху слѣва мѣсто, а справа время его написанія, а внизу номеръ памятки по особому указателю, составленному Бёккингомъ, и источникъ, изъ котораго оно взято; снизу страницъ сдѣлано сравненіе текста по рукописямъ и печатнымъ изданіямъ и т. д.

III.

Гуттенъ началъ съ гуманизма, былъ прежде всего «гуманистъ». Что же такое представлялъ собою гуманизмъ? или, лучше, возьмемъ конкретную форму: кто такие были «гуманисты»? Гуманисты—это были первые въ Европѣ по времени профессиональные «люди слова»—литераторы и ораторы; это—спеціалисты латинскаго стиля Цицероновскаго пошиба. И раньше гуманистовъ всѣ образованные люди въ Европѣ говорили и писали по-латыни; но тогда стиль, самый актъ писанія еще не дифференцировался отъ спеціального предмета занятій ученаго: одинъ былъ богословомъ, другой—докторомъ «обоихъ правъ» гражданскаго и каноническаго, третій—медикомъ; многіе занимались и «тайными», или «предлюбодѣйными» искусствами, въ которыхъ, по мнѣнію среднихъ вѣковъ, была въ значительной степени замѣшана чертовщина: магіей, алхиміей, «механикой»—въ тогдашнемъ значеніи этого термина. Было много и другихъ профессій; но не было профессіи «латиниста», «поэта». Латинская грамота, латинскій стиль изучались, правда, въ университетахъ, на «факультетѣ искусствъ» (*facultas artium*); но этотъ факультетъ былъ только введеніемъ, подготовкой, средствомъ для одной изъ трехъ главныхъ профессій образованныхъ людей: богословской, юридической и врачебной *). Однако, мало-по-малу «артистическій факультетъ», уже и прежде бывшій самымъ многолюднымъ, выдвигается на первый планъ, начинаетъ занимать самостоятельное положеніе. «Артисты», «поэты», уже не считаютъ своихъ занятій тѣмъ-то переходнымъ, временнымъ, «впредь до занятія настоящимъ дѣломъ»; они начинаютъ цѣнить ихъ сами по себѣ **). Этотъ ростъ самосознанія латинскихъ стилистовъ обусловливался тѣмъ, что ихъ спеціальность начало цѣнить само общество, нуждавшееся въ ихъ услугахъ для цѣлей внѣшнихъ сношеній—дипломатіи

*) Правда, слушатели «факультета искусствъ» (какъ прошедшіе въ немъ полный курсъ, такъ и только отвѣдавшіе «артистической» мудрости... и привольной жизни) доставляли главный контингентъ учителей начальныхъ (монастырскихъ, городскихъ, соборныхъ, деревенскихъ) школъ. Но это не потому, чтобы учительство было тогда настоящей профессіей, сколько нибудь равноправной съ тремя главными, а на основаніи обычнаго разсужденія малокультурныхъ людей и обществъ: человекъ прошелъ начальную школу,—значитъ, онъ можетъ въ ней преподавать—и долженъ, потому что, помимо него, больше туда некого посадить. Кромѣ того, «артистъ» все равно больше ни на что не былъ годенъ: если онъ не получалъ обезпечивающаго его мѣста въ клиръ, онъ могъ быть только звонаремъ, пономаремъ и школьнымъ учителемъ.

***) Надо замѣтить, что «артистическій» факультетъ сталъ «философскимъ», а этотъ послѣдній раскололся на наши теперешніе факультеты: историко-филологическій, математическій и естественный—лишь значительно позже. Въ эпоху же «возрожденія» артистическій факультетъ ехъ «живировалъ не науки, изучаемыя теперь на перечисленныхъ трехъ факультетахъ, а почти исключительно латинскую рѣчь—какъ прозаическую, такъ и стихотворную.

политической и коммерческой, а также для украшения жизни, для удовлетворения художественнымъ и вообще «умственнымъ» вкусомъ городской аристократіи и придворныхъ круговъ—свѣтскихъ и духовныхъ князей и самого папы. Вообще изъ обычнаго представленія о гуманистахъ, какъ о носителяхъ нѣкотораго «новаго міровоззрѣнія», противоположнаго средневѣковому, аскетическому, почерпнувшихъ это міровоззрѣніе изъ изученія классическаго міра, надо вычестъ цѣлый рядъ элементовъ. Прежде всего, надо замѣтить, что то, что можно назвать дѣйствительно «новымъ міропониманіемъ»,—тѣмъ міросозерцаніемъ, которое характеризуетъ «новую исторію», сложилось въ результатъ дѣятельности не гуманистовъ, а великаго научнаго движенія, начинающагося съ итальянскихъ натуръ-философовъ 15-го вѣка и одерживающаго полную побѣду и рядъ самыхъ блестящихъ триумфовъ въ теченіе всего 17-го вѣка. Гуманисты не столько создали новое міровоззрѣніе, сколько выразили рядъ яркихъ и эффектныхъ *настроений*, которыя коренились, на самомъ дѣлѣ, не въ литературной дѣятельности гуманистовъ, а во множествѣ общественныхъ и политическихъ условій той эпохи. Дѣло историка отмѣтить всѣ эти факторы; но и съ перваго взгляда очевидно вліяніе городского строя жизни, развитіе котораго обуславливалось ростомъ населенія городовъ и концентраціей государствъ, а потому и войнъ, большею безопасностью путей сообщенія, развитіемъ торговли и промышленности. Что гуманисты не создали единаго міровоззрѣнія, видно изъ того, какъ быстро и далеко разошлись между собою отдѣльныя группы ихъ въ своей общественной дѣятельности, и какъ основательно позабыто было Европой это «міровоззрѣніе» вскорѣ послѣ его предполагаемаго расцвѣта.

Если такимъ образомъ гуманисты должны уступить честь созданія новаго міровоззрѣнія другой болѣе поздней эпохѣ, то не надо забывать и того, что сдѣлали въ этомъ направленіи столѣтія, предшествующія появленію гуманизма. Гуманизмъ или «возрожденіе» наследуетъ культъ древняго міра отъ среднихъ вѣковъ и продолжаетъ его нерѣдко въ самыхъ суевѣрныхъ формахъ. Въ началѣ XV вѣка всю Падую, ея духовенство, ученыхъ и простой народъ охватываетъ горячее волненіе при открытіи мнимыхъ останковъ историка Ливія; ихъ встрѣчаютъ и чествуютъ, какъ мощи новоявленнаго святого; венеціанцы пересылаютъ потомъ егс руку неаполитанскому королю въ качествѣ неоцѣнимой реликвіи... Возрожденіе наследуетъ отъ среднихъ вѣковъ также представленіе о древности, какъ мірѣ фиксированномъ и единомъ, безъ развитія и безъ отгѣнковъ. Это, собственнн говоря, представленіе объ императорскомъ эллинистическо-христианскомъ Римѣ *)). Словомъ, даже гуманистическое отношеніе къ древности принадлежало не исключительно гуманистамъ. Весьма вѣроятно, что классическая древность давала имъ лишь изящныя обороты, эффектные иллюстраціи, подказывала благород-

*) Проф. Р. Ю. Винперъ. Общ., госуд., культура на зап. въ XVI в. (Міръ Б. 1897, № 7, стр. 162).

ныя позы для выраженія того, что объяснялось всею окружающею дѣйствительностью. Нельзя отрицать, однако, возможности и нѣ-котораго обратнаго вліянія со стороны этой возстановленной антич-ной древности. Уже одно яркое и эффектное, наряженное въ античные уборы и образы выраженіе обусловленныхъ современ-ностью настроеній фиксировало и усиливало ихъ. А затѣмъ, большія услуги реформаціи и позднѣйшей наукѣ и образованію ока-зало то возвращеніе къ источникамъ, для котораго такъ много поработали гуманисты. Вотъ какъ резюмируетъ свое мнѣніе о гуманизмѣ профессоръ Вишперъ: «говоря вообще, гуманизмъ не представляетъ собою цѣльнаго міровоззрѣнія, опредѣленной куль-турной полосы: стараться опредѣлить мораль, политику, рели-гиозныя воззрѣнія гуманистовъ значило бы составить случайный и пестрый подборъ мнѣній. Гуманизмъ есть, главнымъ образомъ, новая техника въ наукѣ, литературѣ и педагогикѣ, стоящая въ связи сначала съ запросами службы и салона, а потомъ съ потребностями учено-церковной реформы, техника, которая естественно примыкала къ разнымъ новымъ направленіямъ мысли, напимѣръ, къ платонизму въ философіи или къ эпикурейской морали, къ идеализаціи монархіи или къ пропагандѣ «чистаго» Евангелія... Неправильно думать, будто гуманизмъ, какъ нѣжный цвѣтъ пробудившагося свободнаго сознанія личности, какъ свѣтлую попытку построенія общества на основѣ полного простора разумныхъ влеченій человѣка, будто гуманизмъ, едва развернувшій именно эти задачи, постигла потомъ, въ эпоху религиозной реформаціи и реакціи, злая катастрофа. Позднѣйшія религиозныя партіи, протестантизмъ и католицизмъ, не исказили гуманистической программы: онѣ лишь воспользовались практически школой гуманизма, примѣнили къ специальному дѣлу его общіе научныя, литературныя и педагогическіе приемы. То, что при этомъ погибло, былъ не гуманизмъ, а та относительная свобода и широта мнѣній, которая возможна была до реформаціи въ виду анархіи въ церкви» *).

IV.

Кому же и чему служилъ Гуттенъ своимъ гуманистическимъ перомъ, своей латинской рѣчью? Какъ натура крайне живая, дѣятельная, съ кипучей энергіей, онъ не могъ посвятить своей жизни на воспѣ-ваніе относительныхъ нустяковъ—на одно прославленіе тѣхъ князей, при дворахъ которыхъ ему приходилось служить, какъ это дѣлали очень и очень многіе изъ гуманистовъ. Онъ выступилъ сначала сторонникомъ усиленія императорской власти и объединенія подъ нею всѣхъ нѣмцевъ, затѣмъ сталъ на сторону реформаціи и Лютера, а подъ конецъ жизни примкнулъ къ политическимъ пла-намъ рыцарства, нашедшимъ себѣ выраженіе въ возстаніи воль-

*) Проф. Р. Ю. Вишперъ. Общ., госуд., культура на Западѣ въ XVI в. (М. Б., 1897, № 7 стр. 160—161).

наго рыцаря Франца фонъ-Зиккингена. Въ теченіе всей жизни Гуттена мы видимъ въ немъ горячаго патриота «нѣмецкаго отечества», и даже его участіе въ реформаціонномъ движеніи вытекало вовсе не изъ религиозныхъ побужденій и убѣжденій (по этой части Гуттенъ былъ всегда индифферентистомъ), не изъ мукъ совѣсти, ищущей непосредственнаго сношенія и примиренія съ божествомъ; это—скорѣе пламенный національный протестъ противъ подчиненія Германіи въ духовномъ отношеніи чужеземцамъ—презрѣннымъ, хитрымъ и лживымъ итальянцамъ, обирающимъ въ свою пользу Германію и всегда неизмѣнно дурачащимъ благородныхъ, храбрыхъ, искреннихъ, но безнадежно наивныхъ и простодушныхъ нѣмцевъ.

Гуттену пришлось жить въ бурную эпоху, и, конечно, не ему было остаться спокойнымъ при такихъ обстоятельствахъ! Въ этомъ сказались и условія его личной жизни, и вліяніе того класса, къ которому онъ принадлежалъ.

Гуттену не повезло въ жизни въ отношеніи устройства его личныхъ матеріальныхъ интересовъ: до самаго конца жизни онъ не могъ вступить въ обладаніе своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ замкомъ и помѣстьемъ Штеккельбергъ и постоянно жилъ на «случайныя поступленія» отъ покровителей, друзей и вообще добродетельныхъ дателей. Въ моментъ смерти Гуттена все его имущество состояло изъ одного пера, которымъ онъ писалъ! Не было у него и семьи: родные его оттолкнули, своей семьи основать ему не удалось (одно время, около 1519 г., онъ думалъ было жениться на богатой и благородной дѣвицѣ, но это такъ и осталось мечтой). У него не было такимъ образомъ тѣхъ двухъ условій, которыя крѣпче всего привязываютъ современнаго человѣка къ существующему порядку, заставляютъ мириться съ нимъ. Ему нечего было терять, и это само по себѣ обуславливало сочувствіе съ его стороны всякому протесту. Повышенный тонъ его проповѣди объясняется его личнымъ темпераментомъ, отзывчивымъ и бурнымъ; его болѣзнь, отравившей ему всю жизнь и дѣлавшей его до крайности чуткимъ и впечатлительнымъ къ тѣмъ житейскимъ противорѣчіямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Гуттенъ былъ революціонеромъ уже по самому своему темпераменту и по обстоятельствамъ личной жизни.

Но форму этому революціонному настроенію придала, программу для него подсказала въ значительной степени принадлежность Гуттена къ такъ называемому «свободному рыцарству Франконіи». Гуттенъ сталъ прежде всего политическимъ публицистомъ благороднаго сословія прирейнской Германіи проводившимъ перомъ, правда, безсознательно, но тѣмъ не менѣе совершенно опредѣленно политическія требованія этого класса. Ни разрывъ съ отеческой семьей, ни отсутствіе личныхъ связей съ представителями этого класса, ни постоянное кочеваніе по Европѣ изъ города въ городъ и изъ одного интернаціональнаго и космополитически настроеннаго кружка гуманистовъ въ другой—ничто не изгладило въ Гуттенѣ его интимной, органической связи съ воспитавшей его средой. И хотя эта среда

не хотѣла признать его, хотя она, презирая его профессію гуманиста (т. е. вообще человѣка слова—«поэта», «оратора», публициста), и говорила, что онъ всю жизнь остается «нѣмъ» (см. ниже о стихотвореніи Гуттена «Никто»), что онъ не заработалъ себѣ никакого мѣста на жизненномъ пиру,—тѣмъ не менѣе, Гуттенъ служилъ въ значительной степени ей.

Программа вольнаго прирейнскаго рыцарства состояла въ томъ, чтобы вмѣсто многихъ близкихъ къ ихъ роднымъ гнѣздамъ господъ создать себѣ и Германіи одного господина, власть котораго не чувствовалась бы такъ рѣзко и тяжело, какъ давала себя чувствовать власть «князей»: герцоговъ и архіепископовъ. Борьба съ князьями въ пользу императора и отчасти при его поддержкѣ, за его счетъ, объединеніе Германіи подъ его властью—такова была программа этихъ рыцарей. Въ связи съ этимъ стояли у Гуттена націоналистическія настроенія, коренившіяся частью въ этихъ мечтахъ о «созданіи единаго нѣмецкаго отечества», частью въ идеализаціи будущихъ членовъ этого отечества—нѣмцевъ вообще, въ отвлеченіи. Имперіализмъ и платоническій, элементарный націонализмъ, видящій въ каждомъ согражданинѣ непременно «честнаго, простаго, искреннаго и какъ бы заранѣе отмѣченнаго Богомъ человѣка»—вотъ красная нить, проходящая черезъ всю жизнь Гуттена. Во всѣхъ его сочиненіяхъ онъ или борется съ князьями (такова особенно его яростная борьба съ Ульрихомъ, герцогомъ Виртембергскимъ), или пропагандируетъ идею подчиненія всѣхъ нѣмцевъ императору *), сокрушается о неудачахъ имперской политики, ободряетъ и увѣщаетъ императора, негодуетъ на поповъ, лживыхъ итальянцевъ, папу, держащаго Германію въ своихъ сѣтяхъ, и т. д., и т. д.

Наряду съ такой, совершенно опредѣленной политической программой, мы не находимъ въ сочиненіяхъ Гуттена указаній на то, чтобы онъ глубоко понималъ собственно социальныя задачи своей эпохи. Нигдѣ нѣтъ сочувствія собственно къ народу; вездѣ онъ говорилъ о «націи», о «нѣмцахъ». И когда Штраусъ говоритъ (рус. пер., стр. 482): «возможно, что еслибы Гуттенъ прожилъ еще 2 года (а онъ умеръ въ 1523 году), онъ вновь подхватилъ бы разорванную политическую (?) нить и изъ своего свободнаго союзнаго города кинулся бы въ потокъ вспыхнувшей неподалеку отъ швейцарской границы крестьянской войны», то это вѣроятно лишь постольку, поскольку Гуттенъ былъ «рыцарской», боевой натурой, вообще натурой движенія и политики меча. Социальныя же воззрѣнія и требованія его идутъ не далѣе нѣкоторыхъ классовыхъ предразсудковъ. Гуттенъ былъ здѣсь полнымъ «старовѣромъ»: онъ

*) О значеніи этихъ «имперіалистическихъ» чаяній въ Германіи говоритъ проф. Вишперъ (М. Бож., № 4, стр. 99—100): «въ Германіи проекты реформы съ цѣлью введенія финансоваго и военнаго единства въ имперію, оптимистическія надежды патриотовъ, наконецъ, революціонная пропаганда 20-хъ годовъ XVI в. прибѣгаютъ къ идеѣ власти монарха, какъ силы, стоящей надъ партіями, олицетворяющей общую справедливость и миръ».

требовалъ «возвращенія къ прежнему, простому и эдоровому быту», настаивалъ на необходимости законовъ для ограниченія роскоши, на запрещеніи вывоза изъ Германіи золотой монеты; онъ отъ всей души ненавидѣлъ купцовъ и торговые города, особенно заморскую торговлю и ввозъ предметовъ роскоши. Этотъ «безсильный протестъ дворянства въ Германіи противъ пышности, протестъ захудалшаго класса, который не можетъ поспѣть въ украшеніи внѣшней жизни за биргерами» отмѣчаетъ проф. Вишперъ (М. В., № 3), такъ резюмирующій положеніе нѣмецкаго простого рыцарства въ Германіи той эпохи: «мелкій рыцарь превращается въ самый безпокойный, мѣстами почти революціонный элементъ общества; онъ съ завистью смотритъ на сосѣднія богатства, на блескъ городской жизни, особенно на церковныя имущества, которыя, по мѣрѣ упадка вліянія церкви, все болѣе утрачиваютъ свое оправданіе». И Гуттенъ въ своихъ соціальныхъ воззрѣніяхъ не выходилъ изъ понятій и настроеній того класса, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію.

V.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ родился 21 апрѣля 1488 года въ замкѣ своего отца — Штеккельбергѣ, на границѣ Франконіи и Гессена. Родъ Гуттеновъ былъ довольно виднымъ въ этой мѣстности, и члены его служили при дворахъ сосѣднихъ князей: архіепископовъ Майнцкихъ, епископовъ Вюрцбургскихъ, герцоговъ Вюртембергскихъ. Въ этомъ углу Германіи, со времени паденія дома Гогенштауфеновъ, не было «своихъ герцоговъ», и тѣ мѣстные рыцари-помѣщики, которые не служили при какомъ-либо изъ сосѣднихъ княжескихъ дворовъ, могли свободно и не боясь княжескаго гнѣва культивировать свои рыцарскія добродѣтели, свою вражду къ территориальнымъ князьямъ и надежды на императора, который смиритъ князей... опираясь, конечно, на нихъ, свободныхъ рыцарей.

Ульрихъ былъ старшимъ изъ 6 дѣтей своего отца; тѣмъ не менѣе, отецъ рѣшилъ дать ему образованіе и, повидимому, былъ не прочь пустить его по монашеской карьерѣ: 11 лѣтъ отъ роду Ульрихъ былъ отвезенъ въ школу знаменитаго монастыря Фульды.

Монастырская учеба (съ приправой голода и побоевъ и съ перспективой монашескихъ обѣтовъ впереди, къ принятію которыхъ Гуттена сталъ принуждать аббатъ Фульды Іоаннъ II, изъ рода графовъ Генценбергъ) пришлось очень не по душѣ мальчику, и въ 1504 или 1505 гг. онъ бѣжалъ изъ монастыря. Повидимому, здѣсь дѣло обошлось не безъ помощи гуманиста Крота Рубіана *), быв-

*) Настоящее имя его было Іоаннъ Іегеръ. Такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Дорнтейма, то гуманисты передѣляли его въ Рубіана (или Рубеана; rubus=Dorn=терновникъ). Старааясь цѣликомъ воспринять древность, гуманисты устроили забавный и наивный маскарадъ: они бросили свои нѣмецкія имена и взяли латинскія и греческія. Такъ, швабскій ры-

шаго въ то время въ аббатствѣ и съ той поры ставшаго другомъ Гуттена. Въ 1505 г. мы видимъ Гуттена въ Эрфуртскомъ кружкѣ гуманистовъ, куда его ввелъ Рубианъ. Кромѣ послѣдняго, наиболее видными членами его были: поэтъ Гелій Эобанъ Гессъ (Гелій — потому, что родился въ воскресенье, Sonntag, день бога солнца, и кромѣ того, какъ поэтъ, служитель Аполлона, бога солнца; Гессъ — по мѣсту рожденія, изъ Гессена), энциклопедическій поэтъ гуманистовъ, ихъ Овидій и Вергилій въ одномъ лицѣ, скоро выработавшійся въ горькаго пьяницу, и Муціанъ Руфъ *), изъ знатной Гомбургской фамиліи, служившій ранѣе при Гессенскомъ дворѣ, но промѣнявшій безпокойства придворной жизни на скромное мѣсто каноника въ Готѣ, въ 12 миляхъ отъ Эрфурта. Въ его домѣ и собирався кружокъ — поговорить, поѣсть и выпить. Муціанъ держался свободныхъ взглядовъ въ религіи, говорилъ, что Богъ — одинъ, хотя и имѣетъ много именъ: Юпитеръ, Солнце, Аполлонъ, Моисей, Христосъ и т. д.; монаховъ онъ называлъ «чудовищами въ рясахъ», отрицалъ тайную исповѣдь, мессы по усопшимъ и т. д. Лично съ Гуттенемъ онъ не особенно сошелся: хотя онъ и признавалъ таланты Гуттена, но порывистость, и рѣзкость послѣдняго очень не нравились Муціану, а Гуттенъ, съ своей стороны, видѣлъ индифферентизмъ въ спокойномъ эпикурействѣ каноника.

Изъ Эрфурта Гуттенъ, какъ и слѣдуетъ средневѣковому «школьнику», предпринимаетъ рядъ пѣшеходныхъ путешествій по Германіи; онъ былъ въ Кельнѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ, Лейпцигѣ; наконецъ, осенью 1509 года мы видимъ его въ Помераніи — больнымъ и питающимся милостыней. Въ Грейфсвальдѣ его пріютилъ профессоръ права и каноникъ Геннингъ Летцъ, сынъ Грейфсвальдскаго купца и бургомистра Ведега Летца. Однако, вскорѣ у него съ Летцами вышли какія-то недоразумѣнія; Летцы, какъ увѣряетъ Гуттенъ, подослали, когда онъ уходилъ отъ нихъ, своихъ слугъ ограбить и раздѣть его на дорогѣ между Грейфсвальдомъ и Роштокомъ, — и Гуттенъ разразился противъ Летцовъ первымъ своимъ гнѣвнымъ и рѣзкимъ произведеніемъ — *Querellae*. Это — двѣ книги «элегій», построенныхъ по риторическому шаблону гуманистической «поэзіи». Во всякомъ случаѣ, въ нихъ Гуттенъ впервые нашелъ подходящій тонъ для своей литературной дѣятельности.

Черезъ нѣкоторое время Гуттенъ оказывается въ Вѣнѣ и здѣсь читаетъ въ кружкѣ гуманистовъ и затѣмъ печатаетъ первое свое «патріотическое» стихотвореніе: «Увѣщаніе къ имп. Максимилиану». Максимилианъ въ это время хотѣлъ, по примѣру средневѣковыхъ императоровъ, идти во главѣ войска въ Римъ, чтобы тамъ короноваться; но венеціанцы не пустили его черезъ свои владѣнія. На-

царь Эйтельвольфъ фонъ Штейнъ сталъ *Ololycus de Lapide*, Ракъ изъ Зоммерфельда — *Ragiemъ Эстикампіаномъ*, графъ Неймаръ — *comes de Nova aquila* или *comes Neaëtius*, Кенигсбергъ сталъ *Регіомонтаномъ* и т. д.

*) *Mutianus Rufus*; настоящее имя его было Конрадъ Мудтъ; изъ Мудтъ — *Mutianus*; *Rufus* (рыжій) — по цвѣту волосъ. Въ русскомъ переводѣ почему-то вездѣ стоитъ форма Мутіанъ.

чалась война, которая пошла не совсѣмъ удачно для нѣмцевъ. Гуттенъ въ этомъ стихотвореніи на протяженіи 778 стиховъ совѣтуетъ императору продолжать войну и отнять у венеціанцевъ часть ихъ владѣній: императору принадлежить владычество надъ всѣмъ міромъ; онъ долженъ объединить подъ своею властью всѣхъ христіанъ, чтобы вести ихъ противъ турокъ; а пока это невозможно, надо смирить коварныхъ венеціанцевъ.

Гуттенъ хотѣлъ открыть въ Вѣнскомъ университетѣ курсъ «поэзіи»; но ректоръ не разрѣшилъ ему этого. Тогда Гуттенъ явился къ ректору; «*tunc ille ribaldus accessit rectorem et dixit ei multa superba verba et tibusavit eum; tunc ipse misit pro famulis civitatis et voluit eum incarcere...*» *), какъ говорить одно изъ писемъ темныхъ людей (часть I, № 14), которое Штраусъ совершенно основательно ставитъ въ связь съ этимъ эпизодомъ.

Послѣ такого столкновенія Гуттену оставалось только уйти изъ Вѣны, что онъ и сдѣлалъ осенью 1511 года; весною слѣдующаго года мы видимъ его въ Италиі.

Въ Италію Гуттенъ стремился потому, что, казалось, его судьба теперь устраивается. Еще ранѣе другъ его, Кротъ Рубіанъ хлопоталъ о примиреніи Гуттена съ отцомъ, который отказался считать сыномъ мальчишку, бѣжавшаго изъ монастыря и занимающагося виршеплетствомъ и вообще Богъ знаетъ какимъ вадоромъ. Условіемъ прощенія отецъ поставилъ, чтобы Гуттенъ занялся настоящимъ дѣломъ—изучилъ бы въ Италиі право. Весьма вѣроятно, что Гуттенъ искренно хотѣлъ исполнить желаніе отца; въ апрѣлѣ 1512 г. Гуттенъ въ Павіи слушаетъ лекціи юриста Язона Майнуса и учится греческому языку. Но уже вскорѣ военныя осложненія заставили Гуттена бросить занятія. Въ это время въ Сѣв. Италиі шла борьба между нѣмцами, французами, папой и венеціанцами, и у Гуттена начинается опять звучать струна нѣмецкаго патриотизма; онъ пишетъ книгу эпиграммъ, въ которыхъ восхваляетъ нѣмцевъ за ихъ честность, мужество, простоту, скорбитъ о ихъ порокахъ: пьянствѣ, невѣжествѣ и грубости нравовъ, порицаетъ французовъ и венеціанцевъ, приглашаетъ Италію подчиниться императору и т. д. Такъ, въ одной эпиграммѣ лягушка (Венеція) осмѣлилась выйти изъ болота на сушу и сказать: «это моя земля!»; но прилетаетъ орелъ (императоръ), хватаетъ лягушку и бросаетъ ее обратно въ болото. Вотъ, переводъ довольно извѣстной эпиграммы относительно притязаній на Сѣв. Италію со стороны Франціи, Венеціи и Имперіи:

«Спорять теперь за Италію три ненавистныхъ народа:
Пьяный германецъ, напыщенный галлъ и венець вѣроломный.
Стонеть Италія: О Аполлонъ, чье же иго полегче?
Фебъ отвѣчаетъ: всегда, вѣдь, коварны венець;
Галлы надменны всегда; Германцы—пьяницы, правда,
Все же и трезвы бываютъ; любого изъ нихъ выбирай!»

*) „Тогда этотъ разболѣнный подошелъ къ ректору, наговорилъ ему много грубостей и сталъ говорить ему на «ты»; тогда ректоръ послалъ за педелами и хотѣлъ посадить его въ карцеръ...“

Въ 1514 г. Гуттенъ вернулся въ Германію. Въ это самое время молодой маркграфъ бранденбургскій Альбрехтъ, младшій братъ бранденбургскаго курфюрста, сталъ архіеп. Майнцкимъ; будучи самъ гуманистомъ, Альбрехтъ рѣшилъ сдѣлать свою столицу центромъ гуманизма и основать въ Майнцѣ университетъ. По совѣту одного вліятельнаго при Майнцкомъ дворѣ челоуѣка, Гуттенъ написалъ «Панегирикъ Альбрехту» — ни много, ни мало въ 1300 стиховъ, за что и получилъ желаемое: 200 гульденъ и обѣщаніе мѣста при Майнцкомъ дворѣ, если онъ закончитъ въ Италиі свои занятія правомъ. Содержаніе «Панегирика» — довольно нелѣпо, но опять не безъ патріотической тенденціи: Рейнъ сзываетъ всѣхъ боговъ къ себѣ на торжество; на его старой мантии нимфы выткали всю нѣмецкую исторію, которая и излагается въ духѣ борьбы съ Римомъ и Италией и интересовъ императорской власти.

Гуттенъ не сразу могъ уѣхать въ Италію; его задержала на нѣкоторое время борьба съ герцогомъ Ульрихомъ Виртембергскимъ, который 8 мая 1515 года убилъ на охотѣ одного изъ довольно близкихъ родственниковъ Гуттена — молодого Ганса фонъ Гуттена, съ женою котораго герцогъ былъ въ связи. Вѣсть объ этомъ происшествіи подняла старую ненависть свободнаго рыцарства противъ князей, и Гуттенъ принялъ горячее участіе въ той борьбѣ, какую его родичи и ихъ сторонники начали противъ герцога. Гуттенъ написалъ по этому поводу цѣлый рядъ писемъ, стихотвореній, рѣчей, въ которыхъ далъ волю своему негодованію, своему паѣосу, энергіи своей рѣчи. Но тщетно рыцари писали и даже снаряжали экспедиціи противъ герцога, тщетно апеллировали къ императору, — борьба очень затянулась, и дѣйствительность съ очевидностью еще разъ показала рыцарямъ, какъ слабъ императоръ и какъ сильны въ Германіи князья.

Наконецъ, осенью 1515 г. Гуттенъ во второй разъ поѣхалъ въ Италію; средства далъ ему частію его отецъ, частію Альбрехтъ Майнцкій — съ условіемъ, чтобы онъ довелъ до конца свои занятія правомъ. Но право было, какъ мы увидимъ, вообще не по душѣ Гуттену, и изъ него никогда не вышло юриста. Теперь Гуттенъ попалъ прямо въ Римъ, и то, что онъ увидѣлъ въ этой «столицѣ міра», въ этомъ священномъ городѣ, потрясло его до глубины души, оставило въ немъ впечатлѣніе на всю жизнь. Уже вскорѣ по прибытіи въ Римъ, Гуттенъ пишетъ 15 «эпиграммъ къ Кроту Рубіану»; привожу самую характерную часть 4-й изъ нихъ, озаглавленной «Въ Римѣ все можно купить за деньги»: «Ну же, смѣйте! налагайте руки, живите грабежомъ, убивайте, воруйте священное достояніе, совершайте беззаконія, мѣшайте мірское со священнымъ... говорите и дѣлайте позорнѣйшія вещи, а главное, будьте увѣрены, что на небесахъ нѣтъ боговъ!» Гнѣвное перо Гуттена нашло себѣ подходящій объектъ...

Незадолго до прибытія Гуттена въ Италію произошла (13—15 сентября 1515 г.) извѣстная битва при Мариньяно, гдѣ впервые были разбиты французами швейцарцы, до того времени непобѣди-

мые. Эта побѣда усилила самомнѣніе и хвастливость французовъ, и у Гуттена произошло столкновение, въ которомъ онъ показалъ себя заправскимъ «рыцаремъ». Однажды онъ съ пріятелями отправился погулять въ Витербо, недалеко отъ Рима; тамъ были также 5 французовъ; французы стали подтрунивать надъ неудачникомъ-императоромъ (Максимиліаномъ), Гуттенъ сталъ отвѣчать, — завязалась ссора. Товарищи Гуттена покинули его; но онъ, оставшись одинъ, выхватилъ мечъ и убилъ одного изъ французовъ, — остальные убѣжали *). Самъ Гуттенъ описалъ и воспѣлъ этотъ свой «подвигъ» въ цѣлыхъ 6 эпиграммахъ. Въ Римѣ послѣ этого убійства Гуттену оставаться было невозможно, и ему опять пришлось бѣжать.

На этотъ разъ Гуттенъ поѣхалъ въ Болонью, чтобы серьезно заняться правомъ. Но вмѣсто права онъ засѣлъ за изученіе греческаго языка подъ руководствомъ одного ученаго грека—Трифона, съ которымъ читалъ Лукіана и Аристофана.

Эти занятія окончательно сформировали стихъ и литературныя формы Гуттена. Подъ влияніемъ Лукіановыхъ «Разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ» отнынѣ любимой формой сочиненій становится у Гуттена діалогическая, — она была очень удобна для его ораторскаго и патетическаго таланта. Первой пробой пера въ этомъ родѣ былъ діалогъ «Фаларизмъ» — разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ извѣстный античный извергъ, тиранъ Фаларисъ, съ почтеніемъ преклоняется передъ талантами своего послѣдователя перещеголявшаго его—Тиранна, въ лицѣ котораго былъ изображенъ все тотъ же герцогъ Ульрихъ Виртембергскій. Ярость послѣдняго, говорятъ, не знала предѣловъ, когда этотъ діалогъ вышелъ въ свѣтъ. Надо отдать справедливость силѣ негодующаго краснорѣчія Гуттена.

Но и въ Болоньѣ не могъ спокойно жить Гуттенъ. Весной 1517 года въ Болонскомъ университетѣ начались безпорядки; «нѣмецкая нація» (студенческая корпорація) пошла на «ломбардскую». Гуттенъ стоялъ во главѣ нѣмецкой «націи»; защищая ея интересы, онъ позволилъ себѣ слишкомъ грубо говорить съ ректоромъ университета, за что и былъ высланъ изъ города. Послѣ недолгаго пребыванія въ Венеціи, Гуттенъ въ срединѣ лѣта 1517 года вернулся въ Германію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Ивановскій.

*) Въ 4-мъ выпускѣ серіи биографій подъ общимъ заглавіемъ Der neue Plutarch помѣщена биографія Гуттена, написанная нѣкимъ Гансомъ Прутцомъ. Г. Прутцъ считаетъ едва-ли не самымъ важнымъ дѣломъ въ теченіе всей жизни Гуттена это столкновение съ 5 французами. „Это было дѣло настоящаго, храбраго нѣмецкаго рыцаря (das war eine brave rittereiche deutsche That), и нельзя, конечно, назвать хвастовствомъ со стороны Гуттена то, что онъ является глашатаемъ своего подвига въ письмахъ и эпиграммахъ“. До такихъ нелѣпостей доходятъ люди подъ влияніемъ „народной гордости“; впрочемъ, это бываетъ и не въ однихъ популярныхъ книжкахъ...

Что долженъ дать школьный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ?

(Схема исторіи культуры средневѣковой Западной Европы).

«Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ» — не болѣе какъ часть того общаго историческаго образованія, которое должна дать своимъ питомцамъ наша средняя школа. Задачами цѣлаго опредѣляется, конечно, направленіе и смыслъ его частей. Изученіе исторіи среднихъ вѣковъ должно, поэтому, въ доступныхъ для нея предѣлахъ, осуществлять тѣ же цѣли, которыя могутъ быть поставлены для школьнаго изученія исторіи вообще.

Стремясь разгадать законы прогрессивнаго движенія чело-вѣчества, исторія изслѣдуетъ происхожденіе современныхъ формъ государственной, общественной, экономической и культурной жизни, устанавливаетъ преемственность идей и событій, рассматриваетъ взаимодействіе отдѣльныхъ факторовъ историческаго процесса. Изученіе исторіи, давая общее развитіе, должно дать и опредѣленное направленіе этому развитію, должно содѣйствовать въ выработкѣ историческаго міросозерцанія, въ усвоеніи правильнаго взгляда на окружающую дѣйствительность. Таковы научныя цѣли и практическія задачи, преслѣдуемія исторіей, одинаково разумныя и обязательныя, какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея *).

*) Здѣсь любопытно сопоставить между собою ту точку зрѣнія, которая предложена официальными «Учебными планами» Мин. Нар. Пр. для руководства въ школьномъ преподаваніи исторіи, со взглядомъ, за которымъ можно признать господствующее положеніе въ современной исторической наукѣ, и которымъ исторіи приписываются совсѣмъ инныя цѣли и задачи.

«Курсъ исторіи въ 5-ти старшихъ классахъ» — говоритъ «объяснительная записка къ учебному плану исторіи» (См. — Уч. планы изд. 1895 г. стр. 122) — имѣть цѣлью сообщить ученикамъ въ прагматическомъ изложеніи событія изъ всеобщей и русской исторіи. Курсъ этотъ долженъ главнымъ образомъ развитъ въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями — къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ, и подготовить ихъ настолько, чтобы они могли впослѣдствіи читать съ полнымъ пониманіемъ лучшія историческія произведенія отечественной и иностранной литературы. При этомъ необходимо привести учениковъ къ убѣжденію, что судьбы чело-вѣчества постоянно улучшаются,

Съ указанной точки зрѣнія тѣ отрывочныя, сбивчивыя и непонятныя свѣдѣнія, которыя сообщаетъ подъ именемъ «средней исторіи» наша школа своимъ ученикамъ, не имѣютъ, разумѣется, никакой научной цѣны и не способны принести въ педагогическомъ и образовательномъ отношеніи никакой пользы. Изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ, но лишеныя всякой внутренней органической связи, эти свѣдѣнія перемѣшиваются и сбиваются въ головѣ учащагося въ невообразимый хаосъ, въ которомъ нѣтъ ни руководящей мысли, ни опредѣленнаго логическаго плана. Монахи, рыцари, феодальные замки, готы, Фридрихъ Барбарусса и т. п.—вотъ приблизительно тѣ бессмысленныя силуэты, которые рисуетъ воображеніе прошедшему среднюю школу ученику, когда онъ пытается воскресить въ своей памяти сообщенныя ему свѣдѣнія по средневѣковой исторіи.

Хронологическая дата не всегда способна прочно удержаться въ памяти, но хронологическая послѣдовательность событій и

хотя и медленно, что добрыя начинанія отдѣльныхъ лицъ, несмотря на всё, встрѣчаемыя ими, препятствія и противодѣйствія никогда не остаются безъ благотворныхъ послѣдствій и что въ ходѣ исторической жизни человѣчества проявляется дѣйствіе Промысла Божія».—Въ качествѣ одного изъ педагогическихъ приемовъ записка предлагаетъ далѣе: «избѣгать всего, что можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе на учениковъ или оскорбить ихъ нравственное чувство».

Во «Введеніи» къ «Очеркамъ по исторіи русской культуры» — П. Милюкова, находимъ на ряду съ положеніемъ, по которому въ основу научнаго объясненія исторіи должна быть вложена «идея законмѣрности историческаго процесса»,—слѣдующее замѣчаніе по поводу «философіи исторіи»: «Мы очень хорошо знаемъ, что и «философія исторіи» нашего времени все болѣе и болѣе проникается общимъ научнымъ духомъ, и что она уже очень многое сдѣлала, чтобы, по возможности, съузить область исторической телеологии. Нечего и говорить, что «философія исторіи» нашего времени не прилагаютъ къ объясненію исторіи ни богословской цѣлесообразности, ни даже философской въ полномъ ея объемѣ... (стр. 6, изд. 2). Проф. Н. Карѣевъ въ статьѣ «Исторія» (Энци. сл. Брокгауза и Ефрона—XIII, 506) между прочимъ говоритъ... «въ развитіи исторіи все болѣе и болѣе замѣчается еще одно важное явленіе, свидѣтельствующее о превращеніи исторіи въ науку: исторія перестаетъ именно быть прислужницей теологіи, морали или политики, ставя себѣ цѣлью не произвольное подтвержденіе примѣрами, взятыми изъ прошлаго, тѣхъ или иныхъ догматовъ или положеній, а объективное знаніе истины, хотя бы оно и шло въ разрѣзъ съ установившимися мнѣніями». Наконецъ, еще одно характерное замѣчаніе, дѣлаемое г. Арнольди въ его книгѣ: «Задачи пониманія исторіи»—(изд. М. Ковалевскаго 1898 г. — стр. 6): «Въ исторіи искали аргументовъ въ пользу фантастическаго провиденціализма или метафизическаго перенесенія абстрактныхъ категорій логики въ сложную послѣдовательность конкретныхъ событій. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ явленіяхъ эволюціи человѣческой мысли, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, могутъ быть дозволительно назвать aberраціями этой мысли. Она, болѣею частью, принадлежатъ уже прошедшему: ихъ представители теперь составляютъ, какъ намъ кажется, лишь переживанія этого прошедшаго, и ихъ приходится лишь отмѣтить на ихъ хронологическомъ мѣстѣ въ эволюціи пониманія историческаго процесса».

Взгляды, высказанные съ такою рѣшительностью и опредѣленностью, не требуютъ комментарія—и выводъ изъ указаннаго сопоставленія можетъ быть сдѣланъ безъ большого труда.

фактовъ отличается въ этомъ отношеніи еще гораздо меньшей устойчивостью. Нелегко запомнить, когда и кто родился и въ какомъ году умеръ, но еще труднѣе, не сбиваясь передать, въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ причинно не связанные между собою происшествія. Впрочемъ даже и самое отчетливое знаніе хронологическихъ и родословныхъ таблицъ не въ состояніи внести смыслъ въ хаотическое нагроможденіе сырого матеріала, не подчиненнаго разумной силѣ и неизмѣнному закону причинности. Можно, пожалуй, поборотъ всѣ трудности и твердо заучить, когда и гдѣ произошла извѣстная битва и какія другія битвы ей предшествовали и за нею слѣдовали, или кто, кому, и въ какомъ порядкѣ наследовалъ корону,—но такое знаніе будетъ лишь бесполезнымъ балластомъ для ума, ненужнымъ хламомъ, который ничего не прибавитъ въ развитіи и образованіи человека.—Изучить хронологическую таблицу—не значитъ еще получить историческое образованіе, точно такъ же, какъ умѣніе написать вексель еще не дѣлаетъ купца ученымъ финансистомъ.

Смыслъ и значеніе историческаго процесса, характеризующаго средневѣковій періодъ европейской культуры, кроется конечно не въ томъ калейдоскопическомъ разнообразіи происшествій, событий и именъ, которымъ онъ такъ богатъ и которымъ такъ щедро загромождается память учащихся въ нашихъ среднихъ школахъ.—«Исторія среднихъ вѣковъ» такъ неразрывно тѣсно связана съ исторіей послѣдующаго «новаго» времени, такъ органически примыкаетъ къ исторіи древняго міра, что мы ничего не поймемъ въ общемъ ходѣ исторической жизни Европы, если не изучимъ со всею тщательностью *культурнаго* значенія этой важной переходной эпохи. Но, составляя переходъ отъ классической древности къ эпохѣ новой европейской цивилизаціи, средніе вѣка имѣютъ и громадное самостоятельное значеніе въ исторіи и жизни современнаго человечества. Переработка римскихъ началъ, завѣщанныхъ варварамъ павшей имперіей, привела къ созданію замѣчательной по своей оригинальности и своеобразію средневѣковой культуры. Выясненію указанной связи послѣдней съ культурами предшествующаго и послѣдующаго историческихъ періодовъ, а также научной характеристикѣ ея самостоятельнаго значенія и долженъ быть посвященъ школьный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ.

Дальнѣйшее имѣетъ цѣлью указать тѣ главные моменты средневѣковой исторіи, которые могли бы послужить схемой для построенія такого школьнаго курса.

Съ конца IV в. можно уже вполне точно угадать, какое направленіе приметъ дальнѣйшая политическая судьба римской имперіи. Съ этого времени она оказывается уже не въ силахъ сдерживать могучій напоръ варварскихъ племенъ, со всѣхъ сторонъ осадившихъ ея границы; государственная организація имперіи разстроена благодаря непрерывной борьбѣ изъ-за императорскаго престола; области опустошены варварами; мелкая собственность и

мелькіе свободные собственники попали въ зависимость къ крупнымъ землевладѣльцамъ;—весь правительственный механизмъ, общественный порядокъ и хозяйственное благосостояніе имперіи неудержимо двигалось по пути къ полному разложенію и упадку. Германцы, безформенная масса которыхъ подъ вліяніемъ борьбы съ римлянами расчленяется на болѣе или менѣе крупныя племенные группы, безъ труда завладѣли «столицей міра» и всѣмъ ея достояніемъ.

Но сильныя тѣломъ варвары были нищи духомъ. Ихъ жалкіе короли, служившіе игрушкой въ рукахъ ихъ дружины, безпорядочное смѣшеніе свободолюбія и насилій, неумѣніе вести хозяйственнаго и наивное презрѣніе къ торговой и промышленной дѣятельности, первобытная простота нравовъ и непониманіе запросовъ культуры,—наконецъ темная мысль и языческое суевѣріе въ душѣ,—все это было такъ чуждо той обстановкѣ, въ которую попали германцы, что невольно заставляло ихъ проникаться глубокимъ, хотя и плохо осмысленнымъ благоговѣніемъ къ тому великолѣпному зданію христіанско-римской культуры, которое они такъ неосторожно разрушили своими грубыми руками. Въ свою очередь однако и римляне, сохраняя презрительно-гордое отношеніе къ этимъ «животнымъ», какъ они называли варваровъ, не замедлили опуститься, по крайней мѣрѣ въ массѣ, до уровня своихъ побѣдителей. Передавая имъ свой языкъ и вѣру, римляне постепенно сливались съ германцами и образовали въ концѣ концовъ плотную массу, въ которой примирились взаимныя противорѣчія, и которая оказалась способной послужить надежнымъ фундаментомъ для новой жизни и новыхъ порядковъ.

Роль германцевъ по отношенію къ восточной римской имперіи сыграла другая «варварская» раса, которую вывело изъ неизвѣстности то же великое переселеніе народовъ. Этой расой были славяне. Но восточная имперія «ромеевъ» оказалась болѣе живучей, чѣмъ гордый Римъ; она сумѣла сохранить свою политическую самостоятельность еще на цѣлое тысячелѣтіе, хотя и не могла удержать неприкосновенными свои государственныя границы. Славяне въ огромномъ количествѣ колонизовали Балканскій полуостровъ и часто грозили серьезной опасностью Константинополю, но до конца дней послѣднихъ они должны были признавать свою зависимость отъ «басилевса». Впрочемъ политическія связи, соединявшія восточную имперію со славянскимъ міромъ, были и слабѣе и менѣе плодотворны, чѣмъ тѣсныя религіозныя и культурныя узы, связавшія ихъ между собой. Подъ византійскимъ вліяніемъ создавались средневѣковыя государства южныхъ славянъ, и подъ тѣмъ же вліяніемъ воспиталась и выросла въ Восточной Европѣ культура славяно-русская.

Сліяніе германцевъ съ римлянами и, съ другой стороны, сближеніе славянъ съ греками сообщило обѣимъ половинамъ нѣкогда единой римской имперіи ту культурную цѣльность и обособленность, которая таилась еще въ глубокой древности и противъ которой такъ энергично боролась универсальная власть римскихъ

императоровъ. Съ этихъ поръ Востокъ и Западъ—два до известной степени противоположныхъ міра, въ которыхъ господствуютъ «варварскія» народности славянъ и германцевъ, подчиненныя соответственно культурамъ византійской и римской.

Съ VIII—IX в. разстояніе между Византіей и Западной Европой становится особенно велико, когда на Востокъ греческій языкъ вытѣсняется латинскій, а на Западѣ Карль Великій празднуетъ возстановленіе римской имперіи, и когда въ отношеніяхъ между Константинопольской и Римской церквами начинается впервые сказываться рѣзкій антагонизмъ. Въ XI в. «католическій» Западъ окончательно расходится съ «православнымъ Востокомъ и послѣдній, замкнувшись въ тѣсномъ кругу своихъ балканскихъ и мало-азіатскихъ интересовъ, быстро превращается съ этихъ поръ изъ римскаго въ «византійскій».

Наконецъ совершенно независимо отъ хода исторической жизни Европы въ Азіи въ VII в. происходитъ огромный религиозно-политическій переворотъ, вызванный проповѣдью Магомета и приведшій къ созданію величественной теократіи арабовъ.

Таковъ первый важный культурный фактъ, которымъ открывается исторія среднихъ вѣковъ. На территории римской имперіи возникаютъ три оригинальныхъ типа: *германо-римскій католическій типъ*, *византійскій-православный* и *наконецъ арабскій-мусульманскій*.

Столкновеніемъ языческаго варварства съ христіанско-римской культурой опредѣлилось какъ направленіе, такъ и содержаніе всей исторической жизни средневѣковой Европы. *Феодальный порядокъ*, какъ известный общественно-политическій и экономическій строй, и *католицизмъ*, какъ религиозное вѣроученіе и общественный идеаль,—вотъ два всеобъемлющихъ начала, порожденныхъ этимъ столкновеніемъ, исчерпывающихъ и объясняющихъ всю многосложность жизненныхъ отношеній, установившихся въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ.

Слабость королевской власти и, слѣдовательно, отсутствіе государственнаго порядка, неумѣніе усвоить себѣ фискальную систему римской имперіи и, какъ слѣдствіе этого неумѣнія, земельный характеръ государственнаго хозяйства, наконецъ недостатокъ прочно организованной и исправно дѣйствующей интеллигентной бюрократіи,—всѣ эти условія привели варварскія государства къ тому политическому разложенію, при которомъ король превратился въ феодальнаго сюзерена, занимающаго лишь первое мѣсто «среди равныхъ»;—государственная территория раздробилась на множество большихъ и маленькихъ княжествъ-сеньерій, пользующихся значительной долей политической самостоятельности вообще и подчасъ обращающихся при посредствѣ имунитета въ «государства въ государствахъ»;—наконецъ, само общество разбилось на множество сплоченныхъ кружковъ, которые группировались вокругъ сильныхъ и богатыхъ людей, дававшихъ болѣе надежную защиту и покровительство, чѣмъ законъ и государственная власть. Съ

другой стороны, крѣпостное право и натуральное хозяйство привели къ образованію феодальнаго класса бароновъ (позднѣе рыцарей)—землевладельцевъ-государей, которыхъ отдѣлила въ политическомъ и общественномъ отношеніи цѣлая пропасть отъ безправной массы виллановъ. Разложеніе *государства, общества и хозяйства*—такова основная характеристика феодальнаго порядка. Вассальныя отношенія и иммунитетъ, сенеріальная власть и бенефициальная система служили конкретнымъ выраженіемъ этого рокового процесса.

Но воспоминаніе о римской имперіи, объ утраченномъ міровомъ единствѣ, продолжали жить въ средневѣковомъ обществѣ Западной Европы, и феодальная неурядица придавала такимъ воспоминаніямъ только особенно жгучій характеръ сожалѣнія. Рах Ротпапа среди житейскихъ бурь и мрака средневѣковья—становится плѣнительной мечтой, и римскій цезаризмъ послѣ попытки Карла Великаго превращается въ идеаль земнаго порядка и благополучія. Стремленіе осуществить этотъ идеаль привело съ одной стороны къ созданію *«Священной римской имперіи германской нации»*, съ другой—оно повліяло на развитіе *теократическихъ идей* въ западной церкви.

Среди варварскаго населенія Западной Европы христіанская церковь являлась единственной культурной силой, единственной сокровищницей, бережно хранившей римскія традиціи. Проповѣдуя язычникамъ-германцамъ Евангеліе, западная церковь насаждала среди нихъ и первыя зачатки просвѣщенія; она была руководительница и наставница въ варварскомъ обществѣ и государствѣ, образцомъ порядка и надежнымъ свѣточемъ, царившимъ надъ бездной ужаса и мрака. Въ монархіи Карла Великаго, какъ и въ позднѣйшихъ феодальныхъ государствахъ Европы, епископы были первыми совѣтниками государя, первыми государственными дѣльцами; они пользовались громадными привилегіями: имѣли право суда, были свободны отъ податей; они были и дипломатами, и министрами, и полководцами.

Все это касалось духовенства вообще, но имѣло особенно важное значеніе для главы западнаго христіанства—папы. Опираясь на традицію апостольства Петра въ Римѣ, на чистоту и непоколебимость вѣры въ западной церкви, на политическое значеніе столицы міра, на свою инициативу въ просвѣщеніи язычниковъ. Словомъ Божиимъ, наконецъ на свою правительственную дѣятельность въ Италіи, гдѣ съ 476 г. отсутствовалъ императоръ,—папа не замедлил заявить о своихъ правахъ, какъ на главенство въ церкви, такъ и на господство въ свѣтскомъ мірѣ. Идеи блаженнаго Августина, учившаго о противоположности *«Божескаго царства»* царствамъ земнымъ, о единствѣ христіанской церкви и духовномъ Главѣ ея,—хорошо подготовили почву для развитія идеала папской *теократіи*. Папа, какъ преемникъ ап. Петра и намѣстникъ Бога на землѣ, долженъ былъ управлять Христовой церковью, а всѣ владыки міра, всѣ свѣтскіе государи и ихъ го-

сударства должны были войти въ эту церковь, должны были подчиниться ея видимому главѣ, чтобы вырваться изъ сѣтей дьявола и миновать геены огненной. Но, чтобы властвовать надъ грѣшнымъ міромъ помощью Евангелія, необходимо было привести эту же міръ къ сознанию своей грѣховности и поселить въ немъ жажду вѣчнаго спасенія. Такую именно цѣль, со всѣмъ жаромъ искренняго религіознаго чувства, и поставила себѣ западная церковь.

Глубокое благочестіе первыхъ христіанъ не могло примириться со вторженіемъ плоти въ царство вѣры. Выйдя изъ катакомбъ и соприкоснувшись съ міромъ, они съ ужасомъ отвернулись отъ него и со скорбью въ душѣ пошли въ пустыню молиться объ его грѣхахъ. Тамъ въ борьбѣ съ соблазнами дьявола, истязая себя, они стали искать спасенія души и чуда Божія. Боясь мірскаго зла, страшась своей же плоти, блаженные отшельники и монахи призывали вѣрующихъ на борьбу съ княземъ міра сего, на благочестивый подвигъ самосовершенствованія и умерщвленія въ себѣ грѣховныхъ вожделѣній.

Зародившись на Востокѣ, *аскетизмъ* проникъ и на Западъ и скоро зазвучалъ здѣсь основнымъ тономъ въ настроеніи средне-вѣковаго европейскаго общества. Тяжелыя условія жизни, созданія феодальной раздробленностью, мучительный страхъ за собственное существованіе и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, общественныя бѣдствія, мрачныя пророчества и суевѣрныя предчувствія близкой кончины міра—все это, вмѣстѣ съ заразительностью примѣра и сильно напряженнымъ религіознымъ стремленіемъ, давало широкій просторъ для развитія аскетизма и монастырскаго житія. Католическая церковь мощно поддерживала это настроеніе въ своихъ вѣрныхъ сынахъ и справедливо видѣла въ немъ наиболѣе надежную гарантію для торжества идеала теократіи. При помощи монастыря она овладѣла мыслью и совѣстью человѣка, направляла его чувства и желанія къ Богу, указывала ему узкій, но вѣрный путь ко спасенію. Монахъ аскетъ, наряду съ закованнымъ въ латы рыцаремъ,—центральная фигура въ средне-вѣковомъ обществѣ. Въ феодальномъ замкѣ короля или герцога и въ бѣдной хижинѣ виллана, среди знати и рабовъ, онъ всюду энергично дѣйствуетъ, проповѣдуетъ и учитъ, утѣшаетъ въ горѣ и смиряетъ въ счастья, превозноситъ добрыхъ и коритъ злыхъ, даетъ совѣтъ и помогаетъ дѣломъ. Онъ ревностный аскетъ, общительный другъ народа, первый воинъ и поборникъ святаго дѣла.

Въ XI в. догматъ безбрачія сообщилъ аскетическому идеалу обязательную силу для всего западнаго духовенства и съ этихъ поръ католическая церковь—уже отдѣлившаяся отъ православной—получаетъ окончательно свою организацію. Ея всесильное вліяніе подчиняетъ себѣ всѣ области общественной и частной жизни. Несмѣтныя монастырскія обители разсѣяны по всему христіанскому міру. Наука и искусство благоговѣйно и съ ревностнымъ усердіемъ служатъ интересамъ церкви; огромная литера-

тура разрабатывает со всё́мъ тщаніемъ схоластику и богословіе; въ монастырскихъ школахъ воспитывается въ должномъ направленіи человѣческая мысль и воля;—на образцахъ церковнаго искусства развивается художественный вкусъ; монументальныя постройки соборовъ, скульптурныя изображенія святыхъ, картины и рисунки на монастырскихъ рукописяхъ—все служитъ Богу и церкви. Крестовые походы, поставившіе рыцарскому мечу святуя дѣль, и рыцари-монахи наглядно свидѣтельствовали о той поразительной мощи, которой достигъ въ XII—XIII вв. католицизмъ.

Безконечная дробность и въ то же время страстное стремленіе воскресить *міровое единство*, и съ другой стороны всеобъемлющая идея «*Божескаго царства*» и проповѣдь *аскетизма*—таковы великія слагающія силы феодальнаго порядка и католицизма, лежащія въ основѣ всей культурной жизни средневѣковой Западной Европы, и составляющія ея существенную характеристику.

Ближайшій анализъ указанныхъ началъ вскрываетъ однако въ нихъ цѣлый рядъ глубокихъ противорѣчій, обусловливавшихъ ихъ неустойчивость и вызвавшихъ поздне ихъ разложеніе. Въ этихъ противорѣчійхъ лежало и зерно историческаго прогресса.

Такъ, прежде всего, универсалистическія тенденціи «Священной римской имперіи» и папства сталкивались между собой, преслѣдуя одинаковую по существу своему цѣль. Это неминуемо повело къ борьбѣ императора съ папой, и послѣдній очень ошибался, полагая, что униженіе имперіи ведетъ къ торжеству идеаловъ теократіи. Сокрушивъ монархію Гознштауфеновъ, папа остался беззащитнымъ передъ своеволіемъ феодальныхъ бароновъ Италіи, и уже въ самомъ началѣ XIV в. его положеніе становится здѣсь настолько шаткимъ, что онъ принужденъ искать покровительства у «старшаго сына» католической церкви—могущественнаго короля Франціи:—«авторитетъ папы получилъ смертельный ударъ во время борьбы съ имперіей... Въ безчисленныхъ памфлетахъ, которыми приверженцы императора осыпаютъ папу, много разъ съ ироніей вопрошается: «Неужели намѣстникъ Христа долженъ обрызгивать своихъ противниковъ бѣшеной пѣной?» «Отчего папа такъ сердится, когда ему говорятъ, что у него незаконныя дѣти? Неужели онъ самъ признаетъ въ душѣ, что это правда?» *).

Здѣсь, впрочемъ, указаніе на противорѣчіе еще болѣе глубокое, въ которое поставили папство его теократическія стремленія.—Если съ одной стороны, правительственныя формы римскаго самодержавія не мирились съ господствомъ феодальнаго многовластія и тѣмъ обусловили неудачу германскихъ императоровъ, то, съ другой—единство «католической» церкви и установленіе «Божескаго царства» на землѣ были еще менѣе мыслимы наряду съ феодальнымъ принципомъ, которому не замедлила подчиниться

*) См. «Русск. Мысль», 1897 г., № 1. «Начало скептическаго движенія въ Италіи» Евг. Тарле. Статья посвящена работѣ Джона Оуэна: «The skeptics of the italian Renaissance».

сама церковь *). Епископы, аббаты, монастыри—заявъ опредѣленныя мѣста на феодалной лѣстницѣ, не могли уже служить надежной опорой теократической организаціи міра. Знаменитый споръ объ инвеститурахъ свидѣтельствовалъ о томъ, что сознаніе такой несовмѣстимости не было чуждо и самимъ борцамъ теократической идеи. Но отказаться совершенно отъ феодальнаго принципа церковь не умѣла и, оспаривая императорскій суверенитетъ въ «Божескомъ царствѣ», она протестовала противъ авторитета свѣтской власти, а не противъ тѣхъ формъ, въ которыхъ этотъ авторитетъ выражался.

Въ свою очередь и аскетическій идеалъ, на которомъ покоился средневѣковный католицизмъ, не могъ служить жизненнымъ началомъ и это тѣмъ болѣе, что въ томъ обществѣ, въ которомъ этотъ идеалъ провозглашался, были еще многочисленны и сильны переживанія языческаго варварства. Какъ ни крѣпка была монастырская ограда и какъ ни плотно облегалъ монашеская раса тѣло слабого человѣка,—бѣсовское искушеніе не знало для себя преградъ. Бѣсы вторгались цѣлымъ сонмомъ въ святые ворота обители, проникали въ самыя уединенныя кельи, смущали ночной покой монаха, соблазняли его пьянствомъ и чревоугодіемъ, направляли его безгрѣшныя думы на помысли тщеславія и суеты. Во образѣ животныхъ, человѣка, даже ангела они неутомимо преслѣдовали несчастную жертву, злорадно издѣваясь надъ ней, когда имъ удавалось поймать ее въ свои сѣти и вымещая на ней побоями свою неудачу. Человѣкъ погибъ бы, еслибы въ этой неравной борьбѣ онъ не надѣялся на постороннюю помощь. Такой помощи онъ ждалъ отъ Бога и главнымъ образомъ отъ святыхъ Его и Богоматери. Чудо окружало средневѣковаго человѣка; оно не было для него сверхъестественнымъ, рѣдкимъ явленіемъ—онъ видѣлъ и ощущалъ его на каждомъ шагу:—святой угодникъ являлся по молитвѣ вѣрующаго, чтобы помочь ему одолѣть дьявола, Св. Дѣва воплощалась и снисходила до бесѣды съ искавшими у нея покровительства **). Гении добра и зла, какъ въ старое языческое время носились въ воздухѣ; ходили по землѣ и непрерывно сообщались съ человѣкомъ.

Если, однако, языческіе предрасудки и порочныя инстинкты продолжали еще гнѣздиться въ душѣ средневѣковаго человѣка даже тогда, когда онъ искренно стремился подняться на высоту христіанскаго подвига и удалялся въ монастырь, то тѣмъ сильнѣе

*) Ср.—«Сила социальнаго творчества, создавшаго сѣть феодализма, вступила въ свою совершенно-реальную организацію и епископовъ, и аббатовъ, и виновальныя общины, группирующіяся въ обширныя федераціи монашескихъ орденовъ, и самихъ папъ, какъ владѣльцевъ феодальной территоріи».—С. Риольди—«Задачи пониманія исторіи», стр. 225.

**) Ср. „Всеобщ. ист.“ Лависса и Рамбо, т. II, стр. 493.: «... священные обряды и орудія культа считались какъ бы фетишами или магическими формулами, обладавшими таинственной силой независимо отъ умственныхъ или нравственныхъ качествъ того, кто пользовался ими.

былъ мракъ и грѣхъ среди духовныхъ лицъ, не покидавшихъ міра и среди самихъ мірянъ—беззащитныхъ жертвъ дьявола. Благочестивые люди съ грустью и негодованіемъ смотрѣли на то, какъ аббаты и епископы позорили свой санъ, принимая участіе въ междоусобныхъ войнахъ, въ насиліяхъ и грабежахъ, которымъ такъ беззащитно предавались свѣтскіе феодалы. То были—«наемники», а не «добрые пастыри» овецъ своихъ.

Съ X в. цѣлый рядъ энергичныхъ попытокъ былъ направленъ папствомъ къ тому, чтобы остановить эту деморализацію монашеской арміи и блага духовенства, но всѣ эти попытки достигали цѣли лишь на короткое время и въ очень слабой степени. За каждымъ подъемомъ религіознаго одушевленія наступалъ скорный и еще болѣе полный упадокъ. Ключійская конгрегація, духовно-рыцарскіе и наконецъ нищенствующіе ордена, институтъ безбрачія—все это были сильныя мѣры, но онѣ каждый разъ съ роковой неизбѣжностью обращались противъ самого, породившаго ихъ, движенія *).

Аскетическій идеалъ требовалъ жизни сообразно съ личнымъ мистическимъ убѣжденіемъ, а такое требованіе—оказывалось, по самой своей сущности, въ противорѣчьи со степенью культуры, до которой достигли не только массы, но и самая значительная доля интеллигенціи **).

Презрѣніе къ міру, отреченіе отъ него и въ то же время господство надъ нимъ—такова формула средневѣковаго католицизма. Но между обоими элементами этой формулы лежала глубокая противоположность, которая подтачивала въ самомъ корнѣ зданіе папской теократіи. Оспаривая у императоровъ главенство въ объединенномъ «Божьемъ царствѣ», проводя церковныя реформы, борясь противъ еретиковъ и невѣрныхъ, противъ неурядицъ фео-

*) Ср. Лависсъ и Рамбо, «Всеоб. истор.», т. II, стр. 498, цитата изъ L. Delisle — Bibliothèque de l'École des chartes, VIII, стр. 48: «Многіе деревенскіе священники содержатъ цѣлые годы одну или нѣсколькихъ наложницъ; ихъ дѣти воспитываются подъ кровлей церковнаго дома... Я часто встрѣчаю жалобы на то, что они пощѣщаютъ таверны и напиваются «по горло»; вслѣдствіе этого они затѣваютъ драки, забываютъ платье на мѣстѣ вутежа; случается даже, что духовные валяются на полѣ мертвецки пьяны. Нѣкоторые священники принимаютъ участіе въ ссорахъ, дерутся со своими прихожанами. Многіе занимаются торговлей; священники, продававшіе спиртные напитки, простирали свою наглость до того, что напивали своихъ прихожанъ. Они играютъ въ кости, шары и дискъ. Въ 1248 году одного священника изъ Baudriou-Bose упрекали въ томъ, что онъ принималъ участіе въ турнирахъ... Эдъ Риго (приводимая характеристика составлена Delisle'емъ на основаніи «журнала» пастырскихъ ревизій Эда Риго, руанскаго архіепископа XIII в.) нашелъ въ своей епархіи священниковъ, которые не были произведены въ священнической санъ и не считали нужнымъ явиться на посвященіе, или таковыхъ, которые, получивъ эту степень, въ теченіе многихъ лѣтъ не служили ни одной обѣднѣ... Въ такомъ состояніи находилось сельское духовенство въ серединѣ XIII в. т. е. какъ разъ въ эпоху торжества папства надъ имперіей и возникновенія несуществующихъ орденовъ.

**) См. Арнольди, стр. 208.

дальнаго своеволя и безнравственности общества,—церковь не была въ состояніи осуществлять всѣ эти трудныя задачи безъ содѣйствія со стороны свѣтскихъ властей. И папа поневолѣ долженъ былъ для установленія «Божескаго царства» прибѣгать къ помощи «царства бѣсовскаго», къ тѣмъ властямъ и силамъ, которыя онъ хотѣлъ презирать и надъ которыми хотѣлъ господствовать *). Жрецы безкровной жертвы, учителя смиренія и нищеты—духовныя лица должны были мѣнять свой скромный посохъ на острый мечъ, собирали несмѣтныя сокровища и гордо требовали себѣ повиновенія. Презирая себя, міръ не могъ существовать, и еще менѣе могъ онъ поддерживать въ себѣ ту склонность къ единству, которая была необходима для цѣлей теократіи. Аскетизмъ не могъ служить связующимъ ферментомъ,—онъ разъединялъ, а не сближалъ людское общество **).

Такъ въ самомъ строѣ этой культуры обнаруживается сосуществованіе началъ противоположныхъ другъ другу, взаимодействіемъ которыхъ подрывалась устойчивость общественныхъ формъ и идеальныхъ стремленій средневѣковья. Универсализмъ императорской власти стоялъ въ противорѣчій съ папской теократіей и вмѣстѣ съ послѣдней не могъ найти для себя въ феодальномъ обществѣ достаточно надежнаго основанія. Аскетическіе идеалы разбивались о соприкосновеніе съ дѣйствительностью, въ которой языческіе и варварскіе элементы еще не успѣли совершенно исчезнуть. Наконецъ и основныя принципы средневѣковаго католицизма—аскетизмъ и теократія оказались категоріями безусловно непримиримыми между собой.

Процессъ разложенія средневѣковой культуры, зачатки котораго несомнѣнно крылись уже въ самой сущности этой культуры, сталъ дѣлать, однако, особенно быстрые успѣхи лишь съ XIII, XIV в., когда въ исторической жизни Западной Европы выдвигаются постепенно впередъ два новыхъ чрезвычайной важныя фактора прогресса. Послѣдними надо признать: во первыхъ, сформированіе новыхъ европейскихъ *національностей*, и, во вторыхъ, развитіе средневѣковаго *города*. Въ атмосферѣ косности и застоя обнаружались новыя чувства, появились бодрія и свѣжія мысли.

Еще въ 840 г. въ знаменитой страсбургской клятвѣ встрѣчаются первые намеки на то, что антропологическій процессъ сліянія германской расы съ римской уже получилъ свое начало. Языкъ западныхъ франковъ и языкъ саксовъ, швабовъ, баваровъ

*) Насколько папа заражался приэтомъ свѣтскими интересами и приемами дипломатіи, можно видѣть уже изъ того, что въ борьбѣ съ Фридрихомъ II онъ не стѣснялся прибѣгать къ самымъ безсовѣстнымъ подлогамъ, съ цѣлью вооружить противъ императора его подданныхъ.

***) Ср. Арнольди, стр. 208. «По самому своему существу, личное убѣжденіе заключало въ себѣ, напротивъ, склонность дробить общество на мелкія политическія партіи, враждебныя другъ другу, склонность подрывать единство союза, отрицать обязательность положительнаго закона».

напоминаютъ уже собой новыя языки: французскій и нѣмецкій. Но высшія формы быта и общій складъ культурной жизни еще долго и послѣ того продолжали носить характеръ беспорядочнаго смѣшенія элементовъ римскихъ и общегерманскихъ. Только въ XIII в. національное самосознаніе становится въ европейскихъ государствахъ дѣятельной политической силой, приобретаая въ слѣдующемъ XIV в. господствующее положеніе.

Борьба имперіи съ папствомъ, крестовые походы, возобновленіе торговыхъ связей съ восточными странами, наконецъ, нѣкоторое общее улучшеніе жизненныхъ условий, наступившее съ упроченіемъ государственнаго порядка—все это не замедлило вызвать въ Западной Европѣ могучій подъемъ экономической жизни, естественнымъ центромъ которой сталъ средневѣковный городъ. До X—XI в. города еще слабо выдѣляются на общемъ фонѣ земледѣльческаго натурального хозяйства феодальной Европы, но съ этого времени натуральное хозяйство начинаетъ быстро терять свой смыслъ и цѣну передъ открывшейся возможностью широкаго торговаго оборота и болѣе легкой наживы. Городъ обособляется теперь отъ деревни и энергично стремится высвободить свою новую дѣятельность изъ подъ ига крѣпостного права. Торгово-промышленное населеніе городовъ спланивается въ тѣсныя политическія и корпоративныя союзы, отнимая силой или выкупая за деньги свободу у феодальнаго сеньера *). Обширныя конфедерации, вродѣ Тевтонской Ганзы, съ одной стороны, — и цеховое устройство внутри города съ другой, — явились результатомъ этого стремительнаго процесса. Развиваются новыя формы денежнаго хозяйства и въ то же время вырастаетъ въ городѣ новая экономическая сила—*капиталъ*, вліяніе котораго тотчасъ рѣзко отзывалось и на всемъ общественно-политическомъ строѣ феодальныхъ государствъ. Свободный воздухъ города подготовилъ почву и для научно-религіознаго свободомыслія.

Съ XI—XII в. города принимаютъ уже видное участіе въ государственной жизни Европы. Они—первыя и главныя плательщики казенныхъ сборовъ, они—сильнѣйшіе враги феодальнаго барона и потому—надежнѣйшіе друзья центральной власти. Съ помощью коммунъ растетъ самодержавіе французскихъ королей и съ ихъ же помощью развивается значеніе территориальныхъ князей Германіи, гдѣ императоры не сумѣли и не могли слить свои интересы съ этимъ благопріятнымъ для нихъ движеніемъ. На почвѣ національнаго самосознанія города становились могу-

*) Ср. «Всеобщ. Ист.» Лависса и Рамбо т. II, 488:—«городскому работнику, одинокому и слабому передъ вооруженнымъ сеньеромъ, передъ дисциплинированной, могущественной церковью, ассоціація открылась, какъ врата спасенія; благодаря ей онъ добился коллективной свободы—единственной, какой можно было тогда достигнуть, и приобрѣлъ значительное вліяніе; привилегіямъ другихъ онъ противопоставлялъ свои собственныя, и именно подъ защитой этого панцыря рабочіе классы могли развиваться и обогащаться».

шественной централизующей силой, которая на счетъ универсальной имперіи и главенства вселенской церкви подготовила въ Западной Европѣ появленіе *національнаго свѣтскаго государства*. Королевская власть при содѣйствіи городовъ разрушила феодальныя привилегіи бароновъ и свергла иго, которое налагало на самостоятельность націи принципъ «Божескаго царства». Идеи цезаризма и папской теократіи не были въ состояніи выдержать столетовенія съ городомъ.

Не менѣе рѣшительный переворотъ произвела указанная экономическая революція и въ социальномъ строѣ средневѣковой Европы. Огромная масса мелкихъ рыцарей, благосостояніе которыхъ покоилось лишь на возможности вольнаго грабежа, да на скудныхъ доходахъ отъ примитивнаго крѣпостного хозяйства, должна была уступить свое мѣсто и въ обществѣ и въ государствѣ богатому бюргерству, сумѣвшему быстро развить въ себѣ и тонкій вкусъ, и пониманіе комфорта жизни, и страсть къ политикѣ и серьезные умственные интересы. Въ безсильной злобѣ и съ плохо скрытой завистью смотрѣло дворянство на то, какъ падаетъ его значеніе и какъ растетъ богатство и вліяніе городовъ и его обитателей. Оно утверждало, что «мужикъ»—т. е. купецъ, его «сѣсть»—и оно нисколько въ томъ не ошибалось. Горожане энергично пробивали себѣ дорогу къ почетному положенію *«третьяго сословія»* въ государствѣ. На скопленные торговымъ трудомъ деньги городѣ могъ нанять солдатъ, а съ помощью своихъ познаній онъ изобрѣлъ пушку—и эти деньги и эта пушка, ставъ на службу государству, смели послѣдніе остатки боевого рыцарства.

Матеріальный достатокъ, прочность городскихъ стѣнъ, свободный воздухъ и развитая общественность—все это скоро сдѣлало городъ центромъ умственной и эстетической жизни Западной Европы. Въ противовѣсъ монастырю съ его школами въ городѣ возникаетъ *университетъ*, и въ этомъ университетѣ наряду съ богословіемъ толкуются уже и общіе вопросы философіи, медицины, словесности и права *). Десятки тысячъ слушателей со всѣхъ концовъ Европы сходились сюда, чтобы посмотреть и поучиться, подуматъ и поговорить въ кругу ученыхъ «докторовъ» и европейскихъ знаменитостей. Переходя изъ университета въ университетъ, кочуя между Парижемъ, Монпелье, Болоньей, эти бродячіе студенты разносили повсюду на своемъ пути нехитрую мудрость усвоеннаго ими знанія. Такъ возникала въ городѣ *свѣтская наука* и поработенная церковью мысль эмансипировалась на городской свободѣ.

Насмѣшливая и часто пошлая пѣсенка «голіарда», сатириче-

*) Ср. Арнольди стр. 239. «Римское право и медицина выступали какъ традиціонные жизненные элементы античнаго строя въ области пониманія міра и общества; какъ непосредственные соперники праву каноническому, политической роли духовенства какъ такового, и какъ враги мистическаго и чудотворнаго знахарства».

ская сирвента трубадура, веселый фарсь и полусвѣтская мистерія, выведившая пороки духовенства на подмостки—всѣ эти элементы критики и скептицизма *секуляризованной литературы* находили себѣ въ свою очередь радужный приѣмъ въ вольнодумной буржуазіи. Въ городѣ впервые искусство унизилося до степени служенія міру. На смѣну романскимъ и готическимъ храмамъ, которые все чаще и чаще остаются недостроенными,—растутъ великолѣпныя зданія, предназначенныя для свѣтскихъ цѣлей, строятся городскія ратуши, крѣпости и т. п.

Изъ университета вышелъ «легистъ» — ученый законовѣдъ и дѣльный чиновникъ, которому такъ много была обязана своимъ усиленіемъ королевская власть; университетъ создалъ и того профессора-богослова — страстнаго проповѣдника и энергичнаго реформатора, который въ лицѣ Уиклифа, Гусса и наконецъ, Лютера сокрушилъ величіе и силу католицизма. При такихъ условіяхъ городъ былъ тѣмъ фокусомъ, на которомъ сосредоточивалось все общественное вниманіе; онъ становился воспитателемъ и руководителемъ общественной мысли, вкуса и настроенія *).

Развитіе національнаго самосознанія и новой общественной и экономической силы — города противопоставило средневѣковому культурному строю такія условія, которыя дѣлали его внутренній противорѣчія еще болѣе непримиримыми и въ которыхъ самое существованіе этого строя становилось въ дальнѣйшемъ уже невозможнымъ. На смѣну феодальной раздробленности выросла централизація правительственной власти; университетскія тенденціи имперіи и папства должны были отступить предъ зародившимся *свѣтскимъ національнымъ государствомъ*. Натуральное хозяйство вытѣснялось надвигавшимся *капитализмомъ*; наряду съ двумя феодальными сословіями — «чинами» появилось «*третье сословіе*», сословіе будущаго. Наконецъ во всѣхъ сферахъ духовной жизни начинаютъ уже мелькать первые проблески, возвѣщавшіе близость эпохи Возрожденія.

Указанный историческій процессъ представляется характернымъ для всей Западной Европы Среднихъ вѣковъ, нисколько не исключая, однако, своею общностью того многообразія національныхъ и мѣстныхъ особенностей, которыя обусловили собой по-

*) Ср. Арнольди, стр. 235. «Города.. были лабораторіями, гдѣ вырабатывались сами собою умственные силы, подрывавшія всѣ идейныя начала средневѣковой культуры, точно также какъ здѣсь вырабатывались силы политическія, прямо враждебныя феодальному строю, и по тому самому благоприятныя для централизующей политической власти; наконецъ — силы экономическія, подготовлявшія будущую государственную бюрократію и будущую европейскую буржуазію новаго времени».

Цитируемое мѣсто изъ книги г. Арнольди относится къ ея IX главѣ, въ которой названный авторъ предлагаетъ «схему исторіи мысли», «досвѣтской цивилизаціи новаго времени». Соглашаясь съ нѣкоторыми частными обобщеніями г. Арнольди, мы не думаемъ однако, чтобы его основная точка зрѣнія на характеръ и источники средневѣковой культуры могла быть принята цѣликомъ».

явленіе позднѣйшихъ крупныхъ различій въ общественномъ и политическомъ строѣ новыхъ европейскихъ государствъ. Англійскій парламентъ и конституція Великой Хартіи, абсолютизмъ королевской власти во Франціи, федерація территориальныхъ княжествъ въ Германіи, наконецъ итальянскія городскія тиранніи— всѣ эти типичныя черты новой Европы создались и выработались на почвѣ общеевропейскихъ культурныхъ силъ средневѣковья. Преобладаніемъ той или другой изъ этихъ силъ, условіями исторической обстановки и національности, направленіями и послѣдствіями историческихъ событій, объясняется указанная специальная характеристика, которую приобрѣтаютъ впоследствии новыя европейскія государства. Такая характеристика получаетъ однако вполне реальное значеніе лишь къ концу среднихъ вѣковъ, когда новыя начала берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ традиціонными элементами западно-европейской культурной жизни.

Изложенные моменты культурной исторіи Западной Европы составляютъ существенное содержаніе ея средневѣковаго періода; они образуютъ собою тотъ идейный остовъ, который вскрывается научнымъ анализомъ среди всего огромнаго разнообразія и безконечной сложности подлежащаго историческому изученію фактического матеріала этой важной эпохи.

Добыть научный выводъ нелегко, но именно такимъ выводомъ живетъ и движется наука; и только благодаря тому же выводу безмолвный фактъ миновавшей старины приобрѣтаетъ важность и значеніе, свидѣтельствуетъ и говоритъ. До тѣхъ поръ пока Ньютонъ не открылъ закона тяготѣнія, падавшее съ дерева яблоко падало лишь потому, что вѣтеръ или червь срывалъ его съ вѣтки.

Педагогическія соображенія, которыми направляется наша школьная жизнь, къ сожалѣнію, слишкомъ часто заставляютъ вспоминать такіа старыя истины. Въ школьномъ курсѣ исторіи до сихъ поръ провозглашается догматъ господства факта, и яблоко на школьномъ древѣ все также падаетъ по волѣ случая *).

Ссылаются на трудность отвлеченнаго понятія для дѣтской головы,—и при этомъ забываютъ, что правильно понять и безъ ошибки разобраться въ усвоенномъ фактѣ **) не всегда подъ силу и взрослому уму. Забываютъ еще и то, что лучше быть можетъ не знать вовсе, чѣмъ знать не такъ, какъ надо. Гоголевскій Петрушка врядъ ли можетъ служить цѣлью педагогическихъ и образовательныхъ стремленій школы.

Я. Галяшкинъ.

*) Ср. «Учебн. планы»—стр. 123. «Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ необходимо указаніе и значеніе тѣхъ или другихъ историческихъ странъ, событій, сословій, лицъ и т. п.,—указанія эти дѣлаются посредствомъ фактовъ, а не однихъ отвлеченныхъ сужденій».

**) У Спенсера въ его брошюрѣ о воспитаніи есть превосходныя замѣчанія о томъ вредѣ, который можетъ принести пустое затверживаніе историческихъ фактовъ.

Исторія позитивной философіи.

Проф. Г. Гефдингга.

(Продолженіе).

В. Эволюціонная философія.

Общая и главная мысль, служащая основаніемъ позитивной философіи, состоитъ въ томъ, что наши представленія должны опираться на воспріятіе. Поэтому при объясненіи эмпирически данныхъ явленій мы должны исходить изъ причинъ, которыя въ свою очередь можно констатировать въ опытѣ. Позитивизмъ есть въ сущности только развитіе требованія, выставленнаго Кеплеромъ и Ньютономъ, искать «истинныхъ причинъ». Какъ показала Огюсть Контъ, различіе между главными формами философіи покоится на томъ, какія принимаются причины. Но даже если и придерживаться этого принципа, то все-таки остается еще достаточно мѣста для важныхъ противоположеній. Контъ и Милль кончили тѣмъ, что стали смотрѣть на отношеніе причинности, какъ на отношеніе между двумя различными явленіями, которыя находятся для насъ фактически во взаимной связи. Они не придавали значенія той сторонѣ отношенія причинности, которая показываетъ намъ, что чѣмъ глубже вникать и пристальнѣе всматриваться въ него, тѣмъ яснѣе становится непрерывная связь явленій. Поэтому-то отъ нихъ и ускользала тѣсная связь понятія причинности съ понятіемъ развитія. Въ области социальныхъ отношеній это понятіе усиленно подчеркивается, правда; но тѣмъ не менѣе оно не становится руководящимъ въ пониманіи всей природы. Они придавали слишкомъ большое значеніе различіямъ, даннымъ въ опытѣ, и не замѣчали, что всякое знаніе имѣетъ цѣлью свести ихъ къ возможному минимуму. Они останавливались передъ проблемой происхожденія новыхъ формъ. По ихъ мнѣнію, развитію подлежатъ отдѣльные индивидуумы, а также и самый родъ благодаря вліянію традицій и учрежденій. Но они не думали, чтобы понятіе развитія могло сдѣлаться руководящей мыслью цѣлаго міросозерцанія, и этимъ опредѣляясь въ значительной долѣ границы ихъ мышленія.

Измѣненіе, внесенное въ пониманіе природы открытіями и

гипотезами Чарльза Дарвина, можно сопоставить съ тѣми перемѣнами, которыми мы обязаны Копернику и Бруно, Галилею и Ньютону. Открытіе Коперника расширало предѣлы міра и дѣлало его безконечнымъ. Земля и человѣческая жизнь перестали казаться центромъ, вокругъ котораго все вращается. Ньютонъ показалъ, что во всемъ безпредѣльномъ мірѣ господствуетъ строгая законность, такъ какъ далекія небесныя тѣла подчиняются тѣмъ же законамъ, которые властвуютъ у насъ на землѣ. Дарвиновское пониманіе природы отмѣчаетъ подобное же расширеніе кругозора въ томъ, что касается органической жизни. Въ области одушевленныхъ существъ до сихъ поръ не было установлено никакой широкой связи, никакого общаго закона возникновенія и развитія. *Касперъ Фридрихъ Вольфъ* и *Карлъ Эрнестъ фонъ Бэръ* доказали, что отдѣльный организмъ развивается, проходя цѣлый рядъ стадій, изъ зародыша, неимѣющаго никакого сходства съ вполне развитымъ индивидуумомъ. *Спиноза*, *Гертль* и *Джемсъ Милль* показали, что психологическое развитіе отдѣльнаго индивидуума можетъ идти такъ, что согласно законамъ ассоціаціи образуются духовныя формы, столь же мало похожія на первичныя зачатки, какъ формы выросшаго организма на его зародышѣ. Историческая же школа, основанная *Монтескье* и достигшая полного расцвѣта во Франціи и Германіи послѣ революціи, старательно отстаивала понятіе развитія въ примѣненіи къ происхожденію соціальныхъ и политическихъ формъ. Точно также въ *романтической* философіи понятіе развитія было господствующимъ. Она утверждала, что между отдѣльными явленіями и цѣлымъ существуетъ интимная связь и рассматривала бытіе, какъ рядъ ступеней, каждая изъ которыхъ отражаетъ содержаніе міра въ формахъ все болѣе и болѣе высокихъ. Но приложеніе, которое здѣсь дѣлали изъ понятія развитія, было чисто идеальнымъ. Развитіе не считалось здѣсь тѣмъ процессомъ, путемъ котораго феноменальныя формы возникаютъ другъ изъ друга; непрерывность представлялась скрытой въ идеальномъ ядрѣ бытія, а не среди отдѣльныхъ явленій. Вопросомъ о движущихъ причинахъ, которыя могли бы вести съ одной ступени на другую, не задавались. Напротивъ, важный примѣръ того, какъ новыя формы и состоянія могутъ образоваться согласно постоянно дѣйствующимъ законамъ, давала гипотеза *Канта* и *Лапласа* о развитіи солнечной системы изъ первичной туманности подъ вліяніемъ опредѣленныхъ физическихъ и химическихъ отношеній, и теорія *Лэйелля* о происхожденіи современнаго состоянія земной поверхности подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ неизмѣнныхъ физическихъ и химическихъ причинъ, дѣйствующихъ до сихъ поръ. Ученіе Дарвина объясняетъ происхожденіе органическихъ видовъ тѣмъ, что непрерывная борьба за сохраненіе жизни вноситъ, — среди различныхъ то толкающихъ впередъ, то задерживающихъ вліяній внѣшнихъ отношеній или другихъ живыхъ существъ, — въ строеніе тѣла и образъ жизни постепенныя измѣненія. Дарвинъ расширилъ нашъ взглядъ на природу и открылъ намъ необозримый процессъ развитія, путемъ котораго произошли современные виды. Съ другой

стороны онъ обострилъ наше зрѣніе по отношенію къ незначительнымъ явленіямъ, научилъ насъ видѣть въ незамѣтныхъ по большей части причинахъ, дѣйствующихъ вокругъ насъ, тѣ силы, благодаря тихому, но непрерывному дѣйствію которыхъ роды живыхъ существъ достигли тѣхъ формъ, въ которыхъ мы видимъ ихъ въ настоящее время.

Новизна дарвиновскаго ученія состояла не въ той общей мысли, что органическіе виды и формы произошли подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ. Эта мысль высказывалась уже до него въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Значеніе Дарвина обуславливается тѣмъ, что онъ подерѣпилъ этотъ взглядъ, установивъ опредѣленные причины, дѣйствующія въ направленіи подобныхъ новообразованій. Понятіе развитія, какъ мы замѣтили выше, стоитъ само въ такой тѣсной связи съ понятіемъ причинности и непрерывности, что оно могло выступить въ роли руководящей идеи прежде, чѣмъ Дарвинъ далъ ему своими изслѣдованіями сильное эмпирическое подтвержденіе. Такъ, *Гербертъ Спенсеръ* выступилъ сторонникомъ эволюціонной гипотезы за нѣсколько лѣтъ до появленія знаменитаго дарвиновскаго труда, и показалъ въ особенности (въ первомъ изданіи своей психологіи), какое значеніе имѣетъ эта гипотеза, благодаря тому, что при ея помощи можно объяснять опытомъ цѣлаго рода тѣ свойства и способности, которыя были необъяснимы опытомъ отдѣльнаго индивидуума. Это расширяло опытную философію и давало ей возможность признать больше правъ, чѣмъ раньше, за взглядами, которые признавались до сихъ поръ исключительно спекулятивной и критической философіей. Послѣ этого Спенсеръ старался показать въ подробномъ, систематическомъ изложеніи, что понятіе развитія есть главное понятіе, къ которому отовсюду приводятъ насъ нашъ опытъ и наше мышленіе.

1. Чарльзъ Дарвинъ.

а) *Биографія и ходъ развитія.*

Право исторіи философіи присваивать себѣ этого великаго естествоиспытателя,—равно какъ и Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона—прежде всего основано на томъ, что его методъ и выводы имѣютъ значеніе далеко за предѣлами его специальной области и отмѣчаютъ поворотный моментъ въ научномъ изслѣдованіи и пониманіи природы вообще. Уже вскорѣ послѣ того, какъ у него возникла идея его гипотезы (1837), онъ писалъ въ записной книжкѣ за двадцать лѣтъ до появленія своего знаменитаго сочиненія: «моя теорія поведетъ къ цѣлой философіи». Однако Дарвинъ имѣетъ значеніе для философіи не только по своимъ выводамъ, не только потому, что имъ поставленъ вопросъ, какимъ образомъ новая теорія вторгается въ цѣлое міросозерданіе. Онъ занимался психологическими и этическими вопросами и высказывался по вопросу о границахъ позна-

ніа. И въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ изъ его автобіографіи и изъ его писемъ, онъ представляетъ собою среди мыслителей нашего времени своеобразную сократовскую фигуру, вызывающую уваженіе благодаря своей энергіи, своей любви къ истинѣ и своему чувству гуманности.

Чарльзъ Дарвинъ родился 12 февраля 1809 г. въ Шрефсбери. Испробовавъ занятія медициной въ Эдинбургѣ и затѣмъ богословіемъ въ Кэмбриджѣ и не развѣвъ въ себѣ наклонности къ нимъ, онъ подъ вліяніемъ рано пробудившагося интереса къ естествознанію, принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи, предпринятомъ кораблемъ «Бигль» (1831—36). Сдѣланныя во время этого путешествія наблюденія образуютъ первое основаніе его теоріи. Онъ сравнивалъ жизнь современныхъ животныхъ Южной Америки съ вымершими видами, и сходство строенія тѣла на ряду съ различіями, особенно величины, поразило его. Онъ сравнивалъ животный міръ сѣверной части Южной Америки съ животнымъ міромъ южной части и здѣсь нашелъ точно также своеобразное совмѣщеніе сходствъ и различій. Особенно онъ былъ удивленъ, найдя на островахъ Гапагоса, на разстояніи почти 1100 километровъ отъ Южной Америки, животный и растительный міръ, сильно напоминавшій флору и фауну Южной Америки, хотя и состоявшій изъ такихъ видовъ, какихъ не растетъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ земного шара: виды встрѣчались только на этихъ островахъ, но принадлежали къ родамъ, находимымъ на ближайшемъ материкѣ. Дѣло представлялось въ такомъ видѣ, какъ будто одна и та же основная форма была видоизмѣнена такимъ образомъ, что могла жить частью на материкѣ, частью на островахъ. И сверхъ того, каждый отдѣльный островъ имѣлъ собственные своеобразные виды, какихъ нельзя было найти на другихъ островахъ. Какъ же объяснить съ одной стороны это родство, съ другой — это различіе? Съ этой проблемой Дарвинъ вернулся изъ своего продолжительнаго путешествія и посвятилъ ей рѣшенію всю свою жизнь. Устроившись очень счастливо, онъ жилъ въ деревнѣ, вблизи Лондона, неутомимо занятый накопленіемъ фактовъ, могущихъ освѣтить его проблему. Вопросъ, подлежащій рѣшенію, состоялъ въ томъ, почему сохраняются и развиваются именно такіа формы и свойства, которыя могутъ быть полезны животнымъ и растеніямъ среди ихъ жизненныхъ отношеній. Дарвина поражало именно видоизмѣненіе формъ и свойствъ сообразно жизненнымъ отношеніямъ. Онъ исходилъ изъ того, что это должно имѣть свою естественную причину, — но какую? Его мысли получили надлежащее направленіе, когда онъ прочелъ (1838) трудъ *Мальтуса* по вопросу народонаселенія. Мальтусъ показалъ, что живыя существа имѣютъ склонность размножаться въ большей степени, чѣмъ можетъ увеличиваться количество средствъ питанія. Но въ такомъ случаѣ — заключилъ Дарвинъ — живыя существа должны быть взаимно сотрудниками, бороться другъ съ другомъ или соперничать, чтобы добыть нужное для поддержанія жизни. Жизнь есть борьба за существованіе и должна быть борьбой, а тотъ индивидуумъ или та группа

индивидуумовъ, которые получили почему-нибудь способность или органъ, отсутствующій у другихъ и приспособленный къ отношеніямъ, легче сохраняются въ борьбѣ, чѣмъ другіе. Родъ будетъ размножаться главнымъ образомъ благодаря имъ, и тѣ формы, которымъ будетъ недоставать этой способности или этого органа, будутъ вымирать постепенно. И если группѣ какихъ-нибудь живыхъ существъ приходится жить на ограниченномъ пространствѣ, то ей будетъ тѣмъ легче устроиться, чѣмъ разнообразіе составляющія ее формы, потому что тѣмъ легче будетъ ей удовлетворять свои потребности. Если всѣ живутъ одной и той же пищей, то не можетъ существовать столько индивидуумовъ, какъ тогда, если пища различна. Слѣдовательно, если видъ обладаетъ способностью видоизмѣняться, то это составляетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе.

Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ Дарвинъ приготовилъ статью, въ которой онъ изложилъ свою теорію, но отложилъ ее въ сторону, чтобы предпринять дальнѣйшія изслѣдованія. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ онъ началъ окончательную редакцію своего труда, который и вышелъ въ 1859 г. подъ заглавіемъ *Origin of Species*. За этимъ трудомъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ сочиненій, изъ числа которыхъ наиболѣе значительныя въ философскомъ и психологическомъ отношеніяхъ суть слѣдующія: *Variation of Animals and Plants under Domestication* (1868), *Descent of Man* (1871) и *Expression of the Emotions in Men and in Animals* (1872). Только смерть, постигшая Дарвина въ 1882 г. 19 апрѣля, положила конецъ его продолжительной и неизмѣнной работѣ на пользу науки. Три года передъ тѣмъ онъ писалъ въ своей автобіографіи: «Я поступилъ правильно, думается мнѣ, посвятивъ свою жизнь наукѣ. Въ содѣянныхъ грѣхахъ мнѣ не приходится раскаиваться, но я всегда сожалѣлъ, что не оказалъ своимъ братьямъ больше непосредственнаго добра».

б. Теорія и методъ.

Результатомъ изслѣдованій Дарвина было торжество принципа естественныхъ причинъ и утвержденіе, что природа не дѣлаетъ скачковъ. Онъ указалъ непрерывность въ такой области, гдѣ до сихъ поръ или предполагали сверхъестественное вмѣшательство и перерывы, или останавливались передъ изначальными, необъяснимыми различіями или, самое большее, апеллировали къ внутреннему эволюціонному стремленію, ведущему якобы съ одной ступени на другую. Своимъ объясненіемъ происхожденія видовъ изъ борьбы за существованіе Дарвинъ пролилъ, кромѣ того, свѣтъ на условія не только физической, но и духовной жизни, что было, конечно, не менѣе цѣнно, чѣмъ рѣшеніе той специальной задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Самъ того не сознавая, онъ вновь высказалъ старую англійскую мысль. Въдъ его борьба за существованіе напоминаетъ «войну всѣхъ противъ всѣхъ» Гоббса.

Англичане уже издавна обнаруживают понимание условий жизни и необходимость прибѣгать къ силѣ, чтобы овладѣть ею. Этимъ вызывается своеобразное смѣшеніе идеализма и эмпиризма, въ которомъ видятъ сплошь да рядомъ противорѣчіе. Ихъ чутье въ области разъ сложившихся практическихъ отношеній не притупляетъ тѣмъ не менѣе у нихъ убѣжденія въ важности внутреннихъ силъ, хотя они и не высказываютъ его въ той спекулятивной формѣ и съ тѣмъ мистицизмомъ, въ который впадаютъ часто мыслители материка.

Объясненіе происхожденія видовъ, данное Дарвиномъ, совершенно въ духѣ позитивизма, и поэтому со стороны учениковъ Конта было непоследовательно, если они относились къ новой гипотезѣ отрицательно. Причина, къ которой апеллируетъ Дарвинъ, есть фактическая, дѣйствительная, *положительная* причина. Въ одномъ письмѣ онъ замѣчаетъ: говорить, что виды созданы такъ или иначе, не значитъ давать научное объясненіе; это есть только благочестивый способъ говорить, что каково дѣло есть, таково оно и есть. Изъ другихъ словъ его видно, что если онъ въ концѣ своего труда «Происхожденіе видовъ» говорилъ, что первыя формы живыхъ существъ созданы, то этимъ хотѣлъ только сказать, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, какъ возникаетъ жизнь.

Выраженіе «*борьба за существованіе*» слѣдуетъ понимать образно. Оно должно значить, что одно существо зависитъ отъ другого и отъ условий жизни, причемъ принимается въ соображеніе не только отдѣльный индивидуумъ, но и его потомство. Растеніе, растущее на рубежѣ пустыни, должно бороться за свою жизнь, т. е. его сохраненіе зависитъ отъ того, какимъ минимумомъ влаги оно можетъ обходиться. Еще больше значенія, чѣмъ отношеніе къ физическимъ условіямъ, имѣетъ въ органическомъ мірѣ отношеніе къ другимъ живымъ существамъ. Омелы на одной и той же вѣткѣ «борются» другъ съ другомъ за мѣсто и пищу, но онѣ борются также съ другими плодовыми растеніями, такъ какъ размноженіе ихъ зависитъ отъ того, предпочитаютъ ли птицы сѣмена омелы сѣменамъ другихъ растеній, такъ чтобы они могли разсѣваться въ большемъ количествѣ. Выраженіе «*борьба за существованіе*» означаетъ приспособленіе организма къ живой и мертвой средѣ; терминомъ же «*естественный отборъ*» Дарвинъ отмѣчаетъ другую сторону отношенія, именно тотъ способъ, путемъ котораго условія жизни благопріятствуютъ существованію извѣстныхъ свойствъ—«принципъ, согласно которому всякое измѣненіе, полезное индивидууму, сохраняется какъ бы оно ни было незначительно». Повсюду въ природѣ происходитъ борьба. Всегда стоитъ вопросъ, быть или не быть. Всякое существо живетъ благодаря побѣдѣ, одержанной имъ когда-нибудь въ своей жизни. Борьба же за существованіе составляетъ въ свою очередь слѣдствіе сильнаго размноженія органическихъ существъ. Все хозяйство природы станетъ для насъ непонятно, если мы хотя бы на одну минуточку забудемъ, что каждый отдѣльный видъ стремится крайне сильно размножаться, и что всегда существуетъ какое

нибудь препятствіе, задерживающее его расширеніе, хотя мы и не всегда въ состояніи замѣтить это препятствіе. Благодаря этому столкновенію расширенія и препятствія становится необходимымъ отборъ. Индивидуумы, надѣленные цѣлесообразными измѣненіями, сохраняются, другіе вымираютъ; это благопріятствуетъ возникновенію различій, и въ концѣ концовъ образуются тѣ виды, которые въ глазахъ столь многихъ различны по существу. Это даетъ намъ ключъ къ пониманію того, какъ формы, относящіяся къ различнымъ видамъ, могутъ быть родственны другъ другу, такъ какъ онѣ развиваются изъ одной общей основной формы при возрастающемъ расхожденіи характерныхъ признаковъ. То, что К. Ф. Вольфъ установилъ относительно различныхъ органовъ одного и того же индивидуума,—а, именно, что не смотря на свое различіе они развиваются изъ извѣстныхъ простыхъ задатковъ,—то Дарвинъ установилъ относительно различныхъ видовъ органическаго міра вообще.

Методъ Дарвина представляетъ интересный образецъ индуктивнаго изслѣдованія. Въ ходѣ развитія его, какъ изслѣдователя, видны съ необычайной ясностью три главныхъ стадій, проходимаы истиной, основанной на опытѣ. Первой основой его теоріи послужили, какъ мы видѣли, сдѣланныя во время путешествія наблюденія. Послѣднія вызвали идею, предварительную гипотезу,—а послѣ изученія сочиненія Мальтуса,—объясненіе путемъ дедукціи изъ сильнаго стремленія къ размноженію въ его отношеніи къ условіямъ жизни. Третьимъ членомъ въ ряду работъ была провѣрка, эмпирическое подтвержденіе. Оно состояло въ сущности изъ четырехъ группъ фактовъ. Англійскіе скотоводы давно уже производили новыя породы посредствомъ «искусственнаго подбора». Они подмѣчали незначительныя, годныя для ихъ цѣлей измѣненія у различныхъ индивидуумовъ и разводили затѣмъ новыя формы, наблюдая, чтобы продолжателями вида были только тѣ индивидуумы, которые надѣлены такими измѣненіями. То, что здѣсь дѣлается сознательно и методически, происходитъ при «естественномъ отборѣ» безсознательно и менѣе правильно. Второй фактъ, подтверждающій теорію, есть родство вымершихъ видовъ съ нынѣ живущими. Обыкновенно ихъ можно включать въ существующія группы, какъ члены послѣднихъ, и разсматривать ихъ, какъ низшія формы этихъ группъ. Третій фактъ состоитъ въ географическомъ распредѣленіи видовъ; оно объясняется всего легче предположеніемъ, что различныя формы и свойства родственныхъ существъ произошли благодаря распространенію рода въ мѣстностяхъ, различныхъ по своей природѣ. Фактъ наибольшаго распространенія низшихъ существъ объясняется тѣмъ, что ихъ сѣмена и яйца имѣютъ малые размѣры и могутъ свободно далеко уноситься теченіемъ воды. Наконецъ, сильное сходство, которое могутъ имѣть другъ съ другомъ животныя формы, крайне различныя по достиженію полнаго развитія, въ зародышевомъ состояніи, свидѣтельствуетъ объ отдаленномъ родствѣ; только при предположеніи подоб-

наго родства становятся понятны также и рудиментарные органы (замѣтные въ зародышевомъ состояніи).

Характеръ Дарвина замѣчательно отразился на направленіи и методѣ его изслѣдованія. Отличительной чертой его, какъ изслѣдователя, была открытая и дѣтская душа, для которой не было ничего ничтожнаго и незначительнаго. Онъ предполагаетъ вездѣ непрерывность. Природа была для него не мертвымъ скопленіемъ предметовъ, которые естествоиспытатели должны занумеровать и снабдить названіями, но живой дѣйствительностью, въ которой сохраненіе и ростъ одного существа зависитъ отъ другого. Насѣкомое и цвѣтокъ, птица и растеніе, пашня и дождевой червь, жизнь, строеніе и украшеніе животныхъ, ихъ любовь и борьба — все это, представлялось ему, стоитъ въ интимной связи и можетъ быть разсѣдѣнае только вопреки природѣ. Онъ придавалъ истинное значеніе слову «естественная исторія». Но съ дѣтской восприимчивостью къ природѣ онъ соединялъ мужественное пониманіе того, что въ природѣ господствуютъ неизмѣнныя, опредѣленные законы и что даже самое высокое въ природѣ не изъято изъ подчиненія этимъ законамъ, но именно тѣмъ и проявляетъ свою высоту, что развивается въ силу этихъ законовъ. Онъ часто говорилъ, что нельзя быть хорошимъ наблюдателемъ, не имѣя дара умозрительнаго мышленія. Видя что-нибудь новое въ природѣ, онъ не могъ не создать сейчасъ же гипотезы, какъ оно могло произойти. Но съ другой стороны онъ отличался замѣчательною способностью схватить и фиксировать возраженіе. Онъ соблюдалъ правило, названное имъ самимъ золотымъ, записывать всякій фактъ и всякую мысль, которые приходили ему въ голову и, казалось, противорѣчили полученнымъ имъ результатамъ. Поэтому его воззрѣнія встрѣтили очень мало возраженій, которыхъ бы самъ онъ не замѣтилъ и не старался бы отвѣтить на нихъ. Въ этомъ отношеніи онъ обнаружилъ больше критики, чѣмъ многіе изъ его сторонниковъ; эти послѣдніе были иногда того мнѣнія, что онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе возраженіямъ, которыя вызывало противъ себя его ученіе. Онъ вполне сознавалъ, что его гипотеза не допускаетъ, собственно говоря, прямого доказательства. Объ одномъ изъ своихъ критиковъ онъ пишетъ въ письмѣ: «онъ одинъ изъ немногихъ, замѣчающихъ, что измѣненіе видовъ не можетъ быть доказано прямо, и что мое ученіе погибнетъ или сохранится смотря по тому, будетъ-ли оно въ состояніи группировать и объяснять явленія. Замѣчательно, что такъ мало тѣхъ, кто обсуждаетъ его такимъ—единственно правильнымъ—образомъ». Доказательство своего ученія онъ видѣлъ въ томъ, что оно связываетъ другъ съ другомъ цѣлый рядъ фактовъ «нитью, удовлетворяющею разумъ» (Verstandesfaden—the intelligible thread). Свое ученіе онъ не считалъ догмой; оно было для него рабочимъ средствомъ, свѣтильникомъ, способнымъ пролить на природу больше свѣта. Важность научныхъ гипотезъ зависитъ въ значительной степени отъ того, что онѣ побуждаютъ постоянно продолжать изслѣдованіе: мы дѣлаемъ попытку, нельзя-ли соединить другъ съ другомъ

сть наши опыты такъ, какъ намъ удалось поставить въ связь *тѣ-которые* изъ нихъ; мы узнаемъ, какіе вопросы слѣдуетъ поставить природѣ. Въ этомъ отношеніи ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго отбора было крайне богато послѣдствіями. Оно учитъ насъ, что мы должны вездѣ въ естествознаніи доискиваться того значенія, которое имѣетъ въ борьбѣ за существованіе свойство, способность или форма. Оно исходитъ изъ того, что существовать и развиваться можетъ только то, что имѣетъ опредѣленное значеніе для жизни во вѣсхъ ея связяхъ.

в. Границы теоріи.

Границей своего изслѣдованія Дарвинъ признаетъ вопросъ о первомъ возникновеніи индивидуальных различій, на почвѣ которыхъ происходитъ какъ естественный, такъ и искусственный отборъ. Выборъ предполагаетъ что-нибудь, изъ чего можно одѣлать выборъ, различія и видоизмѣненія. Возникновеніе подобныхъ измѣненій Дарвинъ считаетъ фактомъ, имѣющимъ мѣсто тѣмъ чаще, чѣмъ благоприятнѣе условія жизни и чѣмъ больше было предыдущее развитіе вида. Онъ признается, что «относительно причинъ измѣчивости намъ очень мало извѣстно по вѣсхъ пунктамъ», а происхожденіе первичныхъ измѣненій казалось ему нѣкоторое время тѣмъ болѣе загадочнымъ, что онъ былъ склоненъ признавать за вѣшними отношеніями очень мало непосредственнаго вліянія. Вскорѣ послѣ появленія «Происхожденія видовъ» онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Гексли (25 ноября 1859): «Вы съ большимъ остроуміемъ указали пунктъ, который приводилъ меня въ большое смущеніе: если вѣшнія отношенія производятъ—какъ мнѣ думается—только незначительное *непосредственное* дѣйствіе, то что же опредѣляетъ въ такомъ случаѣ, чортъ возьми, каждое отдѣльное измѣненіе?» (См. ранѣе этого письмо отъ 23 ноября 1856 къ Гукеру).

Впослѣдствіи онъ былъ вынужденъ приписывать условіямъ жизни больше непосредственнаго вліянія на измѣненія (см. его письма отъ 4 мая 1869 г. къ Карусу, отъ 13 окт. 1876 г. къ Вагнеру, отъ 9 марта 1877 г. къ Неймайеру). Въ сочиненіи объ «Измѣчивости прирученныхъ животныхъ и растений» (гл. 22—26) Дарвинъ входитъ въ болѣе близкое разсмотрѣніе вопроса и говоритъ не только о непосредственномъ вліяніи условій жизни, но и о томъ дѣйствіи, которое имѣетъ употребленіе или неупотребленіе органовъ и способностей. (См. также «Происхожденіе человѣка». гл. 4) При изученіи Дарвина никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этотъ пунктъ тѣмъ болѣе, что его критики смѣшивали сплошь да рядомъ первоначальное возникновеніе измѣненій съ естественнымъ отборомъ свойствъ, порожденныхъ подобнымъ измѣненіемъ. «Естественный отборъ», возражаетъ Дарвинъ (*Variation of Animals and Plants*. London 1868. II. стр. 272), «зависитъ отъ того, что лучше другихъ одаренные индивидуумы остаются въ живыхъ среди различныхъ и сложныхъ отношеній, но не имѣетъ ничего общаго съ пер-

вичной причиной какого бы то ни было измѣненія строенія». Гипотеза Дарвина касается главнымъ образомъ дѣйствія отбора среди измѣненій, но не возникновенія измѣненій. Онъ былъ, разумѣется, того мнѣнія, что и эти послѣднія имѣютъ свои причины, однако, открытіе ихъ не составляло для него главной задачи. Всякая гипотеза должна опираться на извѣстныя основы, доказательство которыхъ не можетъ быть возложено на нее же. Поэтому нѣтъ противорѣчія въ томъ, что Дарвинъ беретъ въ сущности измѣненія какъ фактически данныя, и странно выставленное противъ него между прочими возраженіе, что онъ опирается на «случай». Дарвинъ употребляетъ иногда, правда, выраженіе «chance variations», напр. въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Гукеру, но разумѣетъ подъ этимъ измѣненія, причины которыхъ неизвѣстны, и самъ считаетъ свое выраженіе неточнымъ. Считая первое возникновеніе измѣненій во многихъ отношеніяхъ загадочнымъ, Дарвинъ признаетъ точно также нерѣшенной загадкой и происхожденіе жизни вообще.

Дарвинъ не видѣлъ, однако, основанія предполагать, что при происхожденіи человѣческаго рода изъ низшихъ формъ дѣйствовали совершенно особыя силы. Какъ скоро у него сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что виды произошли путемъ естественнаго развитія, ему стало ясно, что человѣческій родъ не можетъ составлять исключенія. Въ «Происхожденіи видовъ» онъ ограничился, однако, только намекомъ, что новое ученіе могло бы пролить свѣтъ также на человѣка и его исторію; здѣсь было не мѣсто входить въ особое разсмотрѣніе отдѣльнаго рода живыхъ существъ. Если Дарвинъ впоследствии снова поднялъ и подробно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ (въ сочиненіи о «Происхожденіи человѣка»), то произошло это отчасти потому,—какъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ,—что его обвиняли, будто бы у него не хватаетъ мужества обнародовать сви воззрѣнія на этотъ счетъ. Здѣсь онъ стоялъ еще болѣе одинокимъ, чѣмъ въ общемъ вопросѣ о происхожденіи видовъ. Даже такіе люди, какъ Лайелль и Уоллесъ, которые въ общемъ сочувствовали ему, колебались въ этомъ вопросѣ. У самого Дарвина чувство не протестовало противъ стремленія изслѣдователя. Истинное достоинство человѣка и дѣйствительная высота его нисколько не умаляются, по его мнѣнію, тѣмъ, что человѣкъ могъ развиваться изъ низшихъ формъ. Противъ романтическаго и теологическаго представленія о человѣкѣ, какъ о падшемъ ангелѣ, онъ выставялъ реалистическій взглядъ на человѣка, какъ на животное, разившееся до степени духовнаго существа. Другихъ различій между человѣкомъ и животнымъ, кромѣ количественныхъ, онъ не хотѣлъ допустить ни въ психическомъ, ни въ физическомъ отношеніи. Онъ утверждаетъ, что между духовными способностями какого-нибудь низшаго позвоночнаго (какой-нибудь миноги) и одной изъ высшихъ обезьянъ пропасть гораздо больше, чѣмъ между духовными способностями обезьянъ и людей. Онъ показываетъ далѣе, какъ трудно провести границу между простымъ инстинктомъ и подлиннымъ

разумомъ. Уже тотъ фактъ, что разъ испытанный вредъ можетъ служить животнымъ урокомъ, показываетъ, что имъ нельзя отказывать въ разумѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно памяти, чувства красоты и симпатическихъ инстинктовъ.

Изъ ученія Дарвина дѣлали иногда тотъ выводъ, что собственно говоря всѣ живыя существа должны непрерывно совершенствоваться, и сообразно съ этимъ считали важнымъ возраженіемъ противъ ученія, что низшія органическія формы всегда остаются. Но и это возраженіе нашло себѣ отвѣтъ уже у самого Дарвина. Естественной отборъ не влечетъ за собой непрестанно совершенствованія. Что пользы было бы для глисты или дождевого червя въ болѣе совершенныхъ органахъ, чѣмъ тѣ, которые они имѣютъ въ настоящее время? Органъ, не облегчающій борьбы за существованіе, требуетъ только мѣста и силы, не принося пользы. Тамъ, гдѣ отношенія исключаютъ почему-либо необходимость усиленнаго соревнованія, нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что извѣстная форма жизни остается неизмѣнной безгранично долго. (Происхожденіе видовъ. Гл. IV. Ср. гл. X). Естественный отборъ можетъ довести всякое органическое существо до такого совершенства, которое необходимо, чтобы соперничать съ другими органическими существами или чтобы «бороться за существованіе», и странность состоитъ, по мнѣнію Дарвина, въ томъ, что въ опытѣ встрѣчается такъ мало случаевъ, гдѣ нѣтъ подобнаго совершенства. Но совершенство слѣдуетъ измѣрять всегда по отношенію къ условіямъ жизни (*The natural selection of each species implies improvement in that species in relation to its conditions of life.* Письмо къ Лайелю. 25 окт. 1859). Этимъ-то и объясняется, что естественный отборъ можетъ вызывать иногда обратное отступленіе къ болѣе простымъ и элементарнымъ формамъ жизни, если именно жизненные отношенія упростятся почему либо, такъ, что различные органы становятся если не вредными, то во всякомъ случаѣ излишними. Внутренняго, присущаго самимъ органическимъ существамъ, или необходимаго стремленія подниматься по лѣстницѣ организаци не существуетъ. (*Variation* и т. д. I, стр. 8).

2. Этико-религіозные выводы.

Помимо тѣхъ возраженій, которыя указываютъ на мнимое противорѣчіе или несогласіе съ опытомъ, ученіе Дарвина вызвало противъ себя также возраженіе этического и религіознаго характера, и притомъ не только со стороны богослововъ, потому что даже такой радикальный мыслитель, какъ Евгеній Дюрингъ, нашелъ въ этомъ ученіи соблазнъ по нравственнымъ соображеніямъ и крайне рѣзко высказался противъ теоріи. Именно идея борьбы за существованіе кажется нѣкоторымъ несомнѣстимой съ этическимъ пониманіемъ жизни; какъ примирить съ этой идеей человѣколюбіе и совѣсть?

Что касается этического возраженія, Дарвинъ былъ очень да-

лечь отъ того, чтобы упускать его изъ виду; онъ вполне сознательно выдѣлилъ этическую проблему въ связи съ своей теоріей. Какъ моралистъ, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, подобной той, начало которой положили Шефтсбери и Гутчисонъ, и которая своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ обязана въ нашемъ столѣтіи Конту и Спенсеру; естественно-историческія воззрѣнія Дарвина и его учене обь естественномъ отборѣ дають только всей точкѣ зрѣнія болѣе широкое основаніе.

Въ томъ фактѣ, что человѣкъ есть единственное существо, которое можетъ по праву называться нравственнымъ, Дарвинъ видитъ самое значительное различіе между человѣкомъ и животнымъ. Но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы нравственное чувство не могло развиваться естественнымъ путемъ; въ этомъ нѣтъ также ничего, что противорѣчило бы борьбѣ за существованіе или естественному отбору. Слѣдуетъ только всегда помнить, что естественный отборъ благоприятствуетъ не только тѣмъ свойствамъ и способностямъ, которыя полезны для отдѣльнаго индивидуума, но и тѣмъ, которыя полезны всей группѣ или виду. Изъ всѣхъ животныхъ, для которыхъ болѣе другихъ необходимо жить въ тѣсномъ общеніи, будутъ легче избѣгать опасностей тѣ индивидуумы, для которыхъ общество другихъ было особенно пріятно. Такъ какъ далѣе продолжительность существованія рода зависитъ отъ сохраненія болѣею часть очень безпомощныхъ дѣтенышей, то не трудно понять, какъ любовь родителей къ дѣтямъ можетъ развиваться путемъ естественнаго отбора. Опытъ показываетъ, что животныя подвергаютъ иногда себя опасностямъ, чтобы спасти другихъ животныхъ. Племя или группа животныхъ или людей, въ которой господствуютъ обоюдное сочувствіе и потребность взаимопомощи, будетъ поставлена въ особенно благоприятныя условія въ борьбѣ за существованіе, болѣе благоприятныя, чѣмъ другія группы, гдѣ каждый заботится только о самомъ себѣ, и гдѣ силы не соединяются для достиженія общихъ цѣлей. Такимъ образомъ въ силу закона естественнаго отбора у отдѣльнаго индивидуума могутъ образоваться и развиваться свойства, нужныя для сохраненія общества, а не отдѣльнаго индивидуума въ частности. Не только корыстныя, но и безкорыстныя чувства имѣютъ свою естественную исторію. Какъ бы ни было велико разстояніе между тѣмъ, что чувствуютъ животныя, когда они выказываютъ взаимную любовь и самопожертвованіе, и высшей человѣческой нравственностью, все-таки между тѣмъ и другимъ существуютъ безчисленныя степени, не позволяющія думать, чтобы естественное развитіе прерывалось гдѣ-нибудь. Въдѣ и въ человѣческомъ мірѣ существуютъ очень значительныя различія въ нравственномъ отношеніи. Жизнь людей приходится иногда въ такое состояніе и облекается въ такія формы, которыя стоятъ даже ниже того, что можно найти въ жизни животныхъ. Дарвинъ заявляетъ, что онъ предпочелъ бы происходить отъ обезьяны, рискнувшей жизнью для спасенія своего сторожа, чѣмъ отъ дикаря, который убиваетъ безъ зазрѣній совѣсти своихъ

дѣтей, обращается съ своими женами, какъ съ рабынями, да и самъ—рабъ ужасныхъ суевѣрій*).

Кромѣ склонности къ жизни сообща (sociability) и способности питать сочувствіе къ другимъ (sympathy), нравственное чувство предполагаетъ еще по Дарвину способность припоминанія и сравненія. Если эти условія будутъ налицо, то совершенные поступки будутъ припоминаться и обсуждаться сообразно требованіямъ сильнѣйшаго (если и не всегда, то по крайней мѣрѣ въ моментъ припоминанія) чувства. Если способность рѣчи развилась, то на отдѣльныхъ индивидуумовъ можетъ дѣйствовать взаимное одобреніе и порицаніе; сложится общественное мнѣніе. Постоянная привычка и упражненіе въ работѣ на пользу общихъ интересовъ будетъ, даѣе, укрѣплять и усиливать социальныя мотивы и инстинкты. Способности подобнаго рода будутъ, можетъ быть, передаваться также по наслѣдству. Эмпирическое подтвержденіе своей моральной теоріи Дарвинъ находитъ въ изслѣдованіи тѣхъ качествъ, которыя признавались въ различныя времена и у различныхъ народовъ за добродѣтели, а также въ томъ, какъ различныя радіусы круговъ тѣхъ индивидуумовъ, съ радостями и печальми которыхъ считалось въ разныя времена нравственное чувство.

Слѣдовательно, сама теорія естественнаго отбора показываетъ намъ, что не всякое приспособленіе, не всякій отборъ, не всякая форма борьбы за существованіе могутъ быть признаны справедливыми. Отъ низшихъ формъ этой борьбы мы поднимаемся къ высшимъ и прежде всего къ той стадіи, въ которой можетъ происходить опѣнка формъ борьбы**).

Высказывалось однако мнѣніе, что дарвинизмъ есть не только безнравственное, но даже матеріалистическое и атеистическое ученіе. Дарвинъ нигдѣ не высказывался объ отношеніи между духовнымъ и матеріальнымъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что душевная жизнь человѣка и животныхъ связана какъ бы то ни было съ дѣятельностью матеріальныхъ органовъ и постольку можетъ быть изучаема естественно-исторически, подобно другимъ органическимъ явленіямъ. Онъ изслѣдуетъ поэтому развитіе душевной жизни путемъ борьбы за существованіе изъ низшихъ формъ въ высшія, а также опредѣленные законы этого развитія. Въ этомъ нѣтъ ничего матеріалистическаго! Онъ призналъ бы вѣроятно происхожденіе душевной жизни непостижимымъ, подобно тому, какъ онъ объявлялъ нерѣшенной проблемой происхожденіе жизни вообще; можетъ быть,

*) Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на это заявленіе Дарвинъ былъ наведенъ воспоминаніемъ объ извѣстной сценѣ, происшедшей въ 1860 г. во время съѣзда естествоиспытателей въ Оксфордѣ между Гексли и епископомъ оксфордскимъ (см. *Life and Letters* II стр. 320—22)—только Гексли отдалъ предпочтеніе обезьянѣ, какъ своему родоначальнику, не передъ дикаремъ, а передъ епископомъ оксфордскимъ.

***) Ср. мои замѣчанія объ отношеніи дарвинизма къ этикѣ въ «*Основаніяхъ челоѣческой этики*» (нѣмец. перев. стр. 18—20), и въ *Ethiske Undersøgelser* (København 1891), стр. 17—23.

объ эти проблемы составляли для него одну. Дарвину принадлежат интересные спеціальныя психологическія изслѣдованія, именно, кромѣ изслѣдованій о нравственномъ чувствѣ, изслѣдованія о половыхъ чувствахъ и инстинктахъ, объ инстинктахъ вообще, о выраженіи душевныхъ волненій, о развитіи ребенка въ первый годъ. Повсюду въ его сочиненіяхъ находишь интересные психологическія замѣчанія, сплошь да рядомъ тамъ, гдѣ этого и не ожидаешь (напр. въ небольшомъ сочиненіи объ образованіи пашни, благодаря работѣ червей). Изученіе началъ психологіи лежало однако же внѣ его задачи.

Если разумѣть подъ матеріализмомъ только сведеніе явленій къ опредѣленнымъ, естественнымъ законамъ, исключаящимъ всякое сверхъестественное вмѣшательство, то Дарвинъ конечно матеріалистъ. По его мнѣнію органическія формы предстояли воображенію творца не какъ вполне сложившіеся идеалы, которые оставалось только перенести въ матеріальную дѣйствительность, но представляютъ собою результатъ продолжительнаго процесса развитія изъ крайне незначительныхъ зачатковъ подъ неослабнымъ дѣйствіемъ жизненныхъ отношеній. Дарвинъ расширилъ область естественной связи: онъ содѣйствовалъ тому, что привычка мыслить *положительно* и обходиться безъ теологическихъ причинъ сдѣлалась болѣе распространенной среди естествоиспытателей, а затѣмъ и въ болѣе широкихъ кругахъ. Принципіально этимъ не прибавлено въ извѣстномъ смыслѣ ничего новаго, потому что принципъ естественныхъ причинъ былъ уже давно установленъ, но въ исторіи естествознанія не часты случаи столь блестящаго подтвержденія его. Если въ послѣднее время нѣкоторые англійскіе богословы стали примыкать къ ученію Дарвина, то выручали себя тѣмъ, что отодвигали актъ творенія къ началу жизни, когда возникли первичная форма или первичныя формы, а естественный отборъ разсматривали, какъ установленный Богомъ способъ возникновенія отдѣльныхъ видовъ. Для самого Дарвина однако этотъ выходъ былъ закрытъ. Какъ и Стюартъ Милль, онъ считалъ невозможнымъ примирить страданія и дисгармоніи въ мірѣ съ заботливымъ провидѣніемъ всемогущаго существа. Пессимистомъ онъ не былъ и питалъ убѣжденіе, доказательство котораго считалъ правда очень труднымъ, что счастье въ мірѣ значительно перевѣшиваетъ несчастье. Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ возможнымъ смотрѣть на естественный отборъ, влекущій за собой страданія и бѣдствія и порождающій ненависть и жестокость не меньше, чѣмъ любовь и кротость, какъ на средство въ рукахъ Провидѣнія. Неужели муха-великанъ создана намѣренно съ той цѣлью, чтобы пожирать живыя личинки, а кошка, чтобы играть съ мышью? Онъ высказывался въ этомъ духѣ уже въ своихъ сочиненіяхъ (именно въ сочиненіи «Variation» II стр. 342), но еще энергичнѣе въ письмахъ и автобіографіи. Всякій разъ, когда ему приходилось высказываться по религіознымъ вопросамъ, онъ возвращался къ реальности зла. Однако, постепенно, безъ болѣзненнаго пере-

лома, его воззрѣнія измѣнились, и подъ конецъ (въ отрывкѣ автобіографіи, написанномъ въ 1876 г.) онъ называетъ себя *агностикомъ*, т. е. человѣкомъ, сознающимъ, что наше познаніе не въ силахъ рѣшить проблему. Это выраженіе было впервые употреблено (1859) Гексли, другомъ и ученикомъ Дарвина. Не будучи въ состояніи примириться съ мыслью, что міръ въ своемъ настоящемъ видѣ есть результатъ сознательнаго намѣренія (*design*), онъ не могъ точно также допустить, чтобы онъ былъ результатомъ случайности (*chance* или *brute force*). «Самое надежное рѣшеніе», писалъ онъ одному молодому человѣку, желавшему узнать его мнѣніе, «состоитъ, кажется мнѣ, въ томъ, что весь вопросъ лежитъ за предѣлами человѣческаго разума. Но это не мѣшаетъ человѣку исполнять свой долгъ».

Агностицизмъ значитъ собственно, что то, что представляется намъ дилеммой, не обязано быть дилеммой само по себѣ, такъ какъ кромѣ единственныхъ для насъ возможностей: *design-chance*, могутъ существовать еще другія. Дарвинъ приходитъ въ концѣ концовъ къ тому же самому результату, какъ и Кантъ въ «Критикѣ силы сужденія». Послѣдній говорилъ, что различіе между механизмомъ и телеологіей принадлежитъ, можетъ быть, къ числу такихъ антитезъ, которыя мы вынуждены ставить въ силу природы нашего познанія, но не имѣемъ права предполагать ихъ обязательности для самого бытія.

(Продолженіе слѣдуетъ):

Перев. Д. Викторовъ.

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

Нѣмецкіе драматурги.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1889 года въ мирныхъ стѣнахъ берлинскаго «Театра Лессинга» царилъ такой невообразимый шумъ, что можно было подумать, что этотъ храмъ искусства вдругъ превратился въ арену возбужденнаго народнаго собранія. На сценѣ передъ глазами зрителей проходили ряды тяжелыхъ жизненныхъ картинъ, а въ зрительной залѣ стоялъ гулъ аплодисментовъ, топаній ногами, шиканій и свиста. Между тѣмъ это было даже не такъ называемое «публичное представленіе», а утренній спектакль одного изъ «вольныхъ театровъ» 80-хъ годовъ и въ присутствіи непосредственно заинтересованныхъ берлинскихъ литературныхъ слоевъ. Теперь, спустя 10 лѣтъ, трудно себѣ представить мотивы такого энтузіазма за и противъ, но въ тѣ времена нѣмецкая литература и спеціально нѣмецкая драматургія переживали періодъ увлеченія всякаго рода измами и направленіями. Однимъ изъ бурныхъ столкновеній новыхъ и старыхъ направленій былъ и упомянутый только-что утренній спектакль вольнаго театра. Группа горячихъ сторонниковъ молодого натуралистическаго направленія пришла на представленіе, чтобы всѣми силами поднять на пьедесталъ славы одного изъ своихъ крупныхъ представителей, тогда какъ другая еще болѣе многочисленная группа явилась туда съ не менѣе энергичнымъ намѣреніемъ выразить протестъ противъ «Новаго Фараона», какъ окрестилъ Шпильгагенъ нѣмецкую натуралистическую школу. Одна группа хлопала безъ всякой мѣры и подстрекала другую къ оппозиціи; публика въ своемъ крайнемъ возбужденіи громко выражала свои восторги и возмущеніе, не стѣсняясь открытой сценой и присутствіемъ дѣйствующихъ артистовъ. Шумъ возросталъ съ каждымъ актомъ. А когда ходъ пьесы достигъ своего апогея, то такого же апогея достигло возбужденіе зрителей. Пьеса кое-какъ была доиграна до конца; надъ ея героемъ смѣялись, надъ ея авторомъ издѣвались и ликовали. Въ это же время началась въ печати страстная полемика объ эстетическихъ и литературныхъ переворотахъ, и во всей Германіи стало извѣстно имя молодого

№ 10. Отд. II.

автора сенсационной пьесы, который то провозглашался «безопаснымъ натуралистомъ», «драматургомъ безобразій», «художественнымъ анархистомъ», или безирравственнымъ драматическимъ писателемъ 19 вѣка, то возводился на пьедесталъ «реформатора искусства» и «освободителя поэзии»... Этимъ авторомъ былъ Гергартъ Гауптманъ, а вызвавшей такую бурю пьесой была первая его драма: «Передъ восходомъ солнца» (*Vor Sonnenaufgang*).

Рѣдко кому изъ драматическихъ писателей пришлось пройти къ славѣ черезъ такой перекрещивающійся огонь дружественной и враждебной критики, какъ это было съ Гауптманомъ при постановкѣ его первой драмы. Въ настоящее время его слава упрочена, его хорошо знаютъ и у насъ въ Россіи, и это обстоятельство избавляетъ меня отъ необходимости подробно излагать его произведенія. Ограничусь поэтому краткой и общей характеристикой.

Значеніе Гауптмана какъ драматурга, или что то же самое,—его литературное значеніе вообще,—опредѣляется девятью драмами, написанными имъ въ теченіе семи лѣтъ, свидѣтельствующими о большой творческой продуктивности и необыкновенно широкомъ полетѣ творческой фантазіи. Имъ написаны отъ 1889 по 1896 годъ двѣ бытовыхъ народныхъ драмы («Передъ восходомъ солнца» и «Ткачи»), двѣ семейныя трагедіи («Праздникъ мира» и «Одинокіе люди»), двѣ комедіи «Боллега Брамтонъ» и «Бобровая шуба»), одна историческая драма («Флоріанъ Гейеръ»), одна фантастическая драма («Ганеле») и одна драматическая сказка («Потонувшій колоколь»).

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе драматическаго первенца, принесшаго Гауптману столько тревогъ и столько отрадныхъ упованій. Мы видимъ въ «*Vor Sonnenaufgang*» разбогатѣвшую крестьянскую семью. Отецъ совершеннѣйшій человѣкъ-звѣрь, оскотинившееся, вѣчно-пьяное и на собственную свою дочь покушающееся чудовище. Мать — грубая женщина, поддерживающая преступную связь съ идиотски-глупымъ и жестокимъ парнемъ изъ близкихъ сосѣдей. Изъ двухъ дочерей старшая также предана спиртнымъ напиткамъ, родитъ дѣтей, прежде времени становящихся жертвами алкоголизма. Ея мужъ — завѣдомый негодяй, зарящійся на младшую сестру своей жены. Эта дѣвушка, Елена—единственное чистое существо во всемъ семейномъ бодотѣ. Въ это темное царство является политическій агитаторъ Лотъ. Сохранившаяся въ своей чистотѣ Елена, долгое время жившая и воспитывавшаяся внѣ семьи, лишь смутно догадывалась о всемъ ужасѣ окружавшей ее обстановки и только теперь, столкнувшись съ Лотомъ, начала сознательно разбираться въ возмутительныхъ условіяхъ своей жизни. Влеченіе къ свободѣ, чистотѣ, счастью связывается для нея съ этого момента съ личностью Лота. Но это не только влеченіе дѣвушки, влюбившейся и желающей выйти замужъ за любимаго молодого человѣка: въ Лотѣ Елена прежде всего увидѣла своего избавителя. Благодаря ему, она впервые почувствовала, что безповоротно

погрузится въ разстилающуюся передъ нею тину, если мощныя руки, которымъ она съ довѣріемъ можетъ отдаться, не вытащатъ ее немедленно оттуда. Лотъ любить ее,—быть можетъ какъ совершенный контрастъ къ окружающей ее деморализованной средѣ. Но когда онъ узнаетъ, что она происходитъ изъ наследственно болѣзненнаго рода алкоголиковъ, онъ покидаетъ Елену. Онъ не хочетъ брать на себя ответственности передъ людьми, такъ какъ считаетъ своимъ долгомъ оставить будущему человечеству крѣпкихъ дѣтей, здоровое невыродившееся потомство. Покинутая Елена кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Было вполне понятно, что литературная и театральная критика прежде всего обрушилась на самого героя социальной драмы—на Лота, не сдѣлавшаго даже ни малѣйшей попытки вытащить бѣдную дѣвушку изъ зараженной атмосферы. Такой безсердечный образъ дѣйствій не только стоялъ въ противорѣчій съ сердечнымъ отношеніемъ Лота къ Еленѣ въ предшествующихъ актахъ, но отнюдь не вытекалъ изъ теоріи наследственности въ томъ видѣ, какъ она воплощена въ драмѣ Гауптмана. Многие отождествляли Лота съ самимъ Гауптманомъ, хотя общаго между ними развѣ одно отвращеніе къ алкоголю. Экстравагантности Лота, вродѣ умаленія «Страданій Вертера» Гете до степени глупой книги, или превознесенія дѣйствительно далеко не умной книги Феликса Дана «Борьба за Римъ» надъ сочиненіями Зола и Ибсена — все это и многое другое никогда не было взглядами Гауптмана, а въ его первой драмѣ является вѣроятно отраженіемъ его студенческихъ споровъ съ его друзьями, не отличавшимися тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Точно также и то жестокое слѣдованіе принципу, которому Лотъ приноситъ въ жертву свою возлюбленную, есть очевидно не совсѣмъ зрѣлый продуктъ занятій Гауптмана въ теченіе короткаго времени у цюрихскаго психіатра Фореля. Къ этому примѣшались еще вліянія героевъ ибсеновской «Дикой утки». Самъ Гауптманъ впоследствии какъ-то замѣтилъ, что не вѣритъ больше въ своего Лота. Въ немъ и въ самомъ дѣлѣ очень мало жизненной правды; все въ этомъ характерѣ было подогнано къ тенденціи, знаменовавшей переходъ автора отъ прежняго туманнаго идеализма къ реализму и натурализму.

Но художественныя достоинства первой драмы Гауптмана заключались не въ характерѣ Лота. Они были разсѣяны какъ перлы по всей пьесѣ, и обнаруживали въ авторѣ рѣдкій даръ наблюдательности и индивидуализированія. Не только главные члены крестьянской семьи, но и прислуга, работники представлены съ поразительной рельефностью. Сценическая обстановка обозначена до мельчайшихъ деталей, мѣсто дѣйствій очевидно знакомо автору съ дѣтскихъ лѣтъ, языкъ дѣйствующихъ лицъ взятъ прямо изъ жизни и, вопреки традиціонной рѣчи нѣмецкой драмы, отличался смелостью и рѣдкой пластичностью. Разговоры «въ сторону» и монологи, за ничтожными исключеніями, были устранены изъ оборота.

Возбужденіе, вызванное первой драмой Гауптмана еще не улеглось, когда изъ подъ пера нашего автора вышла слѣдующая пьеса «Friedensfest»

съ подзаглавіемъ «семейной трагедіи». Эта трагедія есть своего рода вариация на предшествующую ей драму и должна была служить какъ бы комментариемъ и обоснованіемъ поступка Лота. Здѣсь мы не видимъ уже агитаторовъ, пекущихся объ общемъ благѣ, и характерная для всего творчества Гауптмана черта—чувство глубокаго общественнаго состраданія—сосредоточивается на индивидуальных характерахъ, борющихся или съ самимъ собою, или съ унаслѣдованными недугами. Въ «Праздникѣ мира» мы опять видимъ семью, изнывающую подъ тяжестью наследственной болѣзни. Въ этой семьѣ всеобщій разладъ. Мужъ и жена уже вскорѣ послѣ свадьбы живутъ врозь. Оба сына, съ дѣтскихъ лѣтъ страшно истязуемые отцомъ, не могутъ ужиться ни съ матерью, ни съ сестрою. Младшій сынъ Вильгельмъ доходитъ даже разъ до того, что наноситъ ударъ отцу, когда послѣдній, не стѣсняясь присутствіемъ сына, рассказываетъ дворнику разныя гнусности про свою жену. Въ этотъ роковой день отецъ и сынъ покидаютъ домъ. Отецъ (по профессіи врачъ) ведетъ безпокойную жизнь, а сынъ на чужбинѣ знакомится съ дѣвушкой Идой, которая, какъ и ея мать, является совершенной противоположностью семьѣ Вильгельма. Имъ удается побудить Вильгельма сдѣлать попытку примиренія съ его родными. Подъ Рождество Христово долженъ состояться этотъ «Праздникъ мира». Какъ разъ въ этотъ день кетати возвращается домой и отецъ. Вильгельмъ дѣлаетъ надъ собою усиліе и примиряется съ отцомъ. Но едва это случилось, какъ передъ нами Гауптманомъ въ рѣдкой по мастерству сценѣ рисуется картина новой семейной ссоры между родителями и дѣтьми, въ результатъ которой уже безъ того надорванный отецъ умираетъ отъ страшнаго возбужденія, а Вильгельмъ бѣжитъ изъ родительскаго дома вмѣстѣ съ Идой и ея матерью.

Трудно себѣ представить на основаніи этой сжатой передачи содержанія всѣ тонкія детали этой необыкновенной драмы загубленнаго здоровья и разстроенныхъ нервовъ. Это поистинѣ классическая драматизація нашего «нервнаго вѣка»,—драматизація тѣмъ болѣе блестящая, что по сравненію съ первой пьесой Гауптмана «Праздникъ мира», это болѣе цѣльное произведеніе и потому въ большей степени удовлетворяетъ требованіямъ драматической техники.

Если въ первыхъ его пьесахъ Гауптмана по преимуществу занимала проблема любви, то въ послѣдующей—«Одинокихъ людяхъ»—передъ нами возникаетъ проблема брака, семейнаго существованія. Иоганесъ Фокератъ—вотъ тотъ непонятый окружающими геній, котораго судьба связала съ очень непретенціознымъ существомъ, но, какъ многія нѣмки, милой, любящей Hausfrau, матерью и женой. Въ этотъ кружокъ семьи Фокерата и его родныхъ является «новый человѣкъ», цюрихская студентка Анна Маръ. Какъ Лотъ для Елены въ «Передъ восходомъ солнца», такъ студентка Маръ для Иоганеса въ «Одинокихъ людяхъ» принесла съ собою свѣтъ и радость жизни. Иоганесъ привязывается къ Маръ, которая приноситъ ему спасеніе и избавленіе отъ всей давящей его пустоты, не смотря

на всю окружающую его любовь и заботливость жены и родныхъ. Но какъ Лотъ Елену, такъ точно и Марь въ самый рѣшительный моментъ оставляетъ Иоганеса, не потому, что она его не любила, а потому что не хотѣла идти противъ наличныхъ условий. Иоганесь былъ женатъ, связь съ нимъ не повела бы ни къ чему хорошему. И вотъ, какъ одинокій, но вѣрный себѣ человекъ, Марь, какъ и Лотъ, преодолеваетъ попавшееся на пути затрудненіе и идетъ далѣе созидать то будущее, которое не потребуетъ отъ людей ни грѣховныхъ желаній, ни ненужнаго самопожертвованія. Но Иоганесь не выдерживаетъ разлуки съ Анной Марь; съ ея уходомъ онъ только еще рѣзче замѣчаетъ всю окружающую его тину и мракъ и въ отчаяніи бросается въ воду.

Герой драмы безъ сомнѣнія слабая натура и вѣроятно такимъ и долженъ быть по замыслу автора. Въ своей научной дѣятельности онъ очевидно представляетъ извѣстный интересъ, но эта дѣятельность не утилизирована драмой: мы знаемъ изъ пьесы о существованіи манускрипта, но остаемся въ невѣдѣніи на счетъ его содержанія. На самомъ же дѣлѣ Иоганесь является однимъ изъ тѣхъ писакъ, которые своими писаніями тиранизируютъ всѣхъ окружающихъ. Но не случилось ли это потому, что возлѣ него не было человека, способнаго его понять? Но крупныя натуры, располагая значительнымъ запасомъ собственныхъ внутреннихъ ресурсовъ, не приходятъ въ отчаяніе, какъ бы одиноки они ни были. Поэтому идеи, волновавшія Фокерата, надо думать, не имѣли особенно выдающагося, всеобъемлющаго характера...

Гораздо интереснѣе женскіе типы этой драмы. Студентка Марь и простенькая жена Иоганеса Кетхенъ, не смотря на свое различіе, тѣмъ не менѣе обѣ очень выгодно отличаются отъ ученаго неврастеника, втянувшего ихъ въ водоворотъ своихъ страстей и сомнѣній. Сильная, независимая Марь лишь на мгновеніе способна была увлечься своимъ ученымъ коллегой, вообще же она была слишкомъ разсудительна, чтобы не видѣть неумѣстности болѣе серьезнаго романа съ Фокератомъ, чтобы не уважать преимущества женскихъ правъ добросердечной Кетхенъ. Эта послѣдняя въ своей безконечной сердечности и добротѣ, хотя и замѣчаетъ увлеченіе своего мужа цюрихской студенткой, тѣмъ не менѣе открыто признаетъ громадные преимущества умной и все же столь женственной Марь, къ которой она проникнута прямо благоговѣйнымъ чувствомъ.

«Одинокіе люди» по своей технической композиціи были очень хорошо приспособлены къ сценѣ и на первыхъ порахъ эта пьеса дѣйствительно скорѣе другихъ произведеній Гаутмана со сцены вольнаго театра перешла на публичную сцену. Но эти первыя произведенія Гаутмана не долго держались въ репертуарѣ нѣмецкихъ театровъ, будучи вытѣснены послѣдующими его пьесами. Среди такихъ «Ткачи» занимаютъ первое мѣсто.

Тотчасъ по окончаніи «Одинокихъ людей» Гаутманъ отправился въ свои родныя силезскія горы, чтобы на мѣстѣ собрать матеріалъ о происходившемъ въ 40-хъ годахъ движеніи среди тамошнихъ ткачей. Въ появив-

шейся затѣмъ драмѣ мы читаемъ слѣдующее посвященіе: «Если я, дорогой отецъ, посвящаю тебѣ эту драму, то руковожусь при этомъ чувствами, которыя тебѣ знакомы и которыя нѣтъ надобности здѣсь излагать. Твои рассказы о моемъ дѣдѣ, бывшемъ бѣднымъ ткачомъ, сидѣвшимъ, какъ и изображенные въ моей драмѣ, за простымъ станкомъ, — эти рассказы послужили зародышемъ моего настоящаго произведенія, которое — не знаю, отличается ли жизненностью или мертворождено, — но есть лучшее, что я былъ въ силахъ дать». Это посвященіе лучшимъ образомъ свидѣтельствуеетъ о сродствѣ Гауптмана съ сюжетомъ его замѣчательной драмы.

Весьма вѣроятно, что въ своихъ предыдущихъ драмахъ Гауптманъ изображалъ собственныя внутреннія настроенія своей чувствительной нервной природы; въ «Ткачахъ» сказалось его общественное міросозерцаніе. Фигуры его предыдущихъ душевныхъ драмъ были ступенями его собственнаго душевнаго развитія, тогда какъ «Ткачи» являются объективной, изъ наблюдений добытой, картиной, которая, правда, была ему сродни съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Первые драмы Гауптмана лежатъ какъ бы далеко въ сторонѣ отъ большой дороги жизни, тогда какъ драма ткачей разыгрывается въ такихъ сферахъ жизни, гдѣ вѣетъ духомъ новаго историческаго момента.

Чрезвычайное впечатлѣніе, производимое «Ткачами», общеизвѣстно. Первоначально они были воспрещены къ публичной постановкѣ. Судебнымъ порядкомъ удалось добиться отмены этого воспрещенія по крайней мѣрѣ для «Нѣмецкаго Театра» въ Берлинѣ. Драма возбуждала необыкновенный интересъ въ публикѣ. При участіи лучшихъ артистическихъ силъ устраивались чтенія драмы, представленія на «вольныхъ сценахъ», избавленныхъ отъ театральной цензуры, привлекали массы зрителей специально изъ рабочей среды. Послѣдовавшая затѣмъ постановка «Ткачей» на сценѣ «Нѣмецкаго Театра» съ его образцовой труппой выдержала болѣе 200 представленій подъ-рядъ. Нападки охранителей въ парламентѣ и въ прессѣ содѣйствовали еще большому возбужденію интереса къ гауптмановской драмѣ. Ея популярность сдѣлалась такъ велика, что каждый житель Берлина и каждый проѣзжающій считали своимъ долгомъ сходить въ «Нѣмецкій Театръ».

Среди всѣхъ драмъ народнаго горя и возмущенія, написанныхъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, «Ткачи» безъ сомнѣнія занимаютъ первое мѣсто. Громаднѣйшія трудности драматизаціи такого сюжета впервые преодолены въ произведеніи Гауптмана. Его ткачи являются передъ нами во всей ихъ подлинности. Ихъ блѣдныя изможденные лица, ихъ жилищныя берлоги отдають атмосферой крайней нищеты, а отдѣльные эпизоды производять потрясающее впечатлѣніе. Прекрасно задуманъ первый актъ драмы, сразу охватывающій весь театръ настроеніемъ всеобщаго голода ткацкаго населенія; и какъ удачно построенъ постепенно усиливающийся драматическій эффектъ ткацкой пѣсни, о которой сначала идетъ лишь разговоръ, которая затѣмъ декламируется, а впоследствии поется все большей массой, покуда

не дѣлается рѣшительнымъ боевымъ гимномъ. Эта трагедія жестокой нужды производитъ со сцены импонирующее впечатлѣніе. Правда, передъ нами разыгрывается рядъ отдѣльныхъ сценъ, для ихъ тѣсной связи недостаетъ подлиннаго «героя», пожалуй даже, объединяющей идеи, — среда, стихійныя условія, какъ въ прежнихъ произведеніяхъ Гауптмана, играютъ главную роль. Но въ то время какъ въ прежнихъ произведеніяхъ эта среда безапелляціонно все давила, сокрушала, она въ «Ткачахъ» впервые наталкивается на противодѣйствіе. Этимъ путемъ возникаетъ драматическое дѣйствіе, изъ столкновенія различныхъ факторовъ возникаетъ борьба. И эта борьба не совсѣмъ безысходна, потому что она здѣсь направлена противъ людей, а не противъ стихійныхъ силъ, какъ въ пьесахъ «Передъ восходомъ солнца» и «Праздникъ мира».

Нѣкоторымъ образомъ въ pendant къ «Ткачамъ» былъ задуманъ впоследствии «Флоріанъ Гейеръ» — драма изъ исторіи крестьянской войны. Эта работа явилась продуктомъ какъ долгихъ и напряженныхъ изслѣдованій Гауптмана печатныхъ источниковъ, такъ равно и живыхъ его наблюденій на мѣстѣ дѣйствій въ франконской землѣ. Но всѣ эти детали, прошедшія такъ встать въ «Ткачахъ», въ крестьянской драмѣ послужили лишь къ загроможденію фигуры «героя», какимъ долженъ былъ явиться Флоріанъ. Расчитанная для сцены — эта драма обречена покоиться въ бібліотекахъ, но какъ книга она безусловно представляетъ громаднѣйшій интересъ. Просвѣщенный другъ Гауптмана и директоръ «Нѣмецкаго Театра» д-ръ Отто Брамъ пытался сокращать «Флоріана Гейера» для своей сцены и втиснуть его въ рамки одного театральнаго вечера. Но это была мучительная работа, производившая и на зрителя тяжелое впечатлѣніе бесплодныхъ усилій сдвинуть съ мѣста гору. Самъ авторъ не теряетъ надежды возвратитъ своему Флоріану капризную сцену и неуслышно занять дальнѣйшей «драматизаціей» своего сверхъ всякой мѣры объемистаго драматическаго произведенія.

О двухъ другихъ произведеніяхъ Гауптмана: «Коллега Брамptonъ» и «Бобровая шуба» мы можемъ упомянуть лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Первое было написано почти одновременно съ «Ткачами» и характеризуетъ талантъ Гауптмана съ юмористической стороны. По своему сюжету «Коллега Брамptonъ» напоминаетъ «Одинокихъ людей» по столько, по сколько исторія непризнаннаго гения разыгрывается въ обѣихъ пьесахъ, но въ послѣдней на трагической канвѣ, тогда какъ первая окружена атмосферой чрезвычайно забавнаго юмора. Такимъ же юморомъ, съ примѣсью большой дозы соціальной сатиры, проникнута «воровская» комедія Гауптмана «Бобровая шуба». Въ рамкахъ маленькаго бранденбургскаго мѣстечка Гауптманъ даетъ намъ картину современнаго нѣмецкаго бюрократизма съ его узостью, ограниченностью и карьеризмомъ. Главная фигура комедіи — молодой земскій начальникъ (Amtsvorsteher) Верганъ представляетъ собою типъ чиновника, озабоченнаго тѣмъ, чтобы обратитъ на себя вниманіе высшихъ сферъ, и для этой цѣли занятая «подглядываніемъ и непуца-

нѣмъ» всякаго рода неблагонадежныхъ лицъ. Это милое занятіе молодой судья припутывается и тогда, когда рѣчь собственно идетъ о совершенной кражѣ бобровой шубы. Убійственный комизмъ такого усердія и составляетъ содержаніе оригинальной воровской комедіи.

Въ этой комедіи мы видимъ опять новую сторону въ творествѣ и драматическомъ талантѣ Гауптмана. О тѣхъ новыхъ сторонахъ рѣдкаго дарованія нашего молодого драматурга, которыя раскрыты его «Ганеле» и «Потонувшимъ колоколомъ», дѣтъ не приходится говорить въ виду большой популярности этихъ фантастическихъ сказокъ въ Россіи.

Рядомъ съ Гауптманомъ слѣдуетъ назвать еще двухъ авторовъ, характеризующихъ главнѣйшіе моменты въ развитіи новѣйшей нѣмецкой драматургіи: Эрнста фонъ-Вильденбруха и Германа Зудермана. Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ — непосредственный продуктъ новой германской имперіи. Онъ лично пережилъ время 1870—71 годовъ и всѣ недавнія ликованія, связанные съ осуществленіемъ старыхъ національныхъ вождедѣній. Будучи не только пламеннымъ патриотомъ, но и родственникомъ дома Гогенцоллерновъ, онъ тѣмъ больше радовался новому блеску этой династіи. Послѣ наступившей непосредственно за 1870 годомъ реакціи, послѣ побѣднаго шума, хищеній эпохи грюндерства, раздоровъ времени культурной борьбы, словомъ — послѣ перваго десятилѣтія, протекшаго со времени войны, можно было только оглянуться и подвести итоги сдѣланнымъ завоеваніямъ. Только теперь нѣмцы начали чувствовать себя объединенной націей, нуждающейся сверхъ этого виѣшняго объединенія и во внутреннемъ подъемѣ. И вотъ этотъ то процессъ національнаго подъема Вильденбрухъ старался по своему воплотить въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ. Его «Каролинги», его «Христофъ Марловъ», его прусскія драмы, бранденбургскія исторіи и новѣйшая драма «Король Гейнрихъ» — всѣ проникнуты одной и той же идеей національнаго и династическаго энтузіазма и возвеличенія, расплывающейся на канвѣ то современной дѣйствительности, то такъ или иначе истолкованнаго историческаго прошлаго. Несомнѣнно присущая Вильденбруху драматическая жилка и умѣніе пользоваться театральными эффектами стяжали автору довольно громкую репутацію не только въ патристическихъ слояхъ.

Но изъ ядра этого внутренняго національнаго возрожденія все явственнѣй стали раздаваться отзвуки соціальнаго броженія и соціальной борьбы. И эти отзвуки постепенно становились настолько могучими, что заглушали всѣ прочіе тона. На эти новыя тенденціи Вильденбрухъ былъ не въ силахъ откликнуться. Здѣсь на арену выступили Зудерманъ и Гауптманъ, изъ которыхъ первый занялъ среднюю между ними позицію. Но всѣ они втроемъ какъ бы представляютъ собою все современное поколѣніе, и это представительство нельзя лучше иллюстрировать, какъ той публикой, которая по преимуществу внимаетъ каждому изъ нихъ. Правда, въ настоя-

щее время это дѣленіе театальной публики не обнаруживается въ такой рельефной формѣ, но все же сильно даетъ себя чувствовать.

И вотъ если на очереди «первое представленіе» пьесы Вильденбруха, то къ подъѣзду театра то и дѣло подъѣзжаютъ экипажи, ливрейные лакеи отворяютъ дверцы, старые почтенные превосходительства и молодые блестящіе офицеры наполняютъ ложи и кресла. Если же объявлена «премьера» Зудермана, то изъ элегантныхъ экипажей выползаютъ сытыя фигуры финансовыхъ бароновъ, биржевыхъ тузовъ, совѣтниковъ коммерціи, съ пестро разодѣтыми дамами; повсюду видны брилліанты и дорогіе туалеты и лишь изрѣдка попадаетъ военный мундиръ. Если наконецъ очередь за Гаутманомъ, то къ улицѣ Шумана, гдѣ ютится берлинскій «Нѣмецкій Театръ», по образу пѣшаго хожденія спѣшатъ толпы простого люда, среди котораго неизбѣжно виднѣется тотъ или иной «рабочій вождь». Такимъ образомъ, аристократія, буржуазія и демократія какъ бы подѣлились между собою главныхъ представителей драматургіи. Сообразно съ этимъ и самые авторы, по крайней мѣрѣ въ первый бурный періодъ своего творчества, приспособляли къ своей публикѣ и свои творенія. Аристократъ Вильденбрухъ не только вдается въ глубь отечественной исторіи, извлекая изъ нея своихъ аристократическихъ героевъ, но и самая драматическая его композиція носитъ на себѣ своего рода аристократическій отпечатокъ: онъ расправляется со своимъ матеріаломъ совершенно по своему произволу и усмотрѣнію, не стѣняясь нисколько требованіями исторической правды. Зудерманъ беретъ свои сюжеты изъ современной, по преимуществу буржуазной дѣйствительности, изображая передъ нами ту буржуазію, которая тщетно старается найти точку примиренія между двумя крайними лагерями, но безсильная сдается на разные компромиссы и растирается между жернововъ двухъ крайнихъ борющихся сторонъ и міросозерцаній. Героями Зудермана являются также отдѣльные индивидуумы, но уже не короли, а типичные бюргеры. Если такимъ образомъ Вильденбрухъ воплощаетъ собою трагизмъ невозвратнаго прошлаго, то Зудерманъ даетъ намъ трагизмъ переходной эпохи, а Гаутманъ—занимающуюся зарю новой жизни. Вильденбрухъ обращаетъ свои взоры къ величію прошлаго, Зудерманъ нѣсколько смущенно, но все же съ сильнымъ яркимъ талантомъ старается разобраться въ настоящемъ, а Гаутманъ намѣчаетъ этапы будущаго.

Германъ Зудерманъ на нѣсколько лѣтъ старше Гаутмана: онъ родился въ 1857 году, въ небольшомъ мѣстечкѣ Восточной Пруссіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ съ дѣлою связкой манускриптовъ пробрался въ Берлинъ, чтобы искать здѣсь литературнаго счастья. Его первоначальные литературные опыты исчерпывались романами и повѣстями, и тѣ литературные корифеи, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ и содѣйствіемъ, разводили лишь руками, не умѣя приложить ума. Такъ шли годы, Зудерманъ началъ, правда, печататься, но оставался извѣстенъ только въ интимныхъ литературныхъ кружкахъ. И вотъ, за одну ночь, какъ выражаются нѣмцы, неизвѣстный до того авторъ сдѣлался знаменитостью. Это случилось въ

ночь съ 27 на 28-ое Ноября 1889 года, такъ какъ 27 Ноября этого года была поставлена его драма «Die Ehre» (Честь) на сценѣ Лессингъ-Театра въ Берлинѣ *).

Необыкновенный, бурный успѣхъ, выпавшій на долю драмы Зудермана «Честь», впервые сдѣлалъ его извѣстнымъ и какъ романиста. Его полузабытые литературные первенцы были возрождены къ новой жизни и принадлежать теперь къ наиболѣе читаемымъ беллетристическимъ произведеніямъ. Самъ Зудерманъ, какъ драматургъ, послѣ Гауптмана является безусловно наиболѣе популярнымъ авторомъ. Съ 1889 года—своего перваго крупнаго успѣха Зудерманъ почти каждый годъ дарилъ нѣмецкому театру по новой пьесѣ. Если три одноактныхъ его пьесы: «Teja», «Das Ewig-Männliche» и «Fritzchen», изданныя подъ общимъ названіемъ «Morituri» и подъ этимъ же общимъ заглавіемъ идущія на сценѣ, считать за одно произведеніе, то по настоящее время Зудерманомъ всего написано семь драмъ, изъ которыхъ большинству суждено было стать прочнымъ достояніемъ репертуара нѣмецкихъ театровъ, а нѣкоторые положили себѣ не безславный путь и далеко за предѣлы Германіи. На долю драматическихъ произведеній Зудермана выпалъ небывалый и для произведений живущаго еще драматурга прямо таки неслыханный успѣхъ на книжномъ рынкѣ. Его драма «Die Heimat» (на русскомъ языкѣ существуетъ, кажется, два перевода: «Родина» и «Отчий домъ») выдержала 18 изданій; «Die Ehre» и «Sodoms Ende»—выдержали по 16 изданій; «Das Glück im Winkel» (Счастье въ уголку) вышла въ 9 изданіяхъ, «Schmetterlingsschlacht» (Бой бабочекъ) въ пяти изданіяхъ, наконецъ «Morituri» и послѣдняя драма Зудермана «Johannes» (Іоаннъ Креститель) разошлись въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Сообразно съ этимъ опредѣлялся и сценическій успѣхъ Зудермановскихъ драмъ, за исключеніемъ одной «Schmetterlingsschlacht», которая, по всѣмъ видимостямъ, окончательно потеряна для театра. Что же касается драмъ «Sodoms Ende» и «Johannes», то ихъ сенсаціонному успѣху въ значительной степени содѣйствовали первоначально наложенныя, а внослѣдствіи отмѣненныя (относительно «Johannes» по распоряженію самого Вильгельма II) полицейскія запрещенія.

Своей первой драмой «Честь» Зудерманъ въ весьма значительной степени содѣйствовалъ возникновенію того литературнаго движенія, которое

*) Литература о Зудерманѣ не такъ обширна, какъ о Гауптманѣ, но все же среди нея имѣются и отдѣльныя монографіи, изъ которыхъ назову извѣстныя мнѣ двѣ:

1) Konrad v. Bawern: «Sudermann». Halle 1892.

2) Waldemar Kawerau: «Hermann Sudermann». Magdeburg und Leipzig 1897. Книга Kawerau въ первой части посвящена разбору эпическихъ, во 2-ой части—драматическихъ произведеній и можетъ быть рекомендована какъ лучшее, что написано о Зудерманѣ.—Сверхъ того имѣется, конечно, масса журнальныхъ статей и цѣлый рядъ отдѣльныхъ главъ о Зудерманѣ въ новѣйшихъ исторіяхъ литературы.

придало театру уже давно невиданное положеніе въ умственной жизни нѣмецкаго общества. Это движеніе снова возродило живую связь между сценой и литературой и наполнило современный театръ духовнымъ содержаніемъ. Этимъ путемъ оно снова вернуло театру симпатію и интересъ публики, которой пріѣлисъ слащавыя исторіи изъ скучнаго мѣщанскаго и философскаго быта. Театръ снова сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія, предметомъ горячихъ споровъ; каждое первое представленіе новой пьесы было крупнымъ событіемъ, волновавшимъ умы и страсти. Въ этомъ возбужденіи литературнаго интереса къ театру заслуга Зудермана заключается специально еще въ томъ, что онъ болѣе другихъ сумѣлъ популяризировать во всей Германіи идеи новаго литературнаго движенія, сосредоточивавшагося по преимуществу въ центрѣ германской литературной жизни— въ Берлинѣ.

Со времени горячихъ литературныхъ споровъ конца 80-хъ годовъ утекло много воды. О Зудерманѣ, какъ и о другихъ спорныхъ авторахъ, можно теперь судить съ болѣею объективностью и меньшею страстностью. Съ этой точки зрѣнія для каждаго должно быть ясно, что въ Зудерманѣ заключено богатое дарованіе: выдающійся даръ наблюдательности, искусство хорошихъ замысловъ, сильная рука для возбужденія театральнаго эффекта, остроуміе, юморъ,—словомъ, все то, что способно захватывать и увлекать зрителя. Рядомъ съ этимъ привходитъ, правда, значительная доля сентиментализма и не всегда высокопробнаго условнаго морализированія. Но въ общемъ это блестящій сильный талантъ, способный всякую вещь обставить наибольшимъ интересомъ.

Данное время всего лучше характеризуется путемъ противопоставленія его противорѣчій и противоположностей. Усиѣхъ драмы «Честь» и объяснялся такимъ противопоставленіемъ пролетаріата буржуазіи, или вѣрнѣе, понятій о чести у этихъ двухъ классовъ. Эти понятія безпрестанно даютъ себя чувствовать въ нашей жизни. Кастовый духъ съ надменнымъ упрямствомъ противорѣчитъ духу времени. Талантъ Зудермана оказался, однако, недостаточнымъ, чтобы расчистить этотъ путь, чтобы въ своей драмѣ намѣтить способъ разрѣшенія проблемы противорѣчій. Это вообще характерно для Зудермана, что онъ, такъ сказать, сидитъ между двухъ стульевъ, какъ и тотъ общественный классъ, къ которому онъ, какъ художникъ, всего ближе примыкаетъ. Въ частности онъ обнаруживаетъ большую впечатлительность къ явленіямъ современной жизни, но остается всегда на полдорогѣ. Почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ— драматическихъ какъ повѣствовательныхъ—онъ въ значительной степени является ученикомъ французской школы Дюма и Б°. Заимствованные у этихъ послѣднихъ приемы построенія антитезы, которыми полны драмы Зудермана, очень ловкое смѣшеніе элементовъ прошлаго съ современнымъ дѣлаютъ всегда драматическое дѣйствіе въ пьесахъ Зудермана интереснымъ. Этотъ постоянный интересъ его пьесъ есть источникъ и ихъ сравнительно очень широкой популярности. Большинство драмъ Зудермана

переведено и на русский язык и ставится на русских сценах. Всевѣтныя знаменитости, какъ Дузе, Сара Бернаръ, Цаккони сдѣлали персонажи зудермановскихъ драмъ своими коронными ролями.

Даже такой реалистически настроенный драматургъ, какъ Зудерманъ, не удержался, однако, отъ увлеченія той литературной модой, которая въ послѣднее время стала искать драматическіе и литературные сюжеты въ области фантази и библейскихъ преданій. Своей послѣдней драмой «Johannes» онъ вдругъ оставилъ облюбованную имъ среду прежнихъ своихъ произведеній. Въ его «Чести» и «Бонцѣ Содомы» чувствовалась растлѣвающая атмосфера деморализованнаго берлинскаго общества; въ его драмахъ «Родина» и «Счастье въ уголку» воспроизведенъ бытъ его восточно-прусской родины. «Иоаннъ Креститель» насъ отрываетъ вдругъ отъ этой близкой дѣйствительности и обдаетъ шелестомъ пальмъ Святой Земли.

Въ прошлую зиму эта библейская трагедія была главной сенсационной новинкой сезона, новинкой, тѣмъ болѣе сенсационной, что постановка трагедіи на публичныхъ сценахъ была, какъ я упомянулъ выше, разрѣшена самимъ императоромъ вопреки полицейскому запрещенію, основывавшемуся на какомъ то старомъ параграфѣ, въ силу котораго публичное представленіе пьесъ съ библейскими сюжетами не допускается.

Главными лицами построенной на библейскомъ сказаніи зудермановской трагедіи являются Иоаннъ Креститель, предтеча Спасителя и соблазнительная падчерница іудейскаго царя Ирода—Саломея, которая въ награду за свой скабрешный танецъ требуетъ головы Крестителя, отвергнувшаго ея любовныя притязанія. Высокоправственный пророкъ—пустынникъ, возвѣщающій скорбящему и забитому іудейскому народу вождѣйную новую эру пришествія Мессіи, публично объявляетъ Иродіаду, жену Ирода, блудницей. Отсюда страшная ненависть іудейскаго властелина противъ новаго пророка. Послѣдній заключается въ тюрьму при дворѣ Ирода, гдѣ, по изображенію Зудермана, вопли царятъ порядки, какъ въ Содомѣ à la fin de siècle. Иродъ зарится на прелести своей собственной падчерницы, мать которой Иродіада старается эту слабость своего, вообще говоря, довольно добродушнаго супруга утилизировать въ интересахъ своей личной мести къ пророку. Такъ какъ всѣ чары и заклинанія страстной Саломеи встрѣчаютъ со стороны Иоанна одно презрительное равнодушіе, то Иродіада пользуется своей дочерью, какъ орудіемъ для выполнения своего преступнаго плана. На торжествѣ, устроенномъ Иродомъ въ честь своего гостя римскаго полководца Виталія, Саломея пляшетъ бѣшеный танецъ и вынуждаетъ у своего одурманеннаго вотьчима повелѣніе казнить Крестителя. Объятые ужасомъ гости Ирода видятъ, какъ жестокая Саломея (за сценой) опьяненная пляшетъ, держа въ рукахъ золотое блюдо съ окровавленной главой Крестителя. Въ этотъ ужасный моментъ врываются съ улицы крики: «оссанна, оссанна! оссанна царю іудейскому!..» Среди ликовавшаго народа, машущаго пальмовыми вѣтвями, шествуетъ къ городу

Спаситель, а Иродъ въ глубокомъ смущеніи спрашиваетъ про себя: «Что, опять новый пророкъ?..» Пришествіемъ Христа, скрытаго отъ зрителей, кончается трагедія Зудермана.

Само собою понятно, что если видимымъ носителемъ драматическихъ коллизій на фонѣ указанной романической фабулы и является Креститель, то дѣйствительнымъ героемъ трагедіи все же служить самъ Христосъ. Нѣтъ сомнѣнія, что воспроизведеніе эпохи и быта, изъ которыхъ заимствованъ сюжетъ трагедіи, характеристика переходнаго состоянія двухъ міровъ—все это сдѣлано съ большою старательностью, хотя и не всегда съ достаточной убѣдительносью. Одно только поражаетъ въ этой проникнутой серьезной идеей пьесѣ: присущая Зудерману склонность къ театральнымъ эффектамъ оказала ему въ этомъ случаѣ не совсѣмъ хорошую услугу, и когда я смотрю «Іоанна Крестителя» на сценѣ берлинскаго «Нѣмецкаго Театра», съ его декоративнымъ блескомъ, то не могу отрѣшиться отъ впечатлѣнія блестящей фееріи.

Какъ бы то ни было, но Гауптманъ и Зудерманъ—вотъ баловни и властелины современнаго Нѣмецкаго театра. Первый даритъ ему отъ времени до времени перлы глубокихъ социальныхъ мотивовъ и чарующей поэзіи, а второй, хоть и опускается порой до роли театральнаго декоратора, за то не рѣдко обогащаетъ сцену пластичными фигурами, взятыми изъ подлинной современной дѣйствительности.

Въ этимъ двумъ,—а если присоединить еще Вильденбруха,—то тремъ вершителямъ театральнаго судьбы многіе стараются приобщить двухъ-трехъ другихъ авторовъ, которые, однако, до сихъ поръ остаются, къ сожалѣнію, въ рядахъ «общающихся». Несомнѣнно даровитый Людвигъ Фульда послѣ своего «Талисмана» написалъ рядъ пьесъ (Сынъ Балифа, Другъ Юности—«Sohn des Khalifen», «Jugendfreunde» и др.), отнюдь не превосходящихъ его драматическаго первенца, а впадающихъ въ какой то ужъ совсѣмъ водевильный тонъ... Большія надежды подавалъ молодой Максъ Гальба (род. въ 1865 году), написавшій «Jugend» и точно исполнившійся въ конецъ въ этой дѣйствительно граціозной и талантливой пьесѣ. Его другія пьесы: «Eisgang», «Americafahrt» и послѣдняя «Mutter Erde» были въ состояніи выдержать лишь немного представленій... Наконецъ самый молодой изъ общающихся 25-лѣтній Георгъ Гиршфельдъ, зарекомендовавшій себя еще четыре года тому назадъ драмой «Die Mutter», въ послѣдней своей драмѣ «Agnes Jordan», хотя и обнаружилъ снова большую наблюдательность и знакомство спеціально съ бытомъ берлинскаго еврейства, но покуда не оправдалъ еще восторженныхъ надеждъ, вызванныхъ драмой «Die Mütter».

Какъ разъ теперь, послѣ непродолжительной лѣтней паузы, дѣлаются приготовленія къ новому театральному сезону. Берлинскіе и главные провинціальные театры охвачены лихорадочнымъ воменіемъ по поводу предстоящихъ новинокъ, которыя или наполнять кассы директоровъ, или увы! принесутъ одни разочарованія антрепренерамъ, публикѣ и самимъ

авторамъ. Но эти авторы, начиная отъ Гаутмана и кончая Гиршфельдомъ, также въ лихорадочномъ волненіи: они дописываютъ послѣднія сцены къ своимъ новымъ драматическимъ произведеніямъ. Поживемъ—увидимъ: если новый сезонъ принесетъ намъ что-нибудь примѣчательное, то у насъ еще будетъ случай подробнѣе остановиться на авторахъ, относительно которыхъ мы ограничились теперь лишь однимъ краткимъ упоминаніемъ.

Г. Гроссманъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Классическое образованіе съ точки зрѣнія опытной психологій.

Въ послѣднее время во Франціи велись оживленные споры по вопросу о значеніи классицизма для современнаго образованія: представители публицистики и университетской науки старались приводить возможно болѣе убѣдительныя доказательства въ пользу сохраненія за древними языками той роли, какую они играютъ въ настоящее время въ учебныхъ программахъ, или наоборотъ,—въ пользу расширенія занятій новыми языками и предметами, болѣе соответствующими требованіямъ современной жизни.

Недавно по этому важному вопросу высказался въ *Revue des Revues* компетентный представитель опытной психологій, директоръ психологической лабораторіи Сорбонны, Бинэ. По его мнѣнію, вопросъ этотъ всего ближе касается психологовъ, и тѣ неопредѣленные, очень растяжимые аргументы, какіе приводятся защитниками и противниками классицизма, должны быть замѣнены внимательнымъ изученіемъ природы учащихся. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто-нибудь рѣшится совершенно отрицать изученіе «гуманныхъ» наукъ, ихъ образовательное значеніе и представляемый ими интересъ. Но изученіе этихъ предметовъ, по мнѣнію Бинэ, вполнѣ достаточно только извѣстной категоріи умовъ, и придумывать общія правила, обязательныя для всѣхъ, безъ различія способностей, значить — только напрасно губить время и силы молодыхъ поколѣній. Точно также и реальное образованіе, болѣе подходящее къ требованіямъ современной жизни, можетъ принести—и уже принесло—большую пользу, но и здѣсь, опять-таки, слѣдуетъ считаться съ различіями въ натурѣ умственныхъ способностей; давать же такое образованіе всѣмъ безъ различія значить—придавать ложное направленіе такимъ умамъ, которые, по своему складу, непригодны для этого рода образованія.

Такимъ образомъ, Бинэ полагаетъ, что вмѣсто того, чтобы обсуждать

вопросъ о классическомъ или реальномъ образованіи отвѣченно, т. е. въ пустомъ пространствѣ, что не можетъ привести ни къ чему, кромѣ ребяческихъ ораторскихъ упражненій, необходимо прежде всего обратить вниманіе на тотъ основной, первостепенно-важный фактъ, что умъ не у всѣхъ людей построенъ по одному и тому же общему типу и что существуетъ нѣсколько разновидностей умственного склада, весьма отличныхъ одна отъ другой, а слѣдовательно, то, что пригодно для однихъ, не годится другимъ, и наоборотъ. «Эта истина почти не требуетъ доказательствъ: она вытекаетъ просто изъ здраваго смысла».

Но Бинэ идетъ еще далѣе этого общаго различенія умственныхъ способностей: онъ полагаетъ, что вполне возможно точно опредѣлить тѣ «естественныя группы» умовъ, изъ которыхъ однѣ способны къ образованію классическому, а другія, напротивъ, — къ реальному. Въ этому опредѣленію, говоритъ онъ, необходимо идти путемъ опыта, — единственнымъ путемъ, который, не смотря на возможность ошибокъ, все-таки, скорѣе всякихъ рассужденій можетъ дать положительные результаты.

Каковы же эти «естественныя группы» умовъ, о которыхъ говоритъ психологъ?

Многочисленныя наблюденія и изслѣдованія въ школахъ привели Бинэ къ заключенію, что всѣ учащіеся могутъ быть сведены къ тремъ, резко различающимся между собою, главнымъ типамъ умственныхъ способностей. Само собою разумѣется, что между этими типами существуютъ переходныя стадіи, точно такъ же, какъ встрѣчаются, — хотя и рѣдко, — такіе счастливые умы, въ которыхъ соединяются всѣ способности; но это, конечно, исключенія. Вообще же умственные способности бываютъ трехъ родовъ: умъ научный, умъ литературный и умъ художественный.

«Дайте цѣлому классу», говоритъ Бинэ, «одну и ту же, самую простую, тему для сочиненія, — и вы увидите, что при совершенно равной силѣ умственного развитія два ученика напишутъ сочиненія, существенно отличающіяся одно отъ другого: одинъ дастъ живую страницу, яркую, сочную, полную чувства; другой съ великимъ трудомъ произведетъ на свѣтъ нѣсколько сухихъ, короткихъ фразъ. У меня есть довольно много этого рода документовъ, очень любопытныхъ въ психологическомъ отношеніи. Кѣ не встрѣчалъ подобныхъ же примѣровъ и въ самой жизни? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я внимательно изучаю одного молодого человѣка, бывшего моего ученика, котораго я часто бралъ къ себѣ въ сотрудники и къ умственной дѣятельности котораго я имѣлъ возможность близко присмотрѣться. Природа одарила этого юношу зрѣлымъ здравымъ смысломъ, пронизательнымъ критическимъ умомъ; прибавьте къ этому еще удивительную способность къ языкамъ, которыхъ онъ изучилъ множество, твердую и обширную память, выдающуюся наблюдательность и ловкость, благодаря которой онъ въ нѣсколько минутъ овладѣваетъ самыми трудными техническими приѣмами. Но у него совсѣмъ нѣтъ воображенія и никакого литературнаго дарованія. Этотъ недостатокъ показался мнѣ до

такой степени удивительнымъ, что я не могъ о немъ умолчать; молодой человекъ и самъ съ полною откровенностью сознался, что онъ совѣтъ не умѣетъ писать; его словарь крайне ограниченъ; онъ отдѣляется небольшими, короткими, рубленными фразами, едва связывая ихъ между собою самыми простыми союзами, такъ что, читая имъ написанное, мы видимъ курьезную борьбу тонкой и сложной мысли съ самымъ элементарнымъ способомъ выраженія, почти лишеннымъ всякихъ оттѣнковъ»...

Умъ «научный» выражается, по опредѣленію Бинэ, живымъ чувствомъ истины, развитіемъ наблюдательности, стремленіемъ все классифицировать, судить, разсуждать, связывать между собою отдѣльные факты и выводить изъ нихъ слѣдствія. Впрочемъ, это опредѣленіе слишкомъ общаго характера: преподаватель, самая важная обязанность котораго именно въ томъ и состоитъ, чтобы какъ можно ближе познакомиться съ умственными способностями своихъ учениковъ, всегда сумѣетъ отличить между ними тѣхъ, которые одарены умомъ научнымъ, по рѣзкой противоположности ихъ съ тѣми, кто обладаетъ умомъ литературнымъ. Въ школѣ научный умъ узнается чаще всего по особенной склонности къ изученію наукъ математическихъ и естественныхъ. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ Бинэ, въ нашихъ нынѣшнихъ школахъ преподаваніе этихъ наукъ обращается почти исключительно къ памяти, такъ что въ дѣлѣ развитія наблюдательности и способности къ логическому разсужденію учащіеся предоставлены почти исключительно самимъ себѣ...

Умъ «художественный», о которомъ Бинэ не считаетъ нужнымъ говорить подробно, такъ какъ искусство вовсе не касается нынѣшней нашей системы образованія, имѣетъ основною развитое чувство красоты и постоянное стремленіе къ прекрасному.

«Мы видимъ, продолжаетъ Бинэ, что каждый выбираетъ себѣ тотъ или иной жизненный путь, на свой рискъ и страхъ, и въ этомъ выборѣ, отъ котораго зависитъ цѣлая жизнь, руководится самыми разнообразными мотивами, иногда даже очень странными; нерѣдко этотъ шагъ,—одинъ изъ самыхъ важныхъ въ жизни,—совершается крайне необдуманно, и ошибка замѣчается только тогда, когда уже слишкомъ поздно поворачивать на другую дорогу... Опытъ показываетъ, что совѣты психолога могутъ принести въ этомъ случаѣ большую пользу. Дѣйствительно, въ продолженіе моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій я пришелъ къ убѣжденію въ существованіи извѣстныхъ, опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ можно различить несходныя между собою умственныя способности, о которыхъ только что шла рѣчь; само собою разумѣется, однако, что такое различеніе возможно въ томъ только случаѣ, когда эти способности уже достаточно развиты и проявляются болѣе или менѣе рѣзко. Оно составляетъ задачу личной, индивидуальной психологіи, т. е. той совокупности приемовъ, которая даетъ намъ возможность составить характеристику отдѣльной личности, опредѣлить особенную, свойственную ей манеру мыслить, разсуждать и чувствовать. Приемы эти весьма многочисленны, что и понятно,

такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего болѣе сложнаго, чѣмъ человѣческій умъ; а потому и способы его изученія необходимо должны быть чрезвычайно разнообразны...»

Бинэ ограничивается указаніемъ только двухъ изъ этихъ пріемовъ,— не потому, чтобы они казались ему болѣе цѣлесообразными или без-ошибочными, а только потому, что они проще и удобопонятнѣе другихъ. Первый пріемъ—чисто-литературный: это—описаніе. «Положите передъ испытуемымъ лицомъ какой-нибудь предметъ,—чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Я пользовался для этой цѣли фотографіями съ картинъ, сложными сценами, но опытъ убѣдилъ меня, что гораздо предпочтительнѣе выбирать какой-нибудь небольшой матеріальный предметъ, напр. часы, или—еще лучше—монету, папироску, перо, цвѣтокъ. Положивъ этотъ предметъ передъ глазами лица, которое заранѣе согласилось на опытъ, вы просите это лицо взять перо и клочекъ бумаги и говорите: «Потрудитель описать мнѣ этотъ предметъ». Когда опытъ производится въ классѣ, этихъ словъ исполнѣ достаточно: ученики сейчасъ же принимаются за работу, и очень рѣдко случается, чтобы кто-нибудь изъ нихъ попросилъ дополнительныхъ объясненій. Когда же предметомъ опыта является уже взрослый юноша и въ особенности, когда опытъ производится въ одиночку, — тогда роль экспериментатора становится гораздо болѣе трудной. Нашъ субъектъ не слушается приказаній; его первое движеніе—возражать; прежде всего, онъ желаетъ объясненій: что значить—описать? какого описанія вы желаете? А если онъ, при этомъ, болтливъ,—что случается нерѣдко,—то онъ постарается перечислить вамъ всѣ роды описаній, какіе онъ въ состояніи сдѣлать, и попроситъ указать вашу выборъ. Наконецъ, если онъ одержимъ духомъ противорѣчія, онъ станетъ говорить, что такой опытъ ничего не значить или не имѣетъ смысла, а не то и прямо откажется писать и броситъ перо, говоря, что онъ не понимаетъ, чего отъ него хотятъ. Я продѣлываю эти опыты вотъ уже скоро двадцать лѣтъ и перевидалъ всевозможныхъ субъектовъ. Со всѣми ими слѣдуетъ обращаться, какъ съ маленькими школьниками: вы не даете имъ ни малѣйшаго объясненія, а велите только писать, повторяя это приказаніе на разные лады до тѣхъ поръ, пока экзаменующійся рѣшится, наконецъ, взяться за работу; тогда вы оставляете его наединѣ съ его перомъ и бумагой».

Этотъ простой опытъ, множество разъ повторенный Бинэ, всегда приводилъ его къ одному и тому же результату: cadaго изъ авторовъ описаній можно было отнести, по характеру его умственныхъ способностей, къ одному изъ названныхъ выше типовъ ума,—къ научному, литературному или художественному. Умъ научный или наблюдательный привязывается исключительно къ предмету описанія и описываетъ его во всѣхъ подробностяхъ, объясняя эти подробности или дѣлая изъ нихъ выводы, но такіе, которые исключительно къ данному предмету относятся. Если, напр., ему дана для описанія монета,—онъ укажетъ ея вѣншіи видъ, цвѣтъ, большую или меньшую степень потертости, опишетъ выбитыя

№ 10. Отд. II. сч

на ней изображенія, отмѣтитъ ея годъ. Въ описаніи пера онъ подробно остановится на каждой отдѣльной его части, укажетъ различія въ ихъ окраскѣ, опредѣлитъ геометрическими терминами форму острія и остальныхъ частей пера. При описаніи цвѣтка онъ опять-таки остановится на каждой части въ отдѣльности, или припоминая ботаническія опредѣленія, или руководясь только внѣшнимъ видомъ предмета, и т. д.

Совсѣмъ иначе поступаетъ умъ литературный: онъ говоритъ не о самомъ предметѣ описанія, а *по поводу* этого предмета; внѣшній видъ предмета не останавливаетъ на себѣ его вниманія, а вызываетъ у него только воспоминанія, общія размышленія или различныя чувства, которыя авторъ и выражаетъ болѣе или менѣе удачно, забывая, такимъ образомъ, что отъ него требовали совсѣмъ иного, именно—описанія предмета. Видя передъ собой монету, онъ вспомнитъ обо всѣхъ тѣхъ услугахъ, какія можетъ оказать эта монета тому, кто ее получилъ, или распространится о томъ лицѣ, которое изображено на монетѣ; цвѣтокъ, который у представителя научной мысли описывается лепестокъ за лепесткомъ, въ литераторѣ вызываетъ мысль объ ароматѣ полей и разныя болѣе или менѣе поэтическія мечтанія; перо наводитъ его на мысль о копѣй или о томъ добрѣ и злѣ, какое можетъ причинить писатель, и т. д.

Бинэ замѣчаетъ, что въ его обширной коллекціи описанія этого рода занимаютъ лишь весьма скромное мѣсто по сравненію съ описаніями первой категоріи. Однако, это вовсе не значитъ, что умы литературные составляютъ лишь небольшое меньшинство въ сравненіи съ научными: надо считаться также и съ самымъ характеромъ опыта, который естественно направляетъ автора описанія въ сторону наблюденія внѣшнихъ особенностей предмета; нужно имѣть уже слишкомъ сильно развитую «литературную» склонность, чтобы бросить непосредственный предметъ описанія ради литературныхъ разсужденій. Поэтому, кажется, опытъ вышелъ бы удачнѣе, если бы Бинэ предлагалъ испытуемымъ не только дать описаніе предмета, но также и изложить свои мысли по поводу этого предмета: сравненіе той и другой части работы показало бы, къ чему болѣе способенъ авторъ—къ «научному» наблюденію или къ «литературному» изложенію.

Бинэ и самъ сознается въ недостаточной опредѣлительности такого опыта, отмѣчая его односторонность, такъ какъ въ немъ умъ проявляется далеко не вполне. Другого рода опытъ, придуманный имъ вмѣстѣ съ его сотрудниками по психологической лабораторіи, имѣетъ цѣлью опредѣлить силу воображенія испытуемаго субъекта въ примѣненіи къ пространству и зрѣнію. Извѣстно, что каждый изъ насъ обладаетъ, въ извѣстной мѣрѣ, способностью наглядно представлять себѣ предметы въ пространствѣ; эта способность у однихъ проявляется въ очень рѣзкой формѣ, у другихъ—въ очень смутной. Такъ, напр., нѣкоторые люди очень легко могутъ представить себѣ геометрическій чертежъ или даже сложный рисунокъ машины. По наблюденіямъ Бинэ, умы «литературнаго» склада

не способны къ этому виду умственной гимнастики. Опытъ же, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ въ слѣдующемъ:

Возьмите листъ бумаги и сложите его, на виду у испытываемаго лица, вдвое, потомъ втрое, потомъ вчетверо, предлагая внимательно замѣчать каждую складку; потомъ возьмите ножницы и по послѣдней складкѣ сдѣлайте вырѣзку, какой угодно формы; эта вырѣзка, конечно, прорѣжетъ листъ въ столькихъ мѣстахъ, сколько разъ онъ былъ сложенъ. Предложите затѣмъ испытываемому лицу нарисовать этотъ листъ, какимъ онъ долженъ быть въ развернутомъ видѣ, обозначивъ фигуру и положеніе каждаго прорѣза. Эту задачу можно, по желанію, сдѣлать и очень простою, и очень трудною: она очень проста, если листъ сложенъ въ небольшое число складокъ,—напр. вдвое или вчетверо—и если эти складки сдѣланы подъ прямымъ угломъ; но она очень трудна, если складокъ много и онѣ сдѣланы вкось. Бинэ замѣтилъ, что людямъ литературнаго склада чрезвычайно трудно точно воспроизвести на рисункѣ складыванія и вырѣзыванія; ихъ воображенію недостаетъ наглядности; съ другой стороны, умы научнаго склада справляются съ этой задачей сравнительно легко.

Вотъ два примѣра тѣхъ психологическихъ пріемовъ, которые могутъ служить для опредѣленія характера умственныхъ способностей даннаго лица. Остается теперь разрѣшить вопросъ о томъ, какую систему образованія слѣдуетъ примѣнять къ той или другой натурѣ ума?

Въ этомъ отношеніи, говоритъ Бинэ, педагогика должна слѣдовать двумъ правиламъ, которыя находятся между собою лишь въ кажущемся противорѣчій: а именно, съ одной стороны, воспитатель долженъ стараться выработать умы возможно полные, развивая зачатки всѣхъ способностей; а съ другой стороны, когда одна какая-либо способность оказывается уже отъ природы очень сильно развитою и преобладающею—благопріятствовать ея дальнѣйшимъ проявленіямъ. Эти два правила могутъ показаться противорѣчащими другъ другу, потому что одно требуетъ развитія всѣхъ способностей, а другое проповѣдуетъ специальную культуру какой-либо одной стороны ума; но на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ: слѣдуетъ стараться развивать *все* способности только до известнаго минимальнаго предѣла, а нѣкоторыя изъ нихъ доводить до возможнаго максимума развитія. Примѣняя эти общія разсужденія непосредственно къ занимающему насъ вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи, Бинэ, какъ и слѣдовало ожидать по предыдущему ходу его мыслей, высказывается въ томъ смыслѣ, что всѣмъ учащимся, безъ различія ихъ умственнаго склада, слѣдуетъ давать только «начатки» какъ литературнаго, такъ и научнаго образованія; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ уже объ интенсивной культурѣ ума, классическое образованіе должно быть удѣломъ людей съ литературнымъ складомъ ума, между тѣмъ какъ для людей, одаренныхъ умомъ научнымъ, должно отдать предпочтеніе образованію реальному.

Изъ жизни одного англійскаго педагога.

Память о днях дѣтства и ранней юности почти у всѣхъ людей занимаетъ первое мѣсто въ ряду воспоминаній, какъ бы ни сложились дальнѣйшія обстоятельства жизни. «Счастливъ тотъ», говоритъ писатель, «кто, оглядываясь на прожитую жизнь, можетъ сказать, что мудрая благость и любящее вниманіе освѣтили ему тѣ запутанныя тропинки, которыя исходя изъ дѣтства, грозили затеряться во мракѣ бурной ночи». Съ другой стороны, такія выраженія, какъ «безрадостное дѣтство», «печальная юность» указываютъ едва ли не на самое тяжелое изъ всѣхъ человѣческихъ несчастій. Слова Шатобриана: «Мой отецъ былъ страшилищемъ своего дома, а мать моя—бичемъ семьи»; наивное изумленіе Гиббона, когда онъ отъ посторонняго человѣка узналъ, что его отецъ—его другъ; циническое замѣчаніе студента Шопенгауера, обращенное къ нелюбимой и не любившей его матери,—что когда онъ станетъ знаменитостью, ея сочиненія давно уже будутъ валяться въ мелочной лавкѣ; грустное признаніе Талейрана, что онъ только уже будучи взрослымъ мальчикомъ познакомился съ своей матерью и никогда не зналъ родительскаго дома,—всѣ подобные примѣры, которыхъ можно было бы привести еще много, получаютъ особенный смыслъ, если вспомнить, что ни одинъ изъ названныхъ нами людей не былъ отцомъ и не основалъ собственной семьи.

Къ счастью для общества—и для дѣтей,—такіе примѣры, всетаки, составляютъ исключеніе. Мы живемъ въ такое время, когда скорѣе родителей упрекаютъ въ слишкомъ большой уступчивости дѣтямъ: «Путешествія, предпріятія, [обширные замыслы], насмѣшливо восклицаетъ одинъ французскій писатель,—«все, чѣмъ красна и дорога жизнь, должно отодвинуться на задній планъ, какъ только въ домѣ появится ребенокъ. Для многихъ изъ насъ родительство равносильно отставкѣ отъ жизни, а «папа»—смѣшное слово, открывающее въ перспективѣ пару туфель. Французъ, за очень немногими исключеніями, женится поздно. Эгоизмъ, исканіе крупнаго приданаго, опека, въ которой держать мужчину наша воспитательная система съ ея всевозможными экзаменами,—все это расширяетъ границы холостой жизни почти до безконечности... «Съ этимъ положеніемъ дѣлъ во Франціи интересно сравнить воспитаніе англійскаго ребенка въ домѣ родителей, которые еще настолько молоды, что не могутъ не опуститься до уровня растительнаго прозябанія или праздности. Отецъ слишкомъ занятъ своими дѣлами и проектами и, разумѣется, не имѣетъ времени заниматься пеленаніемъ и купаніемъ своего потомства. Его дѣти въ дѣтской являются полными хозяевами и съ дѣтства причащаются къ самостоятельности. Независимость, индивидуализмъ, просторъ для развитія личности составляютъ выдающуюся черту англійской педагогической системы. Отецъ и мать вовсе не желаютъ стѣснять своихъ

дѣтей тѣми бесполезными ласками и безпрестанными наставленіями, той трусливой и развращающей системой постояннаго наблюденія, которою французы убиваютъ въ своихъ дѣтяхъ всякую личную инициативу и сознание собственной отвѣтственности...

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что англійская жена, являясь вѣрной подругой мужа во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни и во всѣхъ его развѣздахъ,—иногда чуть не на край свѣта, нерѣдко ради обязанностей супруги забываетъ обязанности матери. Съ другой стороны, даже самымъ любящимъ родителямъ часто поневолѣ приходится на цѣлые годы разлучаться съ своими дѣтьми. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ и по самымъ разнообразнымъ причинамъ англійское юношество воспитывается внѣ родительскаго дома, и школа, какъ средняя, такъ и высшая, даетъ ему не только образованіе, но и воспитаніе.

Эти оригинальныя, старинныя, исторически сложившіяся учебныя заведенія, гдѣ англійская молодежь воспитывается въ тѣни столѣтнихъ деревьевъ, среди цвѣтущихъ садовъ и лужаекъ, на холмахъ или на берегу широкихъ рѣкъ, и гдѣ, по мнѣнію однихъ, слишкомъ много забавляются, а по мнѣнію другихъ,—слишкомъ много работаютъ, уже много разъ были предметомъ похвалы и порицанія. На критику своихъ противниковъ они отвѣчаютъ тѣмъ, что продолжаютъ существовать: они вполне соответствуютъ англійскому національному духу и взглядамъ общества, которое прежде всего требуетъ отъ своихъ членовъ личной энергии и инициативы, крѣпкихъ нервовъ и хладнокровія, предоставляя на волю каждому дополнять какъ угодно свое образованіе, когда выработается и укрѣпится характеръ.

Этимъ объясняется своеобразное смѣшеніе самостоятельности и строгой дисциплины въ воспитаніи мальчика. Въ Итонѣ или въ Гарроу онъ является уже полнымъ хозяиномъ своей маленькой комнатки, распоряжается своимъ имуществомъ и—до известной степени—временемъ, если только онъ исполняетъ всѣ свои работы къ назначенному сроку, аккуратно является на переключку и какъ въ классѣ, такъ и за игрой или за столомъ ни на минуту не забываетъ, что онъ—джевтльменъ. Если же онъ это забудетъ, то кулаки товарищей вполне замѣнятъ ему отсутствіе школьной дрессировки. Во всемъ остальномъ онъ совершенно свободенъ, можетъ, если пожелаетъ, совѣтоваться съ учителями безъ всякихъ формальностей, и школьное начальство такъ мало вмѣшивается въ его существованіе и такъ мало его стѣсняетъ, что онъ вполне охотно подчиняется его распоряженіямъ и въ высшей школѣ, въ университетскомъ колледжѣ до самаго окончанія курса.

Эти колледжи,—большею частью старинныя учрежденія, основанныя много столѣтій тому назадъ англійскими королями и частными лицами, между которыми были также и женщины, придаютъ англійскимъ университетамъ особый, своеобразный отпечатокъ.

Баварскій король Максимиліанъ, государь высоко образованный и серьезно озабоченный реформою народнаго просвѣщенія въ своемъ государствѣ, задумывалъ устройство колледжей для университетской молодежи и совѣтовался объ этомъ предметѣ съ пасторомъ Деллингеромъ, большимъ знатокомъ и поклонникомъ англійскихъ университетскихъ порядковъ. Но его мысль не получила практическаго осуществленія, — конечно, потому, что вѣками укоренившіеся порядки и обычаи невозможно вдругъ пересадить на совсѣмъ иную національную почву, и къ такому проекту отнеслись бы отрицательно не только германскіе университеты, ревниво оберегающіе свое самоуправленіе, но и нѣмецкіе студенты, которые, выйдя изъ подъ тяжелой ферулы средняго образованія, выше всего цѣнятъ свою «академическую свободу» и для которыхъ совсѣмъ непривлекательнымъ показалось бы совмѣстное житье въ колледжахъ.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся оксфордскихъ профессоровъ, впоследствии — кардиналъ Ньюмэнъ, возражая противъ тѣхъ нападокъ, которыя иногда слышатся въ самой Англій на нынѣшнюю систему университетскаго образованія, говоритъ, что колледжъ не есть только собраніе отдѣльныхъ людей, живущихъ подъ одною кровлей. Это слово вызываетъ идею объ особой авторитетности и прочности учрежденія, которое пользуется общимъ уваженіемъ, опредѣленными доходами и различными преимуществами. Ньюмэнъ сравниваетъ ограниченное число членовъ такого колледжа съ семейнымъ домомъ, въ которомъ предполагается такая же отеческая и нравственная дисциплина, какая существуетъ въ хорошей семьѣ. Солидныя зданія, дающія приютъ цѣлому ряду смѣняющихся другъ друга поколѣній, доходы, настолько значительные, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ совмѣстной жизни, — вотъ что представляетъ собою колледжъ, временно замѣняющій для юноши родительскій домъ, дающій ему защиту и попеченіе вмѣстѣ съ удовольствіями товарищеской жизни. Въ университетѣ главная роль принадлежитъ профессору, въ колледжѣ — «тутору», соединяющему обязанности преподавателя съ обязанностями воспитателя. «Университетъ назначается для всего міра, колледжъ — для націи». Въ университетѣ читается богословіе, правовѣдѣніе, медицина, естествознаніе, — изучаются науки, колледжъ имѣетъ цѣлью не только умственное развитіе, но и образованіе характера, облагороженіе личности, возбужденіе интереса къ изученію литературы, классиковъ и другихъ предметовъ, расширяющихъ и укрѣпляющихъ умъ. Никакая политическая сила въ Англій не можетъ идти въ сравненіе съ могуществомъ университетскихъ колледжей. Будущій государственный дѣятель, землевладелецъ, юристъ, богословъ вступаетъ въ колледжъ въ такую пору жизни, когда умъ отличается наибольшою впечатлительностью, чувства — наибольшою теплотой, дружескія связи завязываются тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, характеръ всего легче поддается постороннимъ вліяніямъ. Тамъ онъ приобретаетъ друзей, тамъ проводитъ свои лучшіе дни, память о

которыхъ навсегда остается въ его сердцѣ. Колледжъ былъ для него второй родиной; онъ связанъ съ нимъ и лично, и черезъ своихъ братьевъ, друзей, дѣтей,—всякое нападеніе на него задѣваетъ и его, и всякая попытка уничтожить его вызвала бы самое рѣшительное противодѣйствіе во всей Англіи.

При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ то огромное вліяніе, какое имѣетъ на англійскую университетскую молодежь лицо, стоящее во главѣ колледжа, въ особенности, если оно при этомъ обладаетъ достаточнымъ безпристрастіемъ, терпѣніемъ и внушительною ученостію и въ своихъ дѣйствіяхъ руководится стремленіемъ къ добру.

Однимъ изъ такихъ вліятельныхъ педагоговъ, человѣкомъ, который многими чертами напоминаетъ идеальный типъ гуманиста эпохи Возрожденія, былъ Бенджаменъ Джоуиттъ (род. 15 апр. 1817 въ Кемберуэллѣ, въ графствѣ Серрей), сначала—тutorъ, потомъ въ теченіе 23-хъ лѣтъ, до самой своей смерти 1 октября 1893 г., глава (master) Балліольскаго колледжа въ Оксфордѣ. Жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка посвящена составленная его учениками Абботтомъ и Кэмблемъ и недавно изданная въ двухъ томахъ его біографія, съ содержаніемъ которой знакомить насъ леди Бленнергассетъ—въ «Космополисѣ».

Частная жизнь Джоуитта очень небогата событиями. Его родители принадлежали къ среднему классу и вели довольно перемѣнчивую жизнь; между прочимъ, они прожили нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ одна изъ сестеръ Джоуитта перешла въ католичество. Отецъ его былъ большой оригиналь. Потерявъ все свое имущество, онъ не нашелъ лучшаго занятія, какъ начать стихотворный переводъ псалмовъ, такъ что троимъ его сыновьямъ пришлось уже въ раннемъ возрастѣ принять на себя заботы о содержаніи всей семьи. Двое изъ нихъ поступили на службу въ Индію и умерли незадолго до смерти отца, послѣ чего оставшіяся въ живыхъ старшій сынъ, Бенджаменъ, долженъ былъ взять на свое попеченіе мать и сестру. Въ іюлѣ 1829 г. онъ поступилъ въ школу Св. Павла, гдѣ и учился до 1836 г. Въ концѣ этого года ему удалось получить университетскую стипендію въ Балліольскомъ колледжѣ въ Оксфордѣ, и съ этихъ поръ неразрывно связалъ свое имя съ именемъ этого колледжа.

Школа Св. Павла дала ему денежное пособіе, какъ лучшему латинисту и автору греческаго стихотворенія въ ямбахъ; такимъ образомъ онъ получилъ возможность существовать въ Оксфордѣ. Здѣсь 19-лѣтній юноша производилъ сначала нѣсколько странное впечатлѣніе: о немъ говорили, что онъ—«нѣчто вродѣ Мельхиседека,—безъ отца, безъ матери, безъ потомства», потому, что онъ всегда хранилъ молчаніе о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Въ позднѣйшіе годы онъ вспоминалъ о своемъ отцѣ, какъ о «невиннѣйшемъ и безкорыстнѣйшемъ изъ людей», и съ любовью говорилъ о матери и сестрахъ. Трогательнымъ выраженіемъ благодарности было его письмо къ первому его доброжелателю въ Оксфордѣ, который сначала анонимно прислалъ ему 20 фунтовъ, а по-

томъ былъ узнанъ и на всю жизнь сдѣлался другомъ Джоуитта: «До полученія вашего письма», говоритъ онъ, «я не особенно много размышлялъ о религіи; но это письмо произвело на меня такое впечатлѣніе, котораго я никогда не забуду».

Въ это же время онъ вступилъ въ болѣе или менѣе тѣсныя дружескія отношенія съ многими своими сверстниками, которые впослѣдствіи приобрѣли почетную извѣстность, какъ напр. Стэнли, впослѣдствіи—деканъ Вестминстерскаго аббатства, Стаффордъ Норткотъ—консервативный министръ, извѣстный эстетикъ Джонъ Рэскинъ, историкъ Фродъ и др. Застѣнчивый, замкнутый въ себѣ и проводившій время больше съ книгами, чѣмъ съ людьми, балліольскій студентъ удивлялъ своихъ университетскихъ товарищей. Названный колледжъ имѣлъ право допускать своихъ учениковъ, вмѣстѣ съ кандидатами изъ другихъ колледжей, уже приобрѣвшими степень бакалавра, къ состязательнымъ испытаніямъ на званіе fellows, т. е. членовъ тѣхъ корпорацій, которыя управляютъ колледжами Оксфорда; эти лица имѣютъ право пользоваться въ колледжѣ даровымъ помѣщеніемъ и извѣстною долею общихъ доходовъ, которую они получаютъ до женитьбы. Въ 1838 г. въ различныхъ колледжахъ Оксфорда, въ томъ числѣ и въ Балліолѣ, освободилось сразу четыре вакансіи fellows; Джоуиттъ рѣшился попытать счастья въ состязательномъ испытаніи—и выдержалъ его съ полнымъ успѣхомъ; это было случай, почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ колледжа, такъ какъ до тѣхъ поръ, за исключеніемъ Джоуитта, всего только одному студенту, не имѣвшему никакой ученой степени, удалось когда-то выдержать такой экзаменъ. «Вотъ каково наше дитя!» сказалъ глава колледжа одному изъ 29-ти кандидатовъ, провалившихся на конкурсѣ; товарищи съ торжествомъ отнесли юнаго побѣдителя домой на рукахъ. Онъ сталъ теперь получать 200 фунтовъ годового дохода и могъ жить спокойно, отдавая все свое время научнымъ занятіямъ.

Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ Стэнли, посѣтилъ Германію, гдѣ, между прочимъ, участвовалъ въ съѣздѣ филологовъ въ Дрезденѣ, изучалъ Канта и Гегеля, видѣлъ Шеллинга, котораго онъ считалъ «болѣе поэтомъ, чѣмъ философомъ, болѣе гениемъ, чѣмъ характеромъ», и Неандера, и ревностно занимался еврейскимъ языкомъ. Въ 1847 г. онъ началъ читать лекціи о «Республикѣ» Платона. Это было началомъ его почти полувѣковой ученой дѣятельности, въ продолженіе которой ему удалось оживить въ Оксфордѣ изученіе греческой литературы и философіи и напечатать цѣлый рядъ образцовыхъ переводовъ Платона, Аристотеля и Фукидида, съ подробными объясненіями и примѣчаніями. Этотъ обширный трудъ, въ которомъ Джоуиттъ особенно заботился о возможно большемъ литературномъ совершенствѣ, былъ исполненъ имъ почти исключительно во время университетскихъ вакацій: въ учебное время онъ всецѣло отдавалъ всѣ свои часы занятіямъ съ молодыми людьми, ввѣренными его титорскимъ попеченіямъ. Его педаго-

гическая дѣятельность началась въ 1848 г., и уже первые ученики молодого тьютора испытали на себѣ всю его энергію: онъ составлялъ для нихъ учебные планы, поправлялъ и критиковалъ ихъ работы, обращая особенное вниманіе на правильность и изящество стиля, придумывалъ для нихъ оригинальныя задачи и т. д. При этомъ онъ не щадилъ ихъ рабочей силы. Онъ говорилъ, что одна только ученость, стѣсняющая свободу и эластичность мысли, безъ всякаго участія фантазіи, приноситъ только вредъ; но отъ тѣхъ учениковъ, въ которыхъ онъ видѣлъ задатки даровитости, онъ требовалъ очень многого. Занятія въ его классѣ продолжались не болѣе пяти часовъ въ сутки, но въ продолженіе этого времени ученики должны были работать съ напряженнымъ, ни на минуту не ослабѣвающимъ, вниманіемъ.

Но этотъ же самый человѣкъ, который вовсе не казался мягкосердечнымъ и всегда сохранялъ саркастическій тонъ, не жалѣлъ своихъ силъ на доброе участіе къ нуждамъ молодежи и на помощь своимъ ученикамъ въ разныхъ житейскихъ затрудненіяхъ. Его двери до глубокой ночи были открыты для студентовъ; онъ положительно не зналъ другой заботы, кромѣ заботы объ ихъ благополучіи, и въ случаѣ надобности умѣлъ ихъ отстаивать. Они скоро сознали, какъ много значить для нихъ этотъ скромный, неразговорчивый, строгій тьюторъ, и въ Баллиолѣ установился своего рода «культъ Джоунтта». Однимъ изъ его особенныхъ любимцевъ и почитателей былъ сэръ В. Моріеръ, умершій въ 1893 г. англійскимъ посломъ въ Петербургъ и пользовавшійся общими симпатіями за свои выдающіяся дарованія и остроуміе. Учитель и ученикъ въ продолженіе цѣлыхъ 45 лѣтъ находились въ постоянной перепискѣ, и Моріеръ любилъ рассказывать, какъ Джоунттъ заставлялъ его работать и какъ много онъ ему обязанъ. Другой его ученикъ, Бродерикъ, стоящій теперь во главѣ Мертонскаго колледжа, въ Оксфордѣ, послѣ смерти учителя высказалъ, что его героическое самоотверженіе никѣмъ еще не было оцѣнено по достоинству и что его рабочій кабинетъ былъ вышею школою для лучшихъ людей Англій въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Во время каникулъ, на дачѣ, онъ почти такъ же регулярно работалъ съ постоянно окружающими его студентами, какъ и въ Оксфордѣ; если между этими студентами бывали люди нуждающіеся,—они смѣло могли рассчитывать на его матеріальную поддержку. Впослѣдствіи, когда его доходы увеличились, онъ пожертвовалъ колледжу довольно крупныя суммы на расширеніе ея зданій и на устройство площадей для игръ.

Собственной дѣятельностью онъ никогда не былъ вполне доволенъ. «Когда я встрѣчаю въ колледжѣ или въ университетѣ людей, которымъ я, при умѣломъ пользованіи своимъ временемъ и силами, могъ бы принести пользу, направивъ ихъ къ чему-нибудь доброму, мною овладѣваетъ тягостное чувство ответственности за этихъ людей», писалъ онъ въ 1864 г. Бывали минуты, когда этотъ полный энергіи человѣкъ начиналъ сомнѣваться въ своей способности довести до конца ввѣренное

ему педагогическое дѣло, которому онъ отдавалъ всё свои силы. Когда его лучший другъ, вестминстерскій деканъ Стэнли, женился на одной изъ придворныхъ дамъ и сталъ уговаривать Джоуитта послѣдовать его примѣру, послѣдній категорически заявилъ, что разлука съ колледжемъ для него—дѣло совершенно немыслимое. «Никогда не покину я Балліоля», со слезами говорилъ онъ, когда его друзья предложили ему 2000 фунтовъ вознагражденія за то, что его противники лишили его на цѣлый годъ содержанія профессора греческаго языка, обвинивъ его въ религіозномъ вольнодумствѣ...

Джоуиттъ уже 28 лѣтъ учительствовалъ въ своемъ колледжѣ, когда его избрали на должность ея «мастера» или начальника, въ 1870 г. Съ этого времени онъ началъ убѣждаться, что «жизнь внѣ общества есть жизнь только наполовину», и что «мы только тогда можемъ служить человечеству, когда станемъ вращаться среди него». Онъ сдѣлался близкимъ другомъ поэта Теннисона и сталъ болѣе или менѣе часто посѣщать своихъ бывшихъ учениковъ и ихъ семейства, какъ напр. герцога Бедфорда, г-жу Кроссъ (извѣстную подъ псевдонимомъ Джорджа Эллиота), лорда Розберри, Лекки и многихъ другихъ, имена которыхъ въ Англіи пользуются почетною извѣстностью. «Намъ слѣдуетъ быть гостеприимными», говаривалъ онъ своему старому слугѣ, сынъ котораго, подъ его руководствомъ, сдѣлался отличнымъ эллинистомъ. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе подъ его гостеприимнымъ кровомъ доставляло его друзьямъ большое удовольствіе. Онъ умѣлъ также хорошо рассказывать анекдоты и не прочь былъ иногда пошутить. Онъ писалъ одной дамѣ, что поэтъ Роджерсъ сказалъ однажды Фоксу: «Какъ пріятно въ лѣтній день лежать въ травѣ съ книгой!— «Отчего же съ книгой?» спросилъ Фоксъ. Онъ подшучивалъ надъ американскою дамой, у которой хватить мужества разстаться съ чѣмъ угодно, только не съ своимъ багажемъ и надъ старою шотландскою помѣщицей, которая ждала къ себѣ въ гости ученаго профессора изъ Кембриджа и выскивала въ словарѣ самыя длинныя слова, чтобы въ разговорѣ съ нимъ показать свою образованность. Джоржъ Эллиотъ, которую онъ хорошо зналъ, производила на него грустное впечатлѣніе: «Бѣдная женщина!» говорилъ онъ: «она признавалась мнѣ, что ей очень бы хотѣлось написать что-нибудь въ пользу женщинъ, но этому помѣшали событія ея собственной жизни. Она часто говорила мнѣ, что безъ Льюиса она никогда ничего не написала бы». Въ своихъ сужденіяхъ о политическихъ дѣятеляхъ и выдающихся представителяхъ науки онъ отличался полною независимостью. Онъ собирался писать противъ Дарвина, не признавая за его теоріей того значенія, какое придавалось ей большинствомъ ученыхъ. О Рескинѣ онъ говорилъ, что этотъ писатель на мѣсто великаго ставитъ малое, и что въ этомъ заключается большое зло для искусства. О Теннисонѣ онъ отзывался съ большою любовью «это—такой человекъ», говорилъ онъ, «послѣ бесѣды съ которыми-либо всякій разъ чувствуешь себя лучшимъ, чѣмъ былъ». Его переписка съ

разными выдающимися современниками о религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ и литературныхъ вопросахъ, собранная біографами, представляетъ большой интересъ.

Какъ глава Баллійскаго колледжа и впоследствии, временно, вице-канцлеръ Оксфордскаго университета, Джоунтъ не переставалъ жертвовать всѣмъ своимъ временемъ и всѣми своими силами и знаніями на пользу горячо любимой имъ молодежи, и только тяжелая болѣзнь, постигшая его въ 1891 г., заставила его прекратить на время свои усердныя научныя и педагогическія занятія. Онъ всегда считалъ себя хранителемъ сокровищъ античной мудрости, въ которой онъ видѣлъ необходимое условіе правильнаго христіанскаго самопознанія. «Платонъ есть основной источникъ высокиихъ мыслей», пишетъ онъ, — «и его вліяніе никогда не должно исчезать изъ исторіи человѣчества... Я вовсе не алармистъ, но склоняюсь къ тому мнѣнію, что если мы не соединимся для того, чтобы противо-дѣйствовать исключительному господству естествознанія, то отъ этого равнодушія пострадаетъ характеръ самой науки, ибо всѣ высшія духовныя идеи и потребности будутъ заглушены вліяніемъ непосредственныхъ чувственныхъ впечатлѣній». Это міросозерцаніе онъ горячо защищалъ въ своихъ лекціяхъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ и старался всегда проводить его въ жизнь. Онъ не былъ ни философомъ, ни метафизикомъ; его богословскія изслѣдованія не возвышались надъ уровнемъ посредственности; даже главный его трудъ, — ученые комментаріи и изданія сочиненій двухъ величайшихъ мыслителей классической древности, — не наполнялъ собою всей его жизни. Онъ былъ прежде всего учителемъ, совѣтникомъ и помощникомъ учащейся молодежи; онъ говорилъ: «Тотъ, кто дѣйствуетъ и трудится среди молодыхъ людей, пріобрѣтаетъ любовь, значительно превышающую его заслуги». Подобно Меланхтону, съ которымъ онъ имѣлъ много общаго въ характерѣ, онъ могъ бы сказать о себѣ и о себѣ подобныхъ: «Мы всю жизнь провели въ школахъ и на своемъ мѣстѣ сдѣлали все, что могли. Нѣкоторымъ людямъ наши труды были полезны, и, смѣю надѣяться, никому не принесли вреда». А одинъ изъ представителей воспитанныхъ имъ поколѣній выражается о немъ, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей: «Онъ былъ Сократомъ нашей юности».

Письма изъ провинціи.

(Изъ Тамбова).

Публичныя народныя чтенія въ г. Тамбовѣ и отношеніе къ нимъ населенія.

Съ 1890 г. начались въ г. Тамбовѣ публичныя чтенія. Инициаторомъ ихъ явился, какъ видно изъ отчета объ этихъ чтеніяхъ за 1890—1893 г., преподаватель гимназіи М. Т. Поповъ, обратившійся въ декабрь 1889 г. къ мѣстному сановному «меценату» Э. Д. Нарышкину «съ просьбой пожертвовать 300 р. на устройство народныхъ чтеній». Э. Д. Нарышкинъ немедленно пожертвовалъ на это симпатичное дѣло сначала 1000 р., затѣмъ еще 300 р. Составилась коммиссія народныхъ чтеній изъ лицъ оффиціального педагогическаго персонала. На первое время, однако «большинство посѣтителей составляли ученики гимназіи и реального училища, которыхъ привлекало участіе въ чтеніяхъ ихъ преподавателей», какъ гласилъ отчетъ. «Отсутствіе на первыхъ чтеніяхъ простого народа объясняется тѣмъ, что, не смотря на афиши, многіе еще не успѣли узнать о нихъ, а другіе на первыхъ порахъ относились къ нимъ недоброжелательно, не допуская даже мысли, чтобы для простого народа стали устраивать бесплатныя «развлеченія»... Фактъ довольно характерный для провинціи.

Что отсутствіе умственныхъ запросовъ не имѣло мѣста, доказывается дальнѣйшей исторіею чтеній. «Чтобы распространить извѣстіе о нар. чтеніяхъ въ средѣ простого народа, распорядитель послалъ 100 билетовъ на 3-е чтеніе въ городскія школы для раздачи ученикамъ; эта мѣра подѣйствовала, и, начиная съ 4-го чтенія, число посѣтителей уже превышало количество мѣстъ въ залѣ *) и приходилось даже отказывать желающимъ попасть на чтенія; дошло даже до того, что администрація нар. чт. сочла нужнымъ запретить ученикамъ гимназій и реального училища посѣщать чтенія, чтобы не лишать возможности слушать чтенія простой народъ, для котораго чтенія специально были устроены».

Посѣтивши чтенія, Э. Д. Нарышкинъ убѣдился, что потребность въ

*) Гимнастическая зала мужской гимназіи, гдѣ первоначально происходили чтенія.

нихъ среди народа дѣйствительно очень велика, что жизнь требуетъ расширенія дѣла. «Лично я могъ убѣдиться—писалъ Э. Д. Нарышкинъ мѣстному городскому головѣ,—съ какою интересомъ относится «сѣрая публика» къ содержанію читаемыхъ ею брошюръ, такъ что благодаря публичнымъ чтеніямъ съ туманными картинами народъ пріобрѣтаетъ полезныя знанія, и въ немъ развивается охота къ чтенію».

Въ виду этого Э. Д. Нарышкинъ предпринялъ грандіозное дѣло: на собственные средства, какъ я уже писалъ прошлый разъ, построилъ огромное зданіе народной аудиторіи, обошедшееся въ 100—150 тыс. руб. и пожертвовалъ сумму въ 200 т. р. для обезпеченія дальнѣйшихъ судьбъ хорошаго дѣла.

Какъ стало развиваться послѣ постройки новой аудиторіи дѣло народныхъ чтеній, показываетъ слѣд. таблица:

	Число чтеній.	Общее число слушателей.	Въ среднемъ на 1 чтеніе.
1890 г. 1-е полуг.	12	4,880	406
» 2-е »	10	4,520	452
1891 г. 1-е »	12	5,400	450
» 2-е »	11	4,988	453
1892 г. 1-е »	12	4,667	389
» 2-е »	14	9,210	658
1893 1-е »	21	12,303	586

Со второго полугодія 1892 чтенія стали происходить въ новой аудиторіи.

Въ дальнѣйшемъ, казалось, дѣло должно было еще болѣе развиться, стать на болѣе твердую почву. Съ 1893—4 года вмѣсто прежней малолюдной «комиссіи» начинаетъ завѣдывать дѣломъ цѣлое «Общество народныхъ чтеній» съ правильной организаціей, съ выработаннымъ и утвержденнымъ уставомъ. Однако, картина посѣщаемости чтеній становится все менѣе и менѣе благопріятной. Вотъ соответственныя цифровыя данныя:

	Число чтеній.	Посѣтителей.	Въ средн. на 1 чт.
189 ³ / ₄ г.	71	45,558	642
189 ⁴ / ₅ г.	84	52,385	635
189 ⁵ / ₆ г.	89	51,170	575
189 ⁶ / ₇ г.	91	52,335	575

Все время замѣчается уменьшеніе средняго числа посѣтителей на 1 чтеніе; особенно замѣтно паденіе цифры за 189⁵/₆ и 189⁶/₇ г. сравнительно съ предъидущими. Но даже высшая цифра этого четырехлѣтія—642 (въ первомъ изъ разсматриваемыхъ годовъ) меньше, чѣмъ среднее

число посѣтителей въ первое полугодіе послѣ отстройки зданія—658 человекъ (во второй половинѣ 1892 г.). Чѣмъ же объяснить это обстоятельство?

Дѣло, думается намъ, въ томъ, что организаторы дѣла, увлекшись внѣшнею стороною, эффектною обстановкой чтеній, перестали заботиться объ улучшеніи ихъ внутренней, качественной стороны, забывши мудрую русскую пословицу, которая гласить, что «не красна изба углами, красна пирогами». Эволюція произошла очень быстро. Еще въ 1893 г. въ отчетѣ, уже цитированномъ нами, можно было прочесть тономъ сожалѣнія написанныя слова: «До сихъ поръ комиссія не имѣла возможности руководиться какой либо системой при выборѣ брошюръ для чтеній, потому что брошюры и картины къ нимъ выписывались изъ Москвы отъ Моск. комиссіи нар. чтеній, а такъ какъ она отпускаетъ брошюры и картины не только въ Тамбовъ, но и во многіе другіе города, то понятно, что приходилось брать не то, что было нужно, а то, что въ данную минуту было свободно». Далѣе отчетъ подавалъ надежду на измѣненіе этого порядка, на систематизацію чтеній. «Въ настоящее время — читаемъ мы на стр. 12 отчета — комиссія имѣетъ возможность внести въ чтенія большій порядокъ»...

Однако, этой «возможностью» организаторы чтеній не воспользовались. Въ теченіе 189¼ г. чтенія велись по прежнему безъ всякой системы. За чтеніемъ объ Ал—дрѣ Невскомъ слѣдовали «Наши завоеванія въ средней Азій», затѣмъ «Взрывъ турецкаго броненосца», а послѣ него «Нашестіе татаръ», смѣнявшееся «Милостью Божіей надъ царемъ, явленной 17 окт. 1888 г.» и т. п. Кроме того, бросалась въ глаза чрезмѣрная односторонность въ подборѣ брошюръ: такъ, напр., изъ 71 нар. чтенія (въ томъ числѣ 27 повторныхъ) только два было по естествознанію: «О теплѣ и воздухѣ» и «О томъ, какого вида земля и какъ она велика».

Правленіе об—ва нар. чтеній на этотъ разъ уже не оправдывалось никакими посторонними обстоятельствами и не обѣщало систематизированья чтеній въ будущемъ. На этотъ разъ оно уже отрицало «системы» въ принципѣ. Оно въ отчетѣ за 189¼ г. само сознается, что «въ назначеніи чтеній не руководилось строгой системой» (не только строгой, а никакой—прибавимъ отъ себя мы). Но, — «по мнѣнію правленія, народныя чтенія при ихъ перемежной аудиторіи имѣютъ цѣлью только заинтересовать народъ книгой, воспитать въ немъ охоту къ чтенію, а не сообщать ему систематическій курсъ какихъ либо наукъ». Увлекалась своей аргументаціей, правленіе даже утверждало, что системы «въ смыслѣ строгой внутренней связи» между принадлежащими разнымъ авторамъ брошюрами «нѣтъ и быть не можетъ» (стр. 20).

Такъ какъ, однако, не всѣ члены общества соглашались съ такимъ взглядомъ, то вопросъ о систематизаціи чтеній пришлось сдать для разработки въ особую комиссію, такъ наз. «редакціонную».

Въ редакціонной комиссіи объ точки зрѣнія опредѣлились съ доста-

точной полнотою. «Одни находили, что система необходима, народнымъ чтеніямъ имѣють свою цѣлью развитіе народа, его образованіе. Всякое образованіе возможно только въ системѣ. Какое представленіе могутъ составить себѣ слушатели о значеніи Іоанна Ш, не зная ни о дробленіи на удѣлы, ни о собираніи земли, какое впечатлѣніе могутъ они вынести о преемникахъ Петра, не слыхавъ ничего о самомъ Петрѣ? Поэтому необходимо дать послѣдовательный рядъ чтеній, которыя бы ясно обрисовали передъ слушателями ту или другую эпоху, ту или другую область науки. Видя для себя главное возраженіе въ томъ, что слушатели на чтеніяхъ постоянно мѣняются, они высказывали ту мысль, что извѣстная часть слушателей постоянна и что эти-то слушатели заслуживаютъ внимательнаго отношенія къ нимъ, которое можетъ выразиться только въ приведеніи въ порядокъ чтеній» *).

То же мнѣніе защищала и мѣстная газета, взывая къ самолюбію заправиль общества и указывая, что только предъявляя болѣе серьезныя требованія къ народнымъ чтеніямъ, «нарышкинскія учрежденія до нѣкоторой степени оправдаютъ названіе *народнаго университета*, какъ окрестила ихъ въ настоящее время народная молва» **).

Однако большинство комиссіи осталось вѣрнымъ правленію и однажды высказанному послѣднимъ мнѣнію. Оно утверждало, что «задача народныхъ чтеній состоитъ *не въ образованіи* ***) слушателей, это имъ (слушателямъ?) не подѣ силу;—главная цѣль ихъ—дать разумное, здоровое *развлеченіе* отдыхающему народу, и въ лучшемъ своемъ стремленіи приохотить къ чтенію, показать ему, что такое говорится въ книгахъ, которыя онъ можетъ найти хоть бы во вновь открытой народной читальнѣ. Народныя чтенія—это первая ступень къ пробужденію у народа любознательности и по тому уже самому они должны отнюдь не специализироваться въ отдѣльные цѣли, а, напротивъ, быть какъ можно разнообразнѣе: одного слушателя можетъ заинтересовать одна часть знаній, другого — совершенно другая. Да и самый матеріалъ для народныхъ чтеній приспособленъ для такого рода чтеній. Каждая брошюра представляетъ собою цѣльный, связанный рассказъ. Всѣ предъидущія событія, которыя нужны для пониманія того или другого факта, непремѣнно упомянуты въ началѣ брошюры. Притомъ брошюры принадлежатъ самымъ разнообразнымъ авторамъ, онѣ подѣ часть трактуютъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, приводя такимъ образомъ въ систему эти чтенія, мы рискуемъ систематизировать только названія. Переходя же къ имѣющемуся на лицо матеріалу, мы должны сказать, что только чтенія историческія и отчасти географическія можно подвести хотя бы подѣ такую внѣшнюю систему, и систематизаторамъ придется

*) Отчетъ за 189¼ г. стр. 44

**) Передовица отъ 10 янв. 1895 г.

***) Курсивъ здѣсь, какъ и далѣе, нашъ.

изъ году въ годъ повторять одни и тѣ же чтенія, или волей-неволей отказаться отъ системы. Поэтому комиссія полагаетъ, что системы въ чтеніяхъ установить невозможно» *). Конечно, сдѣлать такое постановленіе было гораздо легче, чѣмъ поработать надъ приведеніемъ въ порядокъ чтеній...

Вопросъ этотъ имѣетъ столь важное и принципиальное значеніе для дальнѣйшаго развитія дѣла, что мы позволимъ себѣ остановиться на немъ подробнѣе. Это тѣмъ болѣе кажется намъ необходимымъ, что въ цитированномъ нами отчетѣ одна точка зрѣнія изложена чрезвычайно подробно, тщательно и детально, тогда какъ другая лишь намѣчена въ общихъ чертахъ, такъ что ея изложеніе даже мѣста занимаетъ ровно вдвое менѣе. Симпатіи составителя отчета, лежація на сторонѣ защитниковъ бессистемности, проглядываютъ слишкомъ ясно, въ ущербъ безпристрастію изложенія...

Разсужденія на ту тему, что народныя чтенія можно разсматривать лишь какъ преддверіе народной читальни, а не какъ что-то самостоятельное, нельзя считать достаточно убѣдительными въ силу многихъ причинъ. Во первыхъ, въ предѣлахъ губерніи, вѣроятно, найдутся даже такіе пункты, гдѣ народныхъ читаленъ не существуетъ. Во вторыхъ, есть цѣлый разрядъ слушателей — именно, слушатели безграмотные и малограмотные—для которыхъ народныя чтенія являются единственнымъ средствомъ расширить умственный кругозоръ **). Особенно много тѣхъ и другихъ должно быть въ сельскихъ пунктахъ народныхъ чтеній, затѣмъ въ уѣздныхъ городахъ ***) да полагаю, что найдутся такіе и въ Тамбовѣ. Въ третьихъ, у многихъ представителей рабочаго люда нѣтъ времени на систематическое посѣщеніе народной читальни, гдѣ, къ тому же, они остаются безъ руководства, какъ читать «въ системѣ», если имъ не показать наглядно необходимой системы на народныхъ чтеніяхъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, тамбовское общество устраиваетъ чтенія для нѣкоторыхъ специальныхъ разрядовъ слушателей, напр., для учащихся въ городскихъ школахъ и для нижнихъ чиновъ мѣстнаго гарнизона. Здѣсь ужъ, несомнѣнно, всѣ аргументы, прицѣпленные къ положенію о «непостоянствѣ состава» отпадаютъ. Вотъ нѣсколько основанийъ, вполне

*) Отчетъ за 1894 г., стр. 44—45.

**) Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ правильной статистики посѣтителей чтеній, и потому мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить, какой % общаго числа составляютъ безграмотные и какой—малограмотные.

***) Кстати, приведемъ фактъ, показывающій, что потребность въ систематизаціи чтеній въ уѣздахъ назрѣла. Въ 1894—5 г. комитетъ народныхъ чтеній при Лебединскомъ об—вѣ любителей музыкальнаго и драматическаго искусства обратился къ тамбовскому об—ву съ просьбой при высылкѣ иллюстрированныхъ чтеній придерживаться какой либо системы: или своей, или выработанной комитетомъ. Отчетъ съ сожалѣніемъ констатируетъ безуспѣшность этой просьбы.

достаточныхъ для того, чтобы придать народнымъ чтеніямъ характеръ полной самостоятельности, связности, цѣльности и законченности.

Обратимся къ остальнымъ аргументамъ защитниковъ «живописнаго безпорядка» въ расположеніи народныхъ чтеній.

Второй аргументъ гласитъ: что каждая отдѣльная брошюра для чтеній составлена такъ, что сама по себѣ производитъ вполне цѣльное и законченное впечатлѣніе. Мыслимо-ли однако себѣ представить, чтобы брошюрка, составляющая отрывокъ изъ цѣлой области знанія, и рассчитанная на два-три часа чтенія, могла бы «въ началѣ» содержать все болѣе элементарныя свѣдѣнія, необходимыя для уясненія существеннаго своего содержанія? Это не достижимо даже при самомъ идеальномъ выполненіи брошюрь, а качества брошюрь, разрѣшенныхъ для нар. чтеній въ то время, отстояли отъ идеала очень далеко.

Третій аргументъ: намъ указываютъ, что не можетъ быть внутренней связи между брошюрами, написанными разными авторами и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Что это значитъ? Да развѣ рѣчь идетъ о систематизаціи публицитическихъ этюдовъ и политическихъ памфлетовъ, вся суть которыхъ въ различныхъ, другъ друга исключающихъ, «точкахъ зрѣнія»? Или о какихъ нибудь отвлеченныхъ философскихъ теоріяхъ? Трудно повѣрить, что говорится о передачѣ народу элементарнѣйшихъ научныхъ свѣдѣній и фактовъ по исторіи, естествознанію и географіи, изложенныхъ въ самой простой и популярной формѣ.

Четвертый аргументъ: «только чтенія историческія и отчасти географическія можно подвести хотя бы подъ внѣшнюю систему». Конечно, всякій баронъ имѣетъ право на свою особую фантазію. Нельзя и педагогамъ просвѣтительнаго общества запретить думать, что передъ чтеніемъ о теплѣ и воздухѣ хорошо почитать о жизни растенія, а передъ чтеніемъ о шаровидности земли повѣдать исторію открытія Америки. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спорить съ людьми, отрицающими ту аксіому, что система есть душа всякой науки и всякой популяризаціи, что безъ системы можно читать лишь по беллетристичѣ, да и то не совсѣмъ?

Наконецъ, все завершается пятымъ и послѣднимъ аргументомъ, вѣнцомъ всей аргументаціи: «систематизаторамъ придется или изъ года въ годъ повторять одни и тѣ же чтенія, или волей-неволей отказаться отъ системы». Безъ всякихъ доказательствъ декретируется, что при системѣ почему то скорѣе будетъ исчерпанъ весь матеріалъ разрѣшенныхъ чтеній и потому придется повторяться преимущественно передъ бессистемнымъ веденіемъ дѣла. Простой здравый смыслъ говоритъ, что выборъ между разнообразіемъ и повтореніями зависитъ отъ количества разрѣшенныхъ чтеній, а не отъ способа ихъ расположенія,—по внутренней связи или по наитію Святого Духа. Но комиссія рѣшила иначе. Замѣтимъ также, что нельзя принимать число разрѣшенныхъ чтеній за неподвижную величину. Хоть и медленно, оно постепенно возрастаетъ. Напр. недавно еще были разрѣшены для публичныхъ чтеній всѣ книги, допущен-

ныя въ школьныя бібліотеки низшихъ народныхъ училищъ. И—кстати сказать—общество народныхъ чтеній до сихъ поръ почти не воспользовалось этимъ разрѣшеніемъ.

Втеченіи послѣдующихъ годовъ, когда въ составѣ общества народныхъ чтеній произошло раздѣленіе на двѣ группы—на большинство противниковъ дальнѣйшаго расширенія и качественного измѣненія дѣятельности общества и меньшинство сторонниковъ дальнѣйшихъ шаговъ на этомъ пути—вопросъ о систематизации чтеній или прибавленіи къ прежнимъ, несистематическимъ, какихъ нибудь новыхъ, представляющихъ связанные циклы—поднимался неоднократно и до настоящаго времени вѣчно проваливался *). По всей вѣроятности, ему суждено опять выплыть на поверхность послѣ недавняго опыта съ опросомъ посѣтителей народныхъ чтеній.

Опросъ этотъ состоялся по инициативѣ одного изъ членовъ общества, П. П. Смирнова, исходившаго въ своемъ докладѣ правленію изъ тѣхъ соображеній, что «составъ слушателей въ народной аудиторіи, при видимой подвижности, несомнѣнно заключаетъ постоянные элементы, и они то особенно цѣнны. Сохранить постоянныхъ посѣтителей, сдѣлать болѣе плодотворнымъ посѣщеніе ими чтеній очень важно. А для этого необходимо прислушаться къ голосу аудиторіи и принять въ расчетъ ея запросы».

Это еретическое мнѣніе, хотя и не безъ борьбы, одержало побѣду. Но было сдѣлано, кажется, все, чтобы свести на нѣтъ реальное значеніе опроса. Принятое въ принципѣ общимъ собраніемъ предложеніе было передано въ редакціонную комиссію лишь для разработки, но вмѣсто этого встрѣтило и тамъ цѣлый рядъ чисто-принципальныхъ возраженій. Наконецъ, было рѣшено произвести опросъ, но за то программа, предложенная П. П. Смирновымъ, была до крайности урѣзана. Кромѣ обычныхъ вопросовъ о занятіи, сословіи и лѣтахъ, оставлено было лишь два вопроса: «понравилось ли нынѣшнее чтеніе» и «все ли понятно». Между тѣмъ планъ П. П. Смирнова былъ гораздо болѣе широкій. Ему хотѣлось задать посѣтителямъ цѣлый рядъ вопросовъ—понравилось ли чтеніе, и если да, то чѣмъ именно; все ли въ немъ понятно и если нѣтъ, то что именно понятно, какія изъ ранѣ слышанныхъ чтеній понравились, какія не понравились, и чѣмъ именно, о чемъ еще хотѣлось бы слышать на чтеніяхъ и часто ли вообще отвѣчающій бываетъ на чтеніяхъ (чтобы отличить постоянные элементы отъ случайныхъ).

Особенно вопросъ о томъ, какія именно чтенія *не понравились*, прежде всего *не понравился* правленію и комиссіи. Урѣзавши до minimum'a программу опроса, комиссія рѣшила произвести опросъ не на *типичныхъ*, т. е. среднихъ чтеніяхъ, или на противоположныхъ—луч-

*) Исторія долгой и упорной борьбы на этой почвѣ я описываю въ «Русскомъ Богатствѣ».

зшихъ и худшихъ, какъ предлагалъ П. Смирновъ, а на трехъ *лучшихъ* по содержанію и, къ тому же, обставленныхъ лучшими силами читальни. Врядъ ли не слѣдуетъ отсюда заключить, что со стороны большинства комиссіи имѣло мѣсто стремленіе зажать уши отъ всякой критики, искусственно добиться благопріятнаго результата.

Обратимся теперь къ результатамъ трехъ опросовъ: первый изъ нихъ произведенъ былъ на чтеніи историческаго характера («Іоанъ III» А. Н. Майкова), второй—религіознаго («Іуда Маккавей» и «Товитъ» Пудыковича) и третій—литературнаго («Бѣдность не порокъ» Островскаго).

Сначала возьмемъ цифровыя данныя. Всего роздано было въ три раза 3470 листовъ, вернулось 366, т. е. нѣсколько болѣе 10%. Изъ этого числа мужчинамъ было роздано 2098, а вернулось отъ нихъ 265 или свыше 12%, женщинамъ роздано 1372, вернулось 101, или свыше 7%.

Громадное большинство отвѣтившихъ оказалось принадлежащими къ мѣщанскому и крестьянскому сословіямъ: изъ 324 указавшихъ свое сословіе первыхъ, 137, нѣсколько болѣе 42%, послѣднихъ 128 или свыше 39%, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, слѣдовательно, приблизительно 82%. Далѣе слѣдуютъ дворяне—29 (9%), купцы и почетные граждане—16 (почти 5%) и совершенно незначительныя кучки духовныхъ и нижнихъ чиновъ. Это распредѣленіе почти одинаково среди мужчинъ и женщинъ.

Что касается распредѣленія по занятіямъ, то среди мужчинъ первое мѣсто занимаетъ группа ремесленниковъ, мастеровыхъ, рабочихъ: изъ 231 давшихъ объ этомъ свѣдѣнія—139, или 60%; затѣмъ слѣдуютъ учащіеся—35 (болѣе 15%), купцы, торговцы и приказчики 26 (11%). Далѣе идутъ мелкія группы чиновниковъ (10), лицъ свободныхъ профессій (6), «домашнихъ занятій» или «безъ опредѣленныхъ занятій», прислуга и даже 1 живущій благотворительностью. Среди женщинъ, напротивъ, первыя два мѣста заняты учащимися—33 (39%) и занимающихся «домашнимъ хозяйствомъ» — 30 (36%), затѣмъ уже мастерицы—15 (18%), а далѣе прислуга (4) и торговка—(1).

Раздѣленіе отвѣчавшихъ по возрастному составу проще всего будетъ представить въ таблицѣ:

	Мужч.	Женщ.	Всѣхъ.
Моложе 15 лѣтъ . . .	51	32	83
Отъ 15 до 30 лѣтъ . . .	136	36	172
Старше 30 лѣтъ . . .	53	25	78.
Итого	240	93	333

Теперь перейдемъ собственно къ отзывамъ, сначала благопріятнымъ, которыхъ оказалось, разумѣется, большинство. Прежде всего оказывается, что слишкомъ лаконически выраженный комиссіей вопросъ оказался для многихъ непонятнымъ. «Понравилось ли *чтеніе*»—дѣйствительно, вопросъ двусмысленный: его можно понять не въ смыслѣ вопроса о *содержаніи* читаемаго, а вопроса о самомъ чтеніи, какъ процессѣ—дикци

чтеца. Что многие такъ и понимали, видно изъ нѣсколькихъ болѣе мотивированныхъ отвѣтовъ. Такъ, одному мастеровому чтеніе брошюры объ Іоаннѣ III «понравилось правильною его и прозрачною голосомъ», другому тоже «понравилось, потому что читаль хорошій читатель». «Очень хорошо—пишетъ третій—все было слышно до слова». За прачку пишетъ кто-то интеллигентнымъ почеркомъ: «рѣчь лектора чрезвычайно красива, плавна и вполне понятна; впечатлѣніе отъ чтенія очень хорошее». «Очень понравилось, и вечернее лучше читаль; а днемъ г. чтець спѣшили...» Въ виду этого трудно оцѣнить массу короткихъ отзывовъ: «понравилось», «очень понравилось», «благодаримъ», «хорошо и прилично» и т. п.

Обратимся къ мотивированнымъ отвѣтамъ. Ихъ не очень много, потому что коротенькіе вопросы комиссіи не требуютъ мотивировки; немудрено, что мотивировали свои отвѣты очень немногіе, сами особенно жаждавшіе излить свои впечатлѣнія письменно.

Пятеро слушателей изъ простонародья пишутъ, что чтеніе понравилось, какъ всякое историческое. «Подобнаго рода чтенія есть правочительныя вещи», пишетъ молодой торговецъ; «понравилось вслѣдствіе того, что преподаетъ знаніе жизни русскаго народа и царей прежнихъ временъ»; «историческій рассказъ всѣхъ интересуеетъ», ручается рыбный торговецъ. Серьезностью и искренностью проникнуты слѣдующія слова 35-лѣтней горничной: «Я очень люблю, когда читають о государяхъ по землѣ. Я хожу не изъ удовольствія, но мнѣ хочется знать все больше и больше». «Читаемое понравилось»—заявляетъ военный писарь: а также читающій хорошо прочелъ, со всѣми выраженіями, чѣмъ далъ понятіе о читаемомъ. Не мѣшало бы читать и объяснять изъ историческаго и современнаго матеріала, а также желательно было бы слышать: объ освобожденіи крестьянъ, о тѣхъ лишеніяхъ, которыя были пережиты въ крѣпостничествѣ, о томъ достопамятномъ и великомъ днѣ освобожденія и кому этимъ обязаны и проч.». Такимъ образомъ, выражая, вмѣстѣ съ многими другими, свое удовлетвореніе отъ даннаго чтенія и вообще отъ «историческаго матеріала», этотъ слушатель представляетъ переходное звено отъ довольныхъ къ недовольнымъ: хотя его и не спрашивали, онъ самъ высказываетъ свои пожеланія лучшаго. «Хотѣлось бы послушать—продолжаеъ онъ—изъ произведеній Некрасова «Кому живется хорошо на Руси» или «Савраска» Полежаева, «Смерть Сократа» и др. подобныхъ имъ же». «Если можно, приписываетъ онъ сбоку—то прошу прочесть изъ сочиненій Толстого. Дай Богъ улучшенія, ожидаемъ желаемого».

«Понравилось, если бы читали въ первый разъ... Хорошо было бы, если бы чтеніе перемежалось почаще», замѣчаетъ 16-ти лѣтняя мѣщанка. «Чтенія Тамбовской народной читальни нисколько не интересуютъ народъ а именно потому, что читается всѣмъ все извѣстное, читанное, а если и ходитъ народъ, то это единственно только для развлечения, лишь бы убить время. Тогда только будутъ посѣщать съ любовью народное чте-

ніе, когда будутъ читаться книги, которыя бы образовали человѣка, развили бы его умственные понятія, однимъ словомъ, приносили бы пользу человѣчеству»—это мнѣніе молодого желѣзнодорожнаго служащаго. И онъ не одинъ въ своемъ рѣзкомъ отзывѣ. Въ томъ же родѣ замѣчанія молодого слесаря и одного мѣщанина. «Еще на школьной скамьѣ, говоритъ первый, мы узнали гдѣ Царьградъ лежитъ, и какъ Иванъ III басму топталъ и не сталъ дань татарамъ платить. А интересно было бы знать, какъ люди сейчасъ живутъ, чему учатся и что предпринимаютъ, чтобы еще лучше жить. Какъ они въ праздники время проводятъ, гдѣ бывають есть ли у нихъ народныя чтенія... Вотъ что интересуеетъ нашего брата мастерового».

Еще болѣе рѣзкій отзывъ даетъ молодой крестьянинъ, занимающійся сапожнымъ ремесломъ. «По моему мнѣнію на чтеніяхъ нужно читать что нибудь получше, а не то, что въ настоящее время читается. Что это за чтенія, которыя ничему не учатъ, ничего не разъясняютъ, ни съ чѣмъ не знакомятъ. За рѣдкимъ исключеніемъ во всемъ бессмыслица и безсодержательность. Эти чтенія нисколько не способствуютъ отрѣшенію отъ предрасудковъ, суевѣрій и проч., а напротивъ укрѣпляютъ въ этомъ. Однимъ словомъ, идешь на чтеніе, думаешь тебѣ хлѣба дадутъ, а вмѣсто этого камень получаешь, ждешь, что чтенія улучшатся, а они все хуже дѣлаются» (ореографія подлинника исправлена).

«Другое дѣло—продолжаетъ этотъ слушатель, очевидно, читающій газеты,—если бы читали что нибудь научное и въ то же время интересное, какъ вотъ, напримѣръ въ Одессѣ и Харьковѣ, гдѣ книжки читаются очень хорошія, т. е. научныя. Вотъ напримѣръ въ Одессѣ я знаю какія книжки читали: доктора Бурды, Рабочая сила или заразныя болѣзни, а у насъ въ этомъ родѣ ничего не читается, но между прочимъ желательно послушать въ указанномъ смыслѣ».

Такъ какъ, даже совершенно независимо отъ вопросовъ, поставленныхъ комиссіей на листкахъ, многіе посѣтители высказывались относительно собственныхъ пожеланій, то П. П. Смирнову удалось добиться на слѣдующіе опросы прибавить новый пунктъ: о чемъ еще хотѣлось бы слышать. Вотъ результаты опроса въ цифрахъ.

Ж е л а ю т ъ :	1-е чт. (случайн. отзывы).	2-е чт.	3-е чт.	Итого.
Литературнаго чтенія . . .	10	26	41	77
Историческаго *).	12	26	27	65
Духовно-нравственнаго. . .	4	37	2	43
Геогр., этногр., путеш. . .	3	3	4	10
Естествовѣдніе	4	4	2	10

*) Сюда влечены и требованія на описанія различныхъ войнъ или на жизнеописанія полководцевъ и т. п. Впрочемъ, такихъ меньшинство.

Ж е л а ю т ь :	1-е чт. (случайн. отъвы).	2-е чт.	3-е чт.	Итого.
Медицина и гигиена . . .	1	2	—	3
По обществ. вопросам . . .	3	5	4	12
«О чемъ лучше» . . .	1	3	3	7
Довольны читаемымъ . . .	—	10	1	11
Не знаютъ, о чемъ. . .	—	3	—	3

Итакъ, больше всего спросъ на чтенія литературнаго содержанія, за-тѣмъ—историческаго, и только далѣе, на третьемъ мѣстѣ, стоитъ спросъ на духовно-нравственное чтеніе. Затѣмъ идетъ спросъ на темы современной жизни, естествовѣдніе и географію; послѣднее мѣсто занимаетъ медицина и гигиена. При этомъ бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Въ то время, какъ на историческомъ чтеніи пожелали духовно-нравственнаго содержанія чтенія всего 4, а на беллетристическомъ—даже 2 (столяръ 52 лѣтъ и мѣщанка 59 л.)—на второмъ чтеніи такихъ требованій оказалось большинство. Дѣло разъясняется, если мы припомнимъ, что второе чтеніе было «Товитъ» и «Иуда Маккавей». Очевидно, что контингентъ любителей духовно-нравственнаго чтенія—совершенно особый, отдѣльный, не смѣшивающійся съ другими.

Послушаемъ любителей духовно-нравственнаго чтенія. «Чтеніе Иуда Маккавей—божественное чтеніе, своимъ чудеснымъ происшествіемъ можетъ понравиться не только мнѣ, но и другому какому нибудь», пишетъ молодой столяръ. Рѣшительнѣе выражается печникъ 39 лѣтъ, который полагаетъ, что «хорошее чтеніе; подходящее этому, иль про святыхъ мучениковъ, иль про прежнюю жизнь людей, иль подвигъ героевъ и всѣмъ понравится». Школьникъ 11 лѣтъ желаетъ соединять душеполезное съ пріятнымъ: «намъ нравится, пишетъ онъ, изъ нравоченій, изъ священнаго писанія и были, только съ картинками, и музыка, чтобъ хорошо играла». «Милостивые государи, чтецы—обращается молодой столяръ—если возможно, то прочтите, по моему желанію: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя»—«Душевные и сердечные вопли кающагося грѣшника». Одинъ молодой мѣщанинъ, вдохновившись чтеніемъ, даже выражаетъ свое настроеніе стихами:

«Когда бы всякъ, душою ясной,
Понялъ бы вѣру прежнихъ дней,
Онъ плакалъ бы тогда несчастный,
Рыдалъ бы о душѣ своей».

Любители «божественнаго» съ пренебреженіемъ смотрятъ на литературныя чтенія. «Это потѣха молодымъ, замѣчаетъ одинъ недовольный «Бѣдностью не порокъ»: хотя и понятно, но это театральное». Театральное, слѣдовательно грѣховное, суетное, свѣтское—полагаетъ этотъ поклонникъ «духовныхъ и поучительныхъ примѣровъ». Со своей стороны, молодежь выражаетъ недовольство тѣмъ, что нравится ея порицателямъ.

«Отчасти понравилось, пишетъ 23-хъ-лѣтній мѣщанинъ,—но все это я уже училъ и знаю». «Я всю священную исторію и допрежъ зналъ на память» прибавляетъ къ этому плотникъ 27 л. «Ужъ это старое, нельзя ли что нибудь поновѣе»; пишетъ молодой сапожникъ. «Подобныя вещи надобли мнѣ въ семинаріи...» сообщаетъ слушатель не изъ народа, и его мнѣніе—пишетъ докладчикъ—также является не единственнымъ. Такіе слушатели, повидимому, невнимательны, и вотъ что по этому поводу строчить одинъ изъ любителей «божественнаго»: «Все понятно, если такіе чтенія будутъ всегда читать такъ хорошо, и такое душеполезное чтеніе замретъ у всѣхъ на сердцѣ... Сіе чтеніе на всю жизнь останется въ сердцѣ чловѣка, который здѣсь слушалъ и благодарность чтенію. Но не нравится одно: масса посѣтителей такихъ, которые подъ столъ пѣшкомъ еще ходятъ. Да еще молодые стрикюлисты нашли здѣсь аллею для гулянья». Подробнѣе указывающіе, что именно изъ «божественнаго» хотять услышать, называютъ обыкновенно житія популярнѣйшихъ святыхъ; другіе просто просятъ «вообще поинтереснѣе о Божествѣ»; есть и болѣе сознательные, желающіе систематическаго чтенія по Св. исторіи: «отъ сотворенія міра до потопа жизнь людей, и затѣмъ отъ Ноя и до Рождества Христова и отъ І. Х. до 18-го вѣка хорошо бы слышать» (земледѣлецъ 57 лѣтъ).

Переходимъ къ любителямъ беллетристики. На первый взглядъ здѣсь полная пестрота мнѣній, разныя стадіи литературныхъ вкусовъ, начиная съ рассказовъ «почудаѣ», сказокъ, далѣе соч. Майнъ-Рида и кончая сочиненіями новѣйшихъ беллетристовъ. Одинъ молодой столяръ рекомендуетъ «Бурю въ стоячихъ водахъ», картузникъ—повѣсть Дмитріевой изъ «Вѣстника Европы». Молодой слесарь желалъ бы слышать «объ романахъ съ интересной любовью»; наконецъ, мѣщанинъ съ «неопредѣленными» занятіями ждетъ «рассказовъ юмористическихъ, которые, надѣюсь, и публика одобритъ». Но «стоитъ взглянуть поближе, подсчитать цифры, у насъ получится болѣе ясная картина.

I. Классиковъ: Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островскаго и т. называютъ	33 л.
II. Писателей народниковъ: Некрасова *), Успенскаго, Златовратскаго, Каронина, Дмитріеву **).	12 »
III. Сказки былины и т. п.	9 »
IV. Театральное вообще	9 »
V. «Романы» съ захватывающей фэбулой ***).	9 »

*) «Кому на Руси жить хорошо».

**) «О бытѣ крестьянъ Успенскаго» желаетъ молодой мѣщанинъ. Дмитріевой дважды рекомендуется «Учитель Митюха» разными лицами.

***) Видное мѣсто занимаетъ Майнъ-Ридъ; называются еще «романы съ любовью», «романы» просто etc.

VI. Лубочныхъ изданій *)	3 »
VII. «Юмористическаго» чтенія	1 »

Такимъ образомъ, и здѣсь большинство требованій очень разумны и сознательны. Посѣтителъ нарышкинской читальни, поскольку можно судить о немъ изъ опросовъ, умственно выросъ. Неоднократно попадаются заявленія такого рода: «Чтеніе понравилось (это пишетъ ученица 17 лѣтъ), но, если бы читали всегда такъ, а то читаютъ «Котъ въ сапогахъ»... Другой съ какою то даже обидой отвѣчаетъ на вопросъ, о чемъ желалъ бы еще слышать. «Не знаю; читайте, что хотите, только не «Кота въ сапогахъ». Третьему не нравится какое то чтеніе «О Римѣ и другихъ подобныхъ ему же сказкахъ вродѣ какихъ то дивныхъ нравовъ народа». Четвертый то же съ презрѣніемъ замѣчаетъ: «Сказки не нравятся». «Не нужно, пишетъ столяръ 17-ти лѣтъ, разныя сказки, басни»... Значительная часть посѣтителей, такимъ образомъ, недовольна тѣмъ, что на нихъ смотрять, какъ на дѣтей, и предлагаютъ слишкомъ ужъ дѣтскую умственную пищу.

Изъ желающихъ слушать на современные темы отмѣтимъ одного, который останавливается на публицистическихъ статьяхъ Далина. Другой—сапожникъ 24 лѣтъ—желаетъ знать «о жизни рабочаго человѣка и о пользѣ грамотности и неграмотности». Плотникъ 27 лѣтъ хочетъ слышать, «какъ идетъ наше плотничье мастерство къ другимъ странахъ, насколько мы отстаемъ отъ нихъ». Сапожникъ 35 лѣтъ хочетъ знать «о жизни заграничныхъ рабочихъ, какъ они живутъ, сколько часовъ работаютъ и сколько зарабатываютъ». Пѣвчій 21 года интересуется заграницей и выставкой въ Чикаго; пожилой крестьянинъ 46 лѣтъ жаждетъ услышать «о царской милости». Трое даже «предлагаютъ широкую программу чтеній, указывая ихъ цѣль—служить къ улучшенію жизни матеріальной и духовной». Къ сожалѣнію, докладчикъ не цитируетъ этихъ отзывовъ, особенно интересныхъ въ виду нежеланія правленія общества народныхъ чтеній вести чтенія въ системѣ, по строго обдуманной программѣ.

По географіи, этнографіи и путешествіямъ у трехъ возбуждаетъ интересъ Нансенъ; четвертый проситъ вообще «о путешествіяхъ ученыхъ людей». Дальше идутъ просьбы почитать «о жизни краснокожихъ дикарей Америки», «о Сибири, Кавказѣ, о народахъ, ихъ заселяющихъ, о Финляндіи», и т. п. По міровѣднію—«о царствѣ животныхъ или пернатыхъ», «о составѣ земли»... Есть и желающіе слышать «объ медицинѣ, а то не знаешь, какъ предохранить свое здоровье отъ нѣкоторыхъ очень простыхъ болѣзней». Все желанія очень резонны, въ нихъ сказывается и стремленіе примѣнить знанія къ жизни, и безкорыстный, теоретическій интерес...

*) Желаютъ «Громобоя», «Танственнаго Монаха», какого-то «Алешу Бубеньщика»

Что же выясняется изъ опроса? Да то, что къ мнѣнію публики стоить прислушаться. Вкусы ея развиваются, она очевидно перерастаетъ умственно значительную часть того матеріала, который ей теперь предлагаютъ. Видимо, необходимо обновить содержаніе чтеній и привести ихъ въ болѣе строгую систему. Иначе, дѣйствительно, какъ бы не оказалось пророческимъ замѣчаніе того читателя изъ простонародья, который, сѣгую, что нынѣшнія чтенія «не образуютъ ума людей», сулить имъ лишь такихъ посѣтителей, которые идутъ больше отъ скуки, поразвлечься, чтобы убить время. Отъ нихъ отхлынуть наиболѣе сознательные элементы, всего сильнѣе жаждущіе знанія,—или же, что еще хуже, не отхлынуть, примирятся и съ малымъ, понизятъ свои запросы и требованія, иными словами—регрессируютъ. Это вопросъ, надъ которымъ приходится задуматься серьезно. Уже и теперь иные посѣтители жалуются что получаютъ вмѣсто хлѣба—камень...

Пожелаемъ, чтобы въ тамбовскомъ просвѣтительномъ обществѣ послѣ этого болѣе внимательно, чѣмъ прежде, отнеслись къ словамъ людей, настаивающихъ на скорѣйшемъ расширеніи программы чтеній, введенія въ нее большей систематичности и даже устройства какихъ нибудь вспомогательныхъ, по доступной цѣнѣ, популярныхъ лекцій, вродѣ хотя бы тѣхъ «общедоступныхъ систематическихъ лекцій», которыя ведутся въ Одесской городской аудиторіи.

Викторъ Черновъ.

Изъ области знаній.

Происхожденіе пола у животныхъ.

При томъ громадномъ практическомъ значеніи этого вопроса, который онъ имѣетъ въ скотоводствѣ и въ человѣческомъ обществѣ, естественно, что съ давнихъ поръ умъ человѣческій старался разгадать эту загадку. Я оставляю въ сторонѣ болѣе или менѣе наивныя гипотезы древности и буду говорить лишь о томъ, что имѣетъ нѣкоторое научное значеніе. Мы можемъ отмѣтить два направленія въ рѣшеніи этого вопроса: одно, строящее гипотезы на основаніи наблюденій главнымъ образомъ надъ домашними животными и людьми, другое—ищущее рѣшеніе вопроса въ опытахъ. Заранѣе надо сказать, что наиболѣе плодотворнымъ было-бы опытное рѣшеніе, провѣренное потомъ наблюденіемъ. Среди многочисленныхъ гипотезъ перваго направленія наиболѣе видное мѣсто занимаетъ гипотеза Тюри. Гипотеза эта сводится къ тому, что полъ животнаго зависитъ отъ степени зрѣлости яйца въ моментъ его оплодотворенія. Перезрѣлыя яйца даютъ самцовъ, а яйца въ началѣ зрѣлаго періода—самокъ.

Если оплодотвореніе совершается въ началѣ течки, т. е. того періода, когда происходитъ выходненіе яйца изъ ячника и прохожденіе его по яйцеводу въ матку, то получается будто-бы самка, а при оплодотвореніи въ концѣ течки—самецъ. Если у животнаго выходитъ во время течки нѣсколько яичекъ и рождается, слѣдовательно, за разъ нѣсколько дѣтейшей, то первыя яички, менѣе зрѣлыя, даютъ самокъ, а послѣдующія болѣе зрѣлыя—самцовъ.

Однако факты оказались не согласными съ этой гипотезой. Еще Аристотелю было извѣстно, а потомъ подтверждено Флурансомъ, что изъ яицъ, откладываемыхъ голубкой, первое даетъ по большей части самца. Также при провѣрѣхъ этой гипотезы Костомъ и Жербомъ на курахъ, не было получено фактовъ, ее подтверждающихъ. Костъ изслѣдовалъ беременныхъ кроликовъ и пришелъ къ заключенію, что соображенія, развитыя Тюри по отношенію къ многоплоднымъ животнымъ, тоже не согласны съ фактами. Теперь, когда мы знаемъ, что яйцо и живчикъ, хотя и разнятся чрезвычайно по величинѣ, но въ сущности являются

вполнѣ равносильными и однозначущими элементами, такое исключительное предпочтеніе, которое давалъ Тюри яйцу въ дѣлѣ опредѣленія пола будущаго зародыша, намъ кажется страннымъ и непонятнымъ. Если такъ важна степень зрѣлости женскаго элемента, то почему же не важна степень зрѣлости мужскаго элемента?

Нѣкоторымъ успѣхомъ пользовалась еще гипотеза Бока. По его мнѣнію, главнымъ факторомъ, обуславливающимъ полъ будущаго поколѣнія, является свойство оплодотворяющихъ элементовъ отца. Воздержанный отецъ долженъ имѣть, по этой гипотезѣ, болѣе мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Но скотоводы-практики утверждаютъ какъ разъ обратное, а именно, что производители, на долю коихъ приходится наибольшее число самокъ, даютъ въ потомствѣ преимущественно самцовъ.

Впрочемъ, практики скотоводы дали также матерьялъ для другой гипотезы, а именно гипотезы Фике и Янке. Гипотеза эта исходитъ изъ сопоставленія физиологическихъ свойствъ обоихъ родителей. Когда сильный, пылкій, сангвиническій самецъ спаривается съ флегматической и равнодушной самкой, то преобладаютъ въ потомствѣ самки. Когда спаривается флегматическій самецъ и энергическая самка, то больше появляется самцовъ. Но эта гипотеза, равно какъ и попытка поставить полъ потомства въ зависимости отъ возрастнаго отношенія отца и матери, не привели къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ. Въ погонѣ за различными гипотезами Зелигзонъ въ 1895 году воскресилъ даже Гиппократовскую гипотезу. Гиппократъ думалъ, что на полъ влияетъ то обстоятельство, изъ какого органа отца выходятъ оплодотворяющіе элементы: праваго или лѣваго, а Зелигзонъ ту же самую гипотезу перенесъ на мать.

Зародыши мужскіе должны происходить изъ праваго яичника, а женскіе—изъ лѣваго. Онъ производилъ оваріотомію, т. е. удаленіе яичниковъ той или другой стороны, кроликамъ и будто-бы получилъ подтверждающіе результаты. Затѣмъ, онъ собралъ данныя относительно такихъ аномальныхъ случаевъ, когда при беременности у женщины зародышъ развивается не въ маткѣ, а въ одномъ изъ яйцеводовъ, и когда можно такимъ образомъ опредѣлить принадлежность развивающагося яйца яичнику той или другой стороны. Оказалось, что 19 случаевъ были въ полномъ согласіи съ его гипотезой, т. е. мужскіе зародыши были въ правомъ яйцеводѣ, а женскіе—въ лѣвомъ, и только три случая обратнаго положенія—ей противорѣчили. Но и эту гипотезу при дальнѣйшей повѣркѣ постигла та же участь, какъ и многія другія.

Гесснеръ показалъ, что въ двухъ случаяхъ, когда былъ у женщины вырѣзанъ лѣвый яичникъ, родились дочери, а въ одномъ случаѣ, когда былъ удаленъ правый яичникъ—родился мальчикъ. Затѣмъ, послѣ несчастныхъ родовъ, въ случаѣ смерти родильницы, всегда можно опредѣлить, изъ какого яичника вышло яйцо. Гесснеръ воспользовался этимъ и его наблюденія не были въ пользу гипотезы Зелигзона. Не говоря уже о томъ, что и въ случаѣ помѣщенія плода въ яйцеводъ, вовсе

нельзя съ полной достовѣрностью утверждать, что онъ произошелъ изъ личника именно той же самой стороны. Возможно, что яйцо вышло изъ личника одной стороны, попало въ матку, а оттуда было загнано въ яйцеводъ противоположной стороны. Такимъ образомъ, все это подрываетъ гипотезу Зелигзона. Всѣ эти гипотезы, а равно и другія, которыхъ мы касаться не будемъ, имѣютъ одинъ общій недостатокъ: ихъ авторы опираются на слишкомъ малое число наблюдений. Гипотеза Фике и Янке построена на 30 наблюдений, а гипотеза Бауста, которую я не излагалъ въ виду ея второстепеннаго значенія, опирается лишь на 14 рождений.

Естественно, что при такомъ узкомъ кругѣ наблюдений, не могло выработаться прочной гипотезы и что едва гипотеза дѣлалась достояніемъ критики, какъ обнаруживались факты, ей противорѣчащіе. Въ новѣйшее время надѣлала много шума, особенно среди не специалистовъ, гипотеза Шенка. По его наблюдениямъ, женщины, въ выдѣленіяхъ коихъ замѣчено присутствіе винограднаго сахара, и слѣдовательно у коихъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ совершается не съ достаточной полнотой, наклонны рождать дѣвочекъ. Отсюда предположеніе, что измѣнивъ условія питанія и поднявъ энергію вещественнаго обмѣна въ тѣлѣ матери, мы можемъ вызвать наклонность къ роженію мужского потомства. Въ одномъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, Шенкъ стоитъ на безусловно вѣрномъ пути, а именно, онъ правъ, утверждая, что условія питанія и обмѣна материнскаго организма, а слѣдовательно и плода, должны играть едва ли не главную роль въ опредѣленіи пола будущаго потомства.

Но таковы-ли эти условія, какъ утверждаетъ Шенкъ—этого на основаніи приведенныхъ имъ немногочисленныхъ данныхъ сказать съ полной достовѣрностью нельзя. Многіе наблюдатели утверждаютъ, какъ разъ наоборотъ, а именно, что усиленное питаніе у домашнихъ животныхъ ведетъ къ преобладанію самокъ въ потомствѣ. Сентъ-Илеръ еще наблюдалъ, что въ зоологическихъ садахъ, гдѣ условія питанія вообще не завидны, преобладаетъ роженіе самцовъ. Эти наблюдения, а равно и многія другія, на первый взглядъ не стоятъ въ согласіи съ гипотезой Шенка, но за то имѣютъ за себя нѣкоторыя опытные данныя, съ которыми мы познакомимся ниже.

Нашъ русскій ученый проф. Оршанскій въ своемъ изслѣдованіи относительно наследственности пола, приходитъ къ тому выводу, что есть семьи, предрасположенныя къ роженію мальчиковъ, какъ есть семьи, предрасположенныя къ роженію дѣвочекъ. По мнѣнію Оршанскаго, есть нѣкоторая связь между поломъ первенца и поломъ послѣдующихъ дѣтей, а именно полъ первенца оказывается преобладающимъ вообще. Надо думать, что означенная связь вовсе не причиннаго характера, а такъ сказать статистическаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ семьяхъ съ наклонностью къ произведенію мальчиковъ, естественно, что и первый младенецъ въ большинствѣ случаевъ

будеть мальчикъ, а въ семьяхъ съ наклономъ къ произведенію дѣвочекъ и первый младенецъ въ большинствѣ случаевъ будетъ дѣвочка. Фактъ предрасположенія семей къ рожденію дѣтей того или другого пола показываетъ только, что условія, опредѣляющія полъ, напр. питанія зародыша, если принимать это воззрѣніе; являются вообще довольно стойкими въ теченіи жизни семьи. Но надо отмѣтить и то, что до появленія гипотезы Шенка никто и не пытался измѣнять эти условія. А что произойдетъ, если мы будемъ ихъ измѣнять, покуда неизвѣстно.

И такъ наблюденія надъ домашними животными и человѣкомъ привели лишь къ ряду гипотезъ, но ни одной изъ нихъ не доказали.

Чтобы сколько нибудь разъяснить вопросъ, надо было обратиться къ опыту и естественно къ опыту надъ животными. Прежде всего, посмотримъ, когда опредѣляется полъ? Предрѣшенъ ли, напр., полъ въ оплодотворенномъ или вообще въ снесенномъ яйцѣ или нѣтъ? Доказать предопредѣленность пола мы можемъ только для нѣкоторыхъ, можно сказать, исключительныхъ случаевъ. Такъ у пчелъ, если яйцо неоплодотворено, то изъ него при всякихъ условіяхъ выйдетъ трутень, т. е. самецъ, а изъ оплодотвореннаго при хорошемъ кормѣ—самка, при плохомъ—рабочая, т. е. та же самка но съ недоразвитыми половыми органами. У другихъ насѣкомыхъ встрѣчаются обратные случаи развитія самокъ изъ неоплодотворенныхъ яицъ. Здѣсь полъ снесеннаго яйца уже опредѣленъ, и условія питанія личинки не могутъ измѣнить этого предопредѣленія. Точно также у нѣкоторыхъ коловратокъ—маленькихъ червей, весьма обыкновенныхъ въ нашихъ водахъ, есть самки, которыя исключительно откладываютъ яйца на самцовъ, и есть самки, откладывающія яйца исключительно на самокъ. Но кромѣ этихъ совершенно особыхъ случаевъ, мы скорѣе должны принять, что полъ яйца у большинства животныхъ отнюдь не предопредѣленъ, и что одно и тоже яйцо или даже иногда одна и та же личинка могутъ развиваться то въ самку, то въ самца, въ зависимости отъ условій развитія. Въ пользу этого говорятъ многія опытные данныя.

Такъ надъ личинками амфибій и насѣкомыхъ, животныхъ, проходящихъ при развитіи довольно сложныя превращенія, были сдѣланы опыты въ этомъ направленіи. Опыты показали, что усиленное питаніе увеличиваетъ число самокъ, вышедшихъ изъ этихъ личинокъ, и уменьшаетъ слѣдовательно число самцовъ.

Опыты съ кормленіемъ головастиковъ исключительно растительной пищей не привели къ опредѣленнымъ результатамъ, но при хорошемъ питаніи личинокъ смѣшанной пищей число самокъ возрастало въ опытахъ Борна до 95%, а въ опытахъ Юнга до 70—76%. Хотя этимъ опытамъ и были противопоставлены возраженія, но сходные результаты получены и при опытахъ съ насѣкомыми. Интересно отмѣтить, что еще Ландуа въ 70-хъ годахъ показалъ, что усиленное кормленіе опредѣляетъ полъ (и именно женскій) въ началѣ личиничной жизни, а послѣдующее голоданіе уже не въ состояніи его измѣнить, хотя и можетъ вызвать

недоразвитіе половыхъ органовъ. Мало того въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ измѣнить полъ взрослого животнаго. Существуетъ одинъ морской червь—*Ophryotrocha puerilis*, который, подобно многимъ низшимъ животнымъ, обладаетъ способностью возобновлять отрѣзанную часть тѣла. Борсдельтъ, который производилъ подобные опыты надъ этимъ червемъ, замѣтилъ, что одна самка, которой былъ отрѣзанъ задній конецъ, начала его возобновлять, но при этомъ находившіяся яйца всосались и исчезли, и послѣ возобновленія самка развила уже не яйца, а живчики, т. е. стала самцомъ. Съ точки зрѣнія вліянія питанія на полъ, этотъ фактъ вполне понятенъ. Когда самка начала возобновлять отрѣзанный конецъ тѣла, то понадобилась масса матерьяла. Даже уже почти зрѣлыя яйца пошли на это. Но слѣдовательно и условія питанія всѣхъ клѣтокъ тѣла значительно ухудшились, а разъ произошло ухудшеніе—произошла и перемѣна пола.

Недавно Уилеръ примѣнилъ эте же рассужденіе къ объясненію одного факта, казавшагося весьма загадочнымъ. Извѣстно, что существуетъ много животныхъ, для коихъ гермофрадитизмъ является нормой. Но въ большинствѣ случаевъ мужскіе и женскіе элементы у нихъ созрѣваютъ одновременно, а сначала мужскіе, позже-же женскіе. Такой гермафродитизмъ называется протерандрическимъ. По мнѣнію Уилера, развитіе мужскихъ элементовъ потому предшествуетъ развитію женскихъ, что въ молодости, когда животное растетъ, клѣтки тѣла, а слѣдовательно и половыя голодають, и въ извѣстномъ возрастѣ наступаетъ избытокъ питательнаго матерьяла, что и вызываетъ развитіе женскихъ элементовъ.

Извѣстны многія насѣкомыя, какъ травяныя тли, филоксера, а также нѣкоторые мелкіе рачки, которыя при хорошихъ условіяхъ питанія на-примѣръ лѣтомъ размножаются дѣвственно, безъ самцовъ, и при этомъ слѣдовательно производятъ только однѣхъ самокъ. Но съ наступленіемъ условій ухудшеннаго питанія, напр. съ приближеніемъ зимы, они начинаютъ производить самцовъ. Уже давно было доказано, что если искусственно поддерживать условія хорошаго питанія такихъ животныхъ, то самцы не появляются и размноженіе въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній идетъ попрежнему дѣвственнымъ путемъ. Эти опыты дѣлались надъ насѣкомыми, а недавно Керерве показалъ, что у рачковъ, которые въ изобиліи встрѣчаются въ нашихъ прудахъ и озерахъ и называются водяными блохами или дафніями, что и у нихъ мы можемъ также усиленнымъ питаніемъ вызвать продолжительное появленіе только однѣхъ самокъ, а голоданіемъ — появленіе самцовъ.

И такъ, не только опытыя данныя, но и цѣлый рядъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ природѣ, говоритъ за то, что полъ яйца сталъ въ зависимости отъ условій развитія и что однимъ изъ такихъ условій является питаніе. Большинство опытовъ и наблюденій говоритъ, что

голоданіе является факторомъ наиболѣе благоприятнымъ для появленія самцовъ, а хорошее питаніе—для появленія самокъ.

Есть, однако наблюденія, которыя косвенно по крайней мѣрѣ противорѣчатъ этому правилу. Такъ напр. Прейссенеръ утверждаетъ, что дѣтское мѣсто или органъ, служащій у млекопитающихъ для питанія зародыша насчетъ тѣла матери, представляетъ у овецъ болѣе сильное развитіе у мужскихъ зародышей, чѣмъ у женскихъ, а отсюда онъ выводитъ заключеніе, что мужскіе зародыши нуждаются въ болѣе усиленномъ питаніи, чѣмъ женскіе. Степень развитія дѣтскаго мѣста онъ опредѣлялъ по числу такъ называемыхъ котиледоновъ, т. е. пучковъ ворсинокъ, служащихъ для связи зародыша съ стѣнками матки и воспріятія питательныхъ веществъ зародышемъ отъ матери. Чѣмъ болѣе такихъ котиледоновъ, по мнѣнію Прейссенера, тѣмъ болѣе органовъ для воспріятія питательныхъ веществъ, тѣмъ питаніе лучше.

Однако, въ среднихъ цифрахъ это преимущество самцовъ надъ самками не особенно велико. Иногда самцы имѣютъ всего лишь на три котиледона больше, а общее число ихъ достигаетъ 60—70, и въ другомъ случаѣ самцы были богаче на 6 котиледоновъ, въ третьемъ на 8. Не трудно видѣть, что при такой незначительной разницѣ убыль числа котиледоновъ легко могла быть сглажена увеличеніемъ размѣровъ самихъ ворсинокъ и притомъ увеличеніемъ настолько незначительнымъ что оно врядъ-ли поддалось бы поверхностному наблюденію.

Наконецъ, уменьшеніе числа котиледоновъ могло быть вознаграждено болѣе сильнымъ развитіемъ сѣти кровеносныхъ сосудовъ въ ворсинкахъ, благодаря чему также увеличилась бы всасывающая поверхность дѣтскаго мѣста безъ увеличенія его самого. Вообще же наблюденіе Прейссенера ровно ничего не доказываетъ, кромѣ факта меньшаго числа котиледоновъ у зародышей женскаго пола и отнюдь не даетъ права заключать о худшемъ питаніи ихъ сравнительно съ мужскими.

Другое противорѣчіе, на которомъ надо остановиться, станетъ между указаннымъ правиломъ и гипотезой Шенка. Шенкъ говоритъ, что полный обмѣнъ веществъ содѣйствуетъ появленію мужскаго потомства, а неполный—женскаго. Повидимому, обмѣнъ лучше всего долженъ идти у хорошо питаемой особи, а подвергаться нѣкоторымъ нарушеніямъ у голодающей. А между тѣмъ и въ опытахъ, и въ природѣ голодающія особи наклонны производить самцовъ. Но на самомъ дѣлѣ и это противорѣчіе не такъ велико, какъ на первый взглядъ кажется. Прежде всего мы знаемъ покуда эмпирической фактъ—что голоданіе у многихъ животныхъ вызываетъ появленіе самцовъ, но самое голоданіе есть сложное явленіе. Оно сопровождается измѣненіемъ весьма многихъ сторонъ вещественнаго обмѣна: уменьшеніемъ выдѣленія мочи, уменьшеніемъ количества выдыхаемой угольной кислоты, моча пріобрѣтаетъ кислую реакцію и совершенно не содержитъ хлоридовъ, свойственныхъ нормальной мочѣ и т. д. Однимъ

словомъ, голоданіе явленіе сложное, и мы до сихъ поръ не знаемъ, какой своей стороной она вліяетъ на развитіе половыхъ клѣтокъ.

Точно также и гипотеза Шенка, если только число его наблюденій признать достаточнымъ, построена на чисто эмпирическомъ наблюденіи, что исчезновеніе винограднаго сахара въ мочѣ сопровождается наклонностью къ рожденію мальчиковъ. Режимъ, которому подвергалъ Шенкъ своихъ пациентовъ, былъ весьма различенъ. Но въ общемъ это было кормленіе жирами и бѣлковыми веществами съ устраненіемъ крахмала, сахара и вообще углеводовъ. Голодающее животное также живетъ на счетъ своего тѣла и слѣдовательно также питается жиромъ и бѣлковыми веществами и тоже лишено углеводовъ.

Однимъ словомъ, если вѣрно наблюденіе Шенка, то это только показываетъ, что въ томъ режимѣ, которому онъ подвергалъ своихъ пациентовъ, есть какія-то особенности, тождественныя съ особенностями режима голодающаго животного. И эти-то особенности и являются главнымъ факторомъ, вліяющимъ на полъ потомства. Какovy эти особенности — должны показать будущіе опыты надъ кормленіемъ животныхъ той или другой исключительной пищей.

Остановимся еще на вопросѣ, является-ли питаніе единственнымъ факторомъ, вліяющимъ на полъ потомства или же существуютъ еще иные факторы, вліяющіе въ томъ же направленіи? Между прочимъ, французскимъ зоологомъ Мопа, извѣстнымъ своими весьма обстоятельными наблюденіями надъ простѣйшими, были произведены опыты и надъ одной изъ коловратокъ (*Hydatina senta*), имѣющей самокъ двоякаго рода. изъ коихъ однѣ откладываютъ яйца на самцовъ, а другія — на самокъ. По утверженію Мопа, при холодной температурѣ у этихъ коловратокъ появляются самки, откладывающія яйца только на самокъ, а при болѣе теплой — самки, откладывающія яйца только на самцовъ.

Послѣднее время этотъ вопросъ былъ подвергнутъ переисслѣдованію со стороны Нусбаума. Онъ показалъ, что и здѣсь главнымъ факторомъ является не температура, а условія питанія. Болѣе высокая температура потому только и вызываетъ появленіе самцовъ, что при этомъ условіи въ аквариумѣ развитіе идетъ быстрѣе, а равно и яйца откладываются чаще, что въ общемъ вызываетъ увеличеніе числа коловратокъ въ аквариумѣ, а слѣдовательно уменьшеніе приходящейся на долю каждой особи пищи. Опытами Нусбаума устанавливается тотъ фактъ, что если самка такой коловратки была съ молоду хорошо кормлена, то она откладываетъ яйца исключительно на самокъ, а если плохо — то исключительно на самцовъ. Но послѣ первой кладки яйца уже судьба самки предрѣшена, и измѣненіе условій питанія не можетъ вліять въ ту или другую сторону. Самка, откладывающая яйца на самокъ, не станетъ откладывать на самцовъ, хотя бы ее плохо кормили.

Такимъ образомъ по отношенію къ животнымъ нельзя считать доказаннымъ вліяніе другихъ факторовъ, кромѣ питанія.

Да если бы такое вліяніе было доказано, то опять возникает вопросъ, будетъ-ли оно прямымъ или косвеннымъ, т. е. вліяетъ-ли на примѣръ температура сама по себѣ или ухудшая и улучшая условия питанія яйцевой влітки?

Вопросъ относительно происхожденія пола у растений не менѣе запутанъ, чѣмъ о происхожденіи пола у животныхъ. Недавно вопросъ этотъ возбужденъ былъ Гекелемъ (Heskel, ботаникъ, котораго не надо смѣшивать съ извѣстнымъ зоологомъ Haeskel'емъ). Вопросъ касался именно дынныхъ сѣмянъ, которыя, по словамъ практиковъ, будучи посажены въ свѣжемъ состояніи, даютъ растенія главнымъ образомъ съ мужскими цвѣтами, а сѣмена сухія и старыя—даютъ растенія съ женскими цвѣтами и потому яляются болѣе плодородными.

Нѣсколько отвѣтовъ на вопросъ Гекеля было опубликовано, и существованіе такого практическаго правила подтверждено, но научнаго доказательства его вѣрности покуда не дано. Съ другой стороны имѣются указанія на возникновеніе мужскихъ цвѣтовъ у другихъ растений подъ вліяніемъ пересадки въ болѣе питательную и болѣе влажную почву. Недавно Клебсъ произвелъ рядъ опытовъ надъ одной водорослью (*Vaucheria*) и пришелъ къ тому выводу, что мужскіе органы (антеридіи) появляются въ большемъ числѣ подъ вліяніемъ болѣе высокой температуры (24—26° С.) или при уменьшеніи атмосфернаго давленія (при 100—130 километровъ ртутнаго столба). Интересно, при этомъ, что, если исчезали совершенно женскіе органы (оогоніи), то и мужскіе не доходили до надлежащей зрѣлости. Гораздо труднѣе было вызвать усиленное появленіе женскихъ органовъ. Однако при усиленномъ освѣщеніи и при культурѣ нитей этой водоросли въ 2% растворѣ тростниковаго сахара, преобладаетъ появленіе женскихъ органовъ, а именно на одинъ мужской приходится 4—5 женскихъ. Освѣщеніе, какъ извѣстно, вліяетъ главнымъ образомъ на питаніе растеній, такъ что этотъ послѣдній опытъ долженъ быть истолкованъ именно въ томъ смыслѣ, что нѣкоторое улучшеніе пищевого обмѣна (въ зависимости отъ присутствія сахара въ водѣ и усиленнаго освѣщенія) вліяетъ на появленіе женскихъ органовъ. Нельзя не видѣть нѣкоторой аналогіи въ данномъ случаѣ съ указаніями Шенка о роли сахара въ организмѣ женщины. Все сказанное приводитъ къ выводу, что у растеній вопросъ о происхожденіи пола еще болѣе запутанъ, и что нѣкоторыя данныя говорятъ о многочисленности и разнообразіи факторовъ, вліяющихъ въ этомъ направленіи. Но и здѣсь возникаетъ вопросъ, вліяютъ-ли эти факторы не сами по себѣ, или косвенно, вліяя лишь на обмѣнъ веществъ въ растеніи?

Можетъ быть различіе между животными и растеніями въ этомъ отношеніи окажется не такъ велико, какъ можно предполагать на основаніи опытовъ Клебса.

Во всякомъ случаѣ выраженія: хорошее и плохое питаніе—слишкомъ и слишкомъ широки для научной формулировки вопроса. Послѣдующія

опытныя изслѣдованія должны рѣшить, какія стороны вещественнаго обмѣна вліяютъ на полъ потомства. Покуда мы можемъ сказать, что эти стороны стоятъ въ зависимости отъ голоданія и насыщенія и вообще извѣстнаго режима, но каковы онѣ, мы не знаемъ.

Проф. В. Шимкевичъ.

Критика и библиографія.

А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб. 1898 г.

Въ прошломъ году вышелъ вторымъ изданіемъ первый курсъ лекцій Шахова: «Гете и его время». По поводу его появленія намъ уже приходилось указывать («Образованіе», Декабрь 1897) на особенности историческаго метода Шахова. Сущность его состоитъ въ томъ, что при помощи художественныхъ произведеній изслѣдователь выясняетъ общія воззрѣнія современной имъ эпохи. Время Гете представляетъ въ этомъ смыслѣ болѣе благодатный матерьялъ, чѣмъ та эпоха, которой посвященъ второй курсъ. Умственную жизнь нѣмецкаго общества во второй половинѣ прошлаго столѣтія легко сосредоточить вокругъ произведеній автора «Фауста». Гете переживалъ всѣ идеи вѣка, выросалъ и развивался вмѣстѣ съ нимъ. Это обстоятельство придадо необыкновенную стройность и единство первому труду Шахова, которому удалось нарисовать художественную картину умственной жизни Германіи и отчасти всей Европы въ прошломъ столѣтіи.

Первая половина нынѣшняго столѣтія была эпохой броженія и борьбы самыхъ разнородныхъ интересовъ и понятій. Общество очутилось лицомъ къ лицу съ трудной задачей—съ необходимостью привести въ порядокъ богатое и сложное наслѣдство, завѣщанное французской революціей, съ необходимостью рѣшить массу вопросовъ, выдвинутыхъ, но не получившихъ разрѣшенія въ предыдущемъ вѣкѣ, съ необходимостью урегулировать новыя отношенія различныхъ общественныхъ группъ, въ положеніи которыхъ революція произвела такую коренную перемѣну, наконецъ съ необходимостью примирить старыя традиціи, отъ которыхъ не могла сразу отрѣшиться человѣческая мысль, съ новыми понятіями, которыя распространили французскіе философы. Другая особенность этой эпохи—то обстоятельство, что часть ея умственной работы не закончена и въ настоящее время: многіе вопросы, волновавшіе общество въ началѣ нынѣшняго вѣка, не успѣли еще отойти въ область исторіи и до сихъ поръ вызываютъ ожесточенную борьбу. Таковъ вопросъ національный, женскій, таковъ—антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ; нако-

нецъ,—въ литературѣ,—споръ о сравнительной важности формы и содержания и т. д. Исследователю гораздо труднѣе сохранить единство и цѣльность при характеристикѣ общихъ воззрѣній этого времени, чѣмъ при изученіи эпохи Гете; ему труднѣе сохранить и историческую объективность въ виду того, что онъ занятъ вопросами, жгучими и для его времени. Наконецъ ему трудно удѣлить слишкомъ много вниманія каждому отдѣльному писателю, такъ какъ разнородность общественныхъ интересовъ и понятій должна была породить многочисленныхъ представителей ихъ въ литературѣ и помѣшала появленію одного гениальнаго писателя, который сумѣлъ бы въ своихъ произведеніяхъ дать полное освѣщеніе всей современной умственной жизни. Поэтому волей-неволей Шахову не приходилось останавливаться долго на литературной характеристикѣ писателей; они не интересуютъ его, какъ отдѣльныя индивидуальности; онъ пользуется ими по столько, по сколько онѣ необходимы для освѣщенія того или другого умственнаго движенія. Поэтому книга лишена стройности: напр. Шатобрианъ удостоился такого всесторонняго изученія, что главы, посвященныя ему, могли бы составить блестящую отдѣльную монографію. Характеристика литературной дѣятельности знаменитаго пѣвца реакціи принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстъ въ книгѣ Шахова. Авторъ сумѣлъ проникнуть въ самую глубину этой больной, но богато одаренной, натуры, яркими красками нарисовалъ картину ея столкновенія съ сложными и противорѣчивыми явленіями современной дѣйствительности и выяснилъ причины трагическаго конфликта, возникшаго изъ тщетныхъ попытокъ новаго человѣка вернуть утраченную вѣру. Такъ же талантливо обрисована личность Бональда, Жоржъ-Занда и другихъ писателей. Но на ряду съ этимъ цѣлый рядъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей очерченъ бѣгло и даже поверхностно; напр. личность Ламартина и особенно Виктора Гюго совершенно ускользаютъ отъ вниманія читателя.

Но особенно неблагоприятно выше указанныя условія отразились на характеристикѣ Гейне, личность и поэзія котораго до сихъ поръ является предметомъ горячихъ споровъ. Шаховъ не только «не признаетъ за нимъ никакого соціальнаго и политическаго значенія, на даже въ оставленномъ имъ поэтическомъ наслѣдствѣ не находитъ ничего, кромѣ отрывковъ, фрагментовъ, путевыхъ замѣтокъ и т. д. При этомъ Шаховъ совершенно не упоминаетъ о «Buch der Lieder», благодаря которой имя Гейне бессмертными буквами вписано въ исторію мировой поэзіи. Шаховъ, характеризуя автора «Reisebilder», совершенно отрѣшился отъ исторической объективности и приложилъ къ нимъ строгій современный критерій, по которому отъ поэта требуется цѣльное соціальное и политическое мировоззрѣніе.

Какъ мы уже замѣтили, это несправедливое отношеніе къ отдѣльнымъ писателямъ объясняется отчасти сложностью и многочисленностью выдвинутыхъ эпохой идей, отчасти ея близостью къ нашему времени, благодаря чему исчезаетъ историческая перспектива. Но за то нельзя не подивиться искусству, съ которымъ Шаховъ изображаетъ общую картину умственной жизни въ началѣ XIX в. Введеніе представляетъ блестящую и сжатую характеристику мировоззрѣнія этой эпохи и предшествовавшего столѣтія. Неумолимая критика и свободный анализъ въ прошломъ вѣкѣ

смѣнили покорное безсмысліе и рабское подчиненіе традиціи. Эта смѣна привела къ догматизму и излишней самоувѣренности мысли, которая рѣшала всѣ вопросы не менѣе категорично, чѣмъ нѣкогда вѣра. Словомъ, новыя струи умственного движенія не покинули еще окончательно исконнаго русла, идеи прогрессивныя продолжали еще жить въ ветхой схоластической скорлупѣ, философы пользовались въ своихъ изслѣдованіяхъ приемами отцовъ и дѣдовъ. Въ эпоху реакціи началась борьба противъ новыхъ теченій. Въ эту эпоху мы застаемъ съ одной стороны ожесточенную борьбу съ началами критическими,—борьбу, которая опирается на старыя понятія міра католическаго и феодальнаго. Хотятъ вернуть угасшую старину, «доброе старое время», сообщить новую жизнь опочившимъ представленіямъ. Но въ эпоху реакціи существовало и другое направленіе, которое было подсказано исторіей: оно также относилось отрицательно къ XVIII в., но имѣло въ виду другую сторону его міровоззрѣнія, именно догматическую. Оно вскрывало противорѣчія въ отвлеченныхъ теоріяхъ просвѣтителей, обнаруживало несостоятельность метафизическихъ построеній, указывало на шаткость произвольныхъ абстрактныхъ системъ XVIII в., и мало по малу подготавливало общество къ положительной наукѣ, развивало въ немъ *историческій* смыслъ. (стр. 11).;

Далѣе Шаховъ показываетъ, какъ 'подъ вліяніемъ этой общей перемены произошелъ коренной переворотъ въ понятіяхъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Правительства, раньше заигрывавшія съ философами и даже опиравшіяся на нихъ въ своей борьбѣ съ церковью, поняли теперь связь между философіей и революціей и сдѣлались оплотомъ реакціи. Духовенство, лишившееся своихъ привилегій, тоже возненавидѣло революцію и идеи энциклопедистовъ. Модный аббатъ XVIII в.—l'abbé mondaine желанный гость въ салонахъ, остроумный собесѣдникъ, авторъ философскихъ книгъ, смѣняется хмурымъ, злобнымъ прелатомъ, иногда мечтательнымъ и восторженнымъ, но всегда серьезнымъ, молчаливымъ и недоступнымъ шуткѣ. Это—дѣятельный и пламенный реакціонеръ. Аристократія, много перестрадавшая, поняла духъ новаго времени; она почувствовала необходимость бороться съ либераломъ и лавочникомъ его же оружіемъ. Потомокъ крестоносца мѣняетъ свой мечъ на перо буржуаза и записывается въ фалангу журналистовъ. Дворянство выставляетъ величайшаго поэта реакціи—Шатобриана. Буржуазія, подъ именемъ которой разумѣлось раньше все населеніе, кромѣ привилегированныхъ сословій, разбилась на двѣ группы: буржуа—людей образованія и капитала—съ одной стороны и пролетаріатъ—съ другой. Первые при помощи второго устроили революцію и сокрушили враждебныя касты, но послѣ революціи пролетарій увидѣлъ, что всѣ выгоды ея достались не ему и {начинаетъ домогаться своей доли. Буржуазія становится лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ.

Уже отсюда видно, какъ искусно умѣетъ Шаховъ группировать сложныя идеи и интересы изучаемой эпохи. Его книга является превосходнымъ руководствомъ для пониманія умственной жизни французскаго и европейскаго общества первой половины XIX вѣка, и трудно указать другое сочиненіе, которое бы въ общемъ такъ полно охватывало цѣлый періодъ изъ исторіи человѣческой культуры.

П. С. Коганъ.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ П. П. Вейнберга. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898 г. Ц. 75 коп.

Бернардъ-Тенъ-Бринкъ. Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣм. перев. И. Д. Городецкаго. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе» М. 1898 г. Ц. 40 к.

Недавно умершій нѣмецкій ученый Тенъ-Бринкъ извѣстенъ своими изслѣдованіями по средневѣковой литературѣ (поэма о Беовульфѣ); работою о Чосерѣ и незаконченной исторіею англійской литературы. Последнюю онъ довелъ до Елизаветинскаго вѣка, такъ что коснуться Шекспира, любимѣйшаго поэта Тенъ-Бринка, ему не пришлось. Плодомъ занятій Тенъ-Бринка надъ Шекспиромъ осталась Марбургская лекція о «Ситѣ въ лѣтнюю ночь», напечатанная въ 14 томѣ Шекспировскаго Ежегодника, и предлагаемая въ вышеозначенныхъ переводахъ русской публикѣ лекціи. Это пять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ Тенъ-Бринкомъ въ февралѣ и мартѣ 1888 года въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, по приглашенію дирекціи Свободнаго Нѣмецкаго Соборнаго Капитула. Онѣ приготовлены къ печати по запискамъ покойнаго его ученикомъ Эдвардомъ Шредеромъ, который во вступленіи къ нимъ совершенно справедливо говоритъ: «Эти лекціи вовсе не составляютъ введенія въ шекспировскую литературу, но введеніе въ самого поэта. И онѣ, по крайней мѣрѣ, каждая въ отдѣльности, претендуютъ на то, чтобы ими наслаждались, какъ цѣлымъ и были приняты именно, какъ лекціи: онѣ такъ превосходно и живо передаютъ выразительный, глубокий и въ то же время спокойный, по наружности, характеръ оратора».

Трудно сказать больше о Шекспирѣ и его произведеніяхъ при столь ограниченномъ размѣрѣ лекцій, чѣмъ это сдѣлано у Тенъ-Бринка. Объясняется это крайней сжатостью изложенія, что не мѣшаетъ, однако, вводить въ него еще и отступленія въ цѣляхъ установленія основныхъ взглядовъ критика на искусство, его задачи, значеніе идеи произведенія, его фабулы и проч. Что касается самого Шекспира, то критикъ даетъ намъ въ первой лекціи характеристику его, какъ человѣка и поэта, и сообщаетъ главныя черты его біографіи, этой удивительной біографіи, которая, что бы ни писали объ этомъ критики и историки литературы, никакъ не можетъ объяснить тайну поразительнаго знакомства Шекспира съ міромъ и человѣческимъ сердцемъ. Въ послѣдующихъ лекціяхъ Тенъ-Бринкъ касается главныхъ эпохъ въ развитіи творчества Шекспира (глава вторая «Хронологія произведеній Шекспира») и даетъ характеристику его, какъ драматическаго писателя, комическаго и трагическаго поэта. Дѣленіе всего содержанія лекцій по послѣднимъ тремъ рубрикамъ, нѣсколько искусственно: къ Шекспиру всего менѣе примѣнимо строгое разграниченіе литературныхъ родовъ. Да и у самого Тенъ-Бринка, вопреки установленному имъ дѣленію лекцій, содержаніе ихъ тѣсно между собою слито. Особенно цѣнными представляются намъ разбросанныя по всѣмъ лекціямъ (кромя первой) сжатая характеристика отдѣльныхъ произведеній Шекспира: въ ясныхъ и краткихъ словахъ онъ опредѣляетъ идею каждой его драмы, комедіи или трагедіи. Достаточно указать на прекрасную характеристику драмы «Король Лиръ» въ концѣ книги (стр. 146—147 пер. П. Вейнберга) или драмы «Ромео и Юлія» въ концѣ третьей лекціи. Къ достоинствамъ изданія лекцій Тенъ-Бринка въ библиотекѣ «Дѣтскаго чтенія».

слѣдуетъ отнести то, что въ немъ въ концѣ книжки приведенъ списокъ всѣхъ произведеній Шекспира съ указаніемъ страницы, на которой упоминается каждое изъ нихъ у Тень-Бринка. Въ московскомъ изданіи лекцій имѣется также небольшое вступленіе, написанное Эдвардомъ Шредеромъ, посвященное Тень-Бринку. За то изданіе Л. Пантелѣева отличается достоинствами перевода, за которыя ручается уже самое имя переводчика. Редакція библиотеки «Дѣтскаго Чтенія», предназначая изданіе лекцій Тень-Бринка для цѣлей самообразованія, должна бы была озаботиться болѣе выдержаннымъ и изящнымъ переводомъ.

М. Плотниковъ.

Финляндія.—Изданіе О. Н. Поповой, подъ редакціею Д. Протопопова.—
Цѣна 3 р. 50 к.

Въ нашей литературѣ существуетъ очень немного сочиненій, имѣющихъ цѣлью познакомить русскую читающую публику съ природою и жизнью во многихъ отношеніяхъ своеобразной и интересной окраины русскаго государства,—Финляндіей. Можно смѣло сказать, что гораздо больше написано книгъ и статей по вопросу о такъ называемомъ финляндскомъ «сепаратизмѣ»,—книгъ и статей, преувеличенно тенденціозныхъ въ ту или другую сторону, и потому ровно ничего не выясняющихъ и едва ли на что-нибудь годныхъ,—чѣмъ книгъ и статей описательныхъ, изъ которыхъ мы могли бы узнать, какова на самомъ дѣлѣ эта Финляндія, которая, не смотря на свою географическую близость къ намъ, до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается для насъ совершенно невѣдомымъ краемъ. Мѣткія слова Пушкина: «Мы лѣнливы и не любопытны» сохраняютъ всю свою силу и до сихъ поръ, а въ отношеніи къ Финляндіи подтверждаются чуть не каждый день: намъ случалось встрѣчать людей, исколесившихъ чуть не всю Европу и не имѣющихъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ живутъ люди въ какихъ-нибудь полтораста верстахъ отъ Петербурга, какіе у нихъ нравы и обычаи, языкъ и литература; газеты, считающія себя въ правѣ авторитетнымъ тономъ поучать своихъ читателей насчетъ финляндскихъ дѣлъ, зачастую отливаютъ по этой части такія пули, что вчужѣ стыдно становится; петербургскіе дачники, изъ году въ годъ живущіе въ Выборгской губерніи, постоянно жалуются на таможенные стѣсненія при обратномъ ввозѣ своихъ вещей изъ Финляндіи въ Имперію и винятъ въ этомъ финляндцевъ и финляндскую таможеню, упорно отказываясь понимать, что послѣдняя къ провозу товаровъ въ Имперію никакого отношенія не имѣетъ и имѣть не можетъ. Подобныхъ примѣровъ невѣдѣнія нашей публики относительно сосѣдняго края, который многими сторонами своей жизни заслуживаетъ, казалось бы, серьезнаго и внимательнаго изученія, можно было бы подобрать цѣлую коллекцію, такъ какъ они довольно часто самымъ наивнымъ образомъ «припечатываются въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ», на потѣху людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ настоящими, а не вымышленными, условіями финляндской жизни..

Русскіе путешественники точно намѣренно избѣгаютъ Финляндіи дальше Иматы (на которую, собственно говоря, послѣ Рейнскаго водопада и смотрѣть не стоитъ) почти никто изъ нихъ не бываетъ, между тѣмъ какъ Финляндія изобилуетъ живописными и оригинальными мѣстно-

стями, а въ отношеніи удобства путешествія едва ли во всей Россіи найдется другой край, который могъ бы съ нею поспорить. Оттого въ нашей литературѣ путешествій совсѣмъ нѣтъ ничего сколько-нибудь цѣльнаго и крупнаго о Финляндіи. О финской словестности у насъ существуетъ также очень скудное представленіе: только въ послѣдніе годы переведено нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся произведеній финскихъ писателей,—да и то, сказать правду, съ грѣхомъ пополамъ: пишущему эти строки пришлось однажды встрѣтиться съ переводчицей, печатавшей въ журналахъ свои переводы разсказовъ Юхани Ахо «съ финскаго», которая, услышавъ нѣсколько обращенныхъ къ ней самыхъ простыхъ финскихъ фразъ, сдѣлала большіе глаза и потомъ пренаивно сознавалась, что по ея мнѣнію финскій языкъ и шведскій—одно и то же... Очевидно, съ такими знаніями далеко не уйдешь, или, по финской пословицѣ, «на парѣ марокъ далеко не дойдешь».

Съ своей стороны, финляндцы дѣлаютъ очень многое, стараясь распространять среди европейской и русской публики возможно болѣе полныя свѣдѣнія о своей родинѣ. „Финляндское общество туристов“ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издаетъ прекрасные путеводители,— между прочимъ, и на французскомъ языкѣ, какъ доступномъ для болѣе широкаго круга публики; года четыре тому назадъ въ Гельсингфорсѣ и Петербургѣ, при близкомъ участіи сенатора Мехелина и покойнаго поэта Топеліуса, изданъ былъ превосходный альбомъ подъ заглавіемъ «Финляндія въ XIX столѣтіи», на русскомъ и шведскомъ языкахъ, со множествомъ рисунковъ-фототипій съ картинъ финскихъ художниковъ и пр., заключавшій въ себѣ всестороннее описаніе Финляндіи, ея природы, жителей, всѣхъ порядковъ жизни, литературы, искусства и пр. Единственнымъ недостаткомъ этого прекраснаго изданія была его высокая цѣна,—кажется, 25 р.,—не смотря на которую оно, однако же, разошлось безъ остатка. Этотъ альбомъ во многихъ отношеніяхъ послужилъ образцомъ для вышедшаго теперь изданія г-жи Поповой.

«Финляндія», изданная подъ редакціей г. Протопопова, представляетъ собою сборникъ статей, написанныхъ специально для этого изданія 15-ю русскими и финскими авторами и посвященныхъ различнымъ сторонамъ финляндской жизни. Книга открывается географическимъ очеркомъ Финляндіи, г. Протопопова; за нимъ слѣдуютъ статьи В. Ю. Скалона о политическомъ положеніи Финляндіи и о такъ называемомъ «финляндскомъ вопросѣ», о финляндскомъ законодательствѣ, администраціи и судѣ, и рядъ обстоятельныхъ этюдовъ другихъ авторовъ о церковномъ устройствѣ и религіозной жизни, о финансахъ, промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, сельскомъ населеніи, рабочихъ, объ общественной жизни, національномъ движеніи и партіяхъ, о печати, народномъ образованіи начальномъ, среднемъ и высшемъ, о наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Книга заканчивается очеркомъ борьбы противъ спиртныхъ напитковъ и исторіей призрѣнія бѣдныхъ. Всѣ эти этюды написаны очень содержательно, живо, интересно и заключаютъ въ себѣ для русскаго читателя много новыхъ и поучительныхъ подробностей; къ числу особенно удачныхъ статей слѣдуетъ отнести очерки народнаго образованія, литературы и общественной жизни, въ которыхъ найдется немало

данныхъ для любопытныхъ сопоставленій... Вообще, свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой книгѣ о различныхъ сторонахъ финляндской жизни, отличаются строгой фактичностью и вполне достаточной полнотой; ошибокъ и промаховъ мы не замѣтили *). Но именно ради этой фактичности большинства главъ книги, благодаря которой она получаетъ серьезный, объективный характеръ, нельзя не пожалѣть, что составитель очерковъ, посвященныхъ политическому положенію Великаго Княжества и «финляндскому вопросу», увлекся полемикой съ «Московскими Вѣдомостями» и прочими обличителями такъ называемаго финляндскаго «сепаратизма». Эти полемические споры, доходящіе порой до страстности, были бы, можетъ быть, совершенно уместны въ журнальной статьѣ или въ сочиненіи, специально посвященномъ выясненію особенностей политическаго строя Великаго Княжества; но они совсѣмъ не на мѣстѣ въ книгѣ, имѣющей цѣлью дать только описаніе Финляндіи людямъ, мало съ нею знакомымъ: здѣсь они рѣзко расходятся съ общимъ тономъ остальной части сочиненія и оставляютъ впечатлѣніе чего-то насильно, за волосы притянутого и кричащаго. Несравненно лучше было бы, если бы авторъ этихъ очерковъ ограничился, по примѣру прочихъ сотрудниковъ, вполне объективнымъ изложеніемъ того, что есть, т. е. политическаго устройства и управленія края въ томъ видѣ, въ какомъ они въ настоящее время существуютъ и дѣйствуютъ, не входя въ препирательства о теоретическихъ вопросахъ и цѣнности тѣхъ принциповъ, на которыхъ противники Финляндіи основываютъ свои нападки на политическую самостоятельность и самоуправленіе края. Теперь же читатель чуть не съ первыхъ страницъ книги сразу запутывается въ безконечныхъ «контроверсахъ», отгадывая ихъ мотивы, часто не имѣющіе ничего общаго ни съ наукой, ни съ правомъ, и въ концѣ концовъ, при маломъ знакомствѣ съ Финляндіей вообще, можетъ просто на просто потерять охоту къ дальнѣйшему чтенію сборника Финляндскіе составители упомянутого выше альбома «Финляндія въ XIX столѣтіи», очевидно, лучше русскихъ сотрудниковъ изданія г-жи Поповой поняли свою задачу и строго воздержались отъ какихъ бы то ни было полемическихъ намековъ. Отъ этого ихъ трудъ только выигралъ, а книга г-жи Поповой, въ сравненіи съ нимъ, много проигрываетъ.

Проигрываетъ она, въ сравненіи съ этимъ альбомомъ, и въ выборѣ рисунковъ. Говорю: въ выборѣ, а не въ исполненіи, потому что отъ книги, стоящей 3 р. 50 к., нельзя требовать такихъ роскошныхъ фототипій и гравюръ, какія помѣщены въ книгѣ 25-рублевой, и по цѣнѣ изданія г-жи Поповой лучшаго исполненія рисунковъ нельзя и желать; но выборъ лучшихъ рисунковъ едва ли могъ бы увеличить расходы по изданію. Многіе изъ помѣщенныхъ въ книгѣ финляндскихъ пейзажей совершенно безвѣстны и не характерны; между тѣмъ, въ Финляндіи найдется не мало мѣстностей очень интересныхъ, съ которыхъ, притомъ, имѣются уже готовыя фотографіи, напр. Пунка-Харью, Нейшлотъ, многія мѣста Саймскаго канала и плеса, Куопіо, окрестности Тавастгуса и Таммерфорса,

*) Кроме, впрочемъ, одного, бросающагося въ глаза на первой же страницѣ: по мнѣнію г. Протопопова, финское названіе Финляндіи есть Суюми; слѣдуетъ читать: «Суюми».

Пейзаже, Улеоборгъ пороги рѣки Улео и множество другихъ живописныхъ и оригинальныхъ пейзажей, о которыхъ у насъ никто и понятія не имѣетъ; несомнѣнно, что подобные рисунки были бы гораздо умѣстнѣе въ книгѣ, посвященной описанію Финляндіи, чѣмъ какія-то самыя заурядныя тавастландскія избушки или болотистые берега сѣренскихъ озеръ. То же можно сказать и о картинкахъ жанровыхъ: такія вещи, какъ «Крестьянская семья за обѣдомъ», «Состоятельная рабочая семья за обѣдомъ», ровно ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу, кромѣ того, что и въ Финляндіи люди обѣдаютъ, какъ и вездѣ. Неужели не было возможности дать что-нибудь болѣе характерное, болѣе финляндское? Автору этихъ сръокъ, во время странствованій по разнымъ уголкамъ Финляндіи, приходилось видѣть любопытнѣйшія сцены, которыхъ не встрѣтишь у насъ и которыя такъ и просились на фотографію; сцены этого рода повторяются довольно часто, и стояло только ихъ поискать, чтобы дать нѣсколько дѣйствительно интересныхъ жанровыхъ рисунковъ.

Впрочемъ, не смотря на эти, сравнительно неважные, недочеты изданія г-жи Поповой, въ общемъ оно производитъ все-таки пріятное впечатлѣніе и является трудомъ весьма полезнымъ, которому слѣдуетъ пожелать возможно болѣе широкаго распространенія среди нашей публики, вообще такъ мало знакомой съ жизнью окраинъ обширнаго нашего отечества. Слѣдуетъ также пожелать, чтобы при второмъ изданіи книги отмѣченные нами недочеты были, по возможности, устранены. Отъ этого «Финляндія» только выиграетъ...

П. Морозовъ.

Норденъ. Итоги XIX вѣка. Перев. съ нѣм. Эл. Зауэръ Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898 г. Ц. 40 коп.

Авторъ смотритъ на свою книжку, какъ на попытку «представить краткій обзоръ составныхъ общественныхъ элементовъ, т. е. изложить въ сжатой формѣ процессъ ихъ образованія, выяснить ихъ суть и пролить свѣтъ на дальнѣйшія судьбы человечества». Самая скромность его оговорокъ, въ родѣ предупрежденія, что «предлагаемая книга не можетъ служить цѣлебнымъ серумомъ для социальныхъ недуговъ (интересно, кто бы это могъ подумать?), еще менѣе—бальзамомъ для общественныхъ ранъ», говорить о высокихъ претензіяхъ автора. На самомъ дѣлѣ мысли автора отзываются банальностью, изложеніе отрывочно и не систематично и, вопреки обѣщанію излагать «въ сжатой формѣ», страдаетъ совершенно неумѣстнымъ многословіемъ. Задавшись цѣлью на пространствѣ всего какихъ нибудь 130 страницъ подвести «итоги XIX вѣка», авторъ врядъ-ли нуждался для успѣшнаго выполненія своей задачи въ томъ, чтобы разсыпать цвѣты краснорѣчія, проводить сомнительныя аналогіи и злоупотреблять метафорическими сравненіями. Вотъ напримѣръ конецъ главы, трактующей о раздѣленіи труда.

«Міровое и національное хозяйство, которое расширилось на нашихъ глазахъ, и спеціализація труда, проведенная нами съ строгою послѣдовательностью, достигли изумительныхъ успѣховъ. Современныя суда уже не держатся береговъ, а флотъ устремляется въ открытый океанъ, причѣмъ онъ подвергается опасностямъ, угрожающимъ ему со всѣхъ сторонъ. Мы

видимъ, какъ безчисленныя лодки полагаются на одинъ лишь якорь, не зная даже свойствъ морского дна, въ который онъ упрется. Парусъ и весла давно потеряны. Каждый сильный порывъ вѣтра срываетъ ихъ съ мѣста и безопадно гонитъ во всѣ стороны» (стр. 55). Витѣвато, но не вразумительно!

Обращаясь по существу къ разсматриваемой книгѣ, мы не можемъ отрицать у автора правильнаго взгляда на нѣкоторыя стороны современной общественной жизни. Но рядомъ съ тѣмъ встрѣчаются сужденія, которыя давно пора бы сдать въ архивъ. Это результатъ все той же общей непродуманности предпринятой работы.

«Народное самосознаніе составляетъ основу нашей общественной жизни». Этими словами авторъ открываетъ свое произведеніе и посвящаетъ затѣмъ первую главу краткому обзору историческаго развитія этого самосознанія. Затѣмъ онъ переходитъ къ обзору современнаго общества и его составныхъ элементовъ. Уже самый порядокъ, въ которомъ идутъ подзаголовки второй главы, посвященной этому предмету, показываетъ бессистемность и неровный ходъ мысли автора: государственный строй, дворянство, военное сословіе, религіозный вопросъ, народное образованіе, трудовые классы. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи такъ много говоритъ объ экономическихъ основахъ современнаго общества, что можно было бы ожидать въ числѣ упомянутыхъ главъ главу, посвященную имущимъ классамъ, буржуазіи, но этого нѣтъ. Разсужденія автора о народномъ образованіи даютъ образчикъ его умѣнія садиться между двухъ стульевъ. «Знаменательнымъ признакомъ времени, говоритъ онъ, являются школы». «Просвѣщеніе массъ» сдѣлалось съ самаго начала новой эпохи могучимъ лозунгомъ нашего времени». Открытіе всеобщаго свободнаго доступа къ образованію авторъ объясняетъ «сознаніемъ угрожающей опасности, скрываемой тьмою, въ которой бродятъ низшіе классы». Онъ признаетъ современное образованіе «значительнымъ завоеваніемъ нашего столѣтія». Но рядомъ съ тѣмъ онъ распространяется о «темныхъ сторонахъ полубразованія, скрывающихъ новую опасность».

Вообще автору всюду чудятся разные страхи, угрожающія опасности, катастрофы. Въ послѣдней главѣ онъ патетически задаетъ вопросомъ: «Куда мы идемъ?» и отвѣчаетъ на это рядомъ фразъ и разсужденій, въ которыхъ вопросъ его тонетъ безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта, если не считать за отвѣтъ слѣдующее мѣсто: «Вопросъ о томъ, предстоитъ ли переворотъ, есть вопросъ преходящаго интереса, хотя для даннаго момента, онъ и можетъ имѣть огромныя послѣдствія». Въ началѣ же главы онъ пишетъ: «Мы говоримъ безъ трепета объ угрожающемъ общественномъ переворотѣ. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ встрѣтить это несчастіе, мы обсуждаемъ благодушно, подобно тому какъ въ дни здоровья говорятъ о смерти, въ наступленіе которой не вѣрятъ. А между тѣмъ, какія серьезныя предупрежденія мы уже получали, какимъ страннымъ экспериментамъ уже подвергались. Развѣ въ теченіе этого столѣтія Европа не подвергалась неоднократно такимъ потрясеніямъ, что не знали, не смететь ли слѣдующій день все, что до сихъ поръ казалось твердымъ и нерушимымъ» (124 стр.). Но именно опытъ XIX вѣка и долженъ былъ бы, повидимому, убѣдить Нордена, что боязнъ какаго то общественнаго ката-

влизма, соціального потопа, которая была такъ распространена въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, не имѣетъ за собою никакихъ реальныхъ основаній.

Основы будущаго общественнаго строя неуклонно развиваются въ самыхъ нѣдрахъ современной цивилизаціи по мѣрѣ измѣненія экономическихъ и соціальныхъ формъ, и ростъ культуры и образованія среди массъ дѣлаетъ излишнимъ всякіе катализмы въ процессѣ преобразования общества.

Нѣкоторые разсужденія автора положительно отзываются наивностью и сентиментализмомъ, которые не простибельны для писателя, живущаго въ концѣ XIX столѣтія и даже претендующаго подводить ему итоги. Такъ, въ главѣ «сельскіе рабочіе» авторъ противуполагаетъ здоровую и нормальную жизнь ихъ ненормальнымъ условіямъ жизни промышленныхъ рабочихъ.

«Кто не признаетъ, пишетъ онъ, громадной разницы между франтоватой блѣднлицей фабричной работницей и скромной деревенской дѣвушкой? И кто, глядя на возвращающуюся съ работы вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ вереницу сельскихъ батраковъ и батрачекъ, коней и воловъ, не вспомнить невольно о потокахъ сумрачныхъ рабочихъ, покидающихъ ворота фабрики, чтобы попасть въ душныя вазармы непривѣтливыхъ улицъ? Сельскій рабочій есть человѣкъ, находящійся въ постоянномъ соприкосновеніи съ природою. Пусть полукультурный городской рабочій издѣвается надъ нимъ и пробуетъ хвастаться своей высокой заработной платой и городскими удовольствіями,—онъ остается полевой мышью, здоровый естественный образъ жизни которой, какъ училъ насъ Лафонтенъ, заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ невѣрнымъ, искусственнымъ существованіемъ городской мыши» (121 стр.).

Все это идиллическое описаніе прелестей сельской жизни, если было понятно въ устахъ современниковъ Лафонтена или Руссо, то странно встрѣтить подъ перомъ автора, передъ глазами котораго раскрыта жизнь земледѣльческаго населенія Ирландіи, Италіи, а тѣмъ болѣе условія батрацкаго труда едва ли не во всѣхъ странахъ Европы.

II. Ганзенъ. Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Авторъ предлагаемыхъ очерковъ справедливо упрекаетъ насъ, русскихъ, въ томъ, что мы такъ неохотно посѣщаемъ нашихъ ближайшихъ сѣверныхъ сосѣдей, не смотря на ихъ близость къ намъ и географическую и историческую, упорно придерживаясь разъ установившагося маршрута заграничныхъ путешествій черезъ Германію во Францію, Италію и Швейцарію. Современная культурность скандинавскихъ народовъ настолько высока и развита, что признана за границу другими народами. Разматривая соціальныи строй, учрежденія и бытъ этихъ сѣверныхъ народностей, убѣждаешься въ изумительномъ богатствѣ ихъ общественныхъ и моральныхъ силъ, дѣлающихъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ болѣе сознательной, возвышенной и плодотворной. Кажется, что могучая натура древнихъ скандинавовъ, закалившись въ бурномъ періодѣ ихъ прежняго историческаго существованія и войдя въ русло спокойнаго и мирнаго

процвѣтанія, щедро тратитъ избытокъ силъ, остающихся отъ повседневнаго труда, на то, чтобы облегчать положеніе несчастныхъ, больныхъ и бѣдныхъ, бороться съ вредными силами какъ стихійными, такъ и общественными, вродѣ невѣжества и пьянства.

Сущность культуры сѣвера составляютъ многоразличныя проявленія личной и общественной инициативы, которой правительство предоставляетъ широкій просторъ, но на помощь которой приходитъ тогда лишь, когда за ея дѣло выскажется опытъ. И инициатива эта дѣлаетъ по истинѣ чудеса. Вотъ на примѣръ результаты борьбы съ песками въ безплодныхъ равнинахъ западной Ютландіи, этомъ нѣкогда царствѣ вереска и западнаго вѣтра. Въ 1850 г. въ Ютландіи было около 160 кв. миль безплодныхъ вересковыхъ равнинъ, дюнь и болотъ. Пути сообщения были такъ плохи, что населеніе Ютландіи было какъ бы отрѣзано отъ вѣшняго міра. Немногимъ лучше было и черезъ 15 лѣтъ, когда въ 1866 году инженеръ Энрико Дальгасъ основалъ «Общество культивированія безплодныхъ ютландскихъ равнинъ». Приступивъ къ дѣятельности при весьма скромныхъ матеріальныхъ средствахъ и небольшомъ составѣ членовъ, общество столь удачно практиковало культивированіе песковъ путемъ посадки горной ели, что скоро привлекло къ себѣ вниманіе мѣстнаго населенія. У общества постепенно явилось нѣсколько отдѣленій. Съ меньшимъ успѣхомъ примѣняло оно мѣры орошенія, разработкіи болотъ, добычи мергеля. Частью безвозмездно, частью на извѣстныхъ весьма льготныхъ условіяхъ возмѣщенія расходовъ принимало оно на себя всякаго рода содѣйствіе частнымъ лицамъ въ подобнаго рода улучшеніяхъ. Позднѣе обществу стало оказывать помощь регулярными субсидіями правительство, убѣдившееся въ высокой полезности дѣятельности общества. И вотъ въ результатъ черезъ 25 лѣтъ дѣятельности общества вмѣсто прежнихъ 160 кв. мил. безплодныхъ равнинъ, дюнь и болотъ, осталось всего 80 миль, и то разбросанныхъ отдѣльными небольшими участками, какъ бы ожидающихъ своей очереди также быть культивированными. Каналы, которые общество успѣло провести за 25 лѣтъ, занимаютъ протяженіе въ 48 миль (336 верстъ), и орошаютъ около 10,000 десятинъ земли, создавая, такимъ образомъ, дуга, цѣнность которыхъ достигаетъ 5 милліоновъ кронъ (2¹/₂ мил. руб.). Неудивительно послѣ этого, что когда инициаторъ общества Энрико Дальгасъ умеръ 16 апрѣля 1894 г., благодарное населеніе воздвигло ему памятникъ на мѣстѣ его дѣятельности, въ равнинѣ Тирслунгъ, между городами Кольдингомъ и Эсбергомъ.

Очерки г. Ганзена, являющіеся результатомъ его поѣздокъ по тремъ сѣвернымъ государствамъ въ 1892 и 1895 гг., ранѣе были напечатаны въ фельетонахъ «Правительственнаго Вѣстника» въ «С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ журналѣ «Русская Мысль». Несмотря на отсутствіе вѣшной связи и разнородность затрогиваемыхъ предметовъ, очерки связаны одною общею идеею—дать представленіе на рядѣ примѣровъ различныхъ обществъ и учреждений, что можетъ сдѣлать личная и общественная инициатива въ дѣлѣ культурнаго развитія страны и въ области благотворенія. Большинство очерковъ посвящено Даніи, какъ наиболѣе полно и ярко отразившей всѣ основныя черты обще-сѣверной культуры. Здѣсь краткія біографіи датскихъ меценатовъ и дѣятелей просвѣщенія Людвигъ

Гольдберга и Якобсена, очеркъ высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, очерки о примѣненіи гимнастики и ручного труда въ датскихъ учебныхъ заведеніяхъ, общества дешевыхъ квартиръ, призрѣнія слабоумныхъ, слѣпыхъ, призрѣнія и поощренія прислуги въ Копенгагенѣ и проч. Далѣе идутъ очерки организаціи помощи бѣднымъ и образцовыхъ домовъ въ Христіаніи, и описаніе мѣръ борьбы съ пьянствомъ въ Швеціи и Норвегіи. Приведенный перечень содержанія очерковъ П. Ганзена, написанныхъ безпритязательнымъ и легкимъ языкомъ, даетъ возможность судить объ интересѣ и разнообразіи затрогиваемыхъ имъ сюжетовъ.

М. Плотниковъ.

Ф. Регельсбергеръ. Общее ученіе о правѣ. Переводъ И. А. Базанова подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Изданіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія М. 1897 г. XIV+295 стр. Цѣна (въ переплетѣ) 1 р. 40 к.

Книга эта представляетъ переводъ первой трети перваго тома объемистаго и еще незаконченнаго курса римскаго права въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ въ современной Германіи. Хотя вообще переводъ незначительной части какаго либо труда весьма рѣдко можетъ представлять научный интересъ, но въ настоящемъ случаѣ переведенная часть книги проф. Регельсбергера, служащая введеніемъ къ самому его курсу, представляетъ вполне законченное и самостоятельное цѣлое.

Издатели предпослали этой книгѣ небольшое предисловіе, въ которомъ указываютъ, что книга эта «отличается очень важными достоинствами. Въ ней читатель найдетъ не сухой элементарный учебникъ, а изложеніе современнаго состоянія разработки общихъ вопросовъ о правѣ. Въ простой и ясной формѣ, свободной отъ риторическихъ украшеній, авторъ вполне объективно излагаетъ и разбираетъ самые сложные и запутанные вопросы юриспруденціи... Онъ не навязываетъ читателю личныхъ субъективныхъ взглядовъ, но ограничивая, по возможности, свою задачу подведеніемъ итоговъ ученой работы, подвергаетъ глубокому анализу и безпристрастной, спокойной и всесторонней оцѣнкѣ результаты изслѣдованій своихъ предшественниковъ». (XI—XII). Книга Регельсбергера вполне заслуживаетъ такого отзыва, хотя слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторую оговорку относительно «простой и ясной формы». У автора не рѣдко можно встрѣтить разсужденія въ родѣ слѣдующаго: «Абстрактныя правоотношенія въ общемъ порядкѣ явленій представляютъ собою точки покоя. Они входятъ въ общій правовой порядокъ, и подобно тому какъ этотъ послѣдній въ цѣломъ есть учрежденіе (*eine anstaltliche Erscheinung*), тоже самое нужно сказать и объ отдѣльныхъ его членахъ. Разсматриваемые съ этой стороны члены праваго порядка называются правовыми институтами» (27).

Но за немногими подобными исключеніями, языкъ—а еще болѣе того мысли автора—вполнѣ ясны и опредѣленны.

Многіе изъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ разработаны имъ такъ содержательно, что чтеніе этой книги не можетъ не заинтересовать и людей, спеціально занимавшихся общими вопросами права; къ тому же въ русскомъ переводѣ сохранены всѣ ссылки подлинника на германскую литературу (въ нѣмецкихъ ученыхъ трактатахъ обыкновенно ссылки на

иностранныя литературы не бывает), такъ что для научныхъ работъ эта книга можетъ служить прекраснымъ руководствомъ, чтобы разобратъся въ нѣмецкой литературѣ затронутыхъ Регельсбергеромъ вопросовъ общей теории права. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ напр. о толкованіи законовъ, объ отношеніи закона и обычая, объ отношеніи права къ нравственности и къ справедливости, постоянно возникаютъ у каждаго думающаго юриста; факты, разъясняющіе эти вопросы, постоянно привлекаютъ его вниманіе; подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ, часто случайныхъ впечатлѣній развиваются и иногда почти незамѣтно для насъ видоизмѣняются наши мнѣнія по многимъ вопросамъ. Поэтому у каждаго сознательно относящагося къ своему дѣлу юриста постоянно возникаетъ потребность—провѣрить на новыхъ фактахъ свои мысли по крайней мѣрѣ по основнымъ общимъ вопросамъ права, согласовать свои мысли, привести ихъ въ систему. И мало можно назвать книгъ, въ которыхъ мыслящій юристъ можетъ найти такое же, какъ у Регельсбергера, количество фактовъ и сопоставленій, будящихъ мысль, такое количество наукою установленныхъ положеній, на которыхъ каждый можетъ провѣрить свои собственные мысли. Для нашей юридической литературы переводъ этой книги является крупнымъ приобретеніемъ.

Самый переводъ, не смотря на серьезныя трудности, представляемая подлинникомъ, сдѣланъ въ общемъ довольно удовлетворительно, хотя имѣются и трудно оправдываемые промахи: «конкретное отношеніе гражданского права», вмѣсто «конкретнаго гр. правоотношенія». (172 ср. также 72, 82).

Но, къ сожалѣнію, для настоящаго изданія книги Регельсбергера, къ нему надо приступать съ совершенно спеціальными требованіями—съ требованіями, предъявляемыми популярнымъ книгамъ, книгамъ для самообразованія.

Судя по изданнымъ московскою комиссіею по организаціи домашняго чтенія «Программамъ Дом. Чтенія на второй годъ» (Москва 1896 г.), стр. 125—129, «Общее ученіе о правѣ» Регельсбергера предназначено для лицъ, юридическое образованіе которыхъ ограничивается 4 брошюрами. По словамъ Комиссіи эти 4 брошюры «покажутъ читателю, что право—одинъ изъ существенныхъ элементовъ культуры народа; оно постоянно отражаетъ на себѣ всѣ особенности послѣдней и потому, въ основѣ своей, есть явленіе историческое и національное. Оно зарождается и развивается въ зависимости отъ развитія частнаго и общественнаго быта. Какъ результатъ борьбы разнообразныхъ, иногда противоположныхъ интересовъ отдѣльныхъ членовъ и классовъ общества, право послѣдовательно измѣняется вмѣстѣ съ ходомъ этой борьбы. Право представляется, такимъ образомъ, сложнымъ общественнымъ явленіемъ». (126). Кромѣ этихъ 4-хъ брошюръ Комиссія рекомендуетъ (126) познакомиться съ тѣми главами «Лекцій по общей исторіи права» Коркунова, въ которыхъ разбираются различныя гипотезы происхожденія права и дается общее опредѣленіе самого понятія права.» Затѣмъ слѣдуетъ обратиться къ изученію книги Регельсбергера.

Таковъ багажъ юридическихъ свѣдѣній, съ которыми будутъ приступать къ Регельсбергеру. Однако уже одно то обстоятельство, что книга

эта составляет часть не учебника—*Lehrbuch*,—хотя бы и для студентов, а трактата—*Handbuch*—предназначеннаго для людей, уже специально изучивших данную отрасль правовѣдѣнія, заставляет усумниться въ пригодности книги для тѣхъ читателей, для которыхъ предназначается ее комиссія. По нашему мнѣнію, книга эта должна крайне затруднить этихъ читателей: авторъ все время предполагаетъ, что въ его книгѣ приступать съ твердыми и ясными познаніями по гражданскому и римскому праву: онъ весьма часто лишь намекаетъ на ту или другую мысль и затѣмъ развиваетъ и поясняетъ ее исключительно на примѣрахъ, опять таки имъ слегка только указываемыхъ. Напр. по поводу «видовъ гражданско-правовыхъ притязаній» Регельсбергеръ говоритъ, что притязанія эти классифицируются съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія: 1) Противоположеніе *actiones*, по ихъ происхожденію (*actio civilis, honoraria, praetoria, aedilicia*) (270). И это все, что сказано о различіи по происхожденію, и эти латинскіе термины нигдѣ въ книгѣ не пояснены. Что же узнаеть изъ этой фразы читатель съ описанной выше подготовкою? Или еще: «Творецъ нормы не сознаеть полноты заложенаго въ ней юридическаго матерьяла. Требуется работа поковѣній... для того, чтобы норма перешла въ ообщее сознаніе во всей своей широтѣ. Право эвѣнціи, интерцессіи, коллаціи, *damnum injuria datum* и многіе другіе примѣры служатъ этому доказательствомъ» (169). Самообразовывающіеся читатели убѣдятся ли этимъ доказательствомъ?

Издатели ясно сознавали, что для начинающихъ предлагаемая книга, быть можетъ, представить нѣкоторыя трудности въ виду того, что предметъ ея освѣщается примѣрами, заимствованными, главнымъ образомъ, изъ системы римскаго права» (Предисл. XII). «Эти трудности по мнѣнію издателей—неизбѣжны и легко преодолимы» (тамъ-же). Но если бы издатели справились съ любовью «Общею теоріею права», написанною для начинающихъ, то легко бы убѣдились, что такого рода непонятные примѣры вовсе не неизбѣжное зло.

Но какимъ образомъ, по мнѣнію Комиссіи, читатель долженъ легко преодолѣть эти трудности? Къ тому же надо замѣтить, что издатели не сдѣлали ничего, чтобы сколько нибудь облегчить положеніе читателя. Не только отдѣльныя латинскія выраженія остались напечатанными по-латыни—отъ русской транскрипціи терминовъ читателей мало выиграли бы,—издатели оставили непереверденными значительное количество латинскихъ фразъ подъ часъ совершенно необходимыхъ, чтобы понять смыслъ того или иного періода (ср. 88, 89, 119, 189, 231, 264, 268, 272, 289 и мн. друг.) Но этотъ недостатокъ дѣлаеть непонятными лишь одни отдѣльныя мѣста, тогда какъ неразъясненность техническихъ юридическихъ терминовъ, десятками встрѣчающихся на каждой страницѣ, дѣлаеть всю книгу непригодною для той цѣли, для которой она предназначалась. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторые термины, обстоятельно разъясненные въ нѣмецкомъ подлинникѣ, предназначеномъ для специалистовъ, предполагаются вполне понятными для читателей «Библіотеки для самообразованія». Таково напр. понятіе постоянно упоминаемаго «общаго права» (приблизительно «римское право» въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ въ современной Германіи), оставленное переводчикомъ безъ поясненія и

обстоятельно разъясненное въ подлинникѣ Begelsberger, Pandekten. I стр. 17).

Если сопоставить книгу Регельсбергера напр. съ «Лекціями» Коркунова, то нетрудно придти къ заключенію, что наиболѣе интересныя вопросы общей исторіи права (происхожденіе права, опредѣленіе права, общественныя условія развитія права) разработаны у Коркунова съ полнотою, не допускающею никакого сравненія съ Регельсбергеромъ, книга котораго представляетъ собственно не общую исторію права, а нѣсколько главъ изъ общей части-гражданскаго права. Тѣ же отдѣлы, которые у Регельсбергера разработаны полнѣе,—толкованіе закона, частное международное право,—представляютъ для начинающаго значительно меньшій интересъ; относительно нѣкоторыхъ §§ этихъ отдѣловъ сами издатели признаютъ, что они могутъ быть пропущены читателемъ безъ вреда для пониманія дальнѣйшаго. (Программы, 128).

Книга Регельсбергера несомнѣнно обогатитъ русскую переводную ученую литературу, но зачѣмъ понадобилось ея изданіе въ настоящемъ его видѣ Комиссией по организаціи домашняго чтенія, мы, признаться, не понимаемъ.

Н. Лазаревскій.

П. Г. Мижуевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англии. Спб. 1898 г. Стр. 170. Ц. 80 к.

Такъ ужъ у насъ повелось чуть ли не испоконъ вѣку, что мы за всеѣмъ по педагогической части обращаемся къ нѣмцамъ. Нѣмцы прослыли у насъ отлѣнными педагогами, могущими поучить всѣхъ, а Германія—отчизной педагогій. Мы усвоили это мнѣніе о нѣмецкой педагогій главнымъ образомъ со словъ нѣмцевъ же, которые нисколько не стѣсняются превозносить себя и свою педагогію. Въ исторіи педагогики Карла Шмидта (русск. пер. изд. 1877 г.), авторъ ея довольно скромно заявляетъ, что „Германія, эта страна мысли, занимаетъ вершинную точку теоретическаго и практическаго развитія въ воспитаніи“, а призваніе германскаго народа опредѣляетъ такъ: быть ни больше, ни меньше, какъ „свѣтиломъ и животворною силою міра“ (т. 1, стр. 45, 54). Дальше такихъ глупыхъ самопревознесеній идти по этой части некуда. А мы спроста и повѣрили нѣмцамъ: чуть поднимается у насъ какой либо педагогическій вопросъ, намѣчается какая либо реформа въ учебномъ дѣлѣ—сейчасъ мы шлемъ пословъ къ нѣмцамъ, какъ они разрѣшаютъ эти вопросы. Какъ извѣстно, наши классическія гимназіи списаны съ нѣмецкихъ, и все дѣло средняго образованія развивается въ полной зависимости отъ нѣмцаго. Безъ нѣмцевъ мы шагу не смѣемъ ступить, а сами боимся сдѣлать что либо свое; только тѣмъ и живемъ, что нѣмцы скажутъ. А между тѣмъ постановка у насъ средняго образованія едва ли кого удовлетворяетъ, необходимость реформъ сознаана, кажется, всѣми, а когда захотятъ къ нимъ приступить, тогда, вѣроятно, обратятся къ нѣмцамъ же за наукой.

Два коренныя недостатка безраздѣльны съ нашей средней школой: убійственное, мертвящее единообразіе и полное отсутствіе связи съ общественными мѣстными потребностями. У насъ и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Архангельскѣ, и въ Тифлисѣ школы организованы совершенно одина-

жово, они не имѣютъ никакого отношенія ни къ мѣсту, ни къ людямъ онѣ взяты изъ Германіи и насаждены въ Россіи. Попеченіе о такихъ школахъ имѣютъ исключительно чиновники, общество не имѣетъ никакого вліянія на школы.

Между тѣмъ, не только исполнѣ возможно, но и давнымъ давно существуетъ совершенно другой строй средняго образованія, при которомъ единообразіе въ организаціи школы считается не благомъ, а зломъ, а самая живая и тѣсная связь школы съ мѣстной жизнью и мѣстнымъ обществомъ признается *conditio sine qua* поп школы. Эта благословенная страна—Англія, въ ней два сейчасъ изложенныя положенія признаются азбучными истинами, противъ которыхъ невозможно спорить, о которыхъ нечего распространяться, потому что онѣ понятны и безъ объясненій.

«Мы глубоко убѣждены», заявляетъ одна изъ королевскихъ комиссій по изслѣдованію народнаго образованія въ Англіи, «что въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ всегда опираться на самодѣятельность гражданъ. Глубокомысленные педагоги могутъ дать намъ много прекрасныхъ совѣтовъ; парламентъ, согласно съ этими совѣтами, можетъ издать мудрыя законодательные акты, однако же истинная сила, которая одна можетъ одухотворить все движеніе, можетъ исходить только отъ народа. Всякая мѣра, возбуждающая интересъ народа къ школѣ, все, что только можетъ поселить въ народѣ убѣжденіе, что школьное дѣло есть дѣло всѣхъ и что для каждаго долженъ быть дорогъ всякій видъ участія въ такомъ важномъ и живомъ дѣлѣ, все это не менѣе важно, чѣмъ самыя рациональныя программы и самая искусная администрація». Вотъ какъ думаютъ въ Англіи о постановкѣ народнаго образованія.

Другая королевская комиссія собственно о среднемъ образованіи говоритъ: «мы не только далеки отъ мысли предоставить организацію средняго образованія какому нибудь министерству, напротивъ, мы предлагаемъ предоставить инициативу въ дѣлѣ организаціи средняго образованія мѣстнымъ властямъ. Мы не желаемъ, однако, чтобы мѣстнымъ властямъ была предоставлена монополія заботъ о среднемъ образованіи въ ущербъ инициативѣ отдѣльныхъ личностей. Намъ совершенно чуждо стремленіе къ установленію единообразія. Свобода, разнообразіе, эластичность есть и были тѣ достоинства англійскаго воспитанія, которыми искупаются многіе его недостатки, и эти достоинства во всякомъ случаѣ должны быть сохранены». Одинъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ дѣятелей по народному образованію въ Англіи Аеландъ высказалъ слѣдующее убѣжденіе: «во всякомъ учебномъ дѣлѣ должна быть извѣстная эластичность, отношеніе каждой средней школы къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ и учебнымъ заведеніямъ высшимъ должно быть предметомъ серьезнаго обсужденія со стороны педагогическихъ властей графства, при постоянномъ участіи представителей мѣстнаго самоуправленія».

Можетъ быть, это только теорія, только идеалы, а дѣйствительность совсѣмъ иная? Нѣтъ, въ Англіи и на дѣлѣ существуетъ крайнее разнообразіе въ строѣ среднихъ школъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и широкое участіе мѣстнаго самоуправленія въ школьномъ дѣлѣ.

Въ Англіи среднимъ учебнымъ заведеніемъ законъ считаетъ всякую школу, гдѣ дается образованіе выше элементарнаго, гдѣ учать, напри-

иѣръ языкамъ, латинскому, греческому, англійскому языку и литературѣ, новымъ языкамъ, математикѣ, естествознанію, прикладнымъ наукамъ, или нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ, какъ и всякимъ другимъ не входящимъ въ составъ элементарныхъ знаній». Вслѣдствіе этого разнообразіе среднихъ школъ въ Англии необычайно. Въ уставахъ школъ учебныя программы указываются обыкновенно лишь въ общихъ чертахъ, обыкновенно указывается лишь минимальный уровень того, что должно быть преподаваемо въ школахъ. Расширеніе преподаванія и болѣе обстоятельная регламентація предоставляются усмотрѣнію самого школьнаго начальства. Въ Англии держатся убѣжденія, что если тотъ или другой типъ школы уже установился и принялъ опредѣленный характеръ, то все же не слѣдуетъ опредѣлять всѣ тѣ предметы, каковымъ въ такихъ школахъ слѣдуетъ учить.

Въ указанныхъ направленіяхъ читатель найдетъ много свѣдѣній об англійской средней школѣ въ брошюрѣ П. Г. Мижуева. Она составлена авторомъ на основаніи множества документальныхъ данныхъ и наблюдений надъ англійской школой американца (Шарилесса), француза (Леклерка) и итальянца (Моссо). Въ брошюрѣ довольно выписокъ изъ отчетовъ этихъ трехъ наблюдателей. При слѣдующемъ изданіи брошюры желательно видѣть: болѣе стройное изложеніе фактовъ, съ устраненіемъ повтореній и восклицаній къ русскому читателю, напр. въ родѣ того, что ему трудно представить положеніе дѣла (если дѣла описаны отчетливо, то представить очень легко), побольше подробныхъ и, по возможности, яркихъ характеристикъ разнообразныхъ типовъ среднихъ школъ въ Англии и соединеніе къ брошюрѣ оглавленія содержанія, что представляется элементарнымъ требованіемъ отъ книжки въ 170 убогихъ и большихъ страницъ.

П. Каптеревъ.

Элементарная гигиена и основы анатоміи и физиологіи.

Руководство для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Врачъ Л. Л. Рябининъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно. Для первоначальныхъ школъ и для бесѣдъ въ семьѣ. Москва. 98 г. Ц. 20 к. Переводъ съ англійскаго. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова.

Распространеніе гигиеническихъ свѣдѣній среди населенія при посредствѣ школы, хотя до сихъ поръ является вопросомъ спорнымъ, но намъ все чаще и чаще приходится встрѣчать сообщенія о введеніи преподаванія гигиены въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи. вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и число руководствъ, пособій и т. п. для учащихся. Къ числу таковыхъ руководствъ относятся и вышеуказанныя два—одно изъ нихъ специально назначается для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній (первое), второе—для начальныхъ школъ и для бесѣдъ въ семьѣ.

Не смотря на одинаковую цѣль и, до нѣкоторой степени, среду, для которой назначаются эти руководства, между ними большая разница какъ по содержанію, такъ и по плану изложенія. Послѣдній, нужно замѣтить, играетъ существенную роль во всякомъ руководствѣ.

Если составленіе руководства по гигиенѣ вообще вещь нелегкая, то составленіе такового для лицъ, совсѣмъ не знакомыхъ ни съ анатоміей, ни съ физиологіей и естественными науками, еще болѣе затруднительно; отъ автора требуется не только знаніе своего предмета, но опытностю и умѣнье изложить. Д-ръ Рябининъ излагаетъ предметъ *по уроку* и въ концѣ каждаго урока предлагается повтореніе пройденнаго въ формѣ вопросовъ. Насколько такая система въ руководствахъ практична и полезна, мнѣнія педагоговъ расходятся, хотя, по нашему мнѣнію, она въ данномъ случаѣ полезна.

Всѣхъ уроковъ въ книгѣ 37, и нѣкоторые изъ нихъ посвящены описанію болѣзней перваго дѣтскаго возраста, говорится о заразныхъ болѣзняхъ, о простудѣ (одинъ изъ первыхъ уроковъ), наслѣдственности и т. д. Всѣ болѣзни авторъ производитъ отъ десяти причинъ: 1) простуды, 2) плохого воздуха, 3) плохого жилья, 4) несоблюденія чистоты и опрятности, 5) нецѣлесообразности питанія, 6) нецѣлесообразной одежды, 7) нервнаго вліянія, 8) заразы, 9) поврежденій, отравленій и другихъ несчастныхъ случаевъ, 10) наслѣдственности. «Изученіе всѣхъ этихъ причинъ, съ указаніемъ, какъ ихъ беречься, и служить предметомъ гигиены» (5). Такое дѣленіе слишкомъ искусственно; въ происхожденіи болѣзней играютъ не однѣ только указанные причины, а и другія или совмѣстно нѣсколько.

О строеніи человѣческаго тѣла и его отправленіи говорится только въ третьемъ урокѣ—между тѣмъ какъ подобныя свѣдѣнія должны быть сообщаемы съ самаго начала, а не начинать съ простуды, какъ дѣлаетъ авторъ. Анатоміи и физиологіи посвящены всего около семи уроковъ. Въ урокѣ (8) о свѣтѣ и освѣщеніи почему-то включено и соблюденіе чистоты и опрятности (26), хотя послѣднее относится къ кожѣ или лучше еще должно составлять самостоятельную главу. О нѣкоторыхъ отдѣлахъ гигиены авторъ даетъ слишкомъ уже краткія свѣдѣнія (стр. 50, 54, 78 и 88), а потому и получается нѣкоторая недѣльность (28), нераціональность совѣтовъ чистить, напр., зубы зубочисткой изъ гусинаго пера (79), пить пиво до 2 бут. въ день для укрѣпленія здоровья (53), почему эти двѣ, а не три, не одну? Точно также не вѣрно, что водка согрѣваетъ (37). По поводу алкоголя нужно было бы сказать болѣе, въ виду того, что вопросъ этотъ играетъ большую роль въ гигиенѣ не только личной, но и общественной. Наиболѣе слабы главы о заразныхъ болѣзняхъ, какъ по описанію признаковъ этихъ болѣзней, такъ и по принятію мѣръ, напр., на стр. 87 говорится, будто оспа начинается «гноной высыпью, отъ когорой остаются безобразные рубцы»; отсюда читатель ничего не узнаетъ. Не умѣстно совѣтовать обязательное оспопрививаніе при существующей у насъ организаціи медицинской помощи.

Приложенные въ книгѣ рисунки, хорошо исполненные, значительно облегчаютъ учащемуся чтеніе книжки. Замѣченные недостатки не мѣшаютъ признать за означеннымъ руководствомъ извѣстнаго значенія. Но при этомъ не можемъ не высказать, что авторъ затронулъ много вопросовъ въ ущербъ главнымъ, и по необходимости долженъ былъ сокращать свое изложеніе. Поэтому лучше было бы или взять нѣкоторые изъ отдѣловъ гигиены и ихъ основательнѣе изложить; или объ однихъ изъ этихъ отдѣловъ болѣе подробно сказать, и о другихъ—кратко.

Что касается *второй брошюры*, предназначенной для начальныхъ школъ, то въ ней главнымъ образомъ даются свѣдѣнія о строеніи челоѣческаго тѣла, его отправленияхъ и между прочимъ только сообщаются краткія гигиеническія свѣдѣнія. Но что особеннаго въ этой книжкѣ, это энергичное наставленіе на вредѣ спиртныхъ напитковъ, о которыхъ, кромѣ предисловія Горбунова-Посадова (1—12), упоминается очень часто и даже заканчивается призывомъ «никогда не пить ни водки, ни вина, ни пива» (72). Вполнѣ соглашаясь, что алкоголь и всѣ алкогольные напитки вредны для челоѣка, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что многое въ этомъ вопросѣ и не выясненнаго и потому категоричность выраженія и выводовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неумѣстна. А между тѣмъ въ названной книжкѣ можно встрѣтить не мало такъихъ заключеній, которыя едва ли желательны въ такомъ руководствѣ, какъ собираемое нами.

Книжка состоитъ изъ 12 главъ, кромѣ предисловія, снабженныхъ 28 рисунками изъ анатоміи. И здѣсь начинается изложеніе не съ анатомической стороны, а съ описанія, съ главы подъ названіемъ «для чего мы ѣдимъ, что мы ѣдимъ и что необходимо тѣлу». Далѣе цѣлая глава посвящена спиртнымъ напиткамъ. Съ пятой по седьмой говорится о крови, съ восьмой излагается строеніе тѣла, причемъ въ связи съ анатомическими свѣдѣніями излагаются физиологическія, что вполнѣ удобно да и для учащихся понятнѣе. Говоря о кожѣ, слѣдовало бы подробнѣе остановиться на одеждѣ. Въ общемъ книжка удовлетворяетъ своей цѣли и можетъ служить руководствомъ для учащихся, особенно хорошо исполнены рисунки, но тѣмъ не менѣе встрѣчается не мало мѣстъ, выраженій и притомъ еще въ категорической формѣ, — которыя недостаточно ясны или спорны, а потому должны быть избѣгаемы или исправлены. Напр., «почему почти всякая жаренная пища менѣе здорова, чѣмъ приготовленная какъ нибудь иначе (13). На основаніи чего такъ категорически высказывается авторъ, что «вообще люди ѣдятъ сладкаго больше, чѣмъ слѣдуетъ» (16). Слѣдовало бы указать, какую ребенку давать пищу, когда у него зубы (17). Еще болѣе осторожнѣе слѣдовало выражаться относительно качества питательности пищи, приготовляемой изъ различныхъ зерновыхъ хлѣбовъ (18), напр., нельзя отождествлять по питательности съ мясомъ горохъ и бобы. Говоря о пивѣ, которое отнесено къ спиртнымъ напиткамъ, нельзя такъ сказать, что пиво потому вредно, что оно отравлено алкоголемъ (25). Далѣе непонятно, да и не доказано, что алкоголь способствуетъ тому, что мозгъ *сжимается и твердеетъ* (62), или, что спиртные напитки и куреніе табаку останавливаетъ ростъ (51). Не останавливаясь на другихъ неточностяхъ, которыя должны быть исправлены при послѣдующемъ изданіи и совсѣмъ опущены такія мѣста, какъ «мозгомъ управляетъ душа», или «душа передаетъ черезъ мозгъ свои приказанія» (63), или пояснить такія мѣста—«у дѣтей, прилежно занимающихся въ школѣ, мозгъ впоследствии становится на болѣе трудную работу» (61).

Если мы болѣе подробно остановились на послѣдней брошюрѣ, то потому, что она является первой среди общедоступной литературы о вредѣ спиртныхъ напитковъ для дѣтскаго возраста и школы. Вотъ почему на такія изданія должно быть обращено особенное вниманіе, тѣмъ болѣе,

что предполагаются къ изданію подобныя руководства и для старшаго возраста, и для самихъ учителей и воспитателей.

«Спутникъ здоровья.» Популярная гигиеническая и медицинская бібліотека. Изд. И. Богельмана, подъ редакціей Академика И. Р. Тарханова. 1897 г.

Въ предисловіи къ названному изданію заявляется, что «всѣ эти изданія имѣютъ цѣлью познакомить постепенно публику въ общедоступной формѣ съ различными наиболѣ распространенными формами заболѣваній, съ домашними мѣрами борьбы съ ними и способами предохраненія отъ нихъ.»—Судя по вышедшимъ книжкамъ, изданіе обѣщаетъ быть интереснымъ и не бесполезнымъ для читателя, если редакторъ обратитъ особенное вниманіе на гигиеническую сторону, а не на лѣчебную.

Въ *первомъ выпускѣ* помѣщенъ очеркъ объ *англійской болѣзни-рахитѣ* соч. д-ра Р. Кальперина. Въ названной книжкѣ читатель находитъ довольно подробное описаніе этой болѣзни, являющейся одной изъ наиболѣ распространенныхъ болѣзней среди недостаточнаго фабричнаго, городского населенія, не только у насъ, но и за границею. Авторъ выясняетъ причины происхожденія рахита (54 стр.), начало болѣзни, пораженія ею костей головы, грудныхъ, спины, конечностей, таза и зубовъ, говоритъ о различныхъ осложненіяхъ, происходящихъ отъ рахита и тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, какія бываютъ, какъ распознать его (очень кратко—всего страничка). Последнія двѣ главы (XII—XIII) посвящены мѣрамъ противъ англійской болѣзни; изъ нихъ наиболѣ видное мѣсто отводится санаторіямъ и лѣчебнымъ колоніямъ. Что касается общественныхъ мѣропріятій противъ развитія рахита, то рекомендуются: улучшенія жилищъ въ санитарно-гигиеническомъ отношеніи, устройство въ населенныхъ мѣстностяхъ дѣтскихъ яслей, приютовъ, садовъ и т. д. Такія мѣропріятія особенно необходимы въ фабричныхъ мѣстностяхъ, гдѣ помимо всего этого, по нашему мнѣнію, должно быть обращено особенное вниманіе на питаніе дѣтей, о чемъ авторъ вышеуказанной книги упоминаетъ какъ то мимоходомъ.

Издана книжка хорошо, хотя рисунки оставляютъ желать многого; цѣна ея высока, что можетъ послужить препятствіемъ къ распространенію книжки.

II. «*Необходимыя мѣры при заразныхъ болѣзняхъ*», составлено д-мъ В. Зибольдомъ. ц. 30 к. стр. 32.

Рационально принятія мѣры при заболѣваніи какой либо заразной болѣзней—даютъ половину шансовъ на успѣхъ къ превращенію распространенія болѣзни. Къ сожалѣнію, такихъ то свѣдѣній—какія мѣры принимать для борьбы съ ними и не знаетъ наше общество. Цѣль вышеуказанной книжки дать возможность ознакомиться публикѣ съ такими мѣрами. Здѣсь говорится о дезинфекціи вообще, о мѣрахъ при уходѣ за больными съ тою или другою заразною болѣзней и даются краткія свѣдѣнія о 16 заразныхъ болѣзняхъ. Первые двѣ главы достаточно полно изложены и могутъ быть поняты среднимъ читателемъ, остальные о болѣзняхъ изложены отрывочно, кратко—такъ, нѣкоторымъ изъ этихъ болѣзней отведено

по 2—3 строчки, такъ что читатель изъ такого описанія ничего не выноситъ.

III. Наибольше интересною и по содержанию и по полнотѣ изложенія является книжка (подъ № 5) о простудѣ профессора *Тарханова*. Вопросъ весьма существенный и хотя всѣмъ извѣстный въ обыденной жизни, но непонятный съ научной стороны. Въ названной брошюрѣ выясняется, изъ чѣмъ собственно состоитъ простуда, какія дѣйствительныя измѣненія вызывать она въ сложныхъ отравленіяхъ человѣческаго тѣла, къ какаго рода заболѣваніямъ можетъ она вести и какъ лучше всего предохранить себя отъ простуды. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію того, что такое простуда, авторъ въ трехъ главахъ говоритъ о такъ называемой животной теплотѣ и о томъ, «какими путями организмъ отстаиваетъ постоянство своей внутренней температуры въ борьбѣ съ наружнымъ холодомъ и тепломъ». Затѣмъ уже идетъ изложеніе о томъ, какимъ образомъ простуда выражаетъ заболѣванія (глава IV) и между прочимъ указывается на то, что простуда является распространяющей причиной заболѣваній инфекционными болѣзнями (71—75). Последняя VI глава; она посвящена къ выясненію того, какъ бороться съ простудой (92—114) — наиболѣе существенная въ практическомъ отношеніи. Здѣсь указываются, какъ частныя мѣры, такъ и общія, служащія къ укрѣпленію организма. Не можемъ только согласиться съ мнѣніемъ автора о безусловной полезности фуфаекъ, (103) которыя онъ рекомендуетъ и одобряетъ для ношенія.

Изложеніе хорошее, книжка читается легко, благодаря умѣнью автора популяризовать научные вопросы. Читатель выноситъ опредѣленное представленіе о простудѣ и найдетъ возможнымъ принять тѣ или другія мѣры противъ нея.

Совѣты о томъ, какъ лѣчить наружныя болѣзни и ухаживать за больными. Врача *В. Рахманова*. Дополнено приватъ доцентомъ Московск. универс. д—мъ *С. Березовскимъ* 1898 г. изд. «Посредника» ц. 15 к.

Названная книжка (92 стр.) убористой печати, съ нѣсколько страничнымъ посвященіемъ «всѣмъ, кто помнитъ Христа и Его святыя заповѣди», (16) какъ будто другіе не заслуживаютъ такого обращенія, заключаетъ въ себѣ наставленіе о томъ, какъ лѣчить раны, язвы, опухоли, нарывы, чесотку, ломоту и разныя поврежденія, болѣзни кожи, костей, суставовъ и т. д. Захватывая такой обширный отдѣлъ изъ медицины, съ цѣлью сдѣлать общедоступнымъ свѣдѣнія о различныхъ наружныхъ заболѣваніяхъ, авторъ *volens-polens* долженъ быть кратокъ, что и замѣтно въ нѣкоторыхъ главахъ. Въ введеніи изложено описаніе устройства человѣческаго тѣла, иллюстрируемое рисунками. Довольно подробно говорится о наружныхъ частяхъ тѣла (кожа, мышцы, кости) и затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію пораненій, признаковъ ихъ и подачѣ первой помощи при различнаго рода пораненіяхъ, кровотеченіяхъ, переломахъ и т. д. Изложеніе простое и довольно наглядно иллюстрируется рисунками. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ говорится о болѣзняхъ кожи и лѣченіе ихъ. Нѣкоторыя главы въ этомъ отдѣлѣ совершенно лишнія, а о терапевтическомъ лѣченіи и совѣтамъ

бы не слѣдовало упоминать (46 и сл.). Сюда авторъ вводитъ главу о воспаленіяхъ подкожныхъ слизистыхъ сумокъ, сухожилій, объ опухоляхъ (77) и нервныхъ боляхъ (80). Въ заключеніе дѣлается общій обзоръ наружныхъ болѣзней, главными признаками которыхъ авторъ считаетъ: боль, припухлости, красноту и зудъ. Что касается ухода за большимъ наружными болѣзнями, то здѣсь отводится главное мѣсто строгому обеззараживанію (чистотѣ) и покою. Авторъ вполне правъ, когда говоритъ, что при сказанныхъ наружныхъ болѣзняхъ нужно не дѣкарство, а чистота и уходъ (87), и этотъ принципъ необходимо было провести самому автору.

За исключеніемъ вышеуказанныхъ недостатковъ, книжка имѣетъ много и достоинствъ—написана понятнымъ языкомъ (хотя безъ ущерба въ некоторыхъ мѣста можно было бы сократить) съ знаніемъ той среды, для которой назначена, безъ поддѣлки подъ народную рѣчь: брошюры могутъ воспользоваться не одни только интеллигентныя лица, но и болѣе или менѣе грамотныя, тѣмъ болѣе, что рекомендуемые совѣты болѣею частью легко выполнимы. Поэтому книжка можетъ быть рекомендована для народныхъ библиотекъ и читаленъ. Изданіе хорошее и по цѣнѣ доступное.

Ц. Никольскій.

II. **Вл. Засодимскій.** Дѣдушкины рассказы и сказки. Библиотека «Дѣтскаго чтенія» М. 1898 г.

Нельзя не признать приятнымъ «знаменіемъ времени», что въ послѣднее время все чаще авторами произведеній «для дѣтей» являются тѣ-же знакомые взрослой публикѣ беллетристы и литераторы. Видимо, отмираютъ взгляды, по которымъ для творчества въ «дѣтской» словесности словно требовалось *поменьше* и таланта, и всякой интеллигентности, и даже смысла, кажется. А между тѣмъ, ясное дѣло, какъ на взрослыхъ, такъ и на дѣтей сильнѣе долженъ дѣйствовать писатель, у котораго отсутствіе крупнаго дарованія выкупается, въ той или другой степени, умомъ, стройностью міросозерцанія, терпимостью и искренностью темперамента, выработанностью языка. Беллетристъ-народникъ съ отгѣнкомъ не экономическаго, а политическаго характера, идейный бытописатель — г. Засодимскій разумѣется, не первостепенная художественная величина. Но цѣльность его убѣжденій, гуманность направленія, литературная опытность и просвѣщенность и особенно правдивость и горячность общаго тона рассказовъ—ставятъ его и какъ «дѣтскаго» писателя—несравненно выше иныхъ патентованныхъ ремесленниковъ-беллетристовъ, у которыхъ арче всего выражена какъ будто только одна бездарность, соединенная съ полной безпринципностью. Въ выше названномъ изящномъ томикѣ семь очерковъ. Въ повѣсти «Милочка» изображена 10-лѣтняя дѣвочка — весьма настоящивая, даже упрямая, вмѣстѣ съ тѣмъ и очень ласковая, умная и честная. Ей удастся чуть не перевоспитать на свой ладъ старую бабушку помѣщицу. Очевидно, малоправдоподобная тема, но передана она какъ-то задушевно—не безъ граціи и юмору. Въ рассказѣ «Въ майскій день» дружба дѣтей примиряетъ рассорившихся-было отцовъ, едва не разыгравшихъ Гоголевскую исторію Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. «Ужасное происшествіе» («Изъ воспоминаній рабочаго муравья») — Это,

пожалуй, наиболее слабый рассказ из всего сборника. Надо думать, что популяризация природовѣдѣнія не ампула г. Засодимскаго. „Безпріютный» (Изъ сказокъ жизни)—лишний разъ взываетъ къ уничтоженію нетерпимости и человѣко-ненавистничества. «Бепо (изъ старинныхъ преданій): Мы согласны съ тѣмъ, что и для дѣтей ненужна чрезмѣрно-розовая и радужная окраска жизни. Но маленькій мальчикъ, томящійся «мировою скорбью»—это немножко черезъ чуръ, что называется. Въ сказкѣ «Ринальдово счастье» герой ея убѣждается, что «человѣкъ можетъ быть счастливъ лишь тогда, когда всѣ счастливы вокругъ него, но человѣкъ одинъ не можетъ быть счастливъ никогда». О чемъ повѣствуется въ рассказѣ: «Въ подвалѣ», догадаться нетрудно. И въ мрачныхъ и свѣтлыхъ картинахъ автора выручаетъ, повторяемъ, выдержанность и одушевленность настроенія.

А. Налимовъ.

Библиотека нашихъ дѣтей. Волшебныя сказки *Перро* (Красная шапочка.—Волшебница.—Синяя борода. Спящая красавица. Котъ въ сапогахъ. Золушка. Рикэ-хохоловъ. Мальчикъ съ пальчикомъ) съ 23 иллюстр., перев. съ франц. Е. В. Лавровой ц. 60 коп.—Приключеніе маленькаго Вигга въ ночь подъ Рождество. *В. Рюдберга*, съ 6 рис. пер. со шведскаго Е. В. Лавровой ц. 15 к.—Пушокъ и пушinka или самъ себя выручай *Ж. Масона*, вольный перев. съ франц. Е. Лавровой, съ 5 рис. ц. 10 к.—Козочка господина Сегена. *А. Додэ* съ портр. и рис. пер. Е. Лавровой съ 5 рис. ц. 5 коп.—Изданія Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 1898 г.

Всѣ названныя нами книжки составляютъ начало серіи, издаваемой съ недавняго времени подъ общимъ названіемъ «Библиотека нашихъ дѣтей» новой фирмой Е. В. Лаврова и Н. А. Поповой. Первое впечатлѣніе, производимое этими книжками, весьма благоприятное: отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, съ весьма отчетливыми въ большинствѣ случаевъ рисунками, въ изящной обложкѣ, отпечатанной двумя красками, при доступной цѣнѣ, онѣ сразу располагаютъ къ себѣ и заставляютъ думать, что наши дѣти приобретаютъ въ новыхъ издателяхъ людей ихъ любящихъ и желающихъ своимъ трудомъ и знаніемъ содѣйствовать воспитанію ихъ ума и сердца.

Обратимся къ содержанію книжекъ, составившихъ начало выпущенной серіи. Начнемъ съ сказокъ *Перро*, онѣ пользуются большою извѣстностью и не разъ, правда не всегда удачно, переводились на русскій языкъ. Поэтому понятно стремленіе новыхъ издателей дать хорошій переводъ извѣстныхъ сказокъ въ изящномъ и дешевомъ изданіи. И дѣйствительно, всѣмъ этимъ качествамъ вполне отвѣчаютъ разбираемыя книжки; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній, прежде всего принципиальнаго свойства. У насъ издавна сказка считается специально дѣтскимъ чтеніемъ, онѣ пользуются большою любовью дѣтей, и родители и воспитатели придаютъ имъ серьезное значеніе. Какъ извѣстно, всегда на первый планъ выдвигается значеніе сказокъ для развитія дѣтскаго воображенія и фантазіи. Конечно, эта способность человѣческаго ума имѣетъ немаловажную цѣнность. Умѣніе представить себѣ чужое горе и

радость, стать на мѣсто другого, понять его несчастье, почувствовать къ нему состраданіе и желаніе помочь—имѣютъ громадное нравственное значеніе, и развитію этихъ чувствъ, дѣйствительно, могутъ содѣйствовать хорошія нравственныя сказки. Но бѣда въ томъ, что очень мало сказокъ, дѣйствительно хорошихъ, дѣйствительно полезныхъ для дѣтей.

Большинство дѣтскихъ сказокъ грѣшитъ двумя недостатками: во первыхъ, чрезвычайнымъ морализированіемъ и во вторыхъ, изображеніемъ торжества человѣческихъ пороковъ. Чтобы моральный элементъ сказки возымѣлъ свое дѣйствіе, необходимо предоставить ребенку самому сдѣлать заключеніе о томъ, что хорошо и дурно, чтобы выводъ не былъ ему навязанъ, а являлся бы вытекающимъ изъ *всей* сказки. И для цѣлей воздѣйствія на ребенка часто одна фраза можетъ быть цѣннѣе длинныхъ разглагольствованій. Въ сказкахъ часто изображаются дурные люди и описываются ихъ дурные поступки, весьма нерѣдко приводящіе тѣмъ не менѣе къ благополучію. Хитрость и обманъ—это обычные приемы дѣйствій героевъ сказокъ. Злость; зависть, кровожадность и т. п. встрѣчающіеся въ сказкахъ людскія свойства едва ли могутъ воздѣйствовать нравственно на дѣтей. Какую мораль можетъ вынести ребенокъ изъ чтенія напр. сказки «Мальчикъ съ пальчикъ». Главныя дѣйствующія лица: родители мальчика—рѣшающіеся на гибель своихъ дѣтей, безсердечные люди, которыхъ авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 110) называетъ тѣмъ не менѣе «добрыя люди», и мальчикъ съ пальчикъ, который путемъ подслушванія, хитрости и обмана спасаетъ себя и своихъ братьевъ отъ смерти. Къ чему говорить дѣтямъ о совершенно неестественныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, какая польза можетъ быть отъ разсказа о томъ, какъ мальчикъ съ пальчикъ обманнымъ образомъ овладѣваетъ богатствами людѣда, укравъ ихъ у его жены, которая, незадолго передъ тѣмъ пріютивъ мальчика съ пальчика и его братьевъ, спасла ихъ отъ смерти. Какой моральный выводъ могутъ сдѣлать маленькіе читатели такой сказки, въ которой находимъ слѣдующую фразу: «Мальчикъ съ пальчикъ, нагруженный всѣми богатствами людѣда, вернулся въ отцовскій домъ, гдѣ его приняли съ большой радостью». Точно также весьма сомнительно нравственное вліяніе сказки «Синяя борода» о страшномъ и некрасивомъ человѣкѣ, убивавшемъ своихъ женъ. Къ числу отрицательныхъ сторонъ этой сказки, не говоря уже о самомъ сюжетѣ, нельзя не отнести и того, что младшей сестрѣ, подъ вліяніемъ богатства въ домѣ «Синей бороды» и удовольствій, доставляемыхъ имъ для ея увеселенія, «борода хозяина начала казаться не такой уже синей, а онъ самъ очень любезнымъ господиномъ» (стр. 19), и она вышла за него замужъ. Это подчеркиваніе вліянія на людей богатства, повторяющееся снова на стр. 30, («оказалось, что у синей бороды не было наслѣдниковъ, тгѣ что жена его стала владѣтельницей всѣхъ его богатствъ») не желательно. Къ чему звачкомить дѣтей съ тѣми человѣческими пороками, которые находятса въ сферѣ ихъ дѣтскихъ наблюденій? Вотъ почему мы исключили бы изъ разбираемаго сборника двѣ сказки: «Синяя борода» и «Мальчикъ съ пальчикъ».

Въ заключеніе укажемъ еще на нѣкоторыя мелкія погрѣшности: въ сказкахъ попадаются фразы, которыя дѣтямъ могутъ быть совсѣмъ не понятны или въ дѣтской внижѣ неумѣстны. Напр.: «ихъ (родителей) огорчало еще и то, что самый младшій былъ очень слабенькій и не

говорил ни слова, они глупостью считали то, что было признакомъ большого ума». Конецъ не вполне соответствуетъ началу. (Мальчикъ съ пальчикъ стр. 102), или на стр. 110: «онъ (отецъ) былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ женъ, говорящихъ всегда правду, но находятъ несносными тѣхъ, которые считаютъ себя всегда правыми».—«Принцесса проснулась и, посмотрѣвъ на принца болѣе нѣжно, чѣмъ это слѣдовало для перваго знакомства, сказала ему (Спящая красавица, стр. 46). Въ другомъ мѣстѣ: «хотя красота большое преимущество для молодой особы.» (Ризъ-хоолокъ, 90)—«Красота, продолжалъ Ризъ-хоолокъ,—такое большое преимущество, что оно можетъ замѣнить собой все остальное, и я не понимаю, какъ можетъ грустить тотъ, кто ею обладаетъ» (стр. 92). Намъ думается, что такія фразы въ дѣтской книгѣ совершенно нежелательны.

Сказки: «Пушокъ и пушinka» и «Козочка господинна Сегена» должны быть признаны весьма удачными, онѣ вполне пригодны для дѣтей младшаго возраста, притомъ переведены и изданы прекрасно. Что же касается до сказки Рюдберга о маленькомъ Виггѣ и приключеніяхъ его во свѣ, то и ее можно было бы сопроводить такой же характеристикой, если-бы не одинъ недостатокъ, портящій эту въ общемъ хорошую сказку. Авторъ ея иногда забываетъ, что онъ предназначаетъ свою сказку для дѣтей и свой рассказъ пересыпаетъ намеками и иносказательными замѣчаніями, которыя опять таки или совершенно будутъ непонятны дѣтямъ или, что хуже, совершенно неумѣстны въ дѣтской сказкѣ. Приведемъ примѣры: Виггъ въ одномъ мѣстѣ среди рождественскихъ украшеній, увидалъ фальшивые локоны и фальшивыя косы, и имъ онъ удивился больше всего.—«Это что такое?—спросилъ онъ.—Это для рыбной ловли,—сказалъ дѣдъ и подмигнулъ (!) однимъ глазомъ.—Этимъ снарядомъ *барышни ловятъ рыбу*» (?) (стр. 19). Затѣмъ въ рассказѣ имѣются еще нѣкоторые сатирическіе намеки, которые для дѣтей совершенно пропадутъ (см. стр. 20, 21 и 22). Укажемъ еще на отдѣльныя неудачныя выраженія (стр. 5): «Виггъ подошелъ къ камину, гдѣ еще лежало въ золѣ немного потухающаго жару», «она радовалась на его веселый характеръ» (стр. 29).—Но, повторяемъ, за этими малыми изъявленіями, содержаніе, переводъ, рисунки и внѣшній видъ книжекъ гг. Лавровой и Попова весьма привлекательны и заслуживаютъ рекомендаціи.

Въ слѣдующій разъ мы познакоимъ читателей съ остальными вышедшими книжками симпатичной «Библиотеки нашихъ дѣтей».

А. Острогорскій.

Книги, поступившія въ редакцію.

П. Житецкій. Очерки изъ исторіи поэзіи (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). Кіевъ 1898 г. Ц. 1 р.

Его же. Теорія поэзіи. Кіевъ 1898 г. Ц. 1 р.

М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII вв.). Изд. Археологической комиссіи. Спб. 1898.

Списокъ книгъ, разрѣшенныхъ къ употребл. въ низшихъ училищахъ Ученымъ Комит. М. Н. Пр. Январь 91 г.—Августъ 95 г. (Изданіе неофициальн.) Тверь 1895 г. Ц. 15.

П. И. Кедровъ. Современная постановка, вопросовъ по постройкѣ дешевыхъ жилищъ въ Зап. Европѣ, Америкѣ и Россіи. 1898 г. Москва.

Его же. Вліяніе жилищъ на заботѣваемость, продолжит. жизни и нравственность рабочаго населенія. Москва Ц. 40 к.

Александръ Смѣловъ. Аскетъ и др. рассказы. Ц. 60 к. Спб.

Отчетъ о воскресныхъ и вечернихъ классахъ, устр. при училищахъ М. Н. П. Аккерманскаго уѣзда. Бесар. губ. за 1897—8 уч. г. Аккерманъ 1898 г.

В. Ярмонкинъ. Письма идеалиста. Письмо 1.

М. Павловичъ. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1899.

Вересаевъ. Очерки и рассказы. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Собр. сочиненій **Марко Вовчка** 1—5 том. Саратовъ. Изд. книжн. магаз. Саратовск. Дневн.

Р. Ределинъ. Руководство къ развед. шампиньоновъ, сост. по нов. научн. и практ. даннымъ съ 25 рис. въ текстѣ. Ц. 50 коп., съ пер. 60 к. Спб. Изд. А. Ф. Маркса.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ химіи и астрономіи сост. кружкомъ преподавателей. Вып. III. (Съ 7 портретами и 57 черт.). М. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.

Е. Швидченко. (Б. Быстровъ). Рождественская елка. Ея происхожденіе, смыслъ, значеніе и программа. (Съ нотнымъ приложеніемъ) Спб. 1898. Ц. 25 к.

Отчетъ Совѣта Общества попеченія о нач. образованіи въ г. Красноярскѣ за 1896—7 годъ. Красноярскъ. 1898 г.

П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ. Біогр. очеркъ. Изд. ж. «Жизнь». Спб. 1898.

25-ти лѣтіе Зарайскаго реальнаго училища (1873—1898) Историч. записка сост. П. Никульцевъ, директ. означ. училища. Зарайскъ. 1898.

Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Сост. Комиссіей при учебн. отдѣлѣ Моск. Музея прикл. знаній подъ ред. А. Гартвига. Ц. 25. М. 1898.

Соч. К. К. Случевского, въ 6 т. in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполн. гелиографурой. Спб. Изд. А. Ф. Маркса 1898.

П. А. Гасселькусъ. Очерки промысловъ Россіи. Спб. 1899.

Адамъ Мицкевичъ и его соврем. обличители. Спб. 1897.

Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Ц. Польскомъ. Очерки Людовика Страшевича. (Перев. съ польскаго) Спб. 1897.

А. Е. Алекторовъ. Уроки русской грамматики. Синтаксисъ. Пособіе для родителей и препода. элементарныхъ школъ. 3 изд. Оренбургъ. 1898

Его же. Киргизская хрестоматія. Оренбургъ 1098 г. часть I Ц. 25 к.

П. К. Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX-го вѣка. М. 1898 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

«Библіотека Дѣтскаго Чтенія». Два таланта. Повѣсть И. Н. Потапенко. Съ рисунками В. М. Андреева и Ф. Ф. Бондаренко. М. 1898. Пумъ. Изъ исторіи маленьк. мальчика, Поля Виктора Маргеритъ. Переск. съ фр. Е. Н. Тихомировой. Ц. 35 к.—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Г. Дюкурэ. т. I. Перев. съ фр. А. А. Позенъ подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Со многими рисунками въ текстѣ М. 1898 г. Ц. 1 р.—Подъ открытымъ небомъ. Стих. Ив. А. Бунина. М. 1898.—Золотые дни, рассказы и сказки К. С. Баранцевича Ц. 75 к.

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ нов. времени. Ч. II. Культурное состояніе общества въ концѣ среднихъ вѣковъ. Вып. II. Изд. 2 Спб. 1898.

Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго), съ портр. факсимиле и біографич. очеркомъ. Рассказы А. А. Попова. Изд. К. Солдатенкова. 2 т. Ц. 3 р. М. 1898

Л. Конъ д-ръ. Произвольное вліяніе на полъ потомства пер. съ нѣм. Одесса. Ц. 25 к. 1899.

В. Б. Сборникъ образцовъ диктанта, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей. Ц. 80 коп. Рига 1898.

Д. Тиндаль. Устройство Вселенной, пер. съ англ. П. А. Федорова Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

А. Ваккаро. Эволюція любви, пер. съ итальянск. Н. Федоровой Спб. 1898. Ц. 25 к.

Жорво. Женское образованіе въ Америкѣ пер. съ франц. Ц. 20 к. Спб. 1898.

І. Шерръ. Переселеніе народовъ, пер. съ нѣмецк. М. А—вой. Спб. 1898. Ц. 20 к.

А. Д. Коровкинъ. Описаніе Череповецкаго уѣзда Новгородъ 1898. Ц. 20 к.

— Отчетъ общества взаимнаго, вспомошествованія учителямъ и учителяницамъ Нижегородской губ. съ 1 Мая 1896 г. по 1 Января 1898 г.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губерніи за 1897—8 годъ. Вып. II. Изд. Самарской губернской Земской Управы. 1898. Самара.

Журнальное обозрѣніе.

(Разсказы Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви»).

Чеховъ не принадлежитъ къ числу писателей, выдумывающихъ хитросплетенныя фабулы и обращающихся съ своими дѣйствующими лицами, какъ шахматисты съ своими фигурами при составленіи сложныхъ шахматныхъ задачъ, онъ не принадлежитъ также къ числу писателей, рисующихъ людей, какъ добавленіе къ той или другой обстановкѣ, будь то берегъ неаполитанскаго залива или отдѣльный кабинетъ ресторана, къ числу писателей, напоминающихъ «художниковъ» модныхъ журналовъ, которые сперва рисуютъ скюртку или кофту, а затѣмъ уже приставляютъ къ нимъ мужскую или женскую голову. Чеховъ относится къ числу писателей *вдумчивыхъ*, писателей, углубляющихся въ обыкновенныя явленія жизни. Взоръ Чехова проникаетъ въ глубь явленія, въ глубь души каждаго самаго обыкновеннаго человѣка. Чеховъ улавливаетъ внутреннюю связь явленій, ускользающую отъ обычнаго поверхностнаго взгляда; онъ постигаетъ самый страшный трагизмъ, трагизмъ обыденной жизни; Чеховъ, однимъ словомъ, принадлежитъ къ той школѣ писателей, родоначальникомъ которой въ Россіи является великій Гоголь.

Сродство съ Гоголемъ замѣтно и въ трехъ послѣднихъ, какъ всегда маленькихъ, разсказахъ Чехова, помѣщенныхъ въ июльской и августовской книжкахъ журнала *Русская Мысль*.

«Человѣкъ въ футлярѣ» прямо напрашивается на сопоставленіе съ гоголевской «Шинелью». Акакій Акакіевичъ не менѣе, чѣмъ чеховскій Бѣликовъ можетъ быть названъ «человѣкомъ въ футлярѣ». У обоихъ душа закутана въ оболочку, почти непроницаемую для вліяній окружающей дѣйствительности, у обоихъ нѣтъ въ сущности почти никакой внутренней жизни, немыслимой безъ внѣшнихъ раздраженій. Оба живутъ до тѣхъ поръ, пока отъ какого-нибудь неожиданнаго потрясенія не прорвется ихъ футляры, и на ихъ заморенныя души не пахнетъ тепломъ или холодомъ окружающей дѣйствительности. Слабый огонекъ жизни гаснетъ, и «человѣки въ футлярахъ» умираютъ.

Принадлежа къ одному и тому же виду, Акакій Акакіевичъ и Бѣликовъ въ предѣлахъ его являются однако двумя наиболѣе другъ отъ друга отдаленными разновидностями. Разновидность Акакіевъ Акакіевичей сравнительно безобидна, разновидность Бѣликовыхъ чрезвычайно злоредна. Акакіи Акакіевичи до того безжизненны, до того автоматичны, что въ нихъ отсутствуетъ даже чувство самосохраненія, они не могутъ вредить обществу активно, они, конечно, все же вредны, но вредны лишь какъ ненужныя привѣски, затрудняющіе общественное движеніе впередъ. У Бѣликовыхъ же мертво все, кромѣ чувства самосохраненія, проявляющагося въ уродливомъ, въ бессмысленномъ видѣ. Акакіи Акакіевичи наводятъ на живыхъ людей уныніе, Бѣликовы кромѣ

того гнетутъ ихъ и даже какъ бы властвуютъ надъ ними, принуждая наиболѣе слабыхъ запасаться футлярами. «Человѣки въ футлярахъ» чаще всего встрѣчаются среди чиновниковъ, для чиновничьей среды они болѣе всего типичны. Акакій Акакіевичъ и Бѣликовъ оба—чиновники, первый чиновникъ совсѣмъ безобидный, чиновникъ департаментскій, всю жизнь скрипящій перомъ надъ ненужными бумагами, второй — чиновникъ вредный, чиновникъ-учитель, превращающій живое дѣло обученія въ сухой, мертвящій душу формализмъ.

Бѣликовы умерщвляютъ юныя души учениковъ не только непосредственно, но и черезъ другихъ учителей, обладающихъ, повидимому, живою душой. Бѣликовыхъ слушаютъ, Бѣликовыхъ боятся...

«Мы учителя боялись его», говоритъ про Бѣликова его сотоварищъ Буркинъ. «И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію пѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бѣднымъ, учить грамотѣ»...

Откуда же этотъ страхъ передъ подобными полу-мертвецами, полу-автоматами? Неужто въ нихъ скрыта какая-нибудь особенная сила? Конечно, нѣтъ. Дѣло не въ силѣ Бѣликовыхъ, а въ условіяхъ жизни, въ условіяхъ, къ которымъ легче всѣхъ остальныхъ приспособляются мертвецы и автоматы, дѣло въ томъ общемъ футлярѣ, куда запрятана жизнь всей той среды, въ которой вращаются Бѣликовы и Акакій Акакіевичъ.

«А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ?» говоритъ ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ. «А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ и глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?»

Этотъ общественный футляръ поддерживается не одними только Бѣликовыми и Акакіями Акакіевичами, человѣками, хотя и мелко, но все же въ концѣ концовъ несчастными, онъ еще болѣе поддерживается людьми мелко довольными и счастливыми, вроде героя «Крыжовника»: Николая Ивановича Чимшы-Гималайскаго. Николай Ивановичъ — сынъ офицера, выслужившагося изъ кантонистовъ. Дѣтство онъ провелъ въ имѣніи отца, проданномъ впоследствии за долги. Съ 19 лѣтъ онъ вынужденъ былъ служить въ казенной палатѣ. Переписывая ненужныя бумаги, онъ постоянно мечталъ о приобрѣтеніи имѣнія, о деревенской жизни со всѣми ея удобствами. Ему рисовались пруды съ уточками, чай съ густыми сливками и въ особенности кусты, покрытые спѣлымъ крыжовникомъ. Мечта засѣла ему въ голову крѣпко. Онъ сталъ вопить и ради сбереженія лишней копѣйки не добѣдалъ, не допивалъ, одѣвался, какъ нищій. Женился онъ на старой, некрасивой вдовѣ только потому, что у ней

былъ небольшой капиталецъ. Жену онъ держалъ впроголодь и сначала заморилъ, а потомъ и уморилъ. Явилась возможность осуществить давнишнюю мечту. Имѣніе, наконецъ, куплено, желанный кружовникъ посаженъ. Помѣщичья жизнь не обманула ожиданій Николая Ивановича. Она пришла къ нему вполне по вкусу. Изъ «робкаго бѣдняка-чиновника» онъ превращается въ настоящаго «добраго барина». Много кушаетъ, моется въ банѣ и «благодѣтельствуетъ» окружающимъ мужикамъ. Потравъ онъ имъ, разумѣется, не прощаетъ, но за то лѣчитъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, а въ день своихъ именинъ послѣ благодарственнаго молебна выставляетъ имъ полведра водки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приобретаетъ собственные взгляды, взгляды добраго барина: «образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнимы». Благополучію Николая Ивановича не мало способствуетъ и умѣнье вѣрно оцѣнить свою связь съ народомъ.

«Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться»—говоритъ онъ съ сознаниемъ своего достоинства.—«Меня народъ любитъ. Стоитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу».

Кульминаціоннымъ пунктомъ помѣщичьяго благополучія Николая Ивановича былъ торжественный моментъ, когда ему принесли тарелку его собственнаго кружовника, собраннаго впервые послѣ посадки кустовъ.

«Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на кружовникъ, молча, со слезами,—онъ не могъ говорить отъ волненія, потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который, наконецъ, получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

— Какъ вкусно!

И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, тѣмъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Видъ этого довольнаго человека вызываетъ брата его Ивана Ивановича на размышленія, замѣчательныя по своей простотѣ и глубинѣ.

...«Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то вередъ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо,

чтобы за дверью каждого довольнаго счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно нажималъ бы стучкомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, страстется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину—и все обстоитъ благополучно».

Такихъ смѣло можно сказать проникновенныхъ строкъ немного не только въ произведеніяхъ Чехова, но и вообще въ русской литературѣ.

Вообще всѣ три послѣдніе разсказа Чехова вылились у него, видимо, въ хорошую минуту нравственнаго вдохновенія. Оно чувствуется и въ наименѣ интересномъ изъ нихъ, въ разсказѣ «О любви», оно чувствуется въ тѣхъ нѣсколькихъ словахъ, которыми авторъ отъ лица своего героя-разсказчика резюмируетъ свой взглядъ на любовь.

«Я понялъ, что, когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Эти слова въ сущности также высоко нравственны, какъ и основное положеніе Нитцше: «Дѣлай все, что желаешь, но *сперва научись желать!*»

Мерзость обыденной жизни происходитъ не отъ того, что люди предоставляютъ свободу своимъ чувствамъ и желаніямъ, а оттого, что эти чувства и желанія ничтожны и дряблы. Безнравственны не тѣ, которые явно и сильно желаютъ, чувствуютъ и любятъ, а тѣ, которые живутъ въ футлярахъ или довольствуются удобствами помѣщичьей жизни.

В. Поссе.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра постановлено:

— Книги: 1) «Учебникъ латинской этимологіи съ хрестоматіей, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ II класса гимназіи. Составилъ, сообразно съ программой 1890 года, М. Быстровъ, преподаватель Вологодской гимназіи. С.-Пб. 1897. VIII+258+131. 1 р. 10 коп. — 2) Учебникъ латинской этимологіи. Приложенія (хрестоматія и вокабулярій для третьяго класса гимназій и указатель мѣстъ, заимствованныхъ въ хрестоматіи изъ клас-

сическихъ авторовъ). Составилъ, сообразно съ программю 1890 года, М. Быстровъ. С.-Пб. 1897. 78+32. 35 коп.» — одобрить первую какъ учебное руководство для мужскихъ гимназій и прогимназій, а вторую какъ учебное пособие для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Пособія къ чтенію греческихъ и латинскихъ авторовъ, издаваемые по Крафту и Ранке, подъ редакцію Г. Данненберга и В. Срътенскаго. Выпускъ 2-й. С. Iulii Caesaris de bello Gallico liber III. Обработалъ В. Феттерлейнъ, преподаватель Рижской городской гимназіи. Рига. Изданіе Н. Киммеля. 1898. 48. 30 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книжку: «Треворъ Бетт. Во льдахъ и снѣгахъ. (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Переводъ съ англійскаго А. Филиппова. (Съ 13 рисунками и картою), С.-Пб. 1897. (Полезная бібліотека. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Природа и люди». Книга 10-я, за августъ 1897 г.). Стр. 212. Цѣна не обозначена»,—одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также для городскихъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Книгу: «Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ по новой программѣ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ А. Мялицынъ. Преподаватель С.-Пб. учительскаго института, реальнаго училища Я. Г. Гуревича и женской гимназіи Э. П. Шаффе. Съ 180 рисунками. С.-Пб. 1898. 7+208. 90 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ руководства въ реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова: 1) А. Д. Кантемиръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ Р. И. Сементовскаго. Съ портретомъ Кантемира, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1893. 96. 25 коп.—2) П. А. Оедотовъ. Его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Л. К. Дитерихса. Съ портретомъ Оедотова и 15-ю снимками съ его произведеній. С.-Пб. 1893. 78. 25 коп.»—допустить первую въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, а вторую—въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Периодическое изданіе: «Русская школа, Общепедагогическій журналъ для школы и семьи, издаваемый ежемѣсячно подъ редакціей Я. Г. Гуревича. С.-Пб. 7-й годъ изданія, 1896. Январь по декабрь. (№№ 1—12, въ десяти книжкахъ). 8-й годъ изданія. 1897. Январь по декабрь. (№№ 1—12, въ девяти книжкахъ),—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ, а равно и для учительскихъ бібліотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: «С. Е. Медринъ. Русскій воинъ. М. 1898. Стр. VIII нумерованныхъ+336. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки, младшаго и средняго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній, а также городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: «Мои воспоминанія. Академика Ф. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Боода. М. 1897, VIII+387. 1 руб. 50 к.»—
№ 10. Отд. II.

рекомендовать для фундаментальных и ученических, старшего возраста библиотек средних учебных заведений, для библиотек учительских институтов и семинарий, а также и для бесплатных народных читален и библиотек.

— Издание: «Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ царствующаго Романовыхъ въ связи между собою и съ показаніемъ княжескихъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ Рюрика. Г. Мещериновъ. Казань. 1898. Цѣна 40 коп.» — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книжку: Д. Мартыновъ. Русскій грамотѣй. I. Азбука-скороучка, вмѣстѣ съ методикою обученія грамотѣ. Изданіе 5-е, тщательно исправленное. М. 1896. 41. 10 коп.—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжку: «П. Ершовъ. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изданіе 17-е, перепечатанное безъ перемѣнъ съ такового же 15-го изданія, одобреннаго особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1898. 128. 20 коп.—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку. «Подпасокъ. Разсказъ. И. Д. Смирнова. Изданіе 3-е, М. Ключкина. М. 1897. 31. 40 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)»—допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: «Н. М. Ерошенко. Уроки класснаго и хороваго пѣнія. Учебникъ и музыкальная хрестоматія. Курсъ элементарной теоріи пѣнія по общедоступному способу обученія. Изданіе 3-е, Распопова въ Одессѣ. Одесса. Стр. 39. 35 коп.»—допустить къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію.

— Брошюры, изданныя М. Ключиннымъ: 1) «И. Смирновъ. Деревенская школа. Разсказъ съ рисунками. М. 1898. 70. 20 коп. («Добрыя души». Чтеніе для дѣтей и для народа).—2) «М. Васильевъ. I. На шалыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. Два разсказа съ 6-ю рисунками. № 9. М. 1898. 30. 5 коп. («Добрыя души». Чтеніе для дѣтей и для народа)»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «На память дѣтвамъ. Разсказы и стихотворенія Н. И. Познякова, съ 80-ю рисунками Т. И. Никитина и др. (2-е изданіе книги «Дѣтскій праздникъ», значительно измѣненное и дополненное). С.-Пб. 1894. Изданіе М. Ледерле. IV + 220. 2 р. (въ переплетѣ и съ золотымъ обрѣ-

зомъ)»—одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ.

— Брошюру: «Къ рабочему человѣку. I. Бесѣда о трудѣ. Ивана Л. Москва. 1898. 68 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни;

— Брошюру: Маленькимъ друзьямъ. Сборникъ мелкихъ разсказовъ для начинающихъ читать. Составилъ Б. Н. Тицъ. Книжка 1-я. С.-Пб. 1898. 32. 10 коп.—допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: «В. Колокольниковъ. Церковно-славянскій словарь для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часослова. М. 897. 57. 10 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Журналъ: Дѣятель. 897. №№ 88—92, январь по декабрь. Казань. Подписная цѣна за годъ 2 р.»—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюры, изданныя Харьковскимъ издательскимъ комитетомъ при обществѣ грамотности: 1) № 45. Отецъ Нарциссъ, разсказъ Биеласа и Дядя Иванъ. Харьковъ. 1897. 32, 5 коп.— 2) № 10. О шкѣльцѣ. —3, № 13. Народный дворецъ, передѣлано Ю. С. изъ романа: Тайна богатой наслѣдницы». Харьковъ. 1897. 94».—4) № 46. О томъ, какія сельскія повѣрья и обычаи въ особенности вредны. Профессора Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1897. 30. 1½ к.».—5) № 41. Страшная смерть невиннаго человѣка. Быль. В. Вересаева. Харьковъ. 1896. 76. 4 коп.».—6) «№ 44. Маленькіе странствующие итальянцы въ Англии. Переводъ съ англійскаго. Харьковъ. 1896. 48».—7) № 24. Желѣзныя дороги ½.—8) № 34. Сестра Катерина ¼.—9) № 20 Прекрасная Нивернеза».—10) № 37. Друзья.—11) № 38. Дѣвчонка на скалѣ.—12) № 16. Очерки изъ американской жизни. Э. К. Харьковъ. 1893—32—13) № 21. Добрые люди стараго времени на Руси. Историческій очеркъ. С. Р. Харьковъ. 1894. 28».—14) № 35. Карлъ Великій. (Посвящается Г. А. Р.). С. Р. Харьковъ. 1895.» 45—первую и вторую одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, народныхъ библиотекъ и читальнъ и для народныхъ чтеній; третью и четвертую допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, въ народныя библиотеки и читальни и для народныхъ чтеній; пятую—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ народныя библиотеки и читальни; шестую, седьмую и восьмую допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ въ народныя библиотеки и читальни и для народныхъ чтеній; девятую, десятую и одиннадцатую допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя библиотеки и читальни; двѣнадцатую, тринадцатую и четырнадцатую въ тѣ же библиотеки, а равно и для народныхъ чтеній.

— Книгу: «А. Преображенскій. Букварь для обученія письму и чтенію Книга для чтенія. Церковно-славянская азбука. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное (иллюстрировано). М. 1898. 95. 20 к.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: Методика русской грамоты и начальныхъ упражненій въ

русскомъ языкѣ Н. Страхова. Харьковъ. 1893. 176. 1 руб.—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства, для употребленія въ дополнительныхъ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій, для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ школъ.

— Книгу: «Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ Кавказскихъ былей. Вас. Ив. Немировича-Данченко. Съ 27 рис. художника Б. Чичагова. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1898. 267 75 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюру: «Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изданіе редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. 64. Цѣна не обозначена.»—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: «Времена года. Географическія картинки Д. А. Королчевскаго. Съ 20 рис. (Библиотека «Дѣтскаго чтенія»). М. 1898. 136. 45 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Ө. В. Виноградовъ. Историческая записка о Курмышскомъ городскомъ училищѣ. Симбирскъ. 1897. 182. 1 руб.»—допустить въ учительскія библиотеки городскихъ училищъ Казанскаго учебнаго округа.

— Сочиненія А. Александрова, изданныя А. Я. Панафидинымъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Гдѣ на Руси каковой народъ живетъ и чѣмъ занимается?»—1) «Жители лѣсной полосы. Чтеніе для народа, избрано коммиссіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произнесенныхъ въ Солянскомъ городкѣ. Изданіе 4-е. М. 1896. 31.»—2) «Благодатный край (Малороссія). М. 1898. 32. 10 к.»—3) «Крымъ (Таврической полуостровъ). М. 1898. 48. 10 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненія Клавдіи Лукашевичъ: 1) «Ясное солнышко и другіе повѣсти и рассказы для дѣтей средняго возраста. М. 1898. 263. 1 р. 25 коп.»—2) «Дядюшка-флейтистъ. Повѣсть. М. 1898. 63. 50 к.»—3) «Аксютка-нянька. рассказ. С.-Пб. 1897. 55. 50 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (первое и второе для средняго, а третье—для младшаго возраста), въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книжку: «Реа Гайелодимъ, то-есть, Другъ дѣтей. Сочиненіе учителя Израила Левнера. Изданіе 3-е, исправленное. Екатеринбургъ. 1895. 74. Цѣна не обозначена.»—допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ (4-мъ) ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: «Н. К. Кабардинъ. Пчеловодная азбука. Съ рисунками. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. IV+106. 20 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книги: «Собраніе сочиненій Генрика Сенкевича. Полный переводъ Ф. В. Домбровскаго. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Иогансона. Томъ I. Безъ догмата. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1897. Стр.

428.—Томы II и III. Повѣсти и рассказы. Кіевъ. 1894. Стр. 417+358.—Томъ IX. Семья Поланецкихъ. Романъ. Кіевъ. 1895. Стр. 628.—Томъ X. Письма изъ путешествій. Кіевъ. 1894. Стр. 440.—допустить къ обращенію въ городскихъ бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.

— Брошюры: «П. Мамаевъ. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомяковъ, ласка, ежъ и кротъ. Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова М. 1897. 31. 7 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры, составленныя Н. Н. Шелонскимъ и изданныя А. Я. Панафидинымъ: 1) «Русское царство. Привольныя мѣста русской земли, великая рѣка Амуръ и Амурскій край. М. 1897. 29. 10 коп.»—2) «Золотая Сибирь. Что такое золото, гдѣ и какъ его добываютъ. М. 1898. 31, 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненіе: «Сквозь мракъ къ свѣту, или на разсвѣтѣ христіанства. (Повѣсть изъ временъ Нероновскаго гоненія на христіанъ). Ф. В. Фаррара, въ изложеніи, съ англійскаго подлинника, Ф. Волгина. С.-Пб. 1897. Часть I, стр. 120; часть II, стр. 106. («Книжки иллюстрированнаго журнала «Русскій Паломникъ» на 1897 годъ, VI и VII») — допустить въ ученическія старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Иллюстрированный выпускъ: «Въ память франко-русскаго союза. Стр. 20. (Приложеніе къ журналу «Русскій Паломникъ» 1897 года. Книжка X-я). Цѣна 1 р.»—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры и книжки, изданныя редакціею журнала «Досугъ и Дѣло». 1) «Подвиги Кавказской арміи. С.-Пб. 1897. Стр. 35.»—2) «Жизнь за царя Историческій рассказъ. С.-Пб. 1898. Стр. 33.»—3) «Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. С.-Пб. 1895. Стр. 16.»—4) «Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. С.-Пб. 1882. Стр. 50.»—5) «На Балканахъ. Военный эпизодъ. (А. Катенматъ). Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 35.»—6) «Насѣкомыя-Бабочки или чешуекрылыя. Съ рисунками. С.-Пб. 1897. Стр. 72»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книги, составленныя С. И. Шохоръ-Троцинымъ: 1) «Методика арметики. Часть I, для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изданіе 5-е, вновь переработанное и существенно дополненное. С.-Пб. 1898: VII+243. 80 коп.»—2) «Ариметическій задачникъ для учениковъ. Вып. I (для одноклассныхъ начальныхъ школъ). Изданіе 5-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1898. II+113. 20 коп.»—3) «Ариметическій задачникъ для учителей начальныхъ школъ. Вып. I (для одноклассныхъ школъ). Изданіе 3-е, печатанное [безъ измѣненій со 2-го исправленнаго и дополненнаго. С.-Пб. 1898. XVIII+164. 40 коп.—первую одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ; вторую одобрить, въ каче-

ствѣ учебнаго пособія, для употребленія въ начальныхъ училищахъ, и третью допустить въ учительскія библіотеки тѣхъ же училищъ.

— Брошюрку: «О заразныхъ болѣзняхъ. Общепонятное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. Составилъ врачъ Ф. Лавровъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. 49. 6 коп.»—одобрить для библіотекъ сельскихъ шкoль, для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: «Зимнія сумерки. Разказы, свазки и стихотворенія А. А. Федорова-Давыдова. Съ рисунками художниковъ Аванасьева. Литвиненко. Румянцева, Рамазановой и Николаева. М. 1898. (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»). 89. 35 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрку: «О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. Чтеніе для народа. составленное С. Г. Лапченко. Изданіе 2-е. С.-Пб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1889. 34. 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: «А. В. Кругловъ. Разныя разказы для дѣтей школьнаго возраста. (2-е изданіе книги «Подарокъ на елку»). Съ рисунками. Москва. Изданіе М. В. Ключкина. 143. 1 р.»—одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжку: «Крицій, подполе. Полная справочная книжка для молодыхъ людей при отбываніи ими воинской повинности по жеребью и на правахъ вольноопредѣляющихся, а также для отбывшихъ уже воинскую повинность и желающихъ поступить на службу охотниками»—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Новый Свѣтъ (Америка) Е. Радаковой. Харьковъ. 1897. Изданіе Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 43. 128. 5 коп.»—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрку: «Святочные разказы Н. И. Познякова. X. На волоскѣ. С.-Пб. 1898. 16. 5 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «В. Колокольникова. Кавказъ. Изданіе А. Я. Панафидина М. 1898. 80. 15 к.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

DEC 13 '90

AUTO. DISC.

DEC 12 1990

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C031971521

